

Королук В.Д. Западные славяне и Киевская Русь в X-XI вв. (М., 1964г.)

Раннефеодальный период — бурная эпоха в истории Европы, начавшаяся общим кризисом рабовладельческой системы, падением могущественной Римской империи и великим переселением народов. В рамках этой эпохи происходило становление феодального строя и образование на развалинах и пепелищах античного мира феодальных европейских государств, олицетворявших собой в то время прогрессивную тенденцию исторического развития.

Территориальные границы феодальной формации в Европе оказались, однако, значительно более широкими, чем границы погибшей рабовладельческой цивилизации. Феодальные государства стали образовываться и на обширных территориях Центральной, Восточной и Северной Европы, не знавших рабовладельческого способа производства.

В этом широком и многоплановом процессе, главным стержнем которого была смена рабовладельческой формации формацией феодальной во всеевропейском масштабе, весьма активную, наравне с германскими, решающую роль сыграли славянские народы. При этом следует говорить не только о значении активных выступлений против очагов рабовладения в Европе южных и восточных славян, чему посвящено много работ в советской исторической литературе¹, но и о важной роли

¹ См., например, работы: А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи. ВДИ, 1939, № 1; Б. Д. Греков. Киевская Русь. Избр. тр., т. I. М., 1959; он же. Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л., 1945; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953; Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. Византийский сборник. М.—Л., 1945; он же. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма. ВВ, т. I. М., 1947; он же. Очерки истории византийского общества и культуры (VIII — первая половина IX в.). М.—Л., 1961; он же. Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии. ВДИ, 1956, № 4; М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1941; Н. В. Пигулевская. Проблема кризиса рабовладельческого строя и генезиса феодализма. ВИ, 1956, № 9; он же. Сирийские источники по исто-

западнославянских передвижений в обширных районах Центральной и Восточной Европы. Западные славяне не просто занимали земли, освободившиеся после отхода на запад германцев, но и в известной мере ускорили этот отход, потеснив с востока германские племена и приняв, таким образом, косвенно участие в ликвидации очага рабовладельческого строя в Западной Европе².

В задачи настоящей работы не входит, разумеется, сколько-нибудь детальное рассмотрение вопросов, связанных со славянскими передвижениями конца античности и начала средневековья. Для этих вступительных замечаний достаточно подчеркнуть тот факт, что, определяющую роль в становлении феодальной Европы сыграли именно славянские, наряду с германскими, перемещения племен во II—VII вв. н. э. Роль, на первый взгляд, довольно значительная, если не решающая, таких кочевых народов, как сарматы, языги, гунны, болгары или авары, принимавших участие в общеварварском штурме Римской империи, была в действительности не более чем второстепенной, вспомогательной. Охватывая взглядом события эпохи переселения народов в широкой исторической перспективе, можно сказать только,

рии народов СССР. М.—Л., 1941; Ю. М. Б р а й ч е в с к и й . Об “антах” Псевдомаврикия. СЭ, 1953, № 2; А. П. К а ж д а н . Деревня и город в Византии IX—X вв. (далее: Деревня и город в Византии...). М., 1960; А. П. К а ж д а н , Г. Г. Л и т а в р и н . Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958.

Сопоставление советской и дореволюционной русской литературы вопроса дается в статьях: В. И. П и ч е т а . Славяно-византийские отношения VI—VII вв. в освещении советских историков (1917—1947). ВДИ, 1947, № 3 и В. Т. С и р о т е н к о . Освещение славяновизантийских отношений VI—VII вв. в советской исторической науке. Уч. зап. Пермск. гос. ун-та им. А. М. Горького, т. 12, вып. 4, 1959.

Критику буржуазных концепций происхождения феодализма и исторической роли славянских передвижений на Балканы см. А. П. К а ж д а н . Современная буржуазная историография о славянских переселениях в Византию. КСИС, 1953, № 11 и А. П. К а ж д а н , Г. Г. Л и т а в р и н , З. В. У д а л ь ц о в а . Византия и Запад в современной буржуазной историографии. Сб. “Против фальсификации истории”. М., 1959.

К сожалению, вопрос этот до сих пор еще очень слабо разработан в литературе. См. замечания в работах: А. Д. У д а л ь ц о в . Проблемы происхождения славян в свете современной археологии. ВИ, 1949, № 2, стр. 46—47; J. P o u i i k . Staroslovanska Morava. Praha, 1948, стр. 107; В. Д. К о р о л ю к . Древнепольское государство. М., 1957, стр. 65; G. L a b i d a . Z badan nad osadnictwem i us-trojem slowian polabskich. SO, t. 22. Poznan, 1962, стр. 315.

что натиск кочевых народов в довольно серьезной мере облегчил ход вековой борьбы европейского варварского мира с могущественной средиземноморской империей³. Как только опустошительный, но еще более очистительный смерч великого переселения народов перестанет метаться над Европой и лишь на Востоке будут еще сверкать зарницы и слышаться глухие раскаты успокаивающейся бури, перед взором исследователя возникнет романо-германо-славянская Европа, уверенно двинувшаяся по пути феодального развития, Европа, в которой славянские народы выступят в качестве равноправного и равноценного строителя нового строя. И это не было случайностью, ибо в Европе творцами новой, феодальной эпохи были, да и могли быть, только народы-земледельцы, какими с древнейших времен являлись славянские племена⁴. Поэтому так нелепо звучат голоса тех буржуазных историков, которые пытаются изобразить славян

³ Это обстоятельство автору уже приходилось отмечать: см. В. Д. К о р о л ю к. Выступление на совещании советских и польских историков 3—4 октября 1950 г. КСИС, 1951, № 4—5. М., стр. 73; ср. также П. Н. Т р е т ь я к о в. Восточнославянские племена, стр. 19.

⁴ Вопросам исконности земледелия у славянских народов посвящена колоссальная литература. Здесь можно ограничиться ссылкой лишь на некоторые синтетические исследования, где читатель найдет исчерпывающую библиографию: К. Б е с т у ж е в - Р ю м и н. Русская история, т. I, ч. 2. СПб., 1872; Б. Д. Г р е к о в. Киевская Русь; он же. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., кн. I. М., 1952; История культуры древней Руси. Домонгольский период, т. I. М.—Л., 1948; Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958; Нариси стародавньої історії Украшсько! РСР. Київ, 1957; а также см. В. И. Р а в д о н и к а с. Старая Ладога. СА, 1950, т. XII; В. И. Д о в ж е н о к. К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси. МИЗС, 1952, т. I. М.; он же. Об уровне развития земледелия в Киевской Руси. ИС, 1960, № 5; L. N i e d e r l e. Slovanske starozitnosti, d. III, sv. I. Praha, 1921; J. F i l i p. Praveke Ceskoslovensko. Praha, 1948; J. P o u - l i k. Jizni Morava — zeme davnych Slovanu (далее: Jizni Morava...). Vmo, 1950; Fr. B u j a k. Studia nad osadnictwem Malopolski. RAN, 1905, t. 47; K. T y m i e n i e s k i. Ziemie polskie w starozytnosci. Poznan, 1951; J. K o s t r z e w s k i. Kultura prapolska. Poznan, 1947; он же. Pradzieje Polski. Poznan, 1949; H. L o w m i a n s k i. Podstawy gospodarze formowania sie panstw slowianskich (далее: Podstawy gospodarze...). Warszawa, 1953; он же. Poczatki Polski. Z. dziejow slowian w I tysiuleciu n. e. Warszawa, 1963; W. H e n s e l. Slowianska-zyzna wczesnosredniowieczna. Zarys kultury materialnej, wyd. 2 Warszawa, 1956; J. W i e l o w i e j s k i. Zagadnienie przelomu w technice uprawy roli w pierwszym tysiecleciu n. e. na ziemiach polskich КНKM, 1954, № 3.

некоей пассивной массой, неспособной к самостоятельной политической активности и постоянно нуждающейся в иноземных вождах-организаторах. По мнению этих историков, не только германцы, но и даже азиатские кочевники с их примитивным бытом и строем выступали в то время как сила, подчинившая себе славян, которые якобы заимствовали у этих кочевников многие черты своей хозяйственной культуры и государственной организации⁵. Столь же откровенно враждебными славянству являются взгляды и тех буржуазных ученых, которые, вопреки всем данным языка, материальной культуры и даже письменных источников⁶, пытаются доказать пастушеско-охотничий, неземледельческий характер славянской культуры I тысячелетия н. э.⁷

Искони земледельческий характер славянской культуры подчеркивали в свое время и некоторые объективные представители германской исторической науки, признававшие даже, что славяне в области развития земледелия первоначально значительно опережали своих германских соседей⁸. Сейчас настолько много собрано археологических научных данных, что земледельческий характер древней славянской культуры вынуждены сегодня признавать и некоторые явно не склонные как-либо преувеличивать способности славян к самостоятельному

⁵ J. P e i s k e r. The expansion of the Slavs. CMH, 1913, v. II; E. K l e b e l. Siedlungsgeschichte des deutschen Sudostens. Munchen, 1940; M. H e l l m a n n. Grundfragen slavischer Verfassungsgeschichte des fruhen Mittelalters. JGO, Bd. II, H. 4. Mflnchen и др.

⁶ Не говоря о таком показательном памятнике, как "Русская Правда" ("Правда Русская", т. I. М.—Л., 1940; т. II. М.—Л., 1947; т. III. М., 1963), сошлемся здесь на красноречивые показания византийских авторов, см. А. В. М и ш у л и н. Материалы к истории древних славян. ВДИ, 1941, № 1, а также на свидетельства восточных источников: А. Я. Г а р к а в и. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870; Zrodla arabskie do dziejow Slo-wianszczyzny (далее: Zrodla arabskie...), t. I. Wyd. i. oprac. T. Lewicki. Wroclaw — Krakow. 1956; Relacja Ibrahima ibn Jakuba z podrozy do krajow Slowianskich w przekazie Al-Bekriego. MPHNS, t. I. Krakow, 1946.

⁷ A. M e i t z e n. Siedlung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Romer, Finnen und Slawen, t. II. Berlin, 1895; J. L i p p e r t. Sozial-Geschichte Bohmens, t. I. Prag, 1896; F. D v o r n i k. Les Slaves, Byzance et Rome au IX siecle. Paris, 1926; G. W e l t e r. Histoire de Russie depuis les origines jusqu'a 1945. Paris,

⁸ См., например, W. B a r t h o l d. Geschichte von Rugen und Pom-mern, Bd. I. Hamburg, 1839.

развитию зарубежные, в том числе и буржуазные немецкие, историки⁹.

Полностью оказались несостоятельными ранее бытовавшие даже в русской и польской буржуазной историографии представления о примитивности древнего быта славян, о бродячем охотничье-промысловом или пастушеском характере их жизни в X—XII вв.¹⁰ Известно, что распространение подобного рода точек зрения создавало питательную среду для всякого рода теорий завоевания, в частности норманнской теории, принижающих или даже полностью отрицающих какие-либо способности славянских народов к самостоятельному социальному и государственному развитию, к общественному прогрессу. Славяне, бывшие важнейшим субъектом европейской истории, превращались таким образом в инертную массу, требующую для своего движения вперед внешнего толчка.

Таковы в самых общих чертах те причины, которые обуславливали в прошлом и обуславливают сегодня научную актуальность разработки сложных проблем переломного в истории Европы периода великого переселения народов и перехода их на путь феодального развития. ,

Переходный от античности к средневековью период великого переселения народов и становления феодальных отношений был вместе с тем временем формирования новой, коренным образом отличной от античной, этнической и политической карты Европы. Само собой разумеется, что это был длительный и сложный процесс.

⁹ См. например: V. G i t e r m a n. Geschichte Russlands, Bd. I. Zurich, 1944. В 1949 г. появилось второе издание этой книги. Подробнее о взглядах В. Гитермана см.: В. П. Ш у ш а р и н. Современные буржуазные историки о характере Древнерусского государства. Сб. "Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма". М., 1962, стр. 146—147.

¹⁰ Для русской буржуазной историографии в этом отношении особенно показательна позиция В. О. Ключевского и Н. А. Рожкова. См. В. О. К л ю ч е в с к и й. Сочинения, т. I. Курс русской истории, т. I, лекция VIII. М., 1956; Н. А. Р о ж к о в. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. I. М.—Л., 1930, стр. 81—82 и др.; из работ польских буржуазных исследователей следует назвать в первую голову: A. S z e l a g o w s k i. Chfopi dziedzice we wsiach na prawie polskim do konca \v. XIII. Lwow, 1913; St. Z a k - r z e w s k i. Ze studiow nad bulla z roku 1136. РАН, 1902, т. 43.

Главным его содержанием, начиная от заключительного этапа великого переселения народов, была консолидация более или менее мелких государственных образований — так называемых племенных княжеств — в крупные политические организмы. Происходило формирование относительно единых раннефеодальных государств, политический аппарат которых был в состоянии обеспечить торжество новых феодальных отношений. Границы таких единых раннефеодальных государств, естественно, определялись прежде всего рамками расселения родственных племен — “народцев”¹¹, связанных между собой единством происхождения.

Эпоха формирования классового общества, как известно, является временем складывания народностей. Между процессами феодализации общества, образованием относительно единого раннефеодального государства и интеграцией племен — “народцев” в средневековые народности существовала вполне определенная связь, довольно четко прослеживаемая на примере исторического развития славянских народов в эпоху раннего средневековья¹². Именно эту связь имел в виду Б. Д. Греков, когда писал об основной исторической задаче, стоявшей перед раннефеодальными государствами. Задача эта заключалась в том, что они, “сплачивая доселе разрозненные племена, устанавливая свои политические границы и организуя силы для их защиты, дают возможность для дальнейшего роста производительным силам страны, способствуют расширению и усилению крупного землевладения за счет крестьянских общин, увеличению числа крупных землевладельцев, распространению их власти над целыми общинами и отдельными их членами, создавая, таким образом, условия и предпосылки для развития крепостнического строя”¹³.

¹¹ Такой термин для обозначения древнерусских племен как этнической единицы (следует отличать такие племена от возникающих на их месте и нарушающих их границы племенных княжеств) употребляет П. Н. Третьяков, см. П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 228.

¹² В. Д. Корлюк. Некоторые спорные и нерешенные вопросы истории славянских народов в раннефеодальный период (VII—XI вв.), далее: Некоторые спорные и нерешенные вопросы... КСИС, 1961, № 33—34; он же. Некоторые общие закономерности раннефеодальной истории восточных и западных славян КСИС, 1963, Л^о 39. Б. Д. Греков. Волжские болгары в IX—X вв. ИЗ, 1945, № 14, стр. 35.

Внешняя опасность — угроза иноземного порабощения, — являясь сама по себе фактором второстепенным, играла в этом длительном процессе политической и этнической консолидации роль своеобразного катализатора процесса, как правило, ускоряя его¹⁴ или даже вызывая к жизни эфемерные, недолговечные и пестрые политические объединения, не связанные ни этнической, ни экономической, ни культурной общностью.

Охарактеризованный таким образом процесс политической и этнической консолидации, образования относительно единой раннефеодальной государственности и в связи с этим формирования средневековых народностей особенно четко прослеживается в историческом развитии стран Восточной и Центральной Европы. Говоря о Западной и значительной части Юго-Восточной Европы, где формирование нового феодального строя происходило на базе социально-экономического синтеза распадающегося первобытнообщинного строя и отмирающего античного способа производства¹⁵, а образование народностей сопровождалось этническим синтезом местного и пришлого населения, где сохранялись в идеологии господствующих классов унаследованные от античности идеи универсальной монархии, следует, разумеется, считать с более сложным ходом развития, не укладывающимся в рамки данной выше схемы. Зато эта схема вполне применима для характеристики исторического процесса всех трех стран — Киевской Руси, Древнечешского и Древнепольского государств, — развитие отношений между которыми является предметом настоящего исследования. В целом в эту схему вполне

¹⁴ Подробнее об этом см. В. Д. К о р о л ю к. Некоторые спорные и нерешенные вопросы..., стр. 111 —112; пример полабо-прибалтийско-го славянства свидетельствует, однако, что гипертрофия этого внешнего фактора могла иметь своим следствием замедление темпов политической консолидации (там же).

¹⁵ К сожалению, не только для Юго-Восточной Европы, особенно для славянских стран на Балканах, но и для Западной Европы проблема социально-экономического синтеза все еще явно не достаточно изучена. См., например, А. И. Н е у с ы х и н. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956, стр. 23—25; А. Р. К о р с у н с к и й. О развитии феодальных отношений в готской Испании V—VII вв. СВ, 1957, т. X. М., стр. 48; о н ж е. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963; А. П. К а ж д а н. Деревня и город в Византии в IX—X вв., стр. 22; В. Д. К о р о л ю к. Некоторые спорные и нерешенные вопросы.

удовлетворительно укладываются основные процессы, происходившие в рамках раннефеодального общества у полабо-прибалтийских славян¹⁶, где складывание единой раннефеодальной государственности тоже, по-видимому, сопровождалось образованием на базе племенной интеграции средневековых народностей, о чем свидетельствует факт постоянного употребления для их наименования в средневековых источниках со времен Карла Великого¹⁷ одних и тех же собирательных названий: лютичи, сербы, бодричи¹⁸.

В определенной мере, как показывают это последние исследования немецких историков-марксистов¹⁹, близкий к рассматриваемому ход развития был характерен и для раннефеодальной Германии X в., политический центр которой переместился в Саксонию, хотя было бы, без сомнения, неправильным отрывать немецкий исторический процесс X в. от предшествовавшего периода времени— эпохи Империи Карла Великого, особенно от времени существования Восточнофранкской империи, имевшей в своем развитии много элементов, показательных для западноевропейского исторического процесса. В данной связи нет оснований касаться спорного вопроса о том, каким временем следует датировать начало раннефеодального периода в истории восточных и западных славян, следует ли его относить уже к VII в. или отодвигать к VIII или IX вв.²⁰, хотя некоторые общие соображения делают весьма правдоподобной имен-

¹⁶ V. P r o c h a z k a. Organisaace kultu a kmenove zfiizeni po-labsko-poballskych Slovanu. VPS, 1958, d. II. Praha; он же. Politicke zriizeni polabsko-pobaltskych Slovanu v zaverecnem udobi rodove spo-lecnosti. SO, t. 22; L. H r a b o v a. K otazce vzniku a vyvoje statu u Polabskych Slovanu (далее: K otazce...). CCHist, 1955, N 4; H. B u-1 i n. Pocatky statu obodrickeho. PNS, 1958, d. IV. Praha; он же. K otazce periodisace dejin Zapadnich Slovanu v nejstarsim obdodi fen-dalizmu. VPS, 1956, d. I. Praha; H. L o w m i a n s k i. Podstawy gos-podarcze..., стр. 138—178; В. Д. К о р о л ю к. Государство бодричей в правление князя Готшалка (далее: Государство бодричей...). SO, t. 22; он же. К вопросу о раннефеодальной государственности у полабо-прибалтийских славян. Славяно-германские отношения. М., 1964.

¹⁷ E i n h a r d. Vita Caroli Magni. MQHSS, t. II, стр. 450—451.

¹⁸ L. H r a b o v a. K otazce..., стр. 666—667; В. Д. К о р о л ю к. Государство бодричей..., стр. 177.

¹⁹ E. M u l l e r - M e r t e n s. Das Zeitalter der Ottonen. Berlin, 1955; H. J. B a r t m u s s. Ursachen und Triebkrafte in Entstehungspro-zess des "frflhfeudalen deutschen Staats". ZfG, 1962, N 7.

²⁰ Обоснование более поздней даты для начала раннефеодального периода см. в работах: J. B a r d a c h. Historia panstwa i prawa

но первую дату²¹. Учитывая замедленность всех основных социально-экономических процессов в рассматриваемую эпоху, следует предполагать, что и процесс формирования раннефеодального государства у славян был очень длительным и вряд ли ограничивался сравнительно коротким периодом в одно-два столетия. Общеизвестно, что оформлению Древнечешского государства предшествовала бурная эпоха существования Велико-моравской державы, распространявшей свою власть и на чешские земли, а еще ранее так называемой державы Само. Материальная и духовная культура Древней Руси своими корнями уходит в культуру восточнославянских племен заключительной стадии великого переселения народов. "...Культура, созданная в VI столетии анТскими племенами,— пишет Б. А. Рыбаков,— послужила основой для Киевского государства, для богатой и яркой культуры Киевской Руси..."²². А образованию Древнерусского государства предшествовало существование более мелких государственных объединений, среди которых важную роль сыграли, по-видимому, росы в Поднепровье²³. Об этом, в частности, свидетельствует установленное уже в советской исторической науке южное происхождение термина "рос", связанного с древней этнической жизнью Северного Причерноморья и Поднепровья²⁴, а также тот факт, что ски do potowy XV wieku (далее: Historia państwa i prawa Polski...). Warszawa, 1957, стр. 25; Fr. G r a u s. Pocatky ceskeho statu a vyvoj "Statni" ideologic. SO, t. 22; Б. А. Рыбаков. Спорные вопросы образования Киевской Руси. ВД, 1960, № 9; З. М. Черниловский. Возникновение раннефеодального государства у прибалтийских славян. М., 1959; см. также Историю государства и права, т. I. М., 1949, стр. 410—415 и др.

²¹ В. Королук и И. Миллер. О периодизации истории Польши. ВД, 1951, № 11; В. Д. Королук. Некоторые спорные и нерешенные вопросы...; он же. Некоторые общие закономерности раннефеодальной истории..., ср. Historia Polski, t. I, cz. I pod red. H. Lowmianskiego PWN, стр. 118—120.

²² Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1, стр. 337.

²³ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 353 и ел.; Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, 1953, т. XVII; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 209—217.

²⁴ М. Н. Тихомиров. Происхождение названий "Русь" и "Русская земля". СЭ, 1947, т. VI—VII; ср. А. П. Дьяконов. Известия псевдо-Захария о древних славянах. ВДИ, 1939, № 4; Н. В. Пи-гулевская. Имя "рус" в сирийском источнике VI в. н. э. Сб. "Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия". М., 1952.

первоначально под Русью понималась прежде всего Киевская, Переяславская и Черниговская земли²⁵.

Можно говорить и о более длительной, чем позволяют судить письменные источники, метрике Древнепольского государства. Консолидация племенных княжений и здесь началась задолго до X в. К середине IX в. явно обозначился уже процесс образования крупного политического организма во главе с племенным княжеством вислян. Воспоминания о государстве вислян сохранились и в польской средневековой исторической традиции²⁶. Великоморавское завоевание, правда, временно прервало этот процесс, определив вместе с тем переход центра политической жизни в Великую Польшу, к племени лелян²⁷. Однако по сравнению с Киевской Русью, уже в IX в. пытавшейся штурмовать границы Византии, ведшей широкую политику на Востоке и Юго-Востоке, по сравнению с Древнечешским государством, в определенной мере выступившим наследником Великой Моравии, Польша явно отставала в своем социально-экономическом и политическом развитии не только в VII—VIII, но даже и в IX в. Это отставание неизбежно бросается в глаза и при сопоставлении польского исторического процесса с развитием государственности у лобано-прибалтийских славян, для которых соседство с Империей Карла Великого, а затем Восточнофранкской империей, а также наличие постоянной угрозы иноземной агрессии являлись первоначально факторами, безусловно, способствовавшими политической и даже этнической консолидации²⁸. Замедленность темпов польско-

²⁵ А. Н. Насонов. "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 28—46 (далее: Русская земля...).

²⁶ W. N e p s e l. O niektórych najdawniejszych organizacjach państwowych na ziemiach Polski. Spr. Wydz. I. PAN, 1958, N 1, стр. 139—143, он же. The beginnings of the Polisz state. W., 1960, стр. 33—47; ср. В. Д. Королук. Тысячелетие польского государства. ВД, 1959, № 7, стр. 111; Magistri Vincenti episcopi Cracoviensis chronica Polonorum, ed. A. Przewdziecki. Cracoviae, 1862, стр. 12—13.

²⁷ K. P o t k a n s k i. Krakow przed Piastami. RAN, 1898, t. 35, стр. 160—164; J. W i d a j e w i c z. Państwo wislan. Krakow, 1947, стр. 71—75; ср. В. Д. Королук. Древнепольское государство, стр. 117—120.

²⁸ В. Д. Королук. Государство бодричей, стр. 176—177. О внешнем факторе как тормозе для политической консолидации применительно к бодричам и лютичам можно говорить лишь приблизительно со второй половины IX в. В. Д. Королук. К вопросу о раннефеодальном государстве

го исторического процесса в период до X в. следует, по-видимому, связывать с тогдашним периферийным положением польских земель в Европе, отрезанных от передовых стран раннефеодального мира, крайней слабостью политических, экономических и культурных контактов со странами Средиземноморья и Причерноморья, где особенно интенсивно протекал в это время процесс феодализации²⁹. Здесь имеются в виду Византия, Италия, мусульманская Испания и Арабский Восток.

К X в. в общем положении польских земель наступили весьма существенные изменения. К этому времени они уже перестали быть далекой периферией феодальной Европы, чему в большой мере способствовало экономическое и политическое укрепление Древнерусского и Древнечешского государств, являвшихся соседями польских славян. Вместе с тем прогресс в области производительных сил и новых феодальных производственных отношений явился основой, на которой смогла возникнуть крупная, относительно единая раннефеодальная монархия Пястов, уже в течение X в. сумевшая объединить в своих рамках все этнографически польские земли. Ярким проявлением происходившего в это время выравнивания темпов социально-экономического развития Польши по сравнению с другими западнославянскими и восточнославянскими странами является отмечаемый археологами именно для X—XIII вв. факт относительного единства материальной культуры у всех славянских народов; такой близости в уровнях и формах ее развития нельзя проследить на всей обширной территории славянского мира ни в один из предшествовавших периодов истории³⁰.

И если города на Руси³¹ или в соседних с Польшей

²⁹ Подробнее об этом см. В. Д. К о р о л ю к. Древнепольское государство, стр. 84—89; о н ж е. Некоторые спорные и нерешенные вопросы..., стр. ПО.

³⁰ А. В. А р ц и х о в с к и и. Культурное единство славян в средние века. СЭ, 1946, № 1, стр. 84—90; П. Н. Т р е т ь я к о в. О происхождении славян. ВИ, 1953, № 11; И. И. Л я п у ш к и н. К вопросу о культурном единстве славян. Исследования по археологии СССР. Сб. статей в честь профессора М. И. Артамонова. Л., 1961; Ср. F. D v o r n i k. The Slavs: their early history and civilisation. Boston, 1956

³¹ М. Н. Т и х о м и р о в. Древнерусские города. М., 1956, стр. 3—64; Б. А. Р ы б а к о в. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 98—99;

западнотлавянских странах³² появились раньше, чем в Польше³³, то в X в. можно отметить появление городской жизни и в польских землях, где она возникала, как и всюду в других странах, в наиболее густонаселенных и развитых сельскохозяйственных районах, на пересечении удобных путей сообщения³⁴.

А историческое значение появления городов как центров ремесла и торговли достаточно хорошо известно. То обстоятельство, что возникновение городской жизни является важнейшим, переломным моментом в историческом развитии общества, было прекрасно показано еще Ф. Энгельсом, которому принадлежат замечательные слова: "Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации"³⁵.

Появление на исторической сцене городов означало торжество классового строя, в данном случае — строя феодального, интересам развития которого служили относительно единые раннефеодальные государства, в чьих рамках в свою очередь быстро развивался процесс интеграции племен и образования народностей³⁶.

Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 78—90; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 272.

³² W. Hensel. Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna, стр. 321—324; J. Poullk. Jizni Morava ..., стр. 102—104.

³³ Исключение, возможно, составляет Волин на Западном Поморье, зарождение которого как городского поселения некоторые польские археологи относят к IX в. См W. F i l l p o w i a k. Aus den Forschungen über Vineta-Wollin. Beiträge des Naturkundemuseums Stralsund, Bd. 1, 1962; К. С л а с с к и й. Экономические отношения западных славян со Скандинавией и другими Прибалтийскими землями. Скандинавский сборник. VI. Таллин, 1963.

³⁴ H. L o w m i a f s k i. Podstawy gospodarcze..., стр. 206—207; A. G i e y s z t o r. Geneza państwa polskiego w świetle nowszych badań. КН, 1954, N 1, стр. 127—129; W. H o l u b o w i c z. Opole w wiekach X—XII. Katowice, 1956, стр. 45—46, 72; T. L a l i k. Zagadnienie genezy miast w Polsce. РН, 1958, N 3; A. G i e y s z t o r. La ville slave du Haut Moyen Age centre de production artisanale de rayon-nement commercial; G. L a b u d a. Die Anfänge des polnischen Stadte-wesens im Hochmittelalter; К. Т у м и е н с к и. Remarques sur le commencement de la vie urbaine en Pologne (последние три работы являются докладами, представленными на международный коллоквиум по истории средневекового польского города, состоявшийся в сентябре 1959 г., опубликованы в сб. "L'artisanat et la vie urbaine en Pologne medievale". КНKM, 1962, № 1/2, дополнительный выпуск).

"К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. 21, стр. 161

Вопросы образования славянских народностей явились в последнее время предметом ряда монографических разработок. Укажем

Процесс выравнивания темпов социально-экономического и политического развития Руси, Чехии и Польши в X в., когда не только завершалось формирование Древнерусского и Древнечешского, но и происходило оформление Древнепольского раннефеодального относительно единого государства, когда Польша, наряду с Русью и Чехией, выступила активным и сильным участником международных отношений в Центральной и Восточной Европе, и определил X век как начальную грань настоящего исследования.

Такова общая посылка, исходя из которой была намечена начальная грань работы. Два конкретных соображения побудили еще более уточнить ее, избрав начальным этапом исследования 60-е годы X в. Очевидно, что за исключением тех случаев, когда историк является свидетелем грандиозных военных катастроф, связанных с гибелью больших ценностей материальной культуры, или крупных перемещений больших масс народонаселения, археологические памятники, взятые сами по себе, не могут претендовать на роль главного источника, характеризующего процессы внешнеполитического развития человеческих обществ. В этой области — в области изучения международных политических связей — первое слово всегда принадлежало и будет принадлежать источникам письменного происхождения³⁷.

Между тем, если за политическим развитием Руси и Чехии есть все же возможность следить по материалам письменных источников на протяжении почти всего X в., то применительно к Польше такая возможность появляется, только начиная с 60-х годов этого столетия. Первое письменное свидетельство о Древнепольском государстве, если не считать упоминания о Малопольском княжестве вислян в составленном на рубеже IX—X вв.

лишь на некоторые из них- В В М а в р о д и н Основные этапы этнического развития русского народа. ВИ, 1950, № 4; Л. В. Ч е-р е п н и н. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. Сб. "Вопросы формирования русской народности и нации". М., 1958; А. G i e y s z t o г. Uwagi o kształtowaniu się narodo-wości polskiej. Pochodzenie polskiego języka literackiego. Wrocław, 1956.

³⁷ В данной связи нет необходимости останавливаться на важности для изучения политической истории данных нумизматики, поскольку для значительной части X в. они отсутствуют.

житии Мефодия³⁸, относится к 60-м годам X в., т. е. ров
но на сто лет позже, чем соответствующее упоминание
о Руси³⁹. В 60-е годы X в. сведения о Древнепольском
государстве почти одновременно появляются в источни
ках как восточного⁴⁰, так и западного происхождения⁴¹,
что, несомненно, отражало собой явление резко возрос
шей международной активности этого раннефеодального
политического организма. С этого момента Древнеполь-
ское государство уже не исчезает со страниц письмен
ных источников. С 60-х годов появляется возможность
непрерывно следить за развитием польско-чешских от
ношений, а с 80-х годов за отношениями между Русью и
Польшей.

Вторым обстоятельством, повлиявшим на избра
ние 60-х годов в качестве начальной грани исследования,
явились важные события, происходившие в эти годы в
Германии. Дело в том, что и для Германии 60-е го
ды X в. были весьма важным переломным рубежом. Пе
ренос при Генрихе I Птицелове центра политической
жизни раннефеодальной Германии в Саксонию происхо
дил параллельно с ее военным и политическим усиле
нием, получившим свое оформление в акте провозгла
шения Германской империи при Оттоне I в 962 г. Сто
явшая во главе Империи Саксонская династия в своей
внешнеполитической программе совершенно определен
но пыталась использовать агрессивную имперскую уни
версалистскую идеологию, рассматривая себя при этом

³⁸ См. МРН, т. I, стр. 107; П. О. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 75.

³⁹ М. Н. Тихомиров. Начало Русской земли. ВИ, 1962, № 9.

⁴⁰ Имеется в виду показание арабского купца-путешественника еврея Ибрагима ибн Якуба из Испании, посетившего в 966 г. (см. J. Widajewicz. Studia nad relacją o Shnvanach Ibrahima ibn Jakuba (далее: Studia nad relacją.) Krakow, 1946) с торгово-дипломатическими целями двор германского императора Оттона I; последнее критическое издание его "Записки" осуществлено Т. Ковальским: См. Relacja Ibrahima ibn Jakuba z podrozw do krajow slo-wianskich w przekazie Al-Bekriego МРНNS т I Krakow 1946, стр. 50.

⁴¹ Речь идет о хронике сакса-монаха Корвенского монастыря иидукинда. См. Widukindi monachi Corbeiensis Rerum Gestarum Sa-xomcarum libri tres (далее: Widukind...). Ed. P. Hirsch. SRG us sch Hannoverae, 1935, L. III, cap. 66.

в качестве наследницы традиций Каролингской империи⁴².

Конечно, сам по себе акт провозглашения Германской империи не мог бы еще определить начальной грани исследования, посвященного польско-чешско-русским отношениям X—XI вв., однако в сочетании с нарастающим процессом политической консолидации Древне-польского государства, в связи с активным выступлением его на международной арене, акт этот хорошо подчеркивает объективно важный, переломный характер 60-х годов X в. для западнославянских стран вообще, не случайность, а закономерность первого упоминания о выступлении на исторической сцене Древнепольского государства именно в это время.

Германский феодальный натиск на востоке не только угрожал Польше и Чехии и неизбежно втягивал обе эти западнославянские страны в общеевропейскую политическую жизнь, самым существенным образом влиял на расстановку политических сил в Центральной и Восточной Европе, но и оказывал самое непосредственное воздействие на развитие польско-чешско-русских отношений, о чем не раз придется еще подробно говорить впоследствии.

Но если заключительный этап формирования относительно единых раннефеодальных государств на территории Руси, Польши и Чехии был избран в качестве начальной грани исследования, то вполне естественным представляется завершить его на периоде перехода к феодальной раздробленности, когда решающая роль в сфере политической жизни все более заметно перемещается из общегосударственного центра на периферию, начинает падать значение центральной княжеской власти, возникают новые политические центры, связанные с интересами удельных князей и местной знати и соперничающие между собой. По мере нарастания центро-бежных тенденций в рамках относительно единых раннефеодальных государств все более сложным становится проследить главное направление в их внешней поли-

⁴² W. Wegener *Böhmen-Mähren und das Reich im Hochmittelalter* (далее: *Bohmen-Mahren...*). Köln-Graz, 1959, стр 33—34.

тике, пока торжество тенденций феодальной раздробленности не приведет к тому, что вместо одной главной политической линии перед исследователем окажется некая сумма различных, часто взаимно друг друга исключающих, политических интересов и планов.

Постоянные споры и вооруженные конфликты между удельными князьями и поддерживавшими их группировками знати, в которые часто по желанию борющихся сторон вмешивались иноземные силы, весьма существенно изменяли весь облик политической жизни страны, придавали ему совершенно отличный от периода относительного политического единства характер. На сцену выступали новые политические факторы, политическую жизнь определяли новые интересы, внешнеполитические отношения и связи приобретали новое значение, поэтому и изучение русско-польско-чешских отношений периода феодальной раздробленности нуждается в самостоятельном тщательном исследовании⁴³.

В советской литературе уже давно и прочно утвердился взгляд на феодальную раздробленность как на закономерный и прогрессивный этап в истории феодального общества, обусловленный в первую голову дальнейшим ростом производительных сил и развитием феодальных отношений. Несмотря на тяжкие для народа последствия феодальной усобицы, несмотря на резкое ухудшение международных условий его существования, в период феодальной раздробленности продолжался прогресс как в области производства, так и в сфере производственных отношений, а сложившиеся еще в предшествовавшую эпоху народности свято сохраняли чувства единства земли, единства своего исторического прошлого и будущего. В период феодальной раздробленности быстро прогрессирующие в своем экономическом развитии города играли очень активную роль в политической жизни, наряду со знатью определяя своими выступлениями

⁴³ Такое исследование уже начато в советской и зарубежной послевоенной славянской историографии, см. В. Т. П а ш у т о. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси (далее: Очерки...). М., 1950; он же. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956; Б. Я. Р а м м. Папство и Русь в X—XV вв. (далее: Папство и Русь...). М.— Л., 1959; A. G i e y c z t o r. Poczetki misji ruskiej bis-kupstwa lubuskiego. Nasza Przeszlosc, t. IV, 1948; T. M a n t e u f f e l. Rola cystersow w Polsce wieku XII. PH, 1950, t. 51; J. P o s v a r. Ceska grosova reforma a Polsko. SDPC, 1960, t. I. Wroclaw.

формы новой политической государственной организации общества⁴⁴.

Сыграв свою историческую роль в становлении феодальных отношений, в политическом подавлении основного эксплуатируемого класса в феодальном обществе — крестьянства, раннефеодальная относительно единая государственность, как каждое государство бывшая прежде всего, как указывал В. И. Ленин, “аппаратом принуждения”⁴⁵, машиной классового угнетения, сходила с исторической арены, уступая свое место государственным формам организации общества, свойственным эпохе феодальной раздробленности.

Нужно сказать, что постепенно вызревавшие в рамках относительно единого раннефеодального государства тенденции феодальной раздробленности, которые стали проявляться чуть ли не с того момента, как завершилось его формирование, развивались с разной степенью интенсивности и в разное время восторжествовали на Руси, в Польше и Чехии. В середине XI в. стадии феодальной раздробленности достигли Чехия и Русь. В Чехии новый политический строй получил свое оформление в так называемом “Законе сеньората” Бржетислава I (1055г.)⁴⁶, на Руси порядки феодальной раздробленности возобладали после смерти Ярослава Мудрого в 1054 г.⁴⁷ Позже своих соседей вступила на путь феодальной раздробленности Польша, где переход к новому политическому порядку можно связывать с резким ослаблением центральной княжеской власти в начале 80-х годов XI в.,⁴⁸ а его окончательное оформление с “Завещанием” Болеслава Кривоустого (1138 г.)⁴⁹. Любопытно, что вызревание

⁴⁴ Очерки истории СССР Период феодализма. IX—XV вв., ч. I. М., 1953, стр. 166—174 и ел.; История Польши, т. I. М., 1956, стр. 58—60; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 214—217; он же. Крестьянские и городские восстания на РУСИ XI—XIII вв. М., 1955, гл. 7 и ел.

⁴⁵ В. И. Ленин. Поли, собр. соч., т. 39, стр. 72.

⁴⁶ История Чехословакии, т. I. М., 1956, стр. 82; P f e h l e d ceskoslovenskych dejin. d. I (Maketa). Praha, 1958, стр. 75.

⁴⁷ Очерки истории СССР. IX—XV вв., ч. I, стр. 178 и ел.

⁴⁸ История Польши, т. I, стр. 54—55; В. Д. Корлюк. Древне-польское государство, стр. 182—183; Historia Polski, t. I, cz. I. PWN, стр. 217—218.

⁴⁹ История Польши, т. I, стр. 67—71; Historia Polski, t. I, cz. I. PWN, стр. 304—306; J. B a r d a c h. Historia panstwa i prawa Polski. ., стр. 154—155.

системы феодальной раздробленности находит немедленное отражение в нумизматическом материале. Речь идет о процессе так называемой “территориализации” монеты. В Чехии процесс этот начинается в период около 1050г., в Польше —около 1070 г.⁵⁰ В Киевской Руси переход к феодальной раздробленности находит свое отражение в архитектуре: грандиозное строительство Ярослава Мудрого в Киеве сменяет более скромное строительство его преемников в других политических центрах страны. В их постройках появляются уже местные черты, накладывающие отпечаток своеобразия на исходные киевские образцы⁵¹.

Но если Чехия и Русь фактически одновременно вступили в период феодальной раздробленности, то сам характер политического членения государства получил в этих странах существенно отличный облик. Чехия никогда не знала такой степени политической раздробленности страны, как Русь⁵², разделившаяся в конце концов на множество больших и малых уделов, среди которых постепенно выделялись новые крупные политические центры, группировавшие вокруг себя более мелкие феодальные княжества. Гораздо ближе к русскому стоял польский исторический процесс, для которого также характерна крайняя пестрота и дробность феодального членения, с одной стороны, и выделение новых крупных центров, осуществлявших объединительную политику, с другой.

Здесь не ставится задача дать объяснение всем этим сложным явлениям феодальной раздробленности на Руси и у ее соседей. Для целей настоящей работы вполне достаточна констатация самого факта перехода Руси и Чехии к порядкам феодальной раздробленности уже в середине, а Польши — в 80-х годах XI в. Поскольку в задачи 'предпринимаемого исследования входит изучение

⁵⁰ G. Ska! sky. K dejinam mincovnictvi ceskeho a moravskeho do pocatku XIII stoleti. CMM, 1924; S. Tabaczynski. Z badan nad wczesnosredniowiecznymi skarbami srebrnymi Wielkopolski. Warszawa — Wroclaw, 1958; E. Nohejlova - Pratoва. Kilka uwag na temat najstarsz^h znalezisk denarow czeskich i wspolczes-nych znalezisk polskich (далее: Kilka uwag...). WN, 1962, N 3/4.

⁵¹ История русского искусства, т. I. М, 1953, стр. 122—140; Г. Л о г в и н . Украинское искусство X—XVIII вв М 1963 стр. 28—31.

⁵² История Чехословакии, т. I, стр. 82.

польско-русско-чешских отношений в период существования относительно единых раннефеодальных государств на территории Руси, Польши и Чехии, постольку середина XI в. представляется его естественной заключительной гранью.

В пользу избрания именно этой грани говорят два существенных обстоятельства. На 1054 г — год смерти великого Киевского князя Ярослава — падает такое крупное и важное по своим историческим последствиям событие, как окончательное разделение христианской церкви на католическую и православную. Учитывая хорошо известную для средневековья роль религиозной идеологии для развития общества, легко понять, какое важное значение должно было иметь это событие для политического общения Руси, ставшей православной страной, с оказавшимися в католическом лагере Польшей и Чехией. Религиозные противоречия являлись величайшим тормозом на пути развития нормальных культурных, экономических и политических отношений между народами, связанными между собой узами кровного родства и близкого соседства.

Другим обстоятельством, побудившим автора ограничить свое исследование серединой XI в., явилось сознание того факта, что вторая половина, точнее 70-е годы, XI в. принесла с собой новые и чрезвычайно важные явления в политической жизни Европы и прежде всего Германской империи, игравшей очень крупную роль во внешнеполитическом развитии Чехии и Польши. Развернувшаяся между императорской властью и папством борьба за инвеституру не только изменила расстановку политических сил в Центральной Европе. Вместе с разделением церкви она пробудила у папства особый интерес к восточноевропейским делам, способствовала усилению его происков на Руси и в Польше, где Рим искал союзников против германского императора. Поэтому нет ничего удивительного в том росте антиримских настроений на Руси, который легко отметить для второй половины XI в.⁵³ и который наложил и не мог не наложить особый отпечаток на развитие отношений

⁵³ Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, первая половина тома М., 1901, стр. 588 и сл. S. M. Kuski. Stosunki polsko-ruskie do schyłku wieku XII (далее Stosunki polsko-ruskie) SO, 1958, № 2, стр. 237—240.

между Русью и Польшей уже в 60—70-е годы⁵⁴. В главе Польского государства русские люди усматривали теперь не только союзника Рима, но и проводника его влияния на Востоке Короче говоря, в политических отношениях Руси и ее западославянских соседей выдвигались на первый план новые факторы, изучение которых должно явиться предметом особой работы

Переходя к характеристике задач настоящей работы, уместно сделать несколько замечаний относительно ее объема и метода исследования Совершенно очевидно, что изучение польско-русско-чешских отношений не может вестись изолированно, вне связи с теми сложными внутренними процессами, которые развивались на Руси, в Польше и Чехии При этом в поле зрения исследователя, само собой разумеется, должны постоянно находиться не только явления, погзательные для расстановки политических сил внутри господствующего класса феодалов, проявлявшие себя на разных этапах с разной степенью интенсивности тенденции к феодальной раздробленности, противоречия, возникавшие между отдельными представителями правивших династий, взаимоотношения между светскими и церковными феодалами, но прежде всего классовая борьба закрепощаемого крестьянства, политические выступления городского населения. Последнее особенно существенно потому, что важнейшей исторической задачей раннефеодального государства в качестве аппарата классового насилия, как уже указывалось, было именно политическое подавление классов непосредственных производителей материальных ценностей, без чего (невозможен был прогресс в развитии феодальных отношений. Вместе с тем XI век был временем общего экономического подъема городов, что, естественно, должно было сказаться на их роли как фактора политической жизни раннефеодального общества.

Рассматривая общий ход развития политических взаимоотношений Руси, Польши и Чехии, исследователь, разумеется, не может не считаться с тем фактом, что речь идет об общении трех родственных и сознававших это родство народов, причем их политические отношения и связи являлись лишь частью более широкого общения,

⁵⁴ См ПСРЛ, т I Л, 1926, стлб 173, 190,

охватывавшего сферу культурной и экономической жизни. О том, что сознание единства происхождения славянских народов было в ту эпоху важным элементом их национального, народного самосознания, лучше всего, пожалуй, свидетельствуют слова русского летописца Нестора, писавшего в начале XII в.: “По мнозех же временах сели суть Словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска, и от тех Словен разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте, яко пришедше седоша на реце имянем Морава и прозвашася Морава, а друзии Чеси нарекошася, а се ти же Словени Хровате Белии и Серебь и Хорутане. Волхом бо нашедшем на Словени на Дунайский и седшем в них и насилящем им. Словени же ови пришедше седоша на Висле и прозвашася Ляхове, а от тех Ляхов прозвашася Поляне. Ляхове друзии Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне. Такоже и ти Словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася Поляне, а друзии Древляне, зале седоша в лесех, а друзии седоша межю Припетью и Двиною и нарекошася Дреговичи. Инии седоша на Двине и нарекошася Полочане, речьки ради, яже втечеть в Двину, имянем Полота. От сея прозвашася Полочане. Словени же седоша около озера Илмеря, и прозвашася своим имянем и сделаша град и нарекоша и Новъгород. А друзии седоша по Десне и по Семи по Суле и нарекошася Север. И тако разидеся Словеньский язык, тем же и грамота прозвася Словеньская”⁵⁵.

В этих словах летописца поражает его необыкновенно хорошая осведомленность о западнославянских делах. Он не только помнит об общности происхождения славянских народов, сознавая вместе с тем, что речь идет не об одной, а о нескольких народностях, но и отмечает такие характерные для Польши и Чехии явления, как этническое своеобразие Моравии, Поморья или Мазовии, что было естественным следствием сложности и неравномерности процесса этнической консолидации западнославянских народностей⁵⁶. Особенно интересно, что в полном соответствии с современным языкознанием⁵⁷ лето-

⁵⁵ См. ПСРЛ, т. I Л., 1926, стлб. 5—6.

188. ⁵⁶ Ср. В. Д. К о р о л ю к. Древнепольское государство, стр. 187—

⁵⁷ Т. Л е р - С п л а в и н с к я и. Польский язык. М., 1954, стр. 55.

дисеа относит к лехитской ветви западного славянства, помимо поляков, и прибалтийских славян.

Чувства славянской взаимности нашли отражение и в первой польской хронике Галла Анонима. Галл отмечает, что “Польша является северной частью земли, населенной славянскими народами”, а “земля славянская... тянется от сарматов, которые называются и гета-ми, до Дании и Саксонии, от Фракии через Венгрию..., спускаясь через Каринтию, кончается у Баварии; на юге же возле Средиземного моря, отклоняясь от Эпира, через Далмацию, Хорватию и Истрию, ограничена пределами Адриатического моря и отделяется от Италии там, где находятся Венеция и Аквилея”. Эта земля, окруженная многими враждебными народами, “никогда, однако, не была никем полностью покорена. Это край, где воздух целителен, пашня плодородна, леса изобилуют медом, боды — рыбой, где воины бесстрашны, крестьяне трудолюбивы, кони выносливы”⁵⁸.

Эти восторженные слова о величии и богатстве славянских земель звучат в устах Галла Анонима тем более красноречиво, что он был, по-видимому, не прирожденным поляком, а, скорее всего, иноземцем, нашедшим приют и службу в Польше.

Приведенные свидетельства источников ясно показывают, как не прав западногерманский историк М. Хелман, не сумевший обнаружить в славянском средневековье даже “следов проявления чувства славянской общности”⁵⁹.

Гораздо более близким к истине был выдающийся русский историк В. О. Ключевский, когда он писал в своих лекциях: “Всего важнее в (летописном. — В. К.) своде идея, которой в нем освещено начало нашей истории. Это — идея славянского единства”⁶⁰.

Сознание единства происхождения и языковая близость, несомненно, благоприятствовали развитию культурных и экономических контактов между Русью и западнославянскими народами, не заслоняя вместе с тем от современников факта их самостоятельного национального существования. В последнем убеждает не только проци-

⁵⁸ МРНС, т. II, стр. 7—8.

⁵⁹ М. Н е 11 m a n n. Grundfragen slavischer Verfassungsgeschichte des friihen Mittelalters. JGO, Bd. 2, H. 4, 1954, стр. 403.

⁶⁰ В. О. К л ю ч е в с к и й . Сочинения, т. I, стр. 94.

тированный выше отрывок из исторического сочинения Нестора, но и постоянное противопоставление поляков и чехов, русских и поляков в первых исторических трудах польского и чешского происхождения. Речь идет о хрониках так называемого Галла Анонима⁶¹ и Козьмы Пражского⁶².

Правда, все три названных источника возникли в начале XII в., но это, по-видимому, не меняет сколько-нибудь существенно сути дела. При сложности и длительности процессов консолидации средневековых народностей не будет большим риском пользоваться данными начала XII в. для характеристики явлений XI столетия.

К сожалению, состояние источников таково, что на их основании нет абсолютно никакой возможности даже попытаться сколько-нибудь полно охарактеризовать культурные связи Руси, Польши и Чехии рассматриваемого времени. Сведения, извлекаемые из них, позволяют лишь положительно решать вопрос о самом факте русско-чешско-польского культурного общения.

Анализ русского летописания свидетельствует как будто бы, что русским летописцам были доступны некоторые памятники не только южнославянского, но и западнославянского происхождения⁶³. Более того, в русской летописи могли отражаться и отдельные красочные сюжеты из западнославянской устной традиции, проникавшей на Русь и бытовавшей в древнерусском обществе⁶⁴. Династические браки, заключавшиеся между представи-

⁶¹ Последнее издание: G a l l i A n o n y m i . Cronica et Qesta Du-cum sive Principum Polonorum (далее: Qallus Anonymus...). Ed. K- Maleczyrski. MPH NS, t. II. Krakow, 1953. Недавно издан русский перевод хроники А. М. Поповой: Г а л л А н о н и м . Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961. Есть и хороший польский перевод Р. Гродецкого: Anonim t. zw. Gall. Kronika Polska. Krakow, 1923.

⁶² Cosmas Pragensis Chronica Voemorum. MGHSS, NS, t. II; Cosmae Chronicon Voemorum. FRB, t. II. Есть русский перевод Г. Э. Санчука: Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962 и чешский перевод К. Грдины: Kosmova Kronika ceska. Praha, 1947.

⁶³ Н. К. Н и к о л ь с к и й . Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании, вып. 1. Л., 1930. Ср. критические замечания Г. Ильинского. Bsl, 1930, № 2; Н. Н. И л ь и н . Летописная статья 6523 года и ее источник (далее: Летописная статья 6523 года...). М., 1957.

⁶⁴ В. Д. К о р о л ь к . Авары (обры) и дулебы русской летописи. АЕ за 1962 г. М., 1963.

тeлaми пpaвлящиx poдoв — Рюриковичaми, Пшeмыслoви-чaми и Пястaми,— тoжe, кoнeчнo, cпocoбствoвaли paзвитиe кyльтyрныx cвязeй мeждy Рyсью и зaпaднoслaвянскими cтpaнaми, пoмoгaли им лyчшe пoнимaть друг дpyгa, тoчнee paзбирaться в cyщecтвe пoлитичecкиx явлeний, пpoиcxoдившиx y coceдeй. Пpямoм cвидeтeльcтвoм этoгo являюtcя нeкoтopыe вaжныe cвeдeния o внyтpипoлитичecкoм paзвитиe Пoльши кoнцa пpaвлeния Бoлeслaвa Хpaбpoгo, пoпaвшиe, co cлoв пoльcкoй княжны — cупpy-

ги Изяcлaвa Яpoслaвичa⁶⁵, нe тoлькo в лeтoпиcь

в житийнyю литepaтyрy⁶⁷

Сaмo coбoй paзyмeeтcя, чтo в тoм жe нo и нaпpaвлeнии дoлжны были дeйcтвoвaть и дoвoльнo чacтыe пocoльcтвa, кoтopыми oбмeнивaлиcь мeждy coбoй Рyсь, Пoльшa и Чeхия.

Boины, знaтныe и дaжe дyxoвныe лицa, oкaзaвшиecя в плeнy, дaжe в тoм cлyчae, ecли пoзднee им yдaлocь тaк или инaчe ocbвoбoдитьcя, мoжeт быть, eщe в бoльшeй мepe, чeм бpaки и пocoльcтвa, coдeйcтвoвaли кyльтyрнoмy oбщeнию, pocy знaний друг o другe в coceдних cтpaнax. Дa этo и нe yдивитeльнo, ecли yчecть, чтo, пoпaдaя к cвoим cлaвянским coceдям, плeнный oкaзывaлcя в вecьмa близкиx для нeгo ycлoвияx мaтepиaльнoй жизни и бытa, cтaлкивaлcя c лyдьми, гoвopившими нa близкиx eмy язькax. Oб oбычae “caжaть плeнных нa зeмлю” paccкaзывaeтcя в нaшeй лeтoпиcи. Пocлe пoxoдa 1031 г. Яpoслaв “пocaдил” зaxвaчeнных им плeнных пoлякoв нa рeкe Рocи, гдe yжe в cлeдyющeм гoдy нaчaлocь coopyжeниe oбopoнитeльных гopoдoв⁶⁸. Aнaлoгичным oбpaзoм пocтyпaл c pyccкими плeнными и Бoлeслaв Хpaбpый⁶⁹, кoтopый, пoкидaя в 1018 г. Киeв, зaxвaтил c coбoй нe тoлькo бoльшoe числo рядoвыx вoинoв и дpyгих лиц, нo и бoяp Яpoслaвa, eгo ceceтep и дaжe дyxoвныx⁷⁰. Cyдя

⁶⁵ В. Д. К o р o л ю к. O пocлeднeм пepиoдe пpaвлeния Бoлeслaвa Хpaбpoгo. ИЗ, 1946, № 19; o н ж e. Лeтoпиcнoe извecтиe o кpeстьянcкoм вocтaнии в Пoльшe в 1037—1038 гг. (дaлee: Лeтoпиcнoe извecтиe...). Сб. “Aкaдeмикy Бopиcy Дмитpиeвичy Гpeкoвy кo днy ceмидecaтилeтия”. М., 1952

⁶⁶ ПСРЛ, т. I, пoд 1030 г.

⁶⁷ ПКПМ, СПб., 1911, cтp. 105—106

⁶⁸ ПСРЛ, т. I, пoд 1031 и 1032 гг.

⁶⁹ ПКПМ, cтp. 102—104.

⁷⁰ ПСРЛ, т. I, пoд 1018 г.

по рассказу о Моисее Угрине⁷¹, браки между пленными и победителями не представлялись чем-то абсолютно невыносимым, хотя плен и являлся тогда, согласно обычному праву, важнейшим источником рабства. Очевидно, только часть из русских пленников Болеслава (в числе 800 человек) сумела впоследствии, благодаря князю Ярославу, вернуться на родину⁷², иные умерли в плену, другие могли даже поступить на польскую службу. В том, что последнее предположение не является чисто умозрительным, свидетельствует весьма любопытный археологический памятник. В Польше, в расположенном недалеко от Лодзи Лютомирске, были обследованы захоронения воинов, содержащие русский и скандинавский погребальный инвентарь и вещи, происходящие из при-черноморских степей. Судя по находкам, здесь покоились останки воинов, прибывших в Польшу с территории Киевской Руси не позднее конца X или самого начала XI в. Этот русский отряд пробыл на службе польских князей приблизительно до 1030 г.⁷³

Отрицательное влияние на развитие культурных связей восточного и западного славянства оказали существовавшие между ними религиозные различия, после разделения в 1054 г. христианской церкви на католическую и православную превратившиеся в острые религиозные противоречия. Особенно ярко влияние религиозных различий в исследуемое время сказалось в области литературного общения, обмена и распространения памятников письменности. Показательно, например, что сохранившиеся источники дают возможность нарисовать достаточно яркую картину чешско-русских литературных связей, которым посвящена довольно значительная историография⁷⁴, в то время как о польско-русских связях в об-

⁷¹ ПКПМ, стр. 104—105.

⁷² ПСРЛ, т. 1, стлб. 155.

⁷³ K. J a z d z e \v s k i. Cmentarzysko wczesnosredniowieczne w Lu-tomiersku pod Lodzia w swietle badaii z r. 1949. MW, t. I. Warszawa—Wroclaw, 1951, стр. 91 —163. о н ж е. Sprawozdanie z badaii archeo-logicznych na cmentarzysku wczesnosredniowiecznym w Lutomiersku w pow. Laskim w r. 1950. MW, t. II. Warszawa — Wroclaw, 1952, стр. 257—262; ср. S. M. K u c z \> n s k i. Slosuiiki polsko-ruskie..., стр. 232.

⁷⁴ А. В. Ф л о р о в с к и й . Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.) (далее: Чехи и восточные славяне...), т. I. Прага, 1935; К. А. П у ш к а р е в и ч . Чехи. Историко-этнографический очерк. М.—Л., 1942; Н. К. Ни-

ласти письменности фактически нельзя сказать ничего определенного. Дело здесь, разумеется, прежде всего в том, что в Чехии в течение довольно длительного времени и в условиях церковного подчинения латино-римской иерархии продолжали сохраняться живые и крепкие традиции церковнославянской письменности и богослужения, унаследованные от Великоморавской державы⁷⁵.

Иначе сложились обстоятельства в Польше. Правда, и в Польшу, точнее в Малую Польшу, христианство с церковнославянским обрядом богослужения проникло еще в конце IX столетия⁷⁶, а некоторые его следы, возможно, сохранялись даже до XII в.⁷⁷ Тем не менее церковнославянские традиции в польской письменности были столь слабы, что они не могли в сколько-нибудь существенной мере способствовать польско-русскому литературному общению. Если добавить к этому тот факт, что принятие Польшей в 966 г. христианства по латинскому обряду надолго затормозило создание письмен-

кольский. Легенда мантуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе чешском. ПДРП, 1909; Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года; J. P e k a f. Die Wencels und Ludmila Legenden und die Echtheit Christians. Prag, 1906; Svatovaclavsky sbornik wydany na pamatku 1000 vyroci smrti knizeze Vaclava Svateho, t. II. Praha, 1934—1939; Sbornik staroslovanskych literarnich pamatek o sv. Vacla-vu a sv. Ludmile. Praha, 1929; F. T a d r a. Kulturni styky Cech s cizi-nou az do valek husitskych. Praha, 1897; R. H o l i n k a. К cesko-ruskym vztahum y 10 stoleti Sb. BU. Brno, 1953, N 2—4; D. Cizevskij. Anklänge an die Gumpoldslegende des hi. Vaclav in der altrussischen Legende des hi. Feodosij und das Problem der “Originalität” der sla-vischen mittelalterlichen Werke. Wiener Slavistisches Jahrbuch, 1950, Bd. I и др.

⁷⁵ V. Chaloupersky. Knize Svaty Vaclav. Praha, 1947; о н ж е. Slovanska bohosluzba v Cechach. VCAVU, 1950, № 4, см. также литературу, указанную в сноске 74.

⁷⁶ K. P o t k a n s k i. Krakow przed Piastami, стр. 185; N. G u m p l o w i c z. Początki biskupstwa krakowskiego. PH. 1907, стр. 142; G. L a b u d a. Studia nad początkami państwa Polskiego (далее: Stu-dia nad początkami...). Poznań, 1946, стр. 217. Возможно, впрочем, что еще до Мефодиевой миссии на территорию Малой Польши через Великую Моравию проникали христианские миссионеры с запада. См. Z. R. D i t t r i c h. Christianity in Great-Moravia. Groningen, 1962, стр. 205, прим. 2.

⁷⁷ С. М. К р ы ж а н о в с к и и. Славянский Краков Др т VI вып. 2. М., 1875, стр. 120—123; R. J a k o b s o n. Polska literatura sredniowieczna a Czesi. Obrz^dek slowianski w Polsce. Kultura, 1953. № 6, стр. 27; B. H a v r a n e k. Otazka existence cirkevni slovanstiny v Polsku. SI, 1956, № 2, стр. 300.

ности на польском языке⁷⁸, то отрицательные последствия религиозных различий для культурного общения между восточным и западным славянством станут совершенно очевидными. Латинская письменность не могла способствовать литературным контактам и связям между ними.

Более благоприятные условия сложились для развития польско-чешских контактов и связей в области письменности. Дело в том, что официальное принятие христианства польским князем Мешко I в 966 г. было самым тесным образом связано не только с политическим польско-чешским союзом, скрепленным браком Мешко и дочери Болеслава I Чешского Добравы, но и с развитием чешско-польских культурных и церковных связей. Вместе с Добравой в 965 г. при дворе польского князя появились чешские священники, Чехии же Польша оказалась обязанной и новым языком литургии и своей церковной терминологией⁷⁹.

Наряду с культурными контактами, важную роль в истории русско-польско-чешского соседства, без сомнения, должны были играть контакты экономические, способствуя распространению в Польше, Чехии и на Руси конкретных и важных сведений друг о друге. Вопросы экономических связей западнославянских стран с Русью, а также их связей со странами Западной Европы и Востока в X—XI вв. довольно подробно разработаны и освещены как в общей, так и в специальной литературе⁸⁰. Важную роль в польско-русских экономиче-

⁷⁸ В. И. Пичета. Образование Польского государства. Славянский сборник. М, 1947, стр. 53—54.

⁷⁹ T. Lehr-Spławiński, K. Piwarski, Z. Wojciechowski. Polska-Czechy. Dziesięć wieków sąsiedztwa. Katowice — Wrocław, 1947, стр. 25; K. Maleczynski. Polska a Czechy w latach 966—988 (далее: Polska a Czechy...). SDPC, t. I. Wrocław, 1960, стр. 56; M. Friedberg. Kultura Polska a Niemiecka, t. II. Poznań, 1946, стр. 37; E. Klich. Polska terminologia chrześcijańska. Poznań, 1927.

⁸⁰ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси; История культуры древней Руси, т. I, гл. 7—9; J. Kostrzewski. Kultura prapolska; H. Lowński. Podstawy gospodarcze...; W. Hensel. Słowianzczyzna wczesnosredniowieczna; А. В. Флор ОБСКИИ. Чехи и восточные славяне, т. I; он же. Чешско-русские торговые отношения X—XII вв. Сб. "Международные связи России до XVII в.". М., 1961; В. В а с и л ь е в с к и и Древняя торговля Киева с Регенсбургом. ЖМНП, 1888, июль;

ских связях играло Поморье⁸¹, особенно город Волин⁸². Поэтому здесь вполне достаточно ограничиться лишь некоторыми предварительными замечаниями, имея в виду, что к вопросам экономических связей и торговых путей автору еще не раз придется возвращаться по ходу последующего изложения.

Отмечая важность экономических связей между восточным и западным славянством, нельзя не учитывать вместе с тем относительности этого понятия для рассматриваемого времени. Торговые контакты между славянскими странами имели весьма ограниченный размер и не затрагивали основ материальной жизни общества. Дело тут, разумеется, не в том, что торговле между соседями препятствовали периферийный характер пограничных местностей, их слабая заселенность или наличие труднопроходимых пограничных лесов, как полагают некоторые исследователи⁸³.

Гораздо большее значение имели другие факторы, а именно: крайне натуральный характер хозяйства, однотипность и чрезвычайная близость материальной культуры восточных и западных славян. Предметами торговли между ними при таких условиях могли быть лишь оружие, некоторые предметы роскоши и быта, изготовление которых в силу тех или иных условий оказывалось

А. А. Спицын. Торговые пути Киевской Руси. СПб., 1911; М. Э. Шайтан. Германия и Киев в XI в. ЛПИАК за 1926 г. Л., 1927, вып. 1 (34); В. М. Потин. Дегтянский клад денариев середины XI в. Тр. Гос. Эрмитажа, т. IV. Л., 1961; А. W. Florowski. Cesko-ruske obchodni styky v minulosti (X—XVIII století). Praha, 1954; В. Wiedegа. Die wirtschaftlichen Beziehungen zwischen Deutschland und dem Kiever Rus in der ersten Hälfte des XI Jahrhunderts. Beiträge zur Geschichte der Beziehungen zwischen dem deutschen Volk und den Völkern der Sowjetunion. Berlin, 1954; G. Skalsky. Český obchod 10 a 11 století ve světle nalezištní minci. NS, t. I. Praha, 1953; A. Szelegowski. Najstarsze drogi z Polski na Wschód w okresie bizantynsko-arabskim. Krakow, 1909; A. Kutrzeba. Handel Polski ze Wschodem w wiekach srednich. PP, 1903; Z. Hilczerna. Przyczynki do handlu Polski z Rusia Kijowską. PA, t. I, 1951; В. Б. Виллинбахов. Балтийские славяне и Русь. SO, t. 22 и др.

⁸¹ Судя по материалам, собранным В. Л. Яниным (Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, стр. 88—89), значение скандинавского посредничества в морской торговле между Русью и Поморьем в старой литературе сильно преувеличено.

⁸² К сожалению, как сообщил автору директор Щецинского музея о. Филиповяк, соответствующие археологические материалы, найденные в Волине, еще не обработаны.

⁸³ S. M. Kuczyński. Stosunki polsko-ruskie..., стр. 232.

специфической чертой хозяйственной жизни одной из рассматриваемых стран.

Значительно более важным представляется при таких условиях участие славянских стран в широкой торговле, связывавшей тогда страны Востока и Запада и прямо затрагивавшей обширные территории Восточной Европы. В результате этой торговли восточноевропейские страды получали необходимое им серебро, а феодальная знать могла пользоваться дорогими иноземными предметами роскоши, украшавшими ее быт и подчеркивавшими ее привилегированное общественное положение. В свою очередь из славянских стран шли такие редкие и имеющие большой спрос на Востоке товары, как меха и шкуры, янтарь, мед и воск и, наконец, “говорящие орудия” — невольники.

Об огромных по тем временам масштабах этой торговли свидетельствуют значительные массы серебра, найденные в сохранившихся кладах описываемой эпохи. Серебро в IX—X вв. поступало главным образом с Востока. В настоящее время в странах Восточной и Северной Европы зарегистрировано свыше 1400 находок мусульманского серебра, содержащих приблизительно 200 000 монет⁸⁴. Этот не повторявшийся более в истории поток восточного серебра в страны Восточной и Северной Европы начинает резко уменьшаться в конце X и иссякает полностью в XI в.⁸⁵, после чего главным поставщиком серебра становится Запад.

Некоторые богатые клады, содержащие монеты восточного или западного происхождения, могли быть зарыты в свое время вернувшимися из удачной экспедиции пиратами⁸⁶, иные из них могли принадлежать князьям и крупным боярам, знати. По-видимому, часть из них действительно была припрятана странствующими иноземными купцами. Однако старая точка зрения, согласно которой основная масса кладов являлась собственностью иностранных купцов⁸⁷, в настоящее время явно

⁸⁴ R. K i e r s n o w s k i . Poczatki pieniidza polskiego. Warszawa, 1962, стр. 39.

⁸⁵ T. A r n e . La Suede et l'Orient. Uppsala, 1914, стр. 225.

⁸⁶ P. X e n n и г. Неведомые земли, т. II. М., 1961, стр. 115— 116; ср. Chr. M. F r a h n . Ibn Fossils und anderer araber Berichte iiber die Russen altere Zeit. St.-Peterburg, 1823, стр. 250.

⁸⁷ Б. К е н е. Описание европейских монет X, XI и XII веков, найденных в России. СПб., 1852; H. G e b h a r t . Munzfunde als Quellen

не выдерживает критики⁸⁸. Тот факт, что иностранное серебро являлось в то время в Восточной Европе не только сокровищем, но и выполняло функцию денег как средства товарного обращения⁸⁹, тогда как первые монеты русского или польского чекана играли главным образом репрезентативную, подчеркивающую политическую самостоятельность чеканившего их князя роль⁹⁰, в сочетании с наблюдением, что монетные клады, как правило, сопутствуют поселениям⁹¹, полностью убеждает в том, что основная масса восточноевропейских кладов принадлежала местному населению — боярам, купцам и ремесленникам. А отсюда, естественно, следует вывод: местные купцы были главной активной силой, организующей торговые операции на восточно- и центральноевропейском отрезке транзитной торговли между Востоком и Западом. Тем самым их торговые транзитные операции оказываются теснейшим образом связанными с экономическими контактами между собой стран Восточной и Центральной Европы, следовательно-

der Wirtschafts und Kulturgeschichte im 10 und 11 Jahrhunderts. DJN, 1938, N 1; cp. A. Czapkie\wicz, T. Lewicki, S. Nosek, M. Orzda - Czapkie\wicz. Skarb dirhemow arabskich z Czecho-wa. Warszawa—Wroclaw, 1957.

⁸⁸ В. М. Потин. Находки западноевропейских монет на территории древней Руси и древнерусские поселения (далее: Находки...). НЭ, т. III. М., 1962, стр. 183—184.

⁸⁹ В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, стр. 14; R. Kiersnowski. Pieniadz kruszczowy w Polsce wczesnosredniowiecznej (далее: Pie-nigdz kruszczowy...). Warszawa, 1960, стр. 428—429; употребление в славянских странах металлической серебряной монеты не исключало, по-видимому, применения на Руси и в других славянских странах неметаллических денег. Речь идет о “лысых”, снабженных свинцовой княжеской печатью беличьих шкурках, имевших хождение на Руси в период феодальной раздробленности (см. А. Л. Монгайт. Абу Хамид Ал-Гарнати и его путешествие в русские земли 1150—1153 гг. ИС, 1959, № 1), а также о “платках” из очень тонкой материи, которые, по словам Ибрагима ибн Якуба, исполняли роль денег в Чехии X в. (MPHNS, t. I, стр. 49), или лоскутах полотна, какими пользовались вместо денег, по свидетельству немецкого хрониста XII в. Гельмольда, жители острова Руяны (Helmoldi Presby-teri Chronica Slavorum. Hannoverae, 1868. L. I. cap. 38). Есть современный русский перевод Л. В. Разумовской — Гельмольд Славянская хроника. М., 1963, стр. 105.

⁹⁰ И. Г. Спасский. Русская монетная система. Л., 1962, СТР- 41—47; Z. Zakrzewski. Pierwsza moneta polska. SA, t. V. 1956.

⁹¹ В. М. Потин. Находки..., стр. 185—191.

но, Руси, Польши и Чехии, на что, впрочем, имеются прямые указания как в русских⁹², так и в арабских⁹³ и немецких⁹⁴ источниках.

Наконец, последнее общее замечание относительно объема настоящего исследования.

Изучение исторических отношений и связей восточного и западного славянства, разумеется, предполагает и самое пристальное внимание к вопросам политического развития, расстановки политических сил в Восточной, Северной и Центральной Европе в целом. Русско-польско-чешские отношения складывались не сами по себе, а в тесной связи с общеевропейским политическим развитием X—XI вв. Поэтому, рассматривая польско-русские и чешско-русские отношения, нет абсолютно никакой возможности трактовать их вне связи с отношениями, складывавшимися между Польшей, Чехией и Германской империей, о чем уже говорилось выше, или не учитывать такого важного международного фактора того времени, как полабо-прибалтийское славянство и его героическая борьба с германским феодальным натиском на Восток. Развитие событий в Прибалтике или на Севере Европы сказывалось не только на политике Руси в отношении ее западных соседей, но и на польско-русских и польско-германских отношениях. Важным фактором в развитии русско-польско-чешских отношений, естественно, не могла не быть поднимающаяся раннефеодальная Венгрия, а развитие и направление внешней политики Киевской Руси на Западе в определенной мере определялось ее восточной политикой, ее упорной и сложной борьбой с напиравшей на русские земли кочевой степью.

Изучение русско-польско-чешских отношений должно, по мнению автора, вестись таким образом, чтобы в поле зрения постоянно находились политические явления, возникавшие и развивавшиеся на обширной территории от Балтики до Черного моря и от Волги до Лабы с учетом политической активности Константинополя и Рима. Только при таких условиях можно будет достаточно определенно и точно не только выяснить значение политических отношений и связей восточного и западного сла-

⁹² ПСРЛ, т. I, стлб. 67.

⁹³ МРПНС, т. I, стр. 49.

⁹⁴ Adami Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum (далее: Adam...). SRG. us. sch. Hannoverae, 1846, L. II, cap. 22.

вянства для общеполитического развития Центральной и Восточной Европы, но и правильно оценить значение этих отношений для собственного политического развития Киевской Руси, Древнечешского и Древнепольского государств, что, как указывается ниже, является одной из задач настоящей работы.

* # *

Обычно формулированию основных задач исследования предшествует в работах, аналогичных настоящей, критический разбор историографии вопроса. К сожалению, состояние историографии таково, что сделать подобный разбор в одном месте фактически не представляется возможным, ибо до сих пор в исторической литературе фактически не делалось попыток дать анализ польско-русско-чешских отношений в таком объеме и в таких хронологических рамках, как это мыслит себе автор настоящего исследования. Как правило, польско-русские и чешско-русские, как впрочем, и польско-чешские, польско-немецкие, чешско-немецкие и другие отношения исследовались либо изолированно друг от друга, либо предметом исследования являлись отдельные моменты из истории восточно- и центральноевропейских международных отношений X—XI вв. Восточная политика Киевской Руси отрывалась от западной, самостоятельно и даже в изоляции от общих процессов, происходивших в Восточной Европе, рассматривалась восточноевропейская политика Римской курии, часто без учета их трактовались и вопросы политических противоречий Византийской и Германской империй.

Зато ряд интересных и крайне важных для данной работы тем и проблем оставались в тени, не исследовались или исследовались главным образом попутно, как например, польско-чешские отношения 60-х годов X в. или русско-чешские начала XI столетия.

При таком крайне неоднородном и пестром характере литературы, учитывая также ее необычайно большой объем, единственным выходом из положения представлялось распределить анализ историографии в соответствующих главах исследования, связывая его таким образом с разрешением основных проблем и тем работы.

Аналогичным образом оказалось необходимым поступить и с характеристикой источников, к тому же давно

и многократно опубликованных и много раз подвергавшихся критической оценке в литературе. Поскольку источники эти не образуют сколько-нибудь однородного комплекса, поскольку они крайне неравномерно освещают основную тему исследования, не являющуюся для них центральной линией характеристики исторических событий, поскольку, наконец, показания их неизбежно должны взаимно сопоставляться и корректироваться, отрыв обзора источников от соответствующих историографических обзоров по главным проблемам и темам работы представлялся совершенно неприемлемым.

Здесь, может быть, следует отметить только тот факт, что настоящая работа основана на изучении современных или наиболее близких к исследуемым событиям источников.

Итак, автору остается перейти к последней части вступительных замечаний к работе с тем, чтобы сформулировать главные, магистральные проблемы, разрешению которых посвящено это исследование.

Первой задачей, само собой разумеется, будет попытка возможно полнее восстановить и проанализировать общий ход русско-польско-чешских отношений за столетний период их развития с середины X до середины XI в. При этом автор неизбежно будет ограничен составом имеющихся источников, как указывалось, крайне неравномерно освещающих избранную им тему. В настоящее время можно считать твердо установленным, что сохранившиеся источники характеризуют далеко не всю совокупность политических отношений Руси и Польши в описываемый период и что действительная картина русско-польских отношений была сложнее и ярче, чем та, которая отразилась в летописях и хрониках⁹⁶. Для русско-чешских отношений обстоятельство это следует подчеркнуть с еще большей категоричностью.

Тем не менее, привлекая всю совокупность источников, используя факты внутривосточного развития изучаемых стран, а также увязывая ход русско-польско-чешских отношений с общим политическим развитием

⁹⁵ S. Z a k r z e w s k i . Bolestaw Chrobry Wielki. Lwow — Warszawa — Krakow, 1925, гл. VII; В. Д. К о р о л ю к, Русь и Польша в первые пятнадцать лет XI в. УЗИС, 1963, т. XXVI; ср. J. S k r z y - p e k. Studia nad pierwotnym pograniczem polsko-ruskim w rejonie Wotynia i Grodow Czerwienskich (далее: Studia...). Warszawa, 1962, стр. 109.

Восточной, Центральной и Северной Европы, можно все же рассчитывать, что удастся значительно расширить и пополнить традиционную для литературы картину исторических отношений и связей Руси с западным славянством в X—XI вв. Конечно, нарисованная таким образом картина, безусловно, будет содержать в большей или меньшей мере дискуссионные и гипотетические элементы, что, впрочем, для изучаемого периода является не только неизбежным, но даже обязательным условием исследования.

Двигаясь намеченным выше путем, можно надеяться дать достаточно обоснованные решения таких вопросов, как вопросы о роли русско-польско-чешских отношений в общей системе тогдашних политических отношений в Восточной и Центральной Европе, о месте русско-польско-чешских отношений в собственной системе международных связей и отношений каждой из рассматриваемых стран — Киевской Руси, Польши и Чехии.

После этого, думается, окажется возможным на достаточно прочной базе рассмотреть проблемы значения и роли для восточноевропейского политического развития византийско-германских противоречий, точнее определить действительную силу влияния восточноевропейской политики Римской курии на внешнеполитическое развитие Руси и Польши, т. е. сделать попытку разрешить именно те проблемы восточноевропейской истории до середины XI в., которым столь исключительное значение придавалось не только в старой, но и в новейшей историографии⁹⁶.

В ходе разрешения всех этих проблем естественно должен будет, по мнению "автора, выкристаллизоваться и ответ на один из важнейших вопросов центрально- и восточноевропейского политического развития эпохи раннего средневековья — должно будет определиться действительное значение русско-польско-чешских отношений, самого факта существования в Центральной и Восточной Европе относительно единых и сильных ранне-феодальных славянских государств для хода восточной экспансии Германской империи, для развития германского феодального натиска на Восток, уже тогда, в X—

⁹⁶ E. Winter. *Russland und das Papstum*, Bd. I. Berlin, 1960; Б. Я. Рамм. Папство и Русь; А. Ф. Грабскии. По поводу польско-византийских отношений в начале XI в. ВВ, т. XIV, 1958.

XI вв., представлявшего страшную опасность для исторических судеб всего западного славянства.

Параллельно решению первой группы проблем в настоящей работе предполагается постановка или решение и второй группы вопросов, преимущественно связанной с внутренним общественным развитием восточного и западного славянства.

Настоящее исследование должно будет, как это видно из предшествующего изложения, поставить и по возможности ответить на вопрос о значении и роли процесса образования славянских народностей для внешнеполитического развития относительно единых ран-нефеодальных монархий Рюриковичей, Пястов и Пше-мыслидов.

Далее, в задачи автора входит проследить значение классовых интересов и классовой солидарности феодалов в области внешней политики, причем не только применительно к феодалам славянских стран, но и к германским феодалам.

Влияние городского населения на внешнюю политику раннефеодального государства, поскольку это позволят источники, тоже явится предметом исследования автора этой работы. А политическая активность горожан в сочетании с изучением экономических связей и главных торговых путей должна, разумеется, помочь и в разрешении сложного вопроса о том, какую роль торговые пути и торговые интересы играли в политической практике, в сфере внешней политики ран-нефеодальных славянских государств X—XI вв.

Таков тот довольно широкий, как представляется, круг вопросов, который явится объектом анализа в предлагаемой работе. Разумеется, не все они при настоящем состоянии источников и литературы могут быть разрешены с одинаковой степенью аргументированности. Иные, возможно, удастся только поставить, т. е. собрать достаточное число фактов, чтобы заявить об их научной актуальности. Учитывая это, автор исходил из посылки, что в развитии историографии даже сама по себе только обоснованная постановка вопроса может сыграть полезную роль, может способствовать общему прогрессу научного исследования.

ЧЕШСКО-ПОЛЬСКИЙ СОЮЗ
60—80-х годов Хв.

Этой главе, пожалуй, лучше всего было бы пред-послать слова известного знатока средневековых польско-чешских отношений польского историка К. Малечинского, писавшего в 1960 г., что “польско-чешские отношения 965—990 гг. не были еще предметом специальных исследований “и в польской, ни в чехословацкой историографии””. Замечание это остается в полной мере актуальным в настоящий момент. Если не считать работ Г. Лябуды и самого К. Малечинского, о которых неоднократно пойдет еще речь ниже, то придется согласиться с тем, что вопросы польско-чешских отношений 60—80-х годов X в. освещались в специальной литературе главным образом попутно, в связи с характеристикой процесса объединения польских земель в рамках единого раннефеодального государства, что о них упоминали вскользь при освещении вопросов христианизации Польши или при анализе польско-германских или чешско-германских отношений X в. Такое положение вещей не могло не сказаться и на обобщающей, синтетической литературе как на старых², так и на новых³ обобщающих трудах по истории Польши и Чехии, где вопросы польско-чешских отношений рассматриваемого времени вплетены лишь в качестве более или менее существенных эпизодов в общую ткань повествования, без сколько-нибудь серьезной попытки определить их место и значение как в политическом разви-

¹ M a ł e c z y n s k i . Polska a Czechy..., стр. 51.

² См. например: *Historia polityczna Polski*, cz. I. Encyklopedia Polska, t. V, cz. I. Krakow, 1920; R. Grodecki, S. Zachorowski, J. D ^ b r o w s k i . *Dzieje Polski sredniowiecznej*. Krakow, 1926; *Pol-ska, jej dzieje i kultura*, t. I. Warszawa, 1928; V. N o v o t n y . *Ceske dejiny*, t. I. Praha, 1912 и др.

³ *Historia Polski*, t. I. PWN; F. K a v k a . *Pfehled ceskoslo-venskych dejin do predhusitske doby*. Praha, 1955; *Pfehled ceskoslo-venskych dejin*, d. I. Praha, 1958 (Maketa). *История Польши*, т. I, 2 изд. *История Чехословакии*, т. I. М., 1956.

тии Польши и Чехии, так и вообще в системе международных отношений Центральной и Восточной Европы того времени. Возможно, что именно неразработанность проблематики польско-чешских отношений явилась причиной не только недооценки, но даже определенно выраженного стремления преуменьшить значение польско-чешских связей 60—80-х годов X в. для политического развития польских земель этого времени так же, как и для христианизации Польши. Речь идет о работе польского историка Я. Домбровского, посвященной анализу политики средневековой Польши в связи с натиском немецких феодалов на Чехию и Венгрию и опубликованной в коллективном труде польских историков “Восточная экспансия Германии в Центральной Европе”, вышедшем в 1963 г.⁴

На период 965—986 гг., в течение которого с чешской помощью раннефеодальная Польша вела упорную борьбу на Западном Поморье, стремясь стать твердой ногою на Балтийском море, приходится крупные совместные чешско-польские акции, приведшие к активному вмешательству западнославянских государств в политическую жизнь Германской империи.

В эти же годы, как это определенно засвидетельствовано источниками, Чехия играла важную роль в христианизации Польши и в связи с этим в развитии раннесредневековой польской культуры⁵. Вышеотмеченные факты являются важным показателем крупной исторической значимости именно этого времени в развитии средневековых польско-чешских отношений. Тем самым вполне оправдывается и специальный интерес к нему со стороны исследователя. К тому же нельзя забывать, что эпоха 965—986 гг. была, как в целом справедливо подчеркивает К. Малечинский⁶, “единственным

⁴ J. D g b r o w s k i. Polityka polska wobec naporu niemieckiego swiatu feudalnego na Czechy i Wegry w sredniowieczu (далее: Polityka polska wobec naporu niemieckiego...). Wschodnia Ekspansja Niemiec w Europie Srodkowej. Zbiór studiów nad tzw. niemieckim “Drang nach Osten” pod red. G. Labudy. Poznan, 1963, стр. 59—60.

⁵ E. K l i c h. Polska terminologia chrzescianska; M. F r i e d b e r g. Kultura polska a niemiecka, т. II; T. L e h r - S p l a w i n s k i, K. P i - w a r s k i, Z. W o j c i e c h o w s k i. Polska-Czechy; K. M a l e c z y n - s k i. Polska a Czechy w sredniowieczu. Proba rewizji pojmc. Sobotka, 1947, т. II и др.

⁶ К- М а л е ч з ы н с к и. Polska a Czechy..., стр. 52.

моментом до 1420 г. существования польско-чешского союза, продиктованного взаимными интересами и общими целями”.

В настоящей главе автор ставит своей задачей подвести итоги предшествующего исследования польско-чешского союза 60—80-х годов X в. и, поскольку это окажется необходимым, продолжить его, проводя свой анализ польско-чешских политических отношений в тесной связи с изучением чрезвычайно интересной и достаточно сложной картины международной жизни Центральной Европы того времени, в которой столь важную роль играла восточная экспансия германских феодалов.

* * *

Первые бесспорные письменные свидетельства о Великопольском государстве, относящиеся к самым начальным годам правления Мешко I из рода Пястов (960—992 гг.), вполне определенно рисуют нам это западославянское политическое образование ориентированным на Запад. Подробности, связанные с активной западной политикой польского князя, сообщают нам источники германского происхождения, показательно, однако, и свидетельство арабского путешественника еврея Ибрагима ибн Якуба из Испании, посетившего около 966 г. с торгово-дипломатическими целями, как полагают в качестве посла кордовского халифа, двор германского императора Оттона I, побывавшего в Чехии и Бодрицком княжестве и на основании довольно широкого круга информации описавшего тогдашнее международное положение Польши,

Вот что он пишет в своей “Записке о путешествии в славянские страны” относительно Древнепольского государства: “А что касается страны Мешко, то она — самая обширная из их (т. е. славянских) стран”. Далее в “Записке” сообщается о дружине Мешко: “Имеет он три тысячи панцирных воинов, (разделенных на) отряды, а сотня их стоит десяти сотен других (воинов)”, о границах монархии Пястов: “С Мешко соседствует на востоке Русь, а на севере Бурус” (т. е. пруссы). И лишь после описания обычаев и страны пруссов, пе-

См. МРНС, т. I, стр. 41—42.

реходя к характеристике славянского народа, “называемого Вельтаба”, Ибрагим ибн Якуб приводит следующие очень важные сведения об этом народе и его отношениях с Мешко I: “Живет он в борах, находящихся в пределах страны Мешко⁸ с той стороны, которая близка к западу и части севера. Владеют они сильным го-родом над океаном (т. е. Балтийским морем), который имеет двенадцать ворот... Воюют они с Мешко, а их военная сила велика”⁹. Буквально каждое из этих сообщений “Записки” Ибрагима ибн Якуба находит себе подтверждение в других источниках, безотносительно от того, идет ли речь о славном и могущественном городе Волине в устье Одры, или о тяжелых войнах Древнепольского государства с волинянами и их союзниками лютичами, или, наконец, о силе и значении поднимающегося Древнепольского государства в Центральной и Восточной Европе. Здесь, пожалуй, уместно было бы напомнить красочную характеристику, данную Волину немецким хронистом XI в. Адамом Бременским, бывшим для своего времени не только широко образованным человеком, но и лицом, прекрасно осведомленным в делах полабо-прибалтийского славянства. Вот его слова: “Это действительно величайший из городов в Европе. Населяют его славяне вместе с другими народами — греками¹⁰ и варварами; приезжие саксы тоже получают право на жительство, лишь бы только, находясь там, не проявляли признаков своего христианства. Есть там морской маяк, который местные жители называют греческим огнем”¹¹.

Что касается длительных и кровопролитных войн с волинянами и входившими в состав лютического союза ратарями, то довольно яркую картину их рисует современными событиями источник “Деяния саксов” корвей-ского монаха Видукинда (ок. 925 —ок. 980 гг.), сообщающий о польско-лютических, далеко не всегда удачных для польской стороны столкновениях 963—967 гг.¹²

⁸ Здесь возможен, как указывает Т Ковальский, и другой перевод: “Живет он в борах, лежащих за границами страны Мешко”. Там же, стр. 50.

⁹ Там же.

¹⁰ Скорее всего под именем греков здесь следует разуметь русских, ведших тогда широкую торговлю на Балтике.

¹¹ Adam. L. II, cap. 22.

¹² Widukind, L. III, cap. 66, 69.

Сведения этого саксонского хрониста представляют особый интерес не только потому, что свое сочинение он писал в 967—968 гг. и дополнял в 973 г., т. е. по свежим следам рассматриваемых событий, но и потому, что события эти излагаются им в тесной связи с явлениями внутреннего и внешне-политического развития Германской империи¹³.

Поэтому столь важное значение имеет и факт близости оценок международного значения Древнепольского государства в его хронике и в “Записке” Ибрагима ибн Якуба. Видукинд, правда, не дает общей оценки военных сил, находившихся в распоряжении польского князя, ни тем более общей характеристики его страны. Показательно, однако, другое обстоятельство: впервые под 963 г., упоминая в своих “Деяниях” польского князя, корвейский монах называет его “rex Misaca” (король Мешко)¹⁴, т. е. наделяет его титулом, на который он по средневековым понятиям не имел права, не будучи коронованным монархом¹⁵. Факт действительно примечательный, особенно если учесть, что, за исключением польского и чешского монархов (Болеслава Чешского Видукинд тоже именует королем)¹⁶, другие западнославянские князья ни разу не выступают у него с такими титулами, даже очень сильные в то время князья бодричей рассматриваются им всего только как *subreguli* (подкорольки). Короче говоря, Мешко I в глазах саксонского хрониста, отражавшего настроения саксонского придворного окружения германского императора Оттона I, являлся самостоятельным, суверенным в средневековом смысле этого слова монархом и, следовательно, в своих отношениях с Империей не мог трак-

¹³ Подробнее характеристику “деяний” Видукинды как источника первостепенного значения см.: А. Д. Л ю б л и н с к а я . Источниковедение истории средних веков. Л., 1955; W. W a t t e n b a c h . Deul-schlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Bd. I. Berlin, 1893; E. D o l i n e r t . Studien zur Slawenkunde des deutschen Fruhmittelalters. WZJ. Jahrgang 12, 1963. Gesellschafts-und Sprachwissenschaftliche Reihe. Hf. 2/3.

¹⁴ W i d u k i n d , L. III, cap. 66.

¹⁵ К. Т у м и е н и е с к и . Panstwo polskie w stosunku do Niemiec i cesarstwa sredniowiecznego w X wieku (далее: Panstwo polskie...). PPP, t. I. Poznan, 1962, стр. 291—292. Ср. А. Ф. Г р а б с к и . Uwagi w sprawie tytuhi ksizg^t Rusi Kjjowskiej. Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego, 1956, N 2.

¹⁶ W i d u k i n d , L. III, cap. 69.

товаться как некий независимый данник, а скорее как сильный и важный союзник германского императора, хотя и более низкого ранга¹⁷. Такому решению вопроса нисколько не противоречит употребление Видукиндом второго титула для польского князя — “amicus imperatoris” (“друг императора”)¹⁸, ибо как в римской, так и в каролингской традиции титул этот означал прежде всего императорского союзника, политический вес и значение которого зависели прежде всего от собственных его сил и возможностей¹⁹. В данном случае, судя и по словам самого Видукинда и по словам Ибрагима ибн Якуба, пользовавшегося политической информацией, исходившей от двора императора Оттона I, речь могла идти, разумеется, только о сильном, политически самостоятельном союзнике.

Изложенная выше трактовка применяемой Видукиндом по отношению к польскому князю титулатуры не противоречит усвоенной саксонским домом каролингской универсалистски-имперской традиции в понимании Видукинда²⁰. Согласно этой традиции, для Видукинда государь царствующего саксонского дома был верховным королем, для него он был, так сказать, “rex rexorum” — “король королей” верховный глава европейских государей. Идея имперского универсализма была, разумеется, важным политическим инструментом германских феодалов, выдвижение ее, конечно, свидетельствовало о далеко идущих и, безусловно, агрессивных политических замыслах окружения Оттона I, но она сама по себе, как кажется, по крайней мере с внешней стороны, не означала еще юридически для остальных европейских государей признания, тем более немедленного, такой формы отношений, которая ставила бы их в действительно тяжкую зависимость от императора, сразу лишала бы их условий самостоятельного политического существования.

Подводя итоги исследования приведенных выше фактов., думается, есть все основания сформулировать

¹⁷ К. Тумиеніеcki. *Panstwo polskie...*, стр. 292—293.

¹⁸ W i d u k i n d, L. III, cap. 69.

¹⁹ К. Тумиеніеcki. *Panstwo polskie...*, стр. 293.

²⁰ С. E r d m a n n. *Forschungen zur politischen Ideenwelt des Frühmittelalters*. Berlin, 1951, стр. 49—53; W. W e g e n e r. *Bohmen-Mahren...*, стр. 33—38.

ряд достаточно аргументированных выводов, имеющих существенное, даже принципиальное значение для анализа последующего развития польско-чешских и польско-немецких отношений.

Во-первых, в 60-е годы X в. в глазах двора Оттона I польский и чешский князь ничем не отличались от других самостоятельных, даже коронованных европейских государей. Во-вторых, для немецких политиков не существовало никакой разницы с международно-правовой и политической точек зрения в положении польского и чешского князей, хотя первый был язычником и правил, так сказать, варварской, по понятиям того времени, страной, а второй стоял во главе давно христианизированного государства, в котором сравнительно с Польшей раньше и быстрее начали развиваться феодальные отношения²¹. Этот вывод в сочетании с фактом получения Ибрагимом ибн Якубом столь достоверной и широкой информации о Польше при дворе Оттона I и в Праге дает право прийти к третьему выводу: 963 год не был годом первых польско-немецких и тем более польско-чешских контактов. Древнепольское государство еще до этого сумело определенно заявить о своем существовании на широкой центрально- и восточноевропейской международной арене, так что ни Мешко I, ни его предшественник не были новичками в тогдашней европейской политике. И, наконец, последний вывод: Древнепольское государство трактовалось Оттоном I как сильный и важный союзник, а судя по словам Ибрагима ибн Якуба, даже союзник, располагавший по сравнению с другими славянскими государствами наибольшими военно-политическими ресурсами (нужно учесть, что в “Записке” Ибрагима ибн Якуба сравниваются только Польша, Чехия, Болгария и бод-ричи). А это последнее замечание представляется особенно существенным для оценки немецко-польско-чешских связей второй половины X в.

Итак, 963 год, хотя и является формально временем первого выступления Древнепольского государства на

²¹ В. Д. К о р о л ю к Древнепольское государство, стр. 87—89; О темпах развития феодализма в Чехии см: F. G r a u s Dejiny verily skeho lidu v Cechach, t. I. Praha, 1953.

международной арене, в действительности таковым не был: речь может идти только о первом упоминании его в письменных источниках, что, по-видимому, не было явлением абсолютно случайным. К 960 г. Древнепольское государство, бесспорно, должно было представлять собой достаточно большое территориальное целое, если арабский путешественник без тени сомнения называл его крупнейшей западнославянской страной. В состав княжества Мешко I, очевидно, помимо великопольских земель, входила уже Мазовия, иначе Ибрагим ибн Якуб не мог бы говорить об общей русско-польской границе. Поскольку первые сведения о Польше в письменных источниках единодушно свидетельствуют о польско-лютических и польско-волинских конфликтах, то не может быть никакого сомнения и в том, что к этому времени было подчинено уже Восточное Поморье²², и актуальнейшей задачей внешней политики великопольского князя стало завоевание западнопоморских земель. В настоящей связи нет необходимости подробно останавливаться на экономическом значении Западного Поморья для остальных польских земель. Вопрос этот достаточно подробно изучен в литературе²³. Через Западное и Восточное Поморье польские, прежде всего великопольские, земли по удобным водным путям включались в чрезвычайно оживленную международную торговлю на Балтийском море. Особенно важное значение имели контакты с северо-западными русскими землями и Скандинавией, через которые велась огромная по тем масштабам транзитная торговля, связывавшая страны Восточной и Центральной Европы с обширными рынками Средней Азии и Ближнего Востока, поглощавшими громадное количество рабов и мехов, поступающих из северных стран, и в обмен выбрасы-

²² Об этом свидетельствует и разное положение, которое занимало Западное и Восточное Поморье в позднейшей польской церковной организации. М. Sczaniecki. Głównie linie rozwoju feudalnego państwa zachodnio-pomorskiego. *Czasopismo prawnohistoryczne*, t. VII, z. 1, 1955. Warszawa, стр. 57.

²³ К. Г б р с к и *Polska w zlewisku Bałtyku*. Gdansk — Bydgoszcz, 1947; J. Kostrzewski. *Kultura prapolska*; R. Kiersnowski. *Główne momenty rozwoju środków wymiany na Pomorzu wczesno-feudalnym* WA, 1956, N 3; он же *Pieniądz kruszcowy*. Здесь же см. обширную библиографию вопроса.

вавшими на восточноевропейские рынки свое серебро и другие товары. Здесь, может быть, не лишним было бы подчеркнуть тот весьма примечательный факт, что к востоку от Вислы мало встречается кладов арабских монет²⁴, многочисленных в западных и северо-западных районах Польши. Всего в Польше, по некоторым подсчетам, известно около 30000 арабских монет из 260 находок²⁵, что составляет, разумеется, лишь незначительную долю того арабского серебра, которое обращалось в стране. Короче говоря, можно уверенно считать, что и в Польше, подобно Руси и Скандинавии, в IX—X вв. арабские диргемы являлись фактически единственной повсюду употреблявшейся монетой²⁶.

При таких условиях нет ничего удивительного в том, что в 60-х годах X в. в центре внимания Мешко I оказалось прежде всего именно Западное Поморье и такой крупный центр балтийской торговли, как Волин. Однако борьба с волинянами, опиравшимися на союз с воинственными лютичами, оказалась делом сложным и длительным. В 963 г. Видукинд отмечает два поражения, понесенных польским князем в борьбе с лютичами, которых возглавлял бунтовавший против Оттона I саксонский граф Вихман. Причем в одном из сражений погиб брат Мешко I²⁷. В 966 г., судя по “Записке” Ибрагима ибн Якуба, борьба на Западном Поморье все еще продолжалась. И только в 967 г. польскому князю удалось, по-видимому, добиться решительного успеха. И на этот раз во главе волинян и ратарей стоял все тот же саксонский граф Вихман, гибель которого в битве 967 г. сентиментально-драматически описывается Ви-дукиндром²⁸. В этом сражении принимала участие на стороне Мешко I чешская конница²⁹, которая, кажется, сыграла очень важную роль в ходе боя³⁰. По-видимому, 967 год и явился переломным моментом в разви-

²⁴ K. G 6 r s k i. Polska w zlewisku Baftyku, стр. 25—26.

²⁵ R. K i e r s n o w s k i. Początki pieniądza polskiego, стр. 39.

²⁶ R. K i e r s n o w s k i. Pieniądz kruszcowy..., стр. 130—137. Ср. В. Л. Я н и н. Денежно-весовые системы русского средневековья.

²⁷ W i d u k i n d, L. III, сар. 66.

²⁸ Там же, L. III, сар. 69.

²⁹ “Qui (Мешко.— В. К.) misit ad Bolizlavum regem Boemiorum gener enim ipsius erat-acceptique ab eo equitum duas acies”.

Там же.

³⁰ K- M a l e c z y n s k i. Polska a Czechy..., стр. 57.

тии событий на Западном Поморье, которое оказалось включенным в состав Древнепольского государства³¹.

Не предвещая допроса о том, имела ли или не имела определяющее значение для Мешко I в данный момент внешняя помощь в осуществлении его западнопоморских планов, важно отметить сам факт ее. Помощь эта пришла к Мешко с двух сторон: с одной — в виде чешской вспомогательной конницы, а с другой — в результате саксонских военных действий против ратарей³².

Что касается помощи со стороны Германии, то дело в том, что на западе польским соседом являлась не Империя, а лютичи, с которыми Мешко I оказался во враждебных отношениях. Лютичи же были и самыми решительными и активными противниками восточной экспансии германских феодалов. Так складывались временные условия для польско-германского политического и военного сотрудничества.

Гораздо более сложным представляется вопрос о позиции Чехии. В литературе нет разногласий на тот счет, что в правление чешского князя Болеслава I, во всяком случае до 950 г., чешско-немецкие отношения имели враждебный характер³³, в то время как союзниками Чехии против Германии выступали все те же лютичи³⁴, хотя, возможно, формального союза между ними и не было³⁵. 950 год действительно принес известные изменения в развитии чешско-немецких отношений. В этом году Отгону I, по словам Видукинда, удалось военной силой подчинить себе чешского князя³⁶, однако ни Видукинд, ни другие источники не дают достаточных данных для того, чтобы судить о характере государственно-правовых отношений, установившихся между Германией и

³¹ J. Mitkowski. Pomorze Zachodnie w stosunku do Polski (далее: Pomorze Zachodnie...), Poznan, 1946 стр. 21

³² Там же.

³³ V. Chaloupecký. Knize svaty Vaclav; Z. Fiala. Dva kri-ticke přispěvky ke starým dejinám českým. Sb. h. IX. Praha, 1962; K. Maleczynski. Polska a Czechy..., стр. 54—55.

³⁴ K. Maleczynski. Polska a Czechy..., стр. 54—55; L. Hav-Nk. Tri kapitoly z neistarsich cesko-polskych vztahu (далее: Tři kapitoly...). SIHS, t. IV, 1961.

³⁵ H. Bulín. Cesko-veletske a polsko-veletske vztahy ve druhe polovine 10 století (далее: Cesko-veletske a polsko-veletske vztahy...). SDPC, t. I, стр. 12-13.

³⁶ Widukind, L. III, cap. g.

Чехией в это время³⁷. Ясно одно, в борьбе с венграми, постоянно вторгавшимися на территорию Германии, чешский князь оказался союзником Оттона I, разгромившего мадьяр на р. Лехе в 955 г. Зато, когда в том же 955 г. началось всеобщее восстание полабо-прибалтийских сла-вян-бодричей и лютичей, чешскому князю, по-видимому, удалось уклониться от подавления восстания, и чешские военные силы не принимали участия в решающей битве над Рекницей, где Оттон I нанес поражение восставшим. Нет никаких данных и об участии чехов на стороне немцев в дальнейших полабо-немецких столкновениях, происходивших до 960 г.³⁸ Продолжавшаяся чешско-мадь-ярская борьба лишь отчасти объясняет такую позицию чешского князя, не в интересах которого было, по-видимому, нарушать, по выражению Титмара Мерзебургско-го, “старинный союз” с лютичами³⁹. Иначе говоря, и после 950 г. Чехия не отказалась полностью от своей традиционной политики, не превратилась в послушное орудие германских феодалов и сохраняла возможность возобновить сотрудничество с полабо-прибалтийским славянством в борьбе с германским феодальным натиском на Восток.

Вот почему польско-чешский союз, оформление которого произошло около 965 г., когда Мешко I взял себе в жены Добраву — дочь чешского князя Болеслава I, а затем и участие чешской конницы в 967 г. в разгроме Вихмана представляется столь очевидным отказом чешского князя от традиционной чешской политики 30—50-х годов X в. В самом деле, став союзником польского князя, Чехия оказалась противницей лютичей, которые через Вихмана, находившегося в тесных связях с датским королем Гаральдом Синезубым, тоже противником Оттона I⁴⁰, искали себе на севере Европы надежного и сильного союзника в борьбе с Германской империей. Выступление против Вихмана было неизбежно выступлением в пользу Оттона I. Поэтому представляется со-

³⁷ Z. F i a l a. Vztah Ceskeho statu ku Nemecke Risi do pocatku 13 stoleti. Sb. h. IV. Praha, 1959, стр. 49.

³⁸ H. В u l i n. Cesko-veletske a polsko-veletske vztahy..., стр. 14—15; он же. Pocatky cesko-veletskeho pfatelstvi. VPS, t. III. Praha, 1960.

³⁹ H. В u l i n. Cesko-veletske a polsko-veletske vztahy..., стр. 15.

⁴⁰ Historja polityczna, cz. I, стр. 31.

вершенно неудовлетворительной попытка объяснить причины заключения в середине 60-х годов X в. польско-чешского союза ссылкой на наличие для Польши и Чехии угрозы германской феодальной агрессии, как это делает К. Малечинский⁴¹. В этом вопросе, без сомнения, прав Г. Лябуда, полагая, что такого рода соображения для Мешко I до 966 г. “были преждевременны”⁴². На Западном Поморье все еще шла борьба, лютичи и Вихман не были еще разбиты, и до окончания этой борьбы не могло, очевидно, идти какой бы то ни было речи о превентивных мероприятиях против Германской империи, которая к тому же казалась естественной союзницей в борьбе с лютичами и с которой Польша как раз в это же самое время, т. е. в 965—966 гг.⁴³, вступает в прямой союз.

Но если сами по себе чешско-лютические и чешско-немецкие, а также польско-лютические и польско-немецкие отношения не в состоянии дать сколько-нибудь удовлетворительное объяснение переменам, происшедшим в чешской политике в середине 60-х годов, то, следовательно, искать его надо в какой-то иной плоскости. Это не может, однако, быть сферой чисто экономических отношений, хотя нумизматические данные и свидетельствуют о развитии торговли Чехии с польскими землями во второй половине X в., о заинтересованности Чехии в развитии балтийской торговли через Поморье⁴⁴. Но, во-первых, чешские денары, во всяком случае определенная часть их, могли попадать на Поморье не прямо из Чехии, а постепенно, переходя из одного польского района в другой⁴⁵, а, во-вторых, те же самые нумизматические данные не дают оснований как-то особенно выделять для Чехии торговое значение польских поморских земель. Более того, они самым определенным образом свидетельствуют о гораздо более интенсивной активности Чехии на других транзитных торговых путях⁴⁶.

⁴¹ K. Małeczynski. Polska a Czechi..., стр. 56; L. Havelik. Tři kapitoly..., стр. 69; Z. Wojciechowski. Polska nad Wisłą i Odrą w X wieku. Katowice, 1939, стр. 99.

⁴² G. Labuda. Studia nad początkami..., стр. 61.

⁴³ Там же, стр. 53—54.

⁴⁴ E. Nohejlova-Pratova. Kilka uwag.

⁴⁵ R. Kiersnowski. Pieniądz kruszcowy..., стр. 212—224

⁴⁶ E. Nohejlova-Pratova. Kilka uwag..., стр. 155.

Иными словами, исследователю вновь приходится возвращаться в сферу политической жизни, чтобы там, наконец, отыскать причину столь неожиданного поворота в чешской политике. Поскольку взятые изолированно отношения Чехии с другими странами Центральной Европы не дают ключа к разгадке позиции чешского князя, остается обратиться к анализу общей ситуации, сложившейся здесь в первой половине 60-х годов X в.

В 962 г. была провозглашена Германская империя⁴⁷. С 961 по 965 г. Оттон I находился в Италии. Провозглашение империи, как казалось, вероятно, ее славянским соседям, должно было существенным образом сказаться на восточной политике германских феодалов. Занятый итальянскими делами император не мог больше концентрировать свое внимание на вопросах восточной политики. К сожалению, именно о восточных планах Оттона I по состоянию источников судить чрезвычайно трудно. Однако все же можно сказать, что в отношении полабо-прибалтийского славянства продолжалась прежняя линия, рассчитанная на полное его подчинение. Об этом свидетельствует не только военно-политическая деятельность германских феодалов, но и усилия имперского правительства организовать планомерную христианизацию полабо-прибалтийского славянства. Венцом этих усилий, начало которых относится еще к 937 г. и связано с основанием в Магдебурге монастыря Св. Мориса как главного очага христианизации Востока, было создание в 968 г. Магдебургского архиепископства, которому были подчинены пять епископских кафедр для полабо-прибалтийских славян⁴⁸.

Очевидно, иной была вначале политика двора Оттона I по отношению к Чехии и тем более к Польше. Показателен уже сам факт, что саксонский хронист, отражающий настроения правящих саксонских кругов в Империи, решился в своем труде назвать некоронован-

⁴⁷ Впоследствии стала называться Священная Римская империя германской нации.

⁴⁸ А. В г а с к м а н н. Reichspolitik und Ostpolitik im friihen Mit-telalter (далее: Reichspolitik und Ostpolitik...). SPAW, Phil-hist. Klas-se, 1935, XXXII. Berlin, 1935, стр. 7.

ных правителей, какими были чешский князь и польский князь-язычник, королями. Не менее показательно, что ни Чехия, ни Польша не были в церковном отношении подчинены Магдебургу. Очевидно, Империя, беря курс на полное подчинение полабо-прибалтийского славянства, не только не могла проводить аналогичной политики в отношении Чехии и Польши, но и была, по-видимому, заинтересована в их сотрудничестве. Само собой понятно, что не было бы ничего удивительного в том, если бы, используя новые условия, сложившиеся в результате осуществления Оттоном I и саксонскими феодалами их имперской программы, чешский князь Болеслав I попытался разрешить основные внешнеполитические задачи, стоявшие перед Древнечешским государством. А одной из таких основных и важнейших задач была организация чешской церкви. До этого времени Чехия не имела своей собственной церковной организации и была подчинена в церковном отношении епископской кафедре в Регенсбурге, в свою очередь входившей в состав Зальцбургского архиепископства. При той исключительной роли, которую играла тогда церковь в политической жизни страны, даже в ее административной организации, легко понять, насколько важным был церковный вопрос для чешского князя. Можно думать, что этот вопрос занимал ум пражского владыки не меньше, а, пожалуй, даже больше, чем проблема нерегулярно выплачиваемой по преимуществу формальной дани германскому королю, которую вносили, может быть, даже скорее, чтоб избежать войны с Германией, чем в знак признания известной зависимости от нее⁴⁹.

В 973 г. Чехии действительно удалось добиться упорядочения своей церковной организации. В этом году было основано Пражское епископство, фактически начавшее функционировать лишь с 975 г.⁵⁰ Правда, это было только епископство, а не архиепископство (Пражская епископия была подчинена архиепископской кафедре в Майнце), и, следовательно, церковной независимости от Империи чешское княжество не обрело.

⁴⁹ Вопросу о дани с Чехии в пользу Германии посвящена огромная литература. Критический разбор ее дан в работе Z. F i a l a. *Úztah ceskeho statu k Nemecke Risi...*, стр. 47—51.

⁵⁰ V. C h a l o u p e c k ý. *Pocátky statu ceskeho a polskeho. Deiny lidstva*, t. III. Praha, 1937, стр. 609—610.

Подчиня пражскую кафедру майнцким архиепископам, которые одновременно являлись и канцлерами Империи, германский императорский двор проявил большую заинтересованность в укреплении своего политического влияния в Древнечешском государстве. С учреждением пражского епископства были разорваны старые церковные связи, соединявшие Чехию с соперницей Саксонией Баварией. Судя по тому, что в 70-х годах X в. наряду с пражским епископом упоминается и моравский епископ, тоже подчинявшийся Майнцу, компетенция пражского епископа не распространялась на всю державу Пшемислидов. И тем не менее основание пражского епископства было крупным шагом на пути упрочения Древнечешского государства в качестве самостоятельного европейского государства, важная веха в процессе внутренней политической консолидации страны. Пражскую кафедру занял саксонец Дитмар из бенедиктин-ского монастыря в Магдебурге, по-видимому, знавший славянские языки⁵¹.

Учреждение Пражской епископии произошло, правда, уже при Болеславе II, сменившем около 967—972 гг. Болеслава I на пражском столе⁵². Не может быть, однако, никакого сомнения в том, что оно было прямым результатом политики Болеслава I, проводимой им во второй половине 60-х годов, возможно, даже далеко не полным осуществлением его планов, которые могли преследовать цель добиться для Чехии полной церковной независимости. Но тут уже начинается область одних только догадок.

В литературе уже отмечалось, что учреждение архиепископства в Магдебурге, основание епископства в Праге, христианизация Польши и появление миссийного епископа в Познани являются звеньями одной цепи событий⁵³. А. Бракман, высказавший такую точку зрения, пытался, однако, представить эту цепь событий как линию, связанную с оформлением даннической зависи-

⁵¹ J. V a s i c a. Slovenska bohoslužba v českých zemích (далее: Slovenska bohoslužba...). Praha, 1940.

⁵² Z. F i a l a. Dva kritické příspěvky ke starým dějinám českým, стр. 48

⁵³ A B r a c k m a n n. Reichspolitik und Ostpolitik, стр. 8—9; о н ж е. Kaiser Otto III und die staatliche Umgestaltung Polens und Ungarns. APAW, Phil-hist. Klasse, N 1. Berlin, 1939, стр. 4.

мости западнославянских стран от Германской империи. В действительности дело, разумеется, обстояло гораздо сложнее. Как показывают изложенные выше факты, в действительности чешский князь сумел использовать новые явления в восточной политике Германии для усиления внутренней консолидации своего княжества и упрочения его внешнеполитических позиций. Определенно против точки зрения А. Бракмана говорит и чрезвычайно активная роль Чехии в деле христианизации Польши, что особенно важно в деле заключения польско-чешского союза. Чешско-польское сближение, как это следует из хода событий, со всей очевидностью развивалось параллельно и даже, может быть, под влиянием польско-немецкого и завершилось в 965 г. формальным польско-чешским союзом, скрепленным браком Мешко I и дочери Болеслава I Добравы. Только под следующим 966 г. в целом ряде польских источников появляется запись о крещении Мешко⁵⁴. Об активной роли Чехии в обращении польского князя прямо свидетельствует как польская, так и немецкая литература. Правда, в то время как польский хронист XII в. Аноним Галл пишет, что Добрава “не прежде разделила с ним (Мешко.— *В. К.*) супружеское ложе, чем он, постепенно и тщательно знакомясь с христианскими обычаями и церковными обрядами, отрекся от заблуждений язычества”⁵⁵, немецкий хронист XI в. Титмар Мерзебургский рисует совершенно иную картину: “Эта истинная исповедница Христа, видя, что ее муж пребывает в многочисленных языческих заблуждениях, много думала о том, каким образом могла бы она его привлечь к своей вере. Она старалась его склонить всякими способами не для удовлетворения трех страстей этого испорченного мира, но во имя похвальной и для всех верных желаемой награды в жизни будущей. Она умышленно поступала в течение некоторого времени невоздержанно, чтобы иметь возможность позже долго поступать хорошо”⁵⁶.

⁵⁴ МРН, 1 II, сир. 275, 482, 776; т. III, стр. 42, 437—438, 700; W. S e m k o w i c z . Rocznik tak zwany Swigtokrzyski dawny. PAN, t. 53, 1910, стр. 275.

⁵⁵ G a l l u s A n o n y m u s . L. I, cap. 5.

⁵⁶ Kronika Thietmara (далее Thietmar...). Poznan, 1953, L. IV, cap. 55.

В данной связи не столь существенно, кто из хронистов ближе к истине в своем описании образа жизни Добравы в Польше, хотя, по-видимому, более осведомленным следует все же считать Титмара, тем более, что именно ему, а не Галлу, приходилось защищать Добраву, вышедшую замуж за язычника, у которого было до того семь жен⁵⁷, от всякого рода сплетен, кружившихся по Империи⁵⁸. А поводов для такого рода сплетен дочь чешского князя, видимо, давала достаточно, если чешский хронист Козьма Пражский мог сказать о ней, что она была “бесстыдной женщиной”⁵⁹.

В данном случае, разумеется, гораздо более важным является то обстоятельство, что как польский, так и немецкий источники свидетельствуют о чешской инициативе в крещении польского князя, на что уже обратил свое внимание Г. Лябуда⁶⁰. А поскольку брак Мешко с бывшей уже в летах Добравой был браком, безусловно, политическим⁶¹, есть все основания считать, что и Болеслав I, вступив в родство с польским князем, преследовал чисто политические цели. При этом чешский князь, видимо, очень спешил, ибо оформлению польско-чешского союза не предшествовало крещение польского князя. Оно скорее выглядело как естественный результат брака Мешко, чем активности и религиозного рвения чешского Болеслава. Очевидно, последний имел основания спешить, не считаясь с обычными для своего времени условностями и обычаями. Ясно, что при чешском дворе придавалось достаточно большое значение польскому союзу, если решились пренебречь столь важной для средневекового мира формой. Но уже сам по себе польский союз означал для чешского князя разрыв с традициями чешско-лютического сотрудничества и укрепление связей с Империей. Остается предположить, что для чешского князя это не было ни неожиданной, ни нежелательной перспективой. Более того, Болеслав I, вероятно, сознательно шел на сближение с Империей, рассчитывая использовать для укрепления своего международного положения универсалистски-имперскую про-

⁵⁷ Gallus Anonymus, L. I, cap. 5.

⁵⁸ J. Dowiat. Chrzest Polski, Wyd. 3. Warszawa, 1961, стр. 65.

⁵⁹ Cosmas, L. I, cap. 27.

⁶⁰ G. Labuda. Studia nad poczatkami..., стр. 65.

⁶¹ Там же, стр. 66.

грамму Оттона I, союз с христианской Польшей (языческими лютичами, очевидно, приходилось при этом жертвовать) и заинтересованность Оттона I в христианской Чехии для осуществления его широких авантюристических планов распространения христианства на Востоке. А о том, что планы императора касались не только западного, но и восточного славянства, прямо свидетельствует миссия на Русь монаха Адалберта, посетившего около 960—961 гг. Киев, куда он, возможно, прибыл в качестве миссионного епископа. Миссия Адалберта не имела никакого успеха⁶². Возвращаясь в Германию, Адалберт крестил в Чехии, в Либице, будущего пражского епископа Войтеха, также получившего христианское имя Адалберта⁶³.

Трудно сказать, насколько реконструируемые таким образом расчеты и планы чешского князя разделялись польским. Мешко прямо выигрывал от союза с Чехией. Чешско-лютический союз или сотрудничество ликвидировались, Польша получала чешскую военную помощь, наконец, опираясь на христианскую Чехию, польский князь вступал в круг христианских монархов Европы. Последующее развитие событий позволяет, однако, предположить более тесный контакт и взаимопонимание, установившееся между двумя западнославянскими государями в описываемое время.

К сожалению, состояние источников не позволяет в точности представить себе картину крещения Польши. Возможно, что Мешко I принял крещение в своей столице, а обряд крещения совершил над ним священник, прибывший вместе с Добравой в качестве духовника княгини к его двору. Более вероятным представляется, однако, другое предположение, высказанное в польской литературе. Крещение польского князя было настолько значительным политическим актом, что оно, безусловно, должно было быть обставлено со всей возможной торжественностью, и крестить польского князя должен был не простой священник, а епископ. Поскольку в Чехии в

⁶² Б. Я. Р а м м. Папство и Русь..., стр. 33—35.

⁶³ J. V a s i c a. Slovanska bohosluzba..., стр. 18.

то время не было еще своего епископа, следует думать, что этим епископом был скорее всего один из немецких. Тесные связи, которые сложились позднее у Мешко I с Баварией, позволяют пойти еще дальше и предположить, что крещение польского князя произошло в Регенсбурге, что крестил его регенсбургский епископ, а крестным отцом был, скорее всего, Болеслав I Чешский⁶⁴. В пользу такого предположения говорит и большая активность, проявленная в христианизации Польши со стороны Чехии, связанной в церковном отношении как раз с Регенсбургом. Непосредственным результатом крещения польского князя было основание в Польше миссийного *in partibus infidelium* епископства, что произошло в 967—968 гг.⁶⁵ Происхождение первого польского епископа Иордана установить до сих пор не удалось. Он мог происходить как из Баварии, так и из Лотарингии и даже Италии⁶⁶. Более важно, пожалуй, что и в организации первого польского епископства важную роль сыграла чешская сторона. Известно, что около 966—967 гг. в Риме находилась сестра Доб-равы Млада-Мария — аббатиса бенедиктинского монастыря в Праге. Через нее, параллельно с переговорами об основании епископии в Праге, по всей вероятности, и велись переговоры с папским престолом о церковной организации Польши⁶⁷.

После работ П. Кера⁶⁸, Вл. Абрагама⁶⁹ и Г. Лябу-ды⁷⁰ едва ли могут быть какие-либо сомнения в том, что новое епископство не находилось ни в какой зависимости от Магдебурга, а подчинялось непосредственно Римскому престолу⁷¹. Магдебургское архиепископство, в состав которого входили епископства в Мерзебурге, Мисне, Жытыце (Zeitz), Гавельберге и Бранибо-ре, охватывало полностью территорию полабо-прибалтийских славян и

⁶⁴ J. D o w i a t. Chrzest Polski, стр. 68—70.

⁶⁵ K- M a l e c z y n s k i. Polska a Czechy..., стр. 58.

⁶⁶ J. D o w i a t. Chrzest Polski..., стр. 71.

⁶⁷ Q. L a b u d a. Studia nad pocz^tkami..., стр. 77.

⁶⁸ P. K e h r. Das Erzbistum Magdeburg und die erste Organisation der christlichen Kirche in Polen. Berlin, 1920.

⁶⁹ Wl. A b r a c h a m. Gniezno i Magdeburg. Krakow, 1921.

⁷⁰ Q. L a b u d a. Magdeburg i Poznan. RH, t. 14, 1938.

⁷¹ Ср. К. В u c z e k. Pierwsze biskupstwa polskie. KH, стр. 1938, 171; K- M a l e c z y n s k i. Polska a Czechy..., стр. 57—58.

лужичан, но не нарушало тогдашних границ Древне-польского государства⁷².

Таким образом, принятие христианства польским князем не было сопряжено с подчинением польской церкви немецкому епископству. Это было, без сомнения, крупным дипломатическим и политическим успехом Мешко I, показавшего себя и в этом случае большим мастером дипломатической игры. Впрочем, нельзя не считаться и с влиянием чешского князя и чешского окружения польского князя. И если трудно согласиться с теми чешскими историками, которые считают, что вся польская политика направлялась в это время чешским союзником⁷³, то столь же ошибочной, по-видимому, придется признать и позицию польских историков, большинство которых вообще обходит молчанием воздействие Праги и изображает весь ход событий как единоличное дело Мешко I. Истина, очевидно, лежит где-то посередине. Польский князь, который был, безусловно, выдающимся для своего времени политиком, очевидно, действовал в контакте со своим чешским союзником.

Быше уже говорилось, что 60-е годы X в.— это только формальная дата выступления Польши на широкой международной арене. В действительности и в Польше интерес к ее западным соседям и на Западе интерес к Польше должен был возникнуть гораздо раньше. Легкость и дипломатическое искусство, с которым было осуществлено вступление польского князя в круг христианских монархов, самым недвусмысленным образом свидетельствует в пользу того, что и с христианством Польша (здесь имеется в виду Великая, а не Малая Польша, где христианская религия пустила корни, по крайней мере, со времен мифодиевой проповеди) столкнулась не в середине 60-х годов, а гораздо раньше, что и здесь, подобно тому как это было на Руси, христианство постепенно проникало в польское общество, вербуя себе сторонников среди представителей господствующего класса и даже близкого окружения польского князя⁷⁴. А при том

⁷² K. M a l e c z y n s k i. Najstarsza zachodnia granica Polski na podstawie zrodel X w. (далее: Najstarsza zachodnia granica Polski...). PPP, t. I, стр. 213—222.

⁷³ L. H a v l i k. Tři kapitoly..., стр. 70.

⁷⁴ Cp. S. K g t r z y n s k i. Polska X—XI wieku. Warszawa, 1961, стр. 61.

условии, что между Польшей и Германией в течение всего этого времени (находился лютический языческий барьер, становится совершенно очевидным, что главным очагом, из которого новая религия проникала в Польшу, могла быть только соседняя христианская Чехия.

Помимо внешнеполитических соображений, принятие христианства польским князем диктовалось и соображениями его внутренней политики. Христианство необычайно высоко поднимало значение монархической власти, в чем она очень нуждалась как раз в середине 60-х годов X в., когда резко возросло влияние среди полабо-прибалтийского славянства и на Поморье лютического культового центра Ретры с богом Сварожичем. Влияние это составляло весьма чувствительную угрозу для политических позиций польского князя как за пределами, так и в границах его владений⁷⁵.

Выбирая новую религию, Мешко I поступал, конечно, как истый язычник, искал, так сказать, более сильного, более могущественного бога или богов, чем его собственные. Вместе с тем это должен был быть бог благожелательный его роду и его стране, ибо иначе нельзя было бы рассчитывать на его покровительство⁷⁶. Приходилось думать и о том, чтобы новый бог был не слабее, а сильнее лютического Сварожича.

Соседство с христианской Чехией очень облегчало польскому князю выбор. Чешский бог отвечал всем предъявляемым к нему польским язычником требованиям. Он был, без сомнения, сильным и могущественным. Не только опыт Чехии, но и опыт Германии позволял смело надеяться на то, что у него хватит сил с успехом потягаться с враждебным богом лютичей. Сомневаться в его благожелательности к Пястам тоже не приходилось, ибо это был бог жены польского князя и его союзника— чешского владыки. Наконец, именно потому, что он был чешским, славянским, к нему было легче обращаться, с ним можно было договориться на родном языке. Все это были, конечно, очень важные для польского князя соображения.

Итак, Чехия сыграла чрезвычайно важную роль в христианизации Польши. Об историческом значении это-

⁷⁵ G. L a b u d a. Studia nad początkami..., стр. 74—76,

⁷⁶ J. D o w i a t. Chrzest Polski..., стр. 58.

го события в польской истории нет нужды, по всей вероятности, особенно подробно говорить в настоящей работе. В своих основных, главных чертах вопрос этот уже достаточно детально разработан в марксистской историографии, как в польской, так и в советской⁷⁷.

Являясь по существу отражением далеко продвинувшегося процесса феодализации польского общества, принятие христианства самым активным образом способствовало его дальнейшему развитию, создавало необходимые идеологические предпосылки для укрепления в Польше феодального строя. С принятием христианства в Польше стала распространяться письменность, столь необходимая для общества, разделенного на антагонистические классы. Правда, письменность эта была латинской, не понятной народу, что (было следствием принятия Польшей христианства от Запада, в его латинской форме. Следовало бы упомянуть также и о том большом значении, которое имела христианизация Польши при Мешко I для развития польской средневековой феодальной культуры.

Польско-лужицкие войны, разрыв чешско-лужицкого сотрудничества, польско-немецкий и польско-чешский союз и христианизация Польши, основание пражского епископства и миссийного епископства для Польши — вся эта сумма фактов, как видно из предыдущего хода рассуждений, легко укладывается в цепь взаимосвязанных и друг друга обуславливающих событий при том условии, если предположить стремление Чехии и Польши использовать имперскую программу Оттона I для укрепления своих внешнеполитических позиций в ходе мирного сотрудничества с Империей. Сотрудничество с Империей действительно дало свои определенные положительные результаты во второй половине 60 — самом начале 70 гг. как для Чехии, так и особенно для Польши.

⁷⁷ См. В. И. Пичета. Образование Польского государства, стр. 52—54; История Польши, т. I, стр. 39—40; В. Д. Королук. Древнепольское государство, стр. 125—126; Historia Polski, t. I, cz. 1, стр. 160—163; J. Bardach. Historia państwa i prawa Polski..., стр. 91—92; A. Gieysztor. Przemiany ideologiczne w państwie pierwszych Piastów a wprowadzenie chrześcijaństwa. PPP. t. II и др.

Однако, если чешские или польские политики серьезно рассчитывали на прочное и длительное сотрудничество с Империей, если они в самом деле рассчитывали разрешить в рамках универсалистски-имперской программы Оттона I основные задачи своей государственной политики (к сожалению, источники хранят полное молчание на этот счет), то уже самое ближайшее будущее показало полную нереальность такого рода планов. Немецко-польско-чешский союз 60-х годов оказался всего лишь временным, преходящим явлением в политической жизни Центральной Европы.

Иллюзорность расчетов (на тесное сотрудничество с германскими феодалами сказала уже в 968 г. после решительного столкновения Мешко с Вихманом, когда, вопреки указаниям самого Оттона I, восточные маркграфы Герман и Дитрих под предлогом угрозы войны с Данией заключили мир с ратарями⁷⁸, оставляя Мешко один на один с его противниками. Анализируя соответствующие сообщения Видукинда, К. Малечинский приходит к определенному выводу, что такой поворот событий был результатом сознательных действий восточногерманских феодалов, опасавшихся слишком быстрого роста Древнепольского государства и стремившихся сохранить известное равновесие сил между ним и лютичами⁷⁹. А это явно ослабляло прочность успехов, достигнутых польским князем на Западном Поморье⁸⁰. Буквально через несколько лет дело дошло уже и до прямого военного столкновения между польским князем и восточногерманскими феодалами, что как нельзя лучше подтверждает суждения польского историка.

Правда, конкретные причины вторжения в 972 г. на территорию Польши Отона — маркграфа Восточной Саксонской марки — остаются неизвестными, однако совершенно ясно, что само его вторжение не было неожиданностью для польского князя. Мешко I использовал для обороны от нападения пограничный укрепленный “грод”

⁷⁸ Widukind, L. III, cap. 70.

⁷⁹ K. Maieczyński. Polska a Czechy..., стр. 57.

⁸⁰ К. Малечинский высказывает даже в связи с этим предположение, что окончательное присоединение Западного Поморья к Польше произошло не в 60-е годы, а между 974—976 гг., в период резкого ослабления позиций восточногерманских феодалов. K. Maieczyński. Najstarsza zachodnia granica Polski..., стр. 218.

Цедыню⁸¹, расположенный на правом берегу Одры к северу от устья Варты. В окрестностях Цедыни и разыгралась кровавая битва, в которой немецкое войско было наголову разгромлено⁸².

Обращает на себя внимание прекрасная подготовка польского князя к встрече непрощенных гостей. Визит их не захватил его врасплох.

Разгром Одона должен был вызвать большие толки в Империи. Быстро прореагировал на него и пребывавший тогда в Италии император Оттон I, обратившийся с письмом к борющимся сторонам с требованием прекратить войну и ожидать его возвращения⁸³. Столкновение Мешко и Одона действительно явилось предметом разбирательства на имперских съездах сначала в Ингельгей-ме, потом в Кведлинбурге, где Мешко, видимо, признанный виновным, принужден был выдать императору в качестве заложника своего сына Болеслава⁸⁴.

Далеко не гладко развивались в это же время и чешско-немецкие отношения. Учреждение Пражского епископства год от года откладывалось, наталкиваясь на сопротивление части германских феодалов. Не было достигнуто полного соглашения на этот счет и в Кведлин-бурге⁸⁵, так что фактически пражская кафедра начала функционировать лишь в 975 г.

Решения Кведлинбургского съезда, таким образом, не только не были благоприятны для Чехии, но и вполне очевидным образом продемонстрировали польскому и чешскому монархам, что в столкновении с восточногерманскими феодалами им нельзя рассчитывать на поддержку Оттона I, что его имперская программа не может стать средством ограничения восточной экспансии германских феодалов.

Если до этого времени Мешко I мог еще обманываться относительно характера нападения Одона, то после

⁸¹ О Цедыне см. W. F i i p o w i a k. Cedyńia w czasach Mieszka I. Szczecin, 1959.

⁸² B. M i s k i e w i c z. Studia nad obroną polskiej granicy zachodniej w okresie wczesnofeudalnym (далее: Studia nad obroną...), Poznań, 1961, стр. 228—233.

⁸³ T h j e t m a r, L. II, cap. 29.

⁸⁴ Miszege etiam dux Sclavienus terrore compulsus fihum mittit. Annales Altahenses Maiores. Под 973 годом. MGHSS, t XX; Q L a - b u d a. Studia nad początkami..., стр. 125—126.

⁸⁵ K. M a l e c z y n s k i. Polska a Czechy..., стр. 59

Кведлинбурга не могло оставаться сомнений, что Одон действовал в качестве официального лица, проводил официальную политику Империи⁸⁶.

Отражением изменений, происшедших к этому времени в польско-имперских отношениях, являются показания о событиях этих лет Титмара Мерзебургского — немецкого хрониста конца X — начала XI в., писавшего, правда, много времени спустя, но имевшего о них свои собственные сведения, поскольку его отец Зигфрид был непосредственным участником первого польско-немецкого конфликта. Для исследователя далеко не безразлично также, что в своей хронике Титмар выразил настроение и мысли именно тех кругов восточногерманских феодалов, которые были, очевидно, инициаторами похода на Цедьню.

Обращают на себя внимание прежде всего следующие слова хрониста, взятые из его рассказа о битве под Цедьюей: “Между тем достойный маркграф Одон, собрав войско, напал с ним на Мешко, который был верен императору и платил ему дань (с территории) вплоть до реки Варты. На помощь маркграфу поспешил со своими силами только мой отец, граф Зигфрид...”⁸⁷.

Уже с первого взгляда в этом отрывке Титмара поражает трактовка польского князя в качестве простого вассала-данника германского императора. Намеренно оскорбительное к польскому князю отношение Титмара особенно бросается в глаза при сравнении его слов с рассказом современника Мешко I Видукинда, который не колебался назвать польского князя “королем” и “другом императора”. Решительно противоречит Титмаровой трактовке правового положения Мешко I также и все то, что известно о развитии польско-немецких отношений с 963 по 968 г. Но если Титмарову характеристику существа польско-немецких отношений применительно к 60-м годам X в. нельзя признать правильной, то, с другой стороны, нельзя не отметить, что характеристика эта не является у него случайной, что она прямо вытекает из его оценки положения Мешко I именно в 60-е годы.

⁸⁶ G. J. a b u d a. *Studia nad początkami...*, стр. 123—126.

⁸⁷ Interea Hodo, venerabilis marchio, Misenem imperatori fide-lem tñbutumque usque in Vurta fluvium solventem exercitu petivit col-lecto. Ad cuius auxilium pater meus comes Sigifridus... venit solum cum suis... T h i e t m a r, t. II, cap. 29.

В подтверждение этого тезиса следует привести собственные слова Титмара, помещенные в его хронике несколько выше приведенного только что отрывка. В главе 14 второй книги своей хроники, рассказывая о деятельности маркграфа Восточной марки Герона, Титмар замечает: “Маркграф Восточной марки Герон подчинил власти императора лужичан, слупян, а также Мешко с его подданными”⁸⁸.

Сравнение этого отрывка из хроники Титмара с первым процитированным выше отрывком не оставляет сомнений в том, что они не только взаимосвязаны, но и непосредственно вытекают один из другого (ссылка Титмара на р. Варту, по-видимому, скорее всего отражает его представления о границах Польского государства в 60-е годы X в.).

Между тем уже трудами К. Тыменецкого⁸⁹, а затем Г. Лябуды⁹⁰ было доказано, что сведения Титмара о покорении Героном Мешко являются произвольной комбинацией мерзбургским епископом сообщений Видукинда, звучащих, как было показано выше, совершенно иначе.

Но если отпадает, таким образом, исходный пункт рассуждений Титмара, то вместе с ним теряют силу и построенные на нем выводы о вассально-данническом положении Мешко I по отношению к Империи накануне 972 г. А это наблюдение чрезвычайно важного характера. Из него следует, что попытки строить именно на приведенных выше замечаниях Титмара какие-либо вполне определенные заключения о дани, уплачиваемой Мешко I Германии, как это до последнего времени делалось в немецкой⁹¹, польской⁹² и советской⁹³ литературе, совершенно неправомерны.

⁸⁸ Gero Orientalium marchio Lusici et Selpuli, Misionem quoque cum sibi subiectis, imperial! subdidit dicioni.

⁸⁹ К. Т у м и е н е с к и. Widukind i Thietmar o wypadkach z r 963. RH, t. 12, 1936, стр. 95 и след

⁹⁰ G. L a b u d a. Studia nad poczatkami..., стр. 5—54.

⁹¹ F. B a e t h g e n. Zur Geschichte der altesten deutsch-polnischen Beziehungen. AF, t. 13, 1936, стр. 2—6; H. L u d a t. Mieschkos Tribut-pflicht bis zur Warte. DALV, t. 2, 1938, стр. 380—383; W. W e g e n e r. Bohmen-Mahren..., стр. 49—61.

⁹² J. W i d a j e w i c z. Polski obszar trybutarny X wieku. Sobotka, 1947, № 2, стр. 42—90; K. M a t e c z y n s k i. Polska a Czechy..., стр. 57—58. Ср. G. L a b u d a. Studia nad poczatkami..., стр. 111—116 158—162.

⁹³ В. Д. К о р о л ю к, Древнепольское государство, стр. 124—125.

Сформулированные, таким образом, выводы из анализа показаний Титмара не предредают, разумеется, еще ответа на вопрос о дани Мешко I в пользу Империи (такая дань, правда, имеющая чисто формальный и нерегулярный характер, возможна, только судить о ней нельзя по словам Титмара), зато они с полной очевидностью вскрывают тенденциозность немецкого летописца. Поскольку же высказанное в литературе предположение, что Титмар вообще не ориентировался в событиях 60—начала 70-х годов⁹⁴, по меньшей мере, сомнительно и маловероятно, остается думать, что все его построение было результатом прямой фальсификации фактов IV угоду господствовавшим в среде восточногерманских феодалов политическим тенденциям, причем не только тем тенденциям, которые ярко проявились в начале XI в., но и тем тенденциям и настроениям, которые были характерны для восточногерманских феодалов гораздо раньше и в которых был воспитан Титмар с детства в семье участника битвы под Цедыней.

Прямым результатом враждебной Польше и Чехии политики восточногерманских феодалов, нашедшей столь яркое выражение в хронике Титмара, прямым следствием битвы под Цедыней и Кведлинбургского сейма явился резко обозначившийся в 70-е годы поворот в политике польского и чешского князей. Уже отправляя к императору в качестве заложника своего сына, Мешко I поспешил обеспечить его опекой со стороны Римского престола, для чего в Рим были посланы волосы семилетнего мальчика⁹⁵. Но если расчеты на противоречия между Римом и Империей в силу реального соотношения сил между ними были тогда еще преждевременны, то польско-чешский союз, укрепить который поспешили как в Праге, так и в Познани, оказался вскоре важным и действенным орудием борьбы с восточногерманскими феодалами.

Удобным моментом для активного польско-чешского выступления против них оказалась смерть в 973 г. императора Оттона I. Мешко I и Болеслав II Чешский заключили союз с Генрихом Баварским, вступившим в

⁹⁴ К. Тумieniecki. Państwo polskie ..., стр. 295.

⁹⁵ К. Potkafski. Napis grobowy Bolesława Chrobrego. Pisma posmiertne, t. II, Krakow, 1924, стр. 142—144.

борьбу за престол с Оттоном II⁹⁶, противником которого оказался и Гаральд Датский. Поздней осенью 975 г. Оттон II попытался нанести удар своим славянским противникам, но ни поход на Польшу, ни вторжение в Чехию не принесли ему ощутимого успеха. Не более удачным было нападение на Чехию в 976 г. И только в 977 г. Оттону II удалось достичь определенного перевеса в борьбе с Болеславом II, которая закончилась в 978 г. немецко-чешским миром и подчинением чешского князя императору⁹⁷.

Зато Мешко I удалось устоять против натиска императора. Польско-немецкая война продолжалась еще и в

979 г. Она не принесла славы немецкому оружию и закончилась около 980 г. миром, инициаторами которого были, по-видимому, саксонские феодалы. Важно отметить при этом, что источники не дают оснований говорить о какой-либо зависимости Мешко I от Германии после 980 г.⁹⁸

Нужно сказать, однако, что чешско-немецкий мир 978 г. не привел к автоматической ликвидации польско-чешского союза. Когда в 983 г. скончался император Оттон II, Мешко I и Болеслав II (вместе с ними выступил и бодрицкий князь Мстивой) вновь оказались союзниками Генриха Баварского, провозгласившего себя 23 марта 984 г. немецким королем, хотя еще 25 декабря 983 г. в Аахене произошла коронация Оттона III. На этот раз, впрочем, вмешательство Чехии и Польши в имперские усобицы было менее энергичным, чем в 974 г. В 985 г. Генрих Баварский вынужден был отказаться от своих претензий на корону и признать королем Оттона III⁹⁹. Вместе с тем закончился и период совместных польско-чешских выступлений против восточногерманских феодалов. Вторая половина 80-х годов X в. принесла с собой новую расстановку сил в Центральной Европе и привела к новым политическим комбинациям. Об этом пойдет речь в другой главе настоящего исследования.

⁹⁶ Heinricus dux Bavariorum et Abraham episcopus inierunt consiliium cum Bolizlavone et Misigone, quomodo imperatori suum regnum disperderent. *Annales Altahenses Maiores* под 974 г. MGHSS, t. XX.

⁹⁷ K. M a l e c z y n s k i . *Polska a Czechy...*, стр. 61—64.

⁹⁸ G. L a b u d a . *Studia nad poczatkami...*, стр. 165—167; B. M i s - k i e w i c z . *Studia nad obrona...*, стр. 234—235.

⁹⁹ K. M a l e c z y n s k i . *Polska a Czechy...*, стр. 67—68,

Подводя итоги исследованию польско-чешских отношений 60—80-х годов, существенным представляется подчеркнуть только, что польско-чешский союз, который, по-видимому, рассматривался первоначально его создателями как инструмент сотрудничества в Центральной и Восточной Европе с Германской империей, уже в 70-е годы в связи с агрессивной политикой восточногерманских феодалов, пользовавшихся поддержкой императорского двора, превратился в орудие борьбы с Германией. Объединение польских и чешских военно-политических усилий принесло реальные результаты как Чехии, так и Польше.

В то же время исторический опыт 60—80-х годов с полной и безусловной очевидностью показал, что олицетворяемая Оттоном I и его саксонским окружением универалистски-имперская программа никоим образом не может быть согласована с основными политическими задачами, стоявшими перед поднимающимися западославянскими раннефеодальными государствами. Программа эта в руках восточногерманских феодалов оказалась всего лишь новым, хотя и чрезвычайно помпезным, идеологическим оформлением их старых притязаний на Востоке.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РУСЬ И ПОЛЬША в X в.

В отличие от проблем польско-чешских отношений 60—80-х годов X в. вопросы польско-русских отношений второй половины X в. постоянно приковывали к себе внимание историков. Анализу отношений, складывавшихся в это время между Русью и Древнепольским государством, посвящена колоссальная литература на русском, украинском, польском и немецком языках. Ни один историк, касавшийся проблем политического развития Руси или Польши X в., ии один последователь, пытавшийся обрисовать процесс складывания территории Древнерусского или Древнепольского государств, не проходил мимо этой темы. Она неизменно оставалась в центре внимания как старой, так и новой историографии, постоянно являясь предметом острых споров.

Важно подчеркнуть, что и сегодня нет единой точки зрения даже в марксистской историографии на оценку характера этого начального этапа польско-русских отношений.

Обширности существующей историографии вопроса и царящей в ней многоголосице странным образом противоречит крайняя фрагментарность и явная неполнота сохранившихся данных источников. Фактически при характеристике польско-русских отношений второй половины X в. исследователи вынуждены ограничиваться анализом нескольких замечаний русской летописи и случайным упоминанием русско-польских сюжетов в немецких анналах. В литературе уже высказывалось мнение, что существующие источники не отражают в полной мере действительной картины русско-польского соседства и общения в рассматриваемое здесь время¹. Поэтому и основанное на их изучении изложение развития русско-польских отношений не может претендовать ни на какую полноту. Зато недостаток источников и их определенная неясность открывают широкие возможности для выска-

¹ См., например, J. Skrzypek. *Studia...*, стр. 109 и др.

звания разного рода догадок и более или менее обоснованных комбинаций.

Задачей последующего исследования и является попытка, опираясь на сохранившиеся данные источников, разобраться в сумме высказанных в литературе, часто взаимоисключающих взглядов, оставляя в силе те выводы, которые удастся согласовать со всем известным фактическим материалом по истории Руси и Польши X в.

Но прежде необходимо, хотя бы в самой краткой форме, охарактеризовать суть продолжающейся в науке дискуссии. Одной из самых важных черт, показательных для развития как дворянско-буржуазной русской, так и польской и буржуазной украинской историографии, было общее им всем представление об исконности русско-польской вражды, являвшейся якобы основным содержанием исторических отношений, складывавшихся на протяжении веков между двумя славянскими народами. Под этим углом зрения делались и попытки рассмотреть русско-польские отношения X в.²

Помимо общеполитических мотивов, оказывавших в конкретных условиях XIX — начала XX в. определяющее влияние на настроение дворянско-буржуазных и буржуазных историков, известную роль здесь сыграло и состояние источников.

Дело в том, что исходным пунктом для всех концепций, формулировавшихся в ходе дискуссии, по необходимости оказывалось летописное сообщение 981 г.: “Иде (Володимир) к ляхом и зая грады их, Перемышль, Чер-вен и ины грады, еже суть и до сего дне под Русью”³.

² Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии (далее: Очерки...). Варшава, 1873; И. Л и н н и ч е н к о. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия (далее: Взаимные отношения Руси и Польши...). Киев, 1884; А. В. Л о н г и н о в. Чер-венские города. Варшава, 1885; П. А. И в а н о в. Исторические судьбы Волынской земли до конца XIV в. Одесса, 1895; А. Я б л о п о w s k i. Historia Rusi Poludniowej do upadku Reczypospolitej Polskiej (далее: Historia Rusi Poludniowej...). Krakow, 1912; А. S z e l s g o w - s k i. Kwestia ruska w swietle historii (далее: Kwestia ruska...). War-szawa, 1911; J. W i d a j e w i c z. Poludniowo-wschodnie kresy Polski w X—XI wieku. Poznan, 1937; М. Г р у ш е в с ь к и й. История України—Руси, т. I Льв!в, 1904; М К о р д у б а. Захшне пограниче Га-лицько! Держави м!ж Карпатами та дошним Сяном. ЗНТШ, т. LXXXVIII—CX, 1925; он же. Stosunki polsko-ukrainskie w X—XIII, Sprawy Narodowosciowe, 1933, N 6.

³ ПСРЛ, т. I, стлб. 81.

Однако эта летописная запись не является первым свидетельством о русско-польских контактах. Еще в 966 г. арабский путешественник Ибрагим ибн Якуб упомянул в своей “Записке” о славянах, что на востоке владения Мешко I Польского граничат с Русью⁴, очевидно, имея в виду границу между Мазовией и Турово-Пинской землей. Кстати сказать, эти слова Ибрагима ибн Якуба можно использовать как доказательство того, что в 60-х годах X в. Турово-Пинская земля входила уже в состав Древнерусского государства. Показательно вместе с тем, что Ибрагим ибн Якуб ни одним словом не обмолвился о каких-либо русско-польских пограничных конфликтах.

Необходимо, однако, вернуться к только что процитированному показанию русской летописи. Важность его объясняется не только тем обстоятельством, что таким образом в письменных источниках были впервые засвидетельствованы русско-польские политические контакты, причем в форме военного столкновения. Может быть, еще более важно, что столкновение это оказывается связанным с польско-русской борьбой из-за Червенских городов, о которой неоднократно говорится в источниках XI в. Не менее существенно, пожалуй, что логически, по смыслу текста летописи, область Червенских городов и Перемышльская земля оказываются ляшскими, так как ведь Владимир “иде к ляхом и зая грады их...”.

Именно это последнее обстоятельство послужило тем побудительным мотивом, который поставил 981 г. в центр всех научных споров о характере и смысле польско-русских отношений X в.

При этом следует сказать, что точка зрения огромного большинства польских исследователей XIX — начала XX в., настаивавших на точном смысле слов летописи и опиравшихся на ее буквальную трактовку, представляется достаточно ясной, а основная политическая тенденция вполне очевидной и прозрачной.

В более сложном положении находились русские исследователи вопроса, которым приходилось искать новых путей его разработки, начиная от опытов иначе осмыслить и истолковать летописный текст до попыток выявления в нем более поздних интерполяций, внесенных ру-

4 МРНС, т I, стр. 50.

кой одного из последующих редакторов древнего летописного свода. Решающим соображением, руководившим ими при этом, было то, что не только в XI—XII вв., но и в X в. комплекс земель, упомянутых под 981 г., представлял собой территорию древних восточнославянских племен — хорватов и дулебов⁵. Для целей настоящего исследования нет необходимости подробно останавливаться на географической характеристике так называемых Червенских городов. В настоящее время можно считать совершенно доказанным, что попытки Н. П. Барсова трактовать все упомянутые летописью под 981 г. земли в качестве единого территориального комплекса несостоятельны. Очевидно, что если и признавать существование определенного комплекса восточнославянских земель, известного по летописным данным, относящимся к событиям XI в. под именем Червенских городов, то комплекс этот был значительно более узким, чем казалось историкам ранее. В него, по-видимому, не входили Белз и Берестье, не говоря уже о Перемышле⁶. Зато новейшие археологические исследования не оставляют никакого сомнения в восточнославянском облике материальной культуры древнего Червеня и его области⁷.

Именно восточнославянский этнический характер Червеня и Перемышля дал основание исследователям считать, что в сообщении 981 г. они названы “ляшскими” не в этнографическом смысле, а по признаку их политической принадлежности.

Уже Н. М. Карамзин, исходивший, очевидно, из такой точки зрения, попытался в связи с этим объяснить летописное сообщение 981 г. приблизительно следующим образом: хорваты и дулебы, населявшие территорию, позднее известную, по его мнению, под именем Червенских

⁵ Н. П. Барсов. Очерки..., стр. 88; ср. Н. П. Барсов. География начальной летописи. Варшава, 1873.

⁶ А. Н. Насонов. Русская земля..., стр. 127—138; ср. исследование этого вопроса в работах польских историков: А. Рорпе. Grod Wotyn. SW, t. IV. Wrocław — Warszawa, 1958; J. Skrzypek. Studia...

⁷ H. Lowmianski. Problematyka historyczna Grodow Czerwienskich w związku z planem zespoiowych badan polsko-radzieckich (далее: Problematyka historyczna Grodow Czerwienskich...). KH, 1953, N 1; A. Gieystor. Prace badawcze na obszarze Grodow Czerwienskich. KH, 1953, N 1; А. Рорпе. Grod Wolyn; T. Wasowicz. Czerwień. SSS, t. 1. Wrocław — Warszawa — Krakow, cz. 2, стр. 301.

городов, были покорены еще во времена Олега. Летописное сообщение 907 г., указывающее на участие хорватов и дулебов в походе Олега на Константинополь, является при этом основным аргументом автора⁸. Позднее, по мнению Карамзина, при Ярополке Русь потеряла эти свои западные владения, и они отошли к Польше⁹. И лишь затем последовали события 981 г.

Помимо того, что сама по себе ссылка на сообщение летописи об участии хорватов и дулебов в походе Олега 907 г. не является доказательной, о чем придется еще говорить несколько ниже, следует особенно подчеркнуть другое обстоятельство. До середины X в., точнее до того момента, пока киевскому владыке не удалось прочно подчинить своей власти княжество древлян, разумеется, ни о каком польско-русском конфликте из-за Червеня или Перемышля не могло быть и речи¹⁰. А это означает, что отпадает весьма важная, существеннейшая основа для сделанного Н. М. Карамзиным построения.

Тем не менее его, хотя и неудачная, но все же самостоятельная попытка объяснить странное известие 981 г. на основании сопоставления данных самой летописи, представляет известный интерес, а в развитии историографии вопроса сыграла определенную и довольно значительную роль.

В дальнейшем основные положения Н. М. Карамзина были развиты в работах двух крупнейших русских исследователей — С. М. Соловьева¹¹ и И. Линниченко¹². Однако останавливаться на них более подробно не представляется необходимым.

Более важным кажется остановиться на довольно любопытной гипотезе А. В. Лонгинова — автора одного из лучших исследований о Червенских городах¹³, — с помощью которой он попытался объяснить сообщение 981 г.

⁸ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I. СПб., 1892, стр. 87.

⁹ Там же, стр. 138.

¹⁰ О географическом положении древлян см.: А. Н. Насонов. Русская земля..., стр. 144, П. Н. Третьяков. Древлянские "грады" Сб "Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия". М., 1952.

¹¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 1 СПб., изд. "Общественная польза", стлб. 179—184.

¹² Взаимные отношения России и Польши..., стр. 77—78.

¹³ А. В. Лонгинов. Червенские города.

Исходя из того, что названные русским летописцем в тексте под 981 г. земли этнографически не могли в то время принадлежать к области ляхского племени, он предложил разделить текст источника следующим образом: Владимир пошел к ляхам и занял “грады их” — это один поход Владимира в 981 г. Второй самостоятельный поход был направлен против городов Перемышля, Червеня и др.¹⁴ В летописном сообщении сведения об этих двух походах были соединены вместе, в результате чего возникло путаное и неправдоподобное сообщение 981 г.

Однако, как это легко заметить с первого взгляда, построение А. В. Лонгинова чрезвычайно искусственно. Произведенное им членение текста логически полностью искажает его прямой смысл, а текстуально к тому же совершенно не доказано да и, пожалуй, недоказуемо. Автор как-то полностью упускает из вида, что Перемышль и Червен упомянуты в летописи, во всяком случае, судя по сохранившемуся тексту, лишь для того, чтобы расшифровать более общее понятие “грады их”, т. е. ляхов.

Вместе с тем, однако, автору нельзя отказать в целом ряде чрезвычайно интересных и заслуживающих внимания конкретных наблюдений. В частности, серьезный интерес вызывает к себе тот основной вывод, к которому приходит А. В. Лонгинов после подробного и систематического разбора всех сведений, относящихся к истории Червонной Руси X в.

Концепция его в двух словах заключается в том, что до 981 г. на этой территории существовали самостоятельные племенные княжества, бывшие независимыми как от Польши, так и от Руси¹⁵.

Не меньшего, если не еще большего интереса заслуживает попытка другого русского ученого — Е. Крыжа-новского разобраться в вопросе польско-русских отношений второй половины X в. Исходным пунктом для его рассуждений послужил тезис о принадлежности Кракова к территории Древнечешского государства с половины X столетия, тезис, ставший фактически неопровержимым после детального изучения “Записки” Ибрагима ибн Якуба о славянах, а также таких источников, как документ “*Dagome iudex*” и так называемая учреди-

¹⁴ Там же, стр. 61.

¹⁵ Там же, стр. 66.

тельная грамота Пражского епископства 1086 г. Анализу этих документов будет посвящен особый раздел в следующей главе настоящего исследования. В данной связи важно только отметить, что вопрос о принадлежности Кракова и Краковской земли к территории Чешского княжества в 80-х — начале 90-х годов X в. не вызывает сейчас возражений ни со стороны польских, ни со стороны чехословацких и советских исследователей¹⁶.

Опираясь на такое представление о границах Древ-непольского государства в середине и во второй половине X в. и указывая, помимо всего прочего, на непонятный факт, как мог Мешко I совершенно не прореагировать на потерю столь важных областей, как территория Червенских городов, автор пришел к категорическому отрицанию летописного известия 981 г. Для него совершенно ясно, что Владимир не вел тогда никакой войны из-за Перемышля и Червеня с поляками¹⁷.

Несмотря на всю справедливость основных положений исследователя, работу, произведенную им, нельзя признать законченной. До тех пор, пока не будет получено объяснения, каким образом оказалось очевидно несостоятельное сообщение 981 г. в составе русского летописного свода, с точки зрения источникововеда вопрос все еще должен оставаться открытым, не может считаться вполне доказанным.

Излагаемая ниже гипотеза нашего знаменитого исследователя древнерусского летописания А. А. Шахматова представляется поэтому как бы логическим развитием и завершением линии исследований, начатых в русской дореволюционной историографии Е. Крыжановским.

Помещая известие 981 г. в своей реконструкции древнейшего летописного свода¹⁸, А. А. Шахматов исходил из следующих соображений: текст летописи, стоящий под 981 г., основан на припоминаниях, связанных с событиями 1018 г. (захват Червенских городов Болеславом Храб-

¹⁶ Подробное обоснование этого тезиса и анализ соответствующей литературы см.- В. Д. Ко р о л ю к. К вопросу об отношениях Руси и Польши в X в. КСИС, 1962, № 9, о н же Грамота 1086 года в хронике Козьмы Пражского. КСИС, 1960, № 29.

¹⁷ Е. К р ы ж а н о в с к и и. Заб>жная Русь. Собр. соч., т. II. Киев, 1890, стр. 330—332.

¹⁸ А. А. Ш а х м а т о в. Разыскания о древнейших русских летописных сводах (далее: Разыскания...). СПб., 1908, стр. 556.

рым) и 1031 г. (поход Ярослава и Мстислава, закончившийся обратным присоединением этих городов к Руси). Кроме того, по мнению А. А. Шахматова, в пользу сделанного им наблюдения говорит и не случайное число 50, отделяющее одно известие от другого: 981 —1031 гг. Нужно сказать, однако, что такое решение вопроса, согласно которому известие 981 г. в том виде, как оно дошло до нас, представляет собой текст, возникший лишь на основе припоминаний, не представляется в достаточной мере убедительным. Во-первых, нет никаких оснований придавать какое-то исключительное значение числу 50, отделяющему 981 г. от 1031 г. Подобное явление вполне могло быть и совершенно случайным. Во-вторых, известие “Повести временных лет” под 992 г. — “Иде (Володимир) на хорваты”¹⁹, — которое сам А. А. Шахматов²⁰ помещает в свою реконструкцию так называемого Древнейшего свода и древность которого доказывается присутствием его под 993 г. в составе Новгородской Первой летописи²¹, избавляет, кажется, от необходимости связывать припоминания о завоеваниях Владимира, навеянные событиями 1031 г., только с ничем не знаменательным 981 г. С еще большим успехом, чем под 981 г., позднейший сводчик мог бы поместить свои припоминания под 992 (993) г. или под любыми другими до и после этого времени остававшимися пустыми, т. е. лишенными известий, годами летописного текста, тем более, что известие 992 (993) г. касалось части территории, названной в известии 981 г. И, наконец, последнее соображение. Присутствие под тем же 981 г. упоминания в летописи о походе Владимира на вятичей, разумеется, никак не связанного с борьбой из-за Червеня или Перемышля, определенно не согласовывается с основным тезисом А. А. Шахматова, что известие 981 г. было основано в Древнейшем своде на одних припоминаниях. В таком случае поход на вятичей был бы отнесен, по-видимому, на какой-либо иной год, тем более, что уже в следующем, 982 г., летопись вновь сообщает о походе на вятичей.

¹⁹ ПСРЛ, т. I, стлб. 122.

²⁰ А. А. Шахматов. Разыскания, стр. 56".

²¹ НПЛ, стр. 165.

Таковы те соображения, по которым любопытная гипотеза А. А. Шахматова не кажется автору этого исследования вполне разъясняющей историю летописного текста под 981 г.

Из других исследователей, касавшихся происхождения этой летописной заметки, следует упомянуть еще украинского историка М. Грушевского. В своем общем сочинении «История Украины — Руси» он посвятил ему несколько интересных страниц, используя основные выводы предшествовавшей историографии. Позиция его, коротко говоря, сводится к следующему: имя «ляхов», упоминаемое под 981 г., является, по-видимому, позднейшей интерполяцией, связанной с перипетиями хорошо известной летописцу борьбы Руси и Польши за Червен-ские города в XI в.²² По-видимому, близкой точки зрения придерживался и польский историк В. Абрагам, отвергший летописное известие 981 г. о польско-русском конфликте, считая, что речь должна идти о подчинении киевскому князю дотоле самостоятельных западнорусских княжеств²³.

Само собой разумеется, что с иных методологических позиций к анализу русско-польских отношений подошли историки-марксисты, решительно отвергшие культивировавшийся бывшими господствующими классами России и Польши вредный миф об извечной вражде, разделявшей, якобы, в течение веков два родственных народа. Пересматривая старые концепции и взгляды, советские и польские историки стали преимущественно обращать на явления, объединяющие русский и польский народы, а причины и следствия русско-польских конфликтов анализировать конкретно-исторически под углом зрения классовых и политических интересов, подготавливавших эти конфликты господствующих классов и классовых группировок.

Под этим новым углом зрения начался и пересмотр старых представлений о характере и смысле древнейшего этапа политических отношений Руси и Польши.

²² М. Грушевський. Історія України — Руси, т. I, стр. 436.

²³ Wl. A b r a h a m . Organizacja kosciola w Polsce. Lwow, 1893, стр. 43—44.

Причем пересмотр этот происходил одновременно как в советской, так и в польской историографии²⁴. Естественно, что при этом были предприняты попытки дать новую интерпретацию летописному тексту под 981 г., хотя и в польской²⁵ и в советской²⁶ историографии оставались и остаются до сих пор сторонники безусловного признания подлинности текста 981 г., полагающие, что он действительно отражает реальное развитие хода польско-русских отношений 80-х годов X в.

Одной из первых попыток обратиться к пересмотру опорного вопроса о происхождении летописного текста 981 г. была попытка польского историка Г. Лябуды, высказавшего предположение, что в 981 г. происходила не польско-русская, а чешско-русская война²⁷. В сущности это была попытка вернуться к старой точке зрения некоторых чешских историков²⁸. В современной чехословацкой историографии аналогичную позицию в отношении летописного сообщения под 981 г. занял Л. Гавлик. По его мнению, в 60—70-е годы X в. именно Чехии принадлежала часть восточнославянских земель хорватов

²⁴ S. M. Ku cz y n s k i O wyprawie Włodimierza I ku Lachom. Spr. Wn. Tow. Nauk, t. IV, 1949; он же. Nieznany traktat polsko-ruski roku 1039 (далее: Nieznany traktat polsko ruski...). SA, t. V. Poznan, 1954—1956; он же. Stosunki polsko-ruskie ., он же. Wschod-nia granica Państwa Polskiego w X wieku (przed rokiem 980) (далее: Wschodnia granica Państwa Polskiego...). PPP, t. I; J. S k r z y p e k. Studia...; A. P o r r e. Grod Wołyn... и др.; Б. Д. Г р е к о в. Киевская Русь; А. Н. Н а с о н о в. Русская земля; В. Т. П а ш у т о. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси; У. М. Ш е к е р а. Міжнародні зв'язки Київської Русі. Київ, 1963; В. Д. К о р о л ю к. К вопросу об отношениях Руси и Польши в X в.; он же. Русь и Польша в первые пятнадцать лет XI в. УЗИС, т. XXVI, 1963; он же. Летописные статьи о русско-польском союзе 40-х годов XI в. Славянский архив. М., 1958.

²⁵ См., например, работы: J. N a t a n s o n - L e s k i. Zarys granic i podziałow Polski najstarszej. Wrocław, 1953; он же. Państwo Mieszka Pierwzego. Zagadnienia terytorjalne (далее: Państwo Miecz-ka I...). SW, t. IV. Wrocław — Warszawa, 1958; K. M a J e c z y n s k i. Najstarsza zachodnia granica Polski...; J. S k r z y p e k. Studia..

²⁶ А. Н. Н а с о н о в. Русская земля...; Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. I. М., 1953, стр. 93; Нариси ста-родавньо! історії Українсько! РСР Кшв, 1957, стр. 546 и др.

²⁷ С. L a b u d a. Studia nad początkami..., стр. 229—230.

²⁸ См., например, V. N o v o t n y. Ceske dejiny, t. I, стр. 579— 580; J. K a l o u s e k. O rozsahu rise ceske za Boleslava II (далее: O rozsahu rise ceske...). Sb. h., d. I. Praha, 1883; V. C h a l o u p e c k y. Prameny X století. Svatovaclasky Sbornik, t. II. c. 2. Praha, 1939, стр. 207—211.

и волынян, и в борьбе с Чехией достались они киевскому князю Владимиру. Что касается летописного известия 981 г., то первоначальный текст его был перередактирован в период 1018—1034 гг., когда и приобрел свой нынешний вид²⁹. Короче говоря, весь вопрос сводится к замене в летописном тексте 981 г. имени “ляхов” “а имя “чехов”.

И в самом деле, почему бы и не принять такую точку зрения, если, не владея краковской и сандомирской землями, велнкопольские Пясты действительно не могли проникнуть в область Червеня и Перемышля? А. Шелон-говский, правда, в свое время предполагал, что они могли укрепиться здесь, имея опорной базой Мазовию³⁰, но предположение это было полностью отвергнуто еще в старой историографии³¹. Мало чем отличается от последнего предположения и предположение А. Яблонов-окого, увидевшего в летописном известии 981 г. свидетельство восточной экспансии мазовецких князей³².

Может быть, именно исходя из этих соображений, известные колебания в оценке “чешской” гипотезы проявил и наш знаменитый историк Киевской Руси Б. Д. Греков, хотя в конце концов он решительно отказался от нее³³.

Нужно сказать, что такое решительное несогласие с предложением заменить в летописном тексте 981 г. имя “ляхи” на “чехи” было вообще свойственно русской, а затем и украинской историографии, во всяком случае, со времен С. М. Соловьева³⁴. Главным аргументом русских противников “чешской” гипотезы были при этом наблюдения над русским летописанием. Русская летопись обращает на себя внимание очень хорошим знанием западнославянского этноса. Она не только четко отличает “ляхов” от “чехов”, но и чехов от мораван.

²⁹ L. N a v i k. Tfi kapitoly..., стр. 70—73.

³⁰ A. S z e l g o w s k i. Kwestja ruska..., стр. 43—44. A. S p. S z e l a g o w s k i. Najstarsze drogi z Polski na Wschod...

³¹ М. Г р у ш е в с ь к и й. История Украины — Руси, изд. 3. Киев, 1913, стр. 438.

³² A. J a b l o n o w s k i. Historia Rusi poludniowej..., стр. 13.

³³ Б. Д. Г р е к о в. Киевская Русь, стр. 376.

³⁴ С. М. С о л о в ь е в. История России, стлб. 179—184; ср. М. Г р у ш е в с ь к и й. история Украины — Руси, стр. 434—436; В. В. М а в р о д и н. Образование Древнерусского государства (далее: Образование...). Л., 1945, стр. 298.

При таких обстоятельствах, разумеется, чрезвычайно трудно согласиться с тем, что русский летописец мог спутать или без всяких к тому оснований заменить “чехов” на “ляхов”. Из польских историков на малую вероятность и необъяснимость предполагаемой замены обратил внимание Г. Ловмянский³⁵, много лет специально занимавшийся древнерусской исторической проблематикой.

Но есть и еще одно важное соображение, побуждающее отвергнуть замену “ляхов” на “чехов”. Дело в том, что такая замена одновременно означала бы признание необычайно широких границ Чешского княжества в 60—80-е годы X в., означала бы утверждение, что в это время в состав Чехии, помимо Малой Польши и Силезии, входили и значительные по территории восточнославянские области. Но такой взгляд на Чехию, как на самую крупную западнославянскую страну того времени, явно расходится с прямыми указаниями современного источника — “Записки” Ибрагима ибн Якуба, который прямо заявляет, сравнивая Древнепольское государство с другими западно- и южнославянскими странами, что страна Мешко “самая большая из их (т. е. славян) стран”³⁶. Ни словом не упоминая ни о каких чешских владениях на Руси, Ибрагим ибн Якуб вместе с тем прямо свидетельствует о том, что владения Болеслава Чешского распространялись “от города Фраги (Праги) до города Крако (Кракова)”, куда и являлись со своими товарами купцы из русских земель³⁷.

Не могут изменить таких представлений на размеры Древнечешского государства в 60—80-е годы X в. и ссылки “а так называемую Учредительную грамоту Пражского епископства 1086 г. Забегая несколько вперед”³⁸, следует сказать, что упомянутые в ней восточные границы по Стыри и Бугу не являлись ни политическими, ни церковными границами Чехии X в., а, как это уже неоднократно отмечалось в историографии вопроса, могут скорее всего рассматриваться лишь как предполагаемые Миссийные границы Пражского церковного

³⁵ H. L o w m i a n s k i . Problematyka historyczna grodow czer-wienskich..., стр. 80

³⁶ МРНС, т. I, стр. 150.

³⁷ Там же, стр. 49.

³⁸ Подробно об этом см. гл. 4 настоящего исследования.

центра³⁹. Крайняя неопределенность этих границ (реки Буг и Стырь текут почти параллельно друг другу) свидетельствует о том, что в Чехии имели довольно смутное представление о географии этого района.

Итак, чешская гипотеза отпадает. Следовательно, остается вновь вернуться к летописному тексту 981 г., чтобы еще раз попытаться на основе самих летописных данных пролить свет на его происхождение. Такая попытка и была предпринята автором настоящего исследования в 1952 г.⁴⁰ Но прежде чем перейти к изложению его взглядов, уместно будет, как кажется, еще раз напомнить текст летописи: “Иде (Володимер) к ляхом и зая грады их, Перемышль, Червен и иные грады, еже суть “ до сего дне под Русью”.

В сообщении этом прежде всего настораживают последние слова: “еже суть и до сего дне под Русью”, свидетельствующие, причем совершенно явно, о факте какой-то позднейшей редакции первоначального текста заметки. Ссылка редактора на его дни определенно говорит о том, что он писал под -впечатлением каких-то событий, связанных с польско-русскими столкновениями из-за всей или части названной в заметке 981 г. территории.

Столкновения такого рода действительно были в период 1018—1031 гг. Они отмечены летописью⁴¹, следовательно, и соответствующую вставку (“еже суть и до сего дне под Русью”) в первоначальный летописный текст, по-видимому, следует отнести ко времени после 1031 г., однако ее нельзя датировать слишком поздним периодом, допустим, временем Нестора, на что указывает присутствие цитируемого летописного текста в составе Новгородской Первой летописи⁴². Но и освобожденное от позднейшей приписки редактора сообщение 981 г. оказывается в полном противоречии с тем, что известно в настоящий момент о составе государственной территории Польши во второй половине X в. и что включает всякую возможность говорить о русско-поль-

³⁹ В. В. М а в р о д и н. Образование..., стр. 298; В. Д. К о р о л ю к. О грамоте 1086 г. в хронике Козьмы Пражского.

⁴⁰ В. Д. К о р о л ю к. К вопросу об отношениях Руси и Польши в X в.

⁴¹ ПСРЛ, т. I, стлб. 144, 149—150.

⁴² НПЛ, стр. 130.

ском конфликте из-за Червеня или Перемышля в то время. А это означает, что надо отбросить, как “е соответствующую реальной исторической действительности и первую часть разбираемого сообщения о том, что Владимир пошел “к ляхом и зая грады их”.

Реконструированный летописный текст 981 г. приобретает следующий вид: “Иде (Володимер.) на Перемышль, Червен и ины грады”.

Но здесь уместно было бы продолжить цитату из летописи. В ней далее под тем же 981 г. следует: “В сем же лете и Вятичи победи и възложи на нь дань от плуга, яко же отец его имаше”⁴³. Разница между формой сообщения в первом и во втором случае представляется (слишком очевидной, чтобы подробно останавливаться на ней. В первой заметке внимание читателя акцентируется на двух городах, являвшихся, по-видимому, центрами территорий хорватов и дулебов⁴⁴, во втором — вспоминается просто племенное княжество, подвергшееся нападению. Нетрудно заметить, что во втором отрывке способ наименования более древен и более соответствует, судя по другим аналогичным сообщениям, летописным известиям X в. Вот они:

Под 982 г.: “Заратишася вятичи и иде на ня Володимер и победи я второе”.

Под 983 г.: “Иде Володимер на явтяги, и победи явтяги и взя землю их”.

Под 984 г.: “Иде Володимер на радимичи”.

Под 992 г.: “Иде (Володимер) на хорваты”⁴⁵.

Особенно показательным является сообщение 992 г., упоминающее о части (названной под 981 г. территории. Вместо Перемышля здесь опять появляются хорваты. Однако такая замена имени города племенным именем логически исключена. В таком случае остается только предположить, что в тексте сами названия городов — Перемышль и Червен — являются лишь позднейшей интерполяцией, заменившей соответствующие им более древние термины.

Последнее означает, что в первоначальном виде сообщение 981 г. могло иметь приблизительно такой вид:

⁴³ ПСРЛ, т. I, стлб. 81—82.

⁴⁴ Н. П. Барсов. Очерки..., стр.

⁴⁵ ПСРЛ, т. I, стлб. 82, 83, 122.

“Иде (Володимир) на хорваты и дулебы”. Не исключено, впрочем, что в первоначальной редакции вместо имени дулебов могло стоять имя бужан или волынян, поскольку летописец начала XII в. ставит между “ими знак равенства”⁴⁶.

Короче говоря, поход 981 г. был направлен -не против Древнепольского или Древнечешского государств, а против независимых восточнославянских племенных княжеств, лежавших на большом торговом пути, соединявшем Киев, Краков и Прагу. О крупном значении этого пути ярко свидетельствует “Записка” Ибрагима ибн Якуба⁴⁷. Владимир, очевидно, очень дорожил своими западными приобретениями. В 992 г. он предпринял еще один поход на хорватов, восставших, по-видимому, против его власти.

Теперь остается лишь попытаться выяснить те непосредственные причины, которые повлекли за собой предполагаемую позднейшую редакцию летописного сообщения 981 г. Единственным возможным путем при этом, разумеется, может быть лишь анализ самой летописи. В этой связи обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Помимо 981 г., Червенские города упоминаются в летописи на протяжении ближайшего отрезка времени еще два раза: под 1018 г., когда Болеслав Храбрый на обратном пути из Киева “и города Червеньскыя зая себе”⁴⁸, и под 1031 г.: “Ярослав и Мьстислав собрата вой мног, идоста на Ляхи и заяста грады Червеньскыя опять”⁴⁹. Оба эти сообщения А. А. Шахматов помещает в свою реконструкцию Древнейшего Киевского свода 1039 г.⁵⁰

⁴⁶ ПСРЛ, т. I, стлб. 11, 12—13.

⁴⁷ МРНС, т. I, стр. 49.

⁴⁸ ПСРЛ, т. I, стлб. 144.

⁴⁹ Там же, стлб. 150.

⁵⁰ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 577, 581. Существование древнейшего свода 1039 г. ставится, правда, под сомнение в последнее время. Акад. М. Н. Тихомиров, разрабатывающий в настоящее время проблему происхождения русского летописания, склоняется к тому мнению, что в Киеве в 1039 г. особый свод составлен не был. Но для целей последующих рассуждений не так существенно, когда точно был составлен первый в полном смысле слова летописный свод в Киеве, в 1039 или 1073 г. Автор считает своим долгом выразить здесь глубокую благодарность М. Н. Тихомирову, познакомившему его с результатами своих многолетних изысканий в области русского летописания.

Имея перед глазами сообщения 1018 и 1031 гг., позднейший редактор, естественно, мог легко представить себе только развитие событий XI в. В 1018 г. Червенские города были захвачены Болеславом, в 1031 г.— русским князьям удалось вернуть их обратно. Справедливость была восстановлена, а Киевский поход 1018 г. Болеслава Храброго был отомщен: “...и половецкая Лядь-скую землю, и многы Ляхы приведоста, разделивша я Ярослав посади (своя) по Ръси”⁵¹. Однако неясным оставалось, когда впервые, до 1018 г., Червенские города были присоединены к Руси. В поисках этого момента летописец натолкнулся на сообщение 981 г.: “Иде (Володимер) на хорваты и дулебы”. Дулебы — Червень. Перед ним было первое упоминание о Червенских городах. Отсюда совершенно понятно и стремление летописца заменить устаревшие племенные термины более употребительными, чтобы акцентировать на них внимание читателя. Из-за переноса современных ему воспоминаний о многолетней борьбе за Червенские города появляется в тексте имя “ляхов”, внесенное, может быть, даже рукой уже нового последующего редактора летописи.

Таково, по мнению автора, происхождение известия 981 г.: “Иде (Володимер) к ляхом и зая грады их, Перемышль, Червен и ины грады, еже суть и до сего дне под Русью”.

Само собой разумеется, что 981 год не является точной датой похода Владимира. Согласно общепринятому в литературе мнению, первое русское летописное повествование не имело еще хронологической сетки, что не исключает, конечно, возможности существования и на Руси, подобно тому как это было в Западной Европе и в соседней Польше, обычая вести краткие летописные заметки по годам, в том числе и по пасхальным таблицам⁵². Такой возможности не отвергал и сам А. А. Шахматов.

Но необязательность 981 г. (некоторые “старикки предлагали датировать поход Владимира 979 г.)⁵³ ни

В

⁵¹ ПСРЛ, т. I, стлб. 150.

⁵² См. М. И. Сухомлинов. Исследование по древней русской литературе. ОРЯС, т. 85, 1908, стр. 27; ср. К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб. 1868, стр. 38.

⁵³ Б. Д. Греков. Древнейшие судьбы Западной Украины. Избр. тр., т. II, стр. 480.

коей мере не может повлиять на существо вышеизложенного построения. Произошел ли поход Владимира двумя годами раньше или несколькими годами позже 981 г., все равно запись 981 г. в том виде, в каком она сохранилась в летописи, не отвечает реальной исторической обстановке 70—80-х годов X в.

Прежде чем перейти к оценке изложенной выше реконструкции летописного текста под 981 г. в литературе вопроса, следовало бы сказать еще несколько слов о летописных статьях, посвященных дулебам.

В погодных записях “Повести временных лет” имя дулебов появляется в первый раз в статье 907 г., называющей в числе участников похода Олега на Константинополь также и племена хорватов и дулебов: “Иде Олег на Греки, Игоря остави в Киеве; поя же множество Варяг, и Словен, и Чюдь, и Словене, и Кривичи, и Мерю, и Деревляны, и Радимичи, и Поляны, и Севере, и Вятичи и Хорваты, и Дулебы, и Тиверцы, яжр суть толковины: си вси звахуться от грек Великая Скуфь”⁵⁴. Нет никакого сомнения в том, что приведенный летописцем список участников -похода 907 г. не раннего, а довольно позднего происхождения. В этом полностью убеждает сравнение только что процитированного текста летописи с соответствующим местом ш летописного рассказа о расселении народов.

Вот оно: “И бяху в мире Поляне, и Деревляне, (и) Север, и Радимичь, и Вятичи и Хрвате. Дулеби живяху по Бугу, где ныне Вельняне, а Улучи, Тиверци седяху бо по Днестру, приседяху к Дунаеви, бе множество их; седяху бо по Днестру оли до моря, (и) суть грады их и до сего дне, да то ся зваху от Грек Великая Скуфь”⁵⁵.

В первом тексте на факт зависимости его от второго прямо указывает последняя фраза, в которой говорится, что все упомянутые племена называются “от Грек Великая Скуфь”. Присутствие этих слов в известии 907 г. иначе совершенно невозможно объяснить. Небольшие изменения, наблюдаемые в тексте 907 г., по

⁵⁴ ПСРЛ, т. 1, стлб. 29.

⁵⁵ Там же, стлб. 12—13.

сравнению с отрывком из историко-этнографического введения к “Повести временных лет”, в частности иное расположение племенных названий, отсутствие имени уличей, не может, разумеется, несколько изменить сути дела. Здесь важно отметить вместе с тем отсутствие сообщения 907 г., как и рассказа о расселении народов, в составе Новгородской Первой летописи.

Поскольку летописный текст 907 г. основан на отрывке из введения к “Повести временных лет”, а после работ А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, М. Н. Тихомирова и Д. С. Лихачева не может быть никаких сомнений в том, что введение это составлено в начале XII в. Нестором⁵⁶, поскольку и летописный текст 907 г. следует рассматривать как творчество историографа XII столетия. Кроме того, на позднейшее происхождение перечня племен в летописной статье 907 г. указывает дублировка в нем племенного названия “Словене” и присутствие в нем вятичей, не входивших в начале X в. в состав Древнерусского государства⁵⁷. Появление его в “Повести временных лет” связано, по-видимому, со сложившимся уже тогда представлением об Олеге как основателе и собирателе древнерусского Киевского государства.

Но если летописное известие не может быть использовано для характеристики территории Древнерусского государства в начале X в., то оно чрезвычайно показательным в другом отношении. Известие 907 г. вместе с процитированным выше отрывком из историко-этнографического введения к “Повести временных лет” неопровержимо доказывает три вещи:

1. У русского летописца начала XII в., проявившего отличное для своего времени знание этнографической

⁵⁶ А. А. Шахматов. Разыскания...; он же. Повесть временных лет, т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг, 1916; М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940; М. Н. Тихомиров. Начало русской историографии. ВИ, 1960, № 5; Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947.

⁵⁷ Под 964 г. в “Повести временных лет” сообщается о походе Святослава на вятичей: “и иде [Святослав.— В. К.] на Оку реку и на Волгу и налезе вятичи и рече вятичем: кому дань даете. Они же реша: козаром по щялягу и от рала даем”. ПСРЛ, т I, стлб 65. Лишь в 966 г. “Вятичи победи Святослав и дань на них възложи”. Там же.

карты славянского мира, не было никаких сомнений в том, что среди восточнославянских племен были и племена, носившие имя хорватов и дулебов.

2. Он твердо считал, что эти хорваты и дулебы являлись неотъемлемой составной частью Древнерусского государства.

3. Для летописца ясно было также, что одно из этих политических образований входило в состав Древнерусского государства именно под названием “дулебы”, хотя он и знал их другие наименования—волыняне, бужане. Следовательно, для выбора имени дулебов у него были свои определенные основания.

Выше уже было показано, что в первой половине X в., до решения киевскими князьями древлянского вопроса, ни хорваты, ни дулебы не могли входить в состав Киевского княжества. Условия для подчинения их возникли только во второй половине этого столетия. Следовательно, только опираясь на данные, уходящие во вторую половину X в., летописец XII в. мог утверждать, что хорваты и дулебы с самого начала, уже при Олеге, входили в состав державы Рюриковичей. Если для хорватов основанием для такого взгляда могла послужить летописная статья 992 г.: “Иде (Володимир) на Хорваты”, то с дулебами дело обстоит сложнее. Они, если исключить восстанавливаемый автором исследования летописный текст 981 г., не упоминаются ни разу в летописи на всем протяжении изложения событий второй половины X в. Отсюда следует, что Нестор, помимо положенного им в основу повествования Начального свода конца XI в., располагал и какими-то более ранними летописными заметками, где под 981 г. сообщалось о покорении Владимиром дулебов и хорватов.

Именно это обстоятельство и побуждает из трех возможных вариантов реконструкции текста 981 г.:

1. Иде (Володимир) на хорваты и дулебы.

2. Иде (Володимир) на хорваты и бужаны.

3. Иде (Володимир) на хорваты и волыняны,— избрать первый.

И, наконец, последнее соображение, немаловажное, пожалуй, для темы настоящего исследования. Нетрудно заметить, что летопись группирует все основные объединительные походы Владимира Святославича против древнерусских племен таким образом, что они приходят-

ся в основном на первые годы его правления. Это, по-видимому, не только литературный прием летописца, вносившего хронологическую сетку в первоначальное летописное повествование, но и следствие характера самого этого повествования, стремившегося подчеркнуть политический облик князя Владимира как собирателя русских земель. Частичное Подтверждение этому тезису можно найти в таком важном и тесно связанном как раз именно с начальным русским летописанием⁵⁸ литературном памятнике второй половины XI в., как “Память и похвала Иакова Мниха”, где не только объединительные походы Владимира, но и походы его на соседние государства упомянуты в одном месте, вторые вслед за первыми⁵⁹. То обстоятельство, что восстанавливаемый, как это было сделано выше, летописный текст 981 г. приходится именно на первые годы правления и оказывается, таким образом, помещенным среди летописных статей о других объединительных походах Владимира на древнерусские племена, тоже, как кажется, говорит в пользу предложенной автором этого исследования реконструкции текста 981 г.

К сожалению, изложенный выше взгляд на летописную статью 981 г. не получил развития в советской историографии. Зато он был атакован западногерманским историком Г. Роде, объявившим такую трактовку летописного известия “гиперкритицизмом” и заодно обвинившим советскую историческую науку в невнимании к проблемам польско-русских отношений эпохи раннего средневековья⁶⁰.

Конечно, главным правилом критики источников остается правило придерживаться точно написания сохранившегося текста, не прибегая, по возможности, к исправлению его. Однако правило это не может распространяться на все случаи исследования. Историк не

⁵⁸ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 15—28.

⁵⁹ См. последнее издание этого памятника: А. А. З и м и н. Память и похвала Иакова Мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку. КСИС, 1963, № 37. М., стр. 71.

⁶⁰ G. R h o d e. Die Ostgrenze Polens, Bd I. Koln-Graz 1955, стр. 54.

может не считаться с вероятностью описки. Правило это ничем не помогает ему и в том случае, когда сохранившийся текст не поддается приемлемому объяснению в связи с явным искажением его позднейшими переписчиками или редакторами. Поэтому вполне естественно оно не может распространяться на такой многослойный и по составу и по редакциям источник, как русская летопись, прожившая долгую и сложную жизнь в качестве инструмента политической борьбы. А помимо всего прочего, в данном конкретном случае речь вовсе не идет об исправлении текста. Речь идет о попытке реконструкции на основе сохранившегося более позднего первоначального текста летописи.

Итак, формальное по существу возражение Г. Роде легко отводится, тем более, что оно не открывает никаких новых перспектив для исследования вопроса.

Большого внимания, бесспорно, заслуживают возражения и собственные конструкции польских исследователей С. М. Кучинского и А. Поппе. Последний, отвергая основной вывод исследования, опубликованного автором этой работы в 1952 г., а именно тот вывод, что для X в. нет оснований предполагать каких-либо военных столкновений между Русью и Польшей, вместе с тем возразил и против реконструкции летописной статьи 981 г., предположив, что в первоначальном тексте, если бы он зависел от летописных статей 1018 и 1031 гг., скорее могло бы читаться не о походе Владимира на Пере-мышль и Червень, а на “грады Червенские”, т. е. так же, как в летописных статьях 1018 и 1031 гг.⁶¹

Однако при реконструкции летописного текста под 981 г. речь шла не о механическом перенесении летописцем формул XI в. на X в., а лишь о взаимном влиянии друг на друга летописных статей 981 г., 1018 г., 1031 г. Формула “Червенские города” существенным образом сокращает размер территории, упоминаемой летописью под 981 г., ведь Перемышль находится от так называемых Червенских городов приблизительно на расстоянии 150 км. Поэтому южнорусские завоевания Владимира отнюдь не соответствовали тем территориям, из-за которых при Болеславе Храбром и его преемнике шла борьба между Русью и Польшей.

⁶¹ А. Р о р р е. *Grod Wolyii*, стр. 277—278.

Кроме того, если термин “Червенские грады” для определения известного территориального комплекса действительно зафиксирован для XI в., то нет абсолютно никаких оснований утверждать, что он применялся во второй половине X в. Зато есть некоторые основания предполагать, что и в XI в. названия “Червень” и “Чер-венские грады” могли употребляться альтернативно. Об этом свидетельствует поздний (XV в.) чудовский список жития Бориса и Глеба, где вместо “грады Чер-венские” читается “Червень”: “Болеслав же побеже ис Киева... и город Червен заяша и приде в свою землю”⁶².

Возвращаясь к традиционному чтению летописной статьи 981 г., А. Поппе явно вырывает ее из круга других летописных статей о походах Владимира (на вятичей, радимичей, хорватов). И так, точка зрения А. Поппе безусловно несостоятельна.

С иных позиций подошел к летописной заметке 981 г. С. М. Кучинский, давший ей свое, во многом отличное от предшествующих исследователей, толкование. Взгляды его довольно интересны и заслуживают внимательного рассмотрения.

Комбинируя свидетельство Константина Багрянородного, упомянувшего в своем сочинении, что некие “ленденины” являются данниками Руси⁶³, с именем также неизвестного князя Владислава, посол которого участвовал в заключении договора Руси с греками в 944 г.⁶⁴, С. М. Кучинский выдвигает гипотезу о существовании особого княжества лендзян, находившегося в зависимости от Киева в первой половине X в. Княжение лендзян охватывало территорию Сандомир-ской земли и Червенских городов. Между 945 — 980 гг. лендзяне были включены в состав Древнепольского государства.

Что касается самой летописной статьи 981 г., то С. М. Кучинский полагает, что под Перемышлем

⁶² Д. И. Абрамович. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916, стр. 192. Кстати говоря, чтение “Червень”, а не “грады Червеньские” чудовского списка лишний раз подтверждает ход рассуждений, приведших автора к предложенной выше реконструкции статьи 981 г.

⁶³ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio Ed G Moravcsik. Budapest, 1949, стр. 56 168.

⁶⁴ ПСРЛ, т. I, стлб. 46.

следует понимать близко расположенный к Червеню Перемиль, поход Владимира датировать 1012 г. Попутно делается заключение, что никаких дулебов на Волыни вообще не было⁶⁵.

Близкая к гипотезе С. М. Кучинского точка зрения на судьбу Червенских городов в X в. высказана была и в первом томе “Истории Польши”, изданном Институтом истории Польской Академии наук. Автор соответствующего раздела А. Гейштор, тоже ссылаясь на Багрянородного, предполагает, что в первой половине X в. гроды Червенские, в которых находились отряды ляхов-лендзян, платили дань киевским князьям. Затем зависимость от Руси была ликвидирована. Некоторое время территория эта существовала самостоятельно или была временно подчинена Пястам, либо Пшемыслидам, пока в 981 г. ею не овладел Владимир Святославич⁶⁶.

О невероятности появления в Червенских городах военных сил чешского князя говорилось уже выше, и к этому вопросу возвращаться нет нужды. Более существенно, что как С. М. Кучинский, так и А. Гейштор стремятся ограничить, вопреки точному смыслу слов летописи, размер территории, присоединенной Владимиром. А. Гейштор говорит только о Червенских городах, а С. М. Кучинский подменяет даже летописный Пере-мышль Перемилем. Между тем, в русской летописной традиции поход 981 г. Владимира представлялся отнюдь не как скромное военное мероприятие. В памяти русских летописцев он безусловно связывался не только с Черве-нем, но и Перемышлем. Здесь достаточно напомнить слова Ипатьевской летописи, сказанные по поводу удачного похода 1229 г. Даниила Галицкого под Калищ: “иныи бо князь не входил бе в землю Лядскоу толь глубоко, проче Володимера Великаго”⁶⁷. Это, конечно, преувеличенное и, как показано выше, неверное представление о характере похода Владимира, но оно определено именно летописной статьей 981 г. в ее позднейшей

⁶⁵ См. целый ряд работ. S. M. K u c z y n s k i . O wyprawie Wlodi-nierza I ku lachom; o n ж е. Nieznany traktat polsko-ruski ; o n ж е. Stosunki polsko-ruskie...; он же Wschodnia granica Polskiego.

⁶⁶ Historia Polski, t. I, cz. I, стр. 167-168.

⁶⁷ ПСРЛ, т. II, стлб. 758.

сохранившейся редакции. Кроме того, остается совершенно неясной судьба Перемышля в XI в., безусловно входившего в состав Древнерусского государства⁶⁸.

С лингвистической точки зрения, ряд ленциной — лендзяне — ляхи, кажется, не вызывает никаких возражений⁶⁹. Однако это еще не дает оснований предполагать в ляхах летописной статьи 981 г. лендзян, овладевших будто бы Червенскими городами. Дело в том, что в летописи имя “ляхи” не применяется по отношению к отдельным польским племенам, а употребляется только в двух значениях:

1. В значении страны, государства Польши, о чем свидетельствует текст летописи под 1030 г.: “В се же время умре Болеслав Великий в Лясах, и бысть мятежь в земли Лядьске”⁷⁰.

2. В значении широкого этнического понятия, обнимающего целую ветвь родственных западнославянских племен или племенных княжеств: “Словени же ови при-шедше седоша на Висле и прозвашася Ляхове, а от тех Ляхов прозвашася Поляне, Ляхове друзии Лутичи, инии Мазовшане, инии Поморяне”⁷¹. Поэтому, когда Ярослав Мудрый оказывал помощь Казимиру в борьбе против восставших мазовшан, летопись говорит не о походах Ярослава на “Ляхов”, а об его походах против мазовшан: “Иде Ярослав на Мазовшаны в лодях” под 1041 г. и “Ярослав иде на Мазовшаны” под 1047 г. в “Повести временных лет”⁷². Последняя фраза читается и в Новгородской Первой летописи под 1047 г.⁷³

В статье 981 г. в том виде, как она сохранилась, “Ляхи” означают Польшу — страну, государство, что и нашло столь яркое отражение в процитированном выше отрывке из Ипатьевской летописи.

⁶⁸ ПСРЛ, т. I, стлб. 206 (1086 г.).

⁶⁹ Подробнее см.: H. L o w m i a i i s k i . *Ledzianie*. SA, t. IV. Poznan, 1953; M. R u d n i c k i . *Lech i Piast*. SA, t. V. Poznan, 1954— 1966; T. L e h r - S p l a w i n s k i . *Lgdzice-Lgdzianie-Lachowie*. *Opus-culo Casimiro Tymieniecki*. Poznan, 1959 Автор пользуется здесь приятной возможностью поблагодарить за консультации по этому вопросу О. Н. Трубачева.

⁷⁰ ПСРЛ, т. I, стлб. 149.

⁷¹ Там же, стлб. 6.

⁷² Там же, стлб. 153, 155.

⁷³ НПЛ, стр. 171.

Итак, на основании источников летописного происхождения нет никаких оснований говорить о присутствии в 981 г. каких-то отрядов лендзян на территории Червен-ских городов. Любопытно, к тому же, что летопись вообще не упоминает о лендзянах, говоря о ляхских племенах.

Думается, что неправомерно на основании имени Владислава и ленциниоях Константина Багрянородного судить о размерах Киевского государства при Игоре. В договоре Руси с греками 944 г. названо много нерусских имен. Кроме того, в русских княжеских семьях могли пользоваться и польскими именами. Один из сыновей Владимира носил польское имя Станислав⁷⁴. Польское имя Владислав неоднократно встречалось в среде новгородского боярства начала XIII в.⁷⁵

Выше уже говорилось, что характеристика размеров державы Рюриковичей, данная в летописи под 907 г., была заимствована из историко-этнографического введения к “Повести временных лет”. Она отражает, следовательно, не реальные условия политического развития Киевской Руси начала X в., а представления летописца начала XII в. об Олеге как собирателе древнерусских племен. В то же время до решения древлянской проблемы в середине X в. киевские князья не могли, очевидно, вести активную политику в восточнославянских землях, расположенных еще далее на запад.

Что касается ленциниоев-ляхов византийского источника, то не вернее ли в его показаниях усматривать какие-то дошедшие до Цареграда из Руси воспоминания о древних племенных передвижениях в Восточной Европе, подобных сохранившемуся в летописи преданию о ляхском происхождении радимичей и вятичей. Ведь говорит же летопись, что “Радимичи... и Вятичи от Ляхов, бяста бо 2 брата в Лясах — Радим, а другому Вят-ко, и пришедъша седоста Радим на Съюю и прозвашася Радимичи, а Вятко седе с родом своим по Оце, от него же прозвашася вятичи”⁷⁶. Очень знаменательно, что Константин Багрянородный, перечисляя племена, платившие дань русскому князю (древляне, дреговичи, кри-

⁷⁴ ПСРЛ, т. I, стлб. 80, примечание “д”.

⁷⁵ НПЛ, стр. 51, 55, 65.

⁷⁶ Там же, стлб. 12.

вичи, северяне, уличи), обходит молчанием как радимичей, так и вятичей. Любопытно, что эти воспоминания о ляшском происхождении радимичей и вятичей не помешали русскому летописцу, в полном соответствии с современными взглядами историков, антропологов, археологов⁷⁷, поместить их среди восточнославянских, а не западнославянских или еще уже — лехитских - племен.

Попутно нужно было бы заметить, что датировка похода Владимира 1012 г. мало что может изменить в оценке летописной статьи 981 г., да и не вызывается никакой необходимостью.

И, наконец, последнее замечание в связи с поднятым выше кругом вопросов. Ссылки на то, что летописный рассказ о насилиях авар (обров) над дулебами относится не к восточному, а к западному, точнее паннонскому славянству⁷⁸, ни в коей мере не предрешает еще вопроса о существовании восточнославянских дулебов. Приведенные выше неоднократные упоминания в русской летописи о восточнославянских дулебах не оставляют никакого сомнения в том, что такое восточнославянское племя было хорошо известно древнерусскому летописцу начала XII в., прекрасно разбиравшемуся в вопросах современной ему исторической географии. В советской исторической и археологической литературе тоже господствует взгляд, что в числе древнерусских племен были и восточнославянские дулебы, являвшиеся, возможно, группой родственных и политически связанных друг с другом племен⁷⁹. Эту точку зрения развил в последнее время В. В. Седов, который на основании анализа археологического материала пришел к выводу, что еще в VI—VII вв. сложилось крупное политическое объединение восточнославянских дулебов. После распада его в эпоху образования Древнерусского государства и затем

⁷⁷ Т. А. Тир о ф им о в а. Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья. СЭ, 1946, № 1; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 238—246.

⁷⁸ S. M. K i s z u p s k i. Stosunki polsko-ruskie..., стр. 226—227. Кстати говоря, о западнославянском происхождении летописного известия о дулебо-аварских отношениях писал и автор этих строк: В. Д. К о р о л ю к. Авары (обры) и дулебы русской летописи. АЕ за 1962 г. М., 1963.

⁷⁹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена стр 190—191; Очерки истории СССР. III—IX вв., стр. 579; Нариси старо-Давньо! ісТоріі Украшсько! РСР, стр. 354.

формирования древнерусского источника, приблизительно, к XII в. память об этих восточнославянских дулебах сохранилась только на территории волынян, этим и объясняется отождествление летописью крупной политической организации дулебов с более узкими территориями расселения бужан и волынян⁸⁰. В современной польской историографии в пользу существования восточнославянских дулебов самым определенным образом высказался Г. Ловмянский⁸¹.

Подводя итоги всему сказанному, автор считает возможным констатировать, что возражения, выдвинутые против его реконструкции летописной статьи 981 г. нельзя признать основательными, а предложенные объяснения сохранившегося летописного текста считать достаточно аргументированными и действительно продвигающими вперед осмысление и анализ происхождения летописной заметки о походе Владимира на Перемышль и Червен.

А это означает, что в данный момент нет необходимости отказываться от предложенного им в 1952 г. гипотетического восстановления летописной статьи 981 г.

Итак, для конца 70—80-х годов X в. летопись не дает оснований говорить о русско-польском вооруженном конфликте.

В старой, да и не только старой⁸², литературе вопроса очень большое значение при характеристике русско-польских отношений X в. придавалось сообщению “Повести временных лет”, помещенному под 992 г.: “Иде (Володимир) на хорваты”⁸³. В отличие от Лаврентьевской, в Новгородской Первой летописи известие это помещено под 993 г.⁸⁴ Сдвиг некоторых известий на один год — явление нередкое для русского летописания.

⁸⁰ В. В. Седов. О юго-западной группе восточнославянских племен ИАС, М., 1962; ср. Е. И. Тимофеев. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X—XIII вв. СА, 1961, № 3.

⁸¹ H. L o w m i a n s k i. Rola historyczna Wolynia w starozytnosci we wczesnym sredniowieczu (отд. отт.), стр. 31 и др.

⁸² Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 376.

⁸³ ПСРЛ, т. I, стлб. 122.

⁸⁴ НПЛ, стр. 165.

Он не дает права предполагать, что в данном случае речь идет не об одном, а о двух подряд походах Владимира против хорватов.

С этим летописным известием в литературе вопроса связана чрезвычайно оживленная дискуссия. Спорным остается следующий момент: следует ли рассматривать события 992 (993) г. как обычный поход князя против восставшего племенного княжения или же расценивать его как польско-русское вооруженное столкновение. Летопись как будто ничего не говорит здесь о польско-русской войне, однако предполагать ее разрешало исследователям свидетельство другого, на этот раз иностранного источника, Гильдесгеймских анналов, сообщавших под тем же 992 г., что Болеславу Храброму угрожала большая война против русских⁸⁵. И тем не менее дело обстоит гораздо сложнее. Во-первых, Гильдесгеймские анналы сообщают не о войне, а только об угрозе возникновения войны между Русью и Польшей. А, во-вторых, в летописи есть и прямое указание на то, что ее авторы и редакторы отнюдь не толковали сообщение 992 (993) г. как указание на русско-польский конфликт. Речь идет о летописной статье 996 г., о которой подробнее придется говорить ниже: «И бе живя (Володимер) с князи околними ми-ромь, с Болеславом Лядьскимь, и Стефаномь Угрьскимь, и с Андрихомь Чешьскимь, и бе мир межю ими и любы»⁸⁶. Статья эта, дающая общую характеристику русско-польско-чешских отношений конца X в., логически исключает как будто бы всякую попытку расценивать поход на хорватов 992 г. в качестве русско-польской войны.

В таком случае есть только две возможности согласовать данные летописи и показания Гильдесгеймских анналов. Во-первых, можно предположить, что в 992 г. действительно существовала угроза польско-русской войны, причем угроза эта в определенной мере была связана с происходившим тогда польско-чешским конфликтом и возможными попытками чешского князя опереться на помощь Киевской Руси.

В связи с этим обращают на себя внимание сведения Никоновской летописи, сообщающей под 992 г. о

⁸⁵ Bolizlao vero Misachonis filius, per se ipsum ad dominum neauaquam valens, imminebat quippe illi grande contra Ruscianos bellum — *Annales Hildesheimenses*, под 992 г. MGHSS, t. III.

⁸⁶ ПСРЛ, т. I, стлб. И26.

переговорах между русским, польским и чешским князьями: “Того же лета гариидоша послы к Володимеру от Болеслава Лятского” и далее: “того же лета приидоша послы от Андриха Чешского с любовью к Владимиру в Киев”⁸⁷.

А. В. Флоровский⁸⁸ считает возможным признать достоверными эти сообщения Никоновской летописи. Однако при нынешнем состоянии исследованности этого позднего летописного свода осторожнее было бы говорить лишь об известной вероятности этих его сведений, хотя не меньше шансов могло бы иметь и другое мнение, считающееся с указанными записями в Никоновской летописи лишь как с результатом собственных комбинаций позднего летописца, основанных на летописных статьях 992 и 996 гг. в “Повести временных лет”. На это в частности указывает и имя чешского князя “Андрих”, употребленное летописцем.

Поэтому, может быть, правильнее было бы отказаться пока от привлечения текста Никоновской летописи под 992 г., как и от ее сообщения о новом походе Владимира на хорватов под 995 г., и избрать вторую возможность согласования данных русской летописи и Гильдесгеймских анналов. На возможность эту указывалось уже как в польской, так и в немецкой литературе⁸⁹.

Дело в том, что ссылка Болеслава Храброго на угрозу “большой войны с русскими” понадобилась ему, согласно показаниям самого же немецкого источника, для того, чтобы оправдать свою неявку на помощь императору Отгону III под Бранибор. Иными словами: все разговоры об угрозе польско-русской войны, да еще к тому же “большой”, как подчеркивается в анналах, скорее всего следует расценить как дипломатический маневр, уловку польского князя.

Как в первом, так и во втором варианте решения вопроса о походе Владимира на хорватов в 992 г., следовательно, возможность возникновения действительного польско-русского вооруженного конфликта исключается.

⁸⁷ ПСРЛ, т. IX СПб, 1862, стр. 64

⁸⁸ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. 1, стр. 25.

⁸⁹ S. M. K i s z y n s k i. Stosunki polsko-ruskie..., стр. 242; Б В л о д а р с к и й. Ятвяжская проблема в польско-русских связях X—XIII вв. Сб. “Международные связи России до XVII в.”. М., 1961, стр. 119; Q. R h o d e. Ostgrenze Polens..., стр. 59.

В заключение остается сказать несколько слов по поводу летописного сообщения 996 г., которое А. А. Шахматов включил в состав Древнейшего свода⁹⁰. Оно присутствует и в Новгородской Первой летописи⁹¹.

Л. В. Черепнин⁹², по-видимому, вполне основательно⁹³ предположил, что летописная статья 996 г. могла явиться концовкой для того первоначального летописного повествования, которое возникло в Киеве в самом конце X или начале XI столетия⁹⁴ и которое ставило своей целью прославление Владимира Святославича как объединителя Руси, крестившего ее. Но все же в летописной статье 996 г. обнаруживается одно немаловажное явление, пройти мимо которого не представляется возможным. Речь идет об имени “Андрих Чешский”, употребленном здесь летописцем. Очевидно, имелся при этом в виду чешский князь Ольдржих. Более близко к чешскому звучанию дается, очевидно, написание имени чешского князя в Новгородской Первой летописи: “Анд-рехл”⁹⁵.

Вопрос заключается в том, каким образом имя Анд-риха оказалось употребленным летописцем под 996 г. вместо имени действительно правившего тогда Болеслава II Чешского.

В летописной статье 996 г. есть и еще одно явление, привлечение к себе внимание в историографии. Статья датирована 996 г., в то время как начало правления Стефана Венгерского падает на 997 г. Именно поэтому польский историк А. Грабский предложил датировать эту статью 1004—1012 гг.⁹⁶

Думается, однако, что такую ошибку в один год нет нужды объяснять сколько-нибудь сложным образом. Сдвиг на один год, как указывалось уже, нередкое явление в наших летописях, тем более, что и сама дата — 996 г. — была внесена в текст первоначального летопис-

⁹⁰ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 569.

⁹¹ НПЛ, стр. 167.

⁹² Л. В. Черепнин. Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие ей летописные своды. ИЗ, 1948, № 25, стр.

332. ⁹³ Н. Л о w m i a n s k i. Zagadnienie roll normanow..., стр. 48.

⁹⁴ М. Н. Тихомиров. Начало русской историографии. ВИ, 1960, № 5

⁹⁵ НПЛ, стр. 167.

⁹⁶ А. G r a b s k i. Studia nad stosunkami polsko-ruskimi w poczat-kach XI wieku. SOr, 1957, стр. 169.

ного повествования позже его составления. В данном случае поражает скорее относительная точность датировки. Гораздо более сложным явлением было, конечно, появление в тексте имени Андриха.

Ольдржих Чешский правил в период 1012—1033 гг. Из этого обстоятельства чехословацкий исследователь Л. Гавлик сделал вывод, что известие 996 г. подвергалось изменению в летописи приблизительно между 1018 и 1034 гг.⁹⁷ Такое предположение, считающееся с возможностью более поздней обработки первоначального текста летописи под 996 г., кажется вполне обоснованным. Само собой разумеется, что новая редакция летописной статьи 996 г. (или 997 г.) могла появиться либо в правление самого Ольдржиха, либо после его смерти. По-видимому, возникновение летописной статьи 996 (997) г. в ее нынешнем виде можно представить себе следующим образом.

В древнейшей первоначальной редакции вместо имени Андриха или Андрехла стояло имя Болеслава II Чешского.

Появление имени Андриха следует, видимо, ставить в связь с имевшим место, по всей вероятности, в 20—30-х годах XI в. русско-чешским военным и политическим сотрудничеством, о котором нам в точности, к сожалению, ничего не известно.

Возможно также, что на появление имени Андриха повлияло и еще одно обстоятельство, а именно: присутствие в одном и том же сообщении 996 (997) г. сразу имен двух Болеславов, что не могло не вызвать подозрений со стороны не слишком искушенного редактора, поспешившего по своему разумению исправить текст. Так, очевидно, следует объяснять появление этого более позднего имени чешского князя в летописном сообщении 996 (997) г.⁹⁸

Итак, анализ всех летописных статей, которые, по мнению многих исследователей, отражали факты русско-польских конфликтов в X в., приводит к выводу, что на

⁹⁷ L. H a v l i k. Tř i kapitoly..., стр. 73.

⁹⁸ Ср. В. Д. К о р о л ю к. К вопросу об отношениях Руси и Польши в X веке, стр. 49—50.

протяжении всего X столетия — от 907 и вплоть до 1000 г. включительно — ни летопись, ни другие источники не дают основания предполагать каких-либо военно-политических конфликтов между двумя соседними славянскими странами. Да это и совершенно понятно. До тех пор, пока Пяты прочно не укрепились в Малой Польше, всякие притязания их на восточнославянские земли были практически исключены. В связи с этим столь красноречивым представляется полное умолчание о походах Владимира “к Ляхом” в таком важном памятнике древнерусской литературы второй половины XI в., как “Память и похвала Иакова Мниха и житие князя Владимира”: “Идеже идяше (Володимер.— В. К.) одолеваше: Радимици победи и дань на них положи, Вятичи победи и дань на них положи на обоих, и Ять-вягы взя, и Сребреныя Болгары⁹⁹ победи, и на Козары шед, победи я и дань на них положи. Умысли же и на Гречкыи град Корсунь... и прия град Корсунь”¹⁰⁰.

Что касается западных походов Владимира, то наиболее правильным решением вопроса является, по всей вероятности, признание их походами на сохранившие еще свою самостоятельность племенные княжения восточнославянских хорватов и дулебов. Киевский князь, в своей западной экспансии тянувшийся к богатым торговым путям, ведущим в Центральную и Западную Европу, неизбежно должен был столкнуться с ними и, уничтожив их независимое существование, воссоединить их в одном могущественном государстве.

О том, что вопросы господства на крупнейших международных торговых путях играли важную роль в политике киевского великого князя, свидетельствуют также и его походы на ятвягов и болгар. Подчинение ятвягов обеспечивало Киевской державе контроль над кратчайшим путем к Балтийскому морю по Западной Двине и Неману¹⁰¹. Здесь едва ли следует особенно подробно останавливаться на исключительной роли

⁹⁹ В “Повести временных лет” говорится, правда, о походе на болгар, а не на Серебряных болгар. ПСРЛ, т. I, стлб. 84.

¹⁰⁰ А. А. З и м и н. Память и похвала Иакова Мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку, стр. 71.

¹⁰¹ Б. В л о д а р с к и й. Ятвяжская проблема..., стр. 117; он же. Problem jaciwinski w stosunkach polsko-ruskich. ZH. Torun, 1969, t. 24, zes. 2-3.

хазар и камских болгар, о походах на которых упоминает Иаков Мних, в тогдашней торговле между Востоком и Западом. Великий торговый путь на Восток шел тогда от Киева на Великие Булгары и спускался к расположенному в устье Волги Итилю, обходя владения воинственных кочевников-печенегов¹⁰².

К сожалению, уже довольно многочисленная литература, пересматривающая традиционные, унаследованные от дворянско-буржуазной историографии взгляды на русско-польские отношения X в., как на отношения вражды и соперничества, до сих пор еще фактически не учитывается в наших больших сводных трудах по истории СССР и, Киевской Руси, где по-прежнему без всяких оговорок цитируется летописная статья 981 г., а летописная статья 992 г. рассматривается как свидетельство русско-польского конфликта¹⁰³. Еще более неоправданной представляется концепция, недавно сформулированная Б. Я-Раммом. Находясь явно под влиянием летописной статьи 981 г. в ее нынешней редакции, Б. Я-Рамм выводит из краткого сообщения Никоновской летописи о приходе в Киев в 979 г. послов к Яро-полку от папы римского¹⁰⁴ явно не выдерживающее критики построение, согласно которому Мешко I оказывается союзником Ярополка против Владимира и посредником в организации латинской миссии на Руси¹⁰⁵. Не говоря уже о том, что данные Никоновской летописи не являются достаточной опорой для исследователя и сами нуждаются в специальном исследовании (о папских послых 979 г. ничего не знают другие источники), следует подчеркнуть, что сообщение Никоновской летописи, даже если бы оно и соответствовало действительности, ничего не доказывает относительно церковного посредничества Мешко. Если бы автор учел, что Польша в тот момент была в сущности еще языческой страной и не могла располагать сколько-нибудь солидными кадрами латинского духовенства, он, очевидно, не стал бы настаивать на своем предположении. А помимо того

¹⁰² Zrodla arabskie..., t. I, стр. 34, 141.

¹⁰³ Очерки истории СССР. IX—XV вв., ч. I, сир. 93; Нариси ста-родавньо! ісТОріі Украшської РСР, стр. 545—548; Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 376.

¹⁰⁴ ПСРЛ, т. IX, стр. 39.

¹⁰⁵ Б. Я. Р а м м. Папство и Русь..., стр. 39.

нет, конечно, никаких оснований полагать, что папское посольство, если бы даже оно было послано на Русь, должно было направляться сюда через земли непокорного полабо-прибалтийского славянства и Познань. Римским миссионерам, судя по примеру Адальберта Магдебургского в 60-е годы X в., гораздо проще и удобнее было пользоваться хорошо известной, оживленной торговой дорогой через давно христианизированную Чехию на Краков — Червенские города — Киев.

С какой бы точки зрения не подойти, таким образом, к гипотезе Б. Я-Рамма, ясно одно: Польша времен Мешко I была не в состоянии выступать форпостом папской политики на Востоке. Но если источники не дают оснований писать о польско-русских или русско-чешских конфликтах в X в., то некоторые косвенные их показания могут быть использованы для того, чтобы попытаться представить себе несколько шире польско-русское и чешско-русское общение, причем не только в культурной и экономической, но и в политической области.

Уже сама летописная статья 996 (997) г. могла явиться результатом пребывания в Киеве посольств от чешского и польского Болеславов и от венгерского Стефана¹⁰⁶. Можно думать, что Познань и Прага обменивались с Киевом посольствами еще и до того времени. Если немецкие анналы сохранили известия о русских посольствах в Германию в 960¹⁰⁷ и 973 гг.¹⁰⁸, то нетрудно “предположить, что аналогичные посольства могли посещать и Прагу, через которую лежал самый удобный путь из Руси на Запад. Возможны и посольства из Киева в Познань и обратно, тем более, что, по свидетельству Ибрагима ибн Якуба, с середины 60-х годов X в. существовала общая польско-русская граница¹⁰⁹”.

Столь же возможны также брачные связи между русской и польской, русской и чешской знатью того времени. В польской литературе высказывалось даже мнение, что уже в X в. существовали русско-польские династические связи¹¹⁰, конечно, как связи политические.

¹⁰⁶ В. Д. Корольков. К вопросу об отношениях Руси и Польши в X веке, стр. 49.

¹⁰⁷ Annales Hildesheimenses под 960 г. MGHSS, т. III.

¹⁰⁸ Annales Altahenses Majores под 973 г. MGHSS, т. XX. юз MPHNS, 1 I, стр. 50.

¹¹⁰ S. Zakrzewski. Boleslaw Chrobry Wielki, стр. 248; J. Skrzypek. Studia..., стр. 113.

Источники, правда, не дают оснований для столь далеко идущих предположений, однако польско-русские браки между знатью вполне возможны, если учесть появление в великокняжеской семье и среди приближенных киевского князя таких польских имен, как Станислав и Владислав. Нельзя также исключать предположение, что среди русской знати могли появляться выходцы из Польши, а среди польской — выходцы из Руси. О двух “чехи-нях” — женах Владимира Святославича упоминает и русская летопись. Сыном одной из них был Святополк Владимирович¹¹¹. А. В. Флоровский не решает, однако, на этом основании делать вывод о возможности заключения уже в X в. династических браков между Прже-мысловичами и Рюриковичами¹¹².

Короче говоря, политические связи между Русью и Польшей, Русью и Чехией были, очевидно, гораздо более оживленными и яркими, чем в состоянии их обрисовать сегодня историки, вынужденные к тому же постоянно оговариваться относительно предположительности своих суждений.

¹¹¹ ПСРЛ, т. I, стлб. 80.

¹¹² А. В. Ф л о р о в с к и й Чешско-русские торговые отношения X—XII вв., стр. 67.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЧЕХИЯ И ПОЛЬША
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
80-90-х годов X в.

В литературе вопроса фактически нет сомнений относительно того, что приблизительно в 985 г. произошла крутая перемена в политическом курсе Мешко I по отношению к Империи и западному славянству¹. Уже в этом же, 985 г., польские феодалы приняли активное участие в борьбе саксонских феодалов против восставшего в 983 г. полабо-прибалтийского славянства².

Новый курс польского князя получил, по-видимому, окончательное оформление на съезде 986 г. в Кведлин-бурге, куда, наряду с Мешко, прибыл и Болеслав II Чешский. Чрезвычайно показательным, однако, что только относительно Мешко немецкий хронист Титмар Мерзебургский решился сказать: “В эти дни Мешко подчинился королю и среди других даров преподнес ему верблюда, а затем сопровождал его (Оттона III. — *В. К.*) в двух походах”³.

Титмар несомненно допустил ошибку, говоря о двух походах, в которых Мешко сопровождал Оттона III⁴. Более спорным представляется вопрос о том, в каких государственно-правовых отношениях оказались друг с другом Польша и Империя после съезда 986 г. В свое время М. З. Едлицкий высказал предположение, что в Кведлинбурге речь шла о ленной зависимости Польши от Империи⁵. Иной точки зрения придерживается другой польский историк Г. Лябуда. По его мнению, в 986 г. был лишь восстановлен польско-немецкий союз⁶. И если, издавая “Хронику” Титмара, М. З. Едлицкий считает

¹ См. одну из последних работ, касающуюся этого вопроса: K- M a l e c z y n s k i . Polska a Czechi..., стр. 69.

² Annales Quedlinburgenses под 985 г. MQHSS, t. III.

³ In diebus illis Miseco semet ipsum regi dedit et cum muneribus aliis camelum ei presentavit et duas expeditiones cum eo fecit.

Thietmar, L. IV, cap. 9.

⁴ Q. L a b u d a . Studia nad początkami..., стр. 349—351.

⁵ Z. J e d l i c k i . Stosunek prawny Polski do cesarstwa do 1000 r. Poznan, 1939, стр. 124.

⁶ G. L a b u d a . Studia nad początkami..., стр. 177.

возможным присоединиться фактически к концепции Г. Лябуды⁷, то К. Малечинокий не сомневается в том, что Титмар имел в виду, конечно, зависимость Мешко от Империи и говорил об усилении этой зависимости⁸.

Что касается характеристики взглядов Титмара, то спорить, пожалуй, нет больших оснований. Титмар в соответствии со своими представлениями (см. его рассказ о подчинении Мешко Героном), конечно, мог толковать Кведлинбургское свидание Мешко с Оттоном III лишь как акт признания польским князем зависимости от императора. Недаром впоследствии, описывая Гнезненский съезд Оттона III с Болеславом Храбрым, Титмар будет с негодованием заявлять: «Пусть бог простит императору, что, делая подданного господином, он вознес его (Болеслава.— *В. К.*) так высоко, что тот, вопреки правилу своего отца, осмеливался понемногу подчинять себе выше его стоящих...»⁹. А о самом Мешко немецкий хронист запишет даже, что он не смел сидеть в присутствии стоящего маркграфа Одона¹⁰, того самого Одона, с которым в 972 г. столь успешно скрестил оружие польский князь.

Как уже отмечалось в главе 2 настоящего исследования, подобная трактовка польско-немецких отношений не была явлением изолированным, а отражала вполне определенную политическую программу сильной группировки восточногерманских феодалов. О том, что Титмар не был одинок в своей трактовке существа польско-немецких отношений X в., свидетельствуют и другие немецкие источники, например Гильдесгеймские анналы, в которых Оттон III тоже выступает по отношению к Болеславу Храброму в качестве его господина¹¹.

Иное дело, что фактически и Мешко I и Болеслав Храбрый могли чувствовать себя вполне самостоятельными государями, вели самостоятельную, отвечающую их интересам внешнюю политику, а к претензиям импе-

⁷ Kronika Thietmara, стр. 156—157, прим. 67.

⁸ К. М а л е ц з ы н с к и . Polska a Czechy..., стр. 70.

Deus indulgeat imperatori, quod tributarium faciens dominum ad hoc umquam elevavit, ut oblita sui genitoris regula, semper sibi prepositos auderet in subiectionem paulatim detrahere... T h i e t m a r, L. V, cap. 10.

¹⁰ Там же.

¹¹ Annales Hildesheimenses лод 992 г. MGHSS, t. III.

рии относились как к требованиям, имеющим чисто формальное значение. Однако не понимать смысла политических претензий восточногерманских феодалов они, конечно, не могли. Тем более неоправданным может показаться на первый взгляд происшедший в середине 80-х годов перелом во внешней политике Мешко I и польских феодалов.

Укрепление союза с Империей сопровождалось не только вооруженным вмешательством Польши в развитие событий у полабо-прибалтийских славян, но и привело к разрыву союза и вооруженному конфликту с бывшей союзницей Чехией. Чешские и немецкие источники отмечают начавшийся в 90-х годах X в. польско-чешский конфликт из-за Силезии и Малой Польши. В польско-чешских разногласиях из-за этих территорий, очевидно, и следует усматривать причину резкого изменения политической ориентации Древнепольского государства. Но была ли это единственная причина?

По мнению К. Малечинского¹², возвращаясь к союзу с Империей, Мешко I стремился также избежать невыгодного для него единоборства с Германией. Неясным, однако, остается, почему после всеобщего восстания полабо-прибалтийских славян (983 г.) позиции Польши перед лицом угрозы германской феодальной агрессии следует считать менее обеспеченными, чем, допустим, в 979 г. По-видимому, решающим обстоятельством при выборе Мешко нового курса была не угроза со стороны Империи, а нечто другое. Поэтому, безусловно, заслуживает внимания точка зрения М. З. Едлицкого, подчеркнувшего очень важное значение для тогдашней польской политики лютической угрозы, которая особенно возросла после восстания 983 г.¹³ Подробно обосновал тезис о решающем значении восстания 983 г. для изменения курса внешней политики Мешко I Г. Лябуда¹⁴.

Дело в том, что восстание полабо-прибалтийского славянства, вспыхнувшее в 983 г.¹⁵, было явлением гораздо больших масштабов, чем это представляет себе,

¹² K. M a l e c z y n s k i. Polska a Czechy..., стр. 69.

¹³ Kronika Thietmara, стр. 157, прим. 67.

¹⁴ G. L a b u d a. Fragmenty dziejow Słowianszczyzny Zachodniej (далее: Fragmenty...), t. I. Poznan, 1960.

¹⁵ Подробнее о восстании 983 г. см.: G. L a b u d a. Fragmenty...; J. W i d a j e w i c z. Niemcy wobec słowian połabskich. Poznan, 1946;

очевидно, К- Малечинский. Начавшись как рядовое, обычное выступление лютичей, оно в дальнейшем в силу целого ряда обстоятельств приобрело такие размеры, что фактически лишило германских феодалов почти всех с таким огромным напряжением сил достигнутых ими успехов к востоку от Лабы. Важнейшим из этих обстоятельств следует безусловно считать общенародный характер восстания, охватившего широкие массы населения, тяжело страдавшего от гнета германских феодалов и служащей их интересам христианской церкви. Отсюда и ярко выраженный языческий характер движения в целом.

Тесное переплетение освободительных и антифеодальных задач борьбы благоприятствовало лепеху восстания, помогло лютичам и бодричам устоять в кровавой схватке с Империей, которая к тому же выступила против них не в одиночку.

Но были и другие, уже чисто внешние обстоятельства, которые содействовали делу восставших. Главнейшим из них было позорное поражение, которое понесло войско императора Оттона II в 982 г. в битве под Котро-ной в Италии, где арабам и византийцам удалось наголову разбить немецких феодалов. Это был один из страшных ударов по рыхлому зданию немецкого имперского универсализма. Оттон II не намного пережил позор поражения и провал своих итальянских планов. Его наследнику Оттону III, которому в год смерти отца (983 г.) едва исполнилось три года, приходилось вступать на престол в чрезвычайно сложных внутривосточных условиях, вызванных претензиями на немецкий престол Генриха Баварского, которого в 984 г., даже еще в 985 г., поддерживали чешский и польский князья¹⁶.

он же. Weleci. Katowice, 1946, L G i e s e b r e c h t Wendische Geschichten aus dem Jahren 780 bis 1182, Bd. II Berlin, 1843 Есть и значительная литература на русском языке А. И П а в и н с к и и. Прибалтийские славяне (историческое исследование) СПб, 1871, А. Ф. Г и л ь ф е р д и н г. История балтийских славян. Собр. соч, т. IV. СПб., 1874; М. Л ю б а в с к и й История западных славян. М., 1918; Н. П. Г р а ц и а н с к и й. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века М., 1943, см также сб. "Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии". М., 1947 и др.

¹⁶ К. M a l e c z y n s k i Najstarsza zachodnia granica Polski, стр. 225.

В том же 983 г. произошло восстание в Дании, развивавшееся под языческими лозунгами и направленное против захватнических притязаний германских феодалов. Все эти внутренние и внешние обстоятельства и обусловили дальнейшее развитие восстания 983 г. как всеобщего восстания полабо-прибалтийских славян. Вслед за лютичами движение перекинулось на земли лужицких сербов, а в 990 г. началось и всеобщее восстание бодричей, во главе которого стали их князья Мстивой и Мстидрог. В результате объединения усилий полабо-прибалтийских народностей не только была разрешена созданная на их территории немецкими реками церковная организация, но к 1000 г. на восточной границе Германии, которой удалось опять подчинить своей власти лишь лужицких сербов, сложилась приблизительно та же ситуация, которая существовала еще в эпоху Карла Великого. Пограничной рекой вновь стала Лаба (Эльба).

Восстание полабо-прибалтийского славянства, естественно, по-разному было оценено в Польше и Чехии. Мешко I и поддерживавшие его группировки польских феодалов, разумеется, усмотрели в движении лютичей страшную угрозу для себя. Их должна была беспокоить не только судьба недавно подчиненного Поморья, но, само собой разумеется, прежде всего антифеодальный и языческий характер восстания. Для только что христианизированной страны, где новая религия не успела еще пустить глубоких корней, а церковная организация была еще крайне слабой, пример успешной расправы соседних лютичей с иноземным и ненавистным духовенством был более, чем заразительным. Польские феодалы должны были каждую минуту ожидать взрыва антифеодального языческого движения, подобного тому, которое действительно произошло в Польше спустя полвека и подавление которого потребовало тогда напряжения всех сил польских феодалов и иностранной помощи.

Короче говоря, в 983 г. повторилась, но только в еще более опасных для польских крупных землевладельцев масштабах, включая и угрозу лютическо-датской коалиции¹⁷, ситуация середины 60-х годов X в., обусло-

¹⁷ Z. Wojciechowski. Polska nad Wistą i Odra., стр. 77; cp. Q. L a b u d a. Saga o Styrbjornie, jarlu Jomsborga. SA, t. IV. Poznan, 1954, стр. 314—316.

вившая в то время союз и тесное военное сотрудничество Древнепольского государства с Германской империей.

В 985—986 гг. польско-немецкое военное и политическое сотрудничество, как уже говорилось, действительно наладилось. Перед лицом созданной лютичами угрозы классовым позициям польских феодалов отступили на задний план их противоречия с Германской империей, а Мешко I и его преемник не считали нужным реагировать на высокомерные претензии восточногерманских феодалов в сфере государственно-правовых отношений, поскольку они могли иметь лишь формальную силу, будучи по существу только юридической фикцией.

Мешко I довольно быстро прореагировал на изменение обстановки между Лабой и Одрой. Как правильно отмечает К. Малечинский, уже в 984 г. польский князь, в отличие от чешского и баварского союзников, не проявил никакой активности в борьбе против Оттона III¹⁸. Г. Лябуда предполагает даже, что в том же 984 г. Мешко пытался установить общую линию поведения с бод-рицким князем Мстивоем в целях организации совместной военной акции против лютичей¹⁹. Возможно, впрочем, что поворот в политике польского князя наметился даже еще раньше, как бы в предчувствии событий 983 г. Речь идет о браке Мешко I и Оды, дочери Дитриха, маркграфа Саксонской Северной марки, того самого маркграфа, против которого были направлены первые удары лютичей²⁰. Брак этот состоялся в 980 г., причем женой польского князя оказалась монахиня, как утверждает Титмар, без разрешения церковных властей ушедшая из монастыря. Судя по тому, что этот второй брак Мешко не вызвал конфликта с саксонскими феодалами, можно полагать, что Мешко согласовал с ними свои действия. Любопытно, что и Титмар, епископ, находит возможным найти слова, оправдывающие явно незаконный, казалось бы, с его точки зрения, поступок Оды: «Учитывая, однако, пользу родины и необходимость обеспечения ей мира, не произошло из-за этого повода (т. е. брака Оды и Мешко.— В. К.) разрыва отношений, но найден был достойный способ возвращения согласия.

¹⁹ f' Malec z y n s k i . Polska a Czechy..., стр. 68. G. L a b u d a. Fragmenty..., стр. 244.

²⁰ Там же, стр. 207.

Потому что благодаря Оде увеличилось число сторонников Христа, возвратилось на родину много пленных, были сняты оковы со скованных и открыты врата тюрем для преступников²¹. Поэтому я надеюсь, что бог простил ей великий грех, который она совершила, поскольку оказала она столь великое рвение в этих богоугодных поступках²².

Таким образом, прежде всего собственные классовые и политические интересы польских феодалов и их князя определили неизбежность польско-лютического конфликта в середине 80-х годов X в. и возвращение Древне-польского государства к союзу с Империей. Антилютическую политику в дальнейшем последовательно проводил Мешко I. Ее продолжил и его преемник, сын Доб-равы, Болеслав Храбрый.

Об остроте польско-лютических противоречий описываемого времени очень красноречиво говорит тот факт, что в 1003 г., в связи с польско-германским конфликтом, лютичи решили пойти на заключение союза с Империей, направленного против Польши. Об этом свидетельствуют следующие слова Титмара Мерзебургского, описывающего пребывание Генриха II в Кведлинбурге в марте 1003 г.: «Наконец, он (Генрих II.— В. К) сердобольно принял послов от ратарей и тех, которые называются лютичи, и при помощи приятных им даров и обещаний успокоил бывших бунтовщиков, превратив врагов в ближайших друзей»²³.

Совершенно иначе развивались во второй половине 80—90-х годов чешско-лютические отношения. Уже в 984 г. Болеслав II поспешил овладеть Мисней (Мейс-сен), которую Империи удалось вернуть себе между 985—987 гг. Любопытно, что чешский князь не остановился перед тем, чтобы воспользоваться недовольством местного славянского населения²⁴. Не менее важно, что именно в том же 984 г. Мешко женил своего сына

²¹ Т. е. была провозглашена амнистия.

²² Thietmar, L. IV, cap. 57.

²³ Nuncios quoque Rederariorum et horum, qui Liutici dicuntur misericorditer suscepit hastenusque rebelles munerum dulcedine pro-missionumque iocunditate sedavit et de inimicis famihanssimos effecit Thietmar, L. V, cap. 31.

²⁴ G. Labuda. Fragmenty ..., стр. 297—298.

Болеслава на дочери мисненского маркграфа Рикдага²⁵. Вскоре, однако, Болеслав прогнал ее и взял себе новую жену из Венгрии²⁶.

В дальнейшем разрыв между лютической политикой Болеслава II и Мешко I становится еще более разительным. Болеслава II явно не испугал размах языческого восстания между Одрой и Лабой, которым он поспешил воспользоваться в 984 г., но скорее наоборот, побудил его вернуться к традиционной политике союза с лютичами²⁷, хотя формально в немецко-лютичском конфликте 80-х годов X в. чешский князь придерживался нейтралитета²⁸, а в 992 г. вынужден даже был явиться на помощь к Оттону III под Бранибор²⁹. В 995 г. в походе на лютичей и бодричей Оттона III должен был принять участие сын Болеслава II, тоже Болеслав³⁰. Надо думать, что эти выступления чешского князя были лишь вынужденными обстоятельствами уступками Империи, причем, как полагает Г. Булин, Болеслав II мог даже выступить посредником между императором и лютичами в 992 г.³¹

Но если Болеслав II и не решился вмешиваться в лютическо-немецкий конфликт на стороне восставших лютичей и даже временами вынужден был оказывать военную помощь императору, то зато в своем столкновении с Древнепольским государством он без всяких сомнений выступил в качестве союзника языческих лютичей, призвав к себе на подмогу их военные силы³². Немецкий летописец Титмар Мерзебургский, очевидно, очень хорошо отдавал себе отчет в характере чешско-лютических отношений того времени, если, начиная свой рассказ о перипетиях польско-чешской войны 990 г., поспешил прямо заявить: “Болеслав (Чешский.— В. /С.)

²⁵ G. L a b u d a. Fragmenty..., стр. 297; прим. 204; Cp. K. B u l i n. Cesko-veletske a polsko-veletske \ztahy, стр. 36.

²⁶ Duxit hic (Болеслав.— В. К.) Rigdagi marchionis filiam, post-modum dimittens eam, et tunc ab Hungaria sumpsit uxorem. Thietmar L. V, cap. 58.

²⁷ G. L a b u d a. Fragmenty..., стр. 298; K. M a l e c z y n s k i. Polska a Czechy..., стр. 71.

²⁸ Н. В и л и н. Cesko-veletske a polsko-veletske vztahy стр. 38

²⁹ Annales Hildesheimenses под 992 г. MGHSS, t. III.

³⁰ Там же под 995 г.

³¹ Н. В и л и н. Cesko-veletske a polsko-veletske \ztahy, стр. 44. ³² Thietmar, L. IV, cap. 11—13.

призвал на помощь лютичей, которые всегда были верны ему и его предкам”³³.

Сказанного выше, как кажется, достаточно для того, чтобы сформулировать основной тезис, что в своем отношении к восстанию полабо-прибалтийских славян чешский князь руководствовался чисто политическими мотивами и что от заключения вполне открытого союза с языческими лютичами его удерживали только опасения вызвать на себя удар Германской империи.

Очевидно, чешскому князю и чешским феодалам, правившим давно христианизированной страной, языческие лозунги восстания 983 г. не казались опасными. Их классовым позициям возросшее политическое могущество и влияние языческих лютичей не принесло угрозы. Именно поэтому Болеслав II, подобно тому, как это сделал в 1003 г. Генрих II, мог позволить себе политическую роскошь обратиться в 990 г. к языческим лютичам за помощью против христианской Польши.

Новая расстановка классовых и политических сил, сложившаяся после 983 г. “а территории, ограниченной Лабой и Одрой, была, таким образом, важнейшей причиной, обусловившей разрыв польско-чешского союза. Не в интересах чешского князя было поддерживать активную антилютическую политику Мешко I. Подавление полабо-прибалтийского 'славянства' могло только усилить Империю, постоянно дававшую Болеславу II почувствовать на себе ее тяжелую руку.

Но прежде чем коснуться хода военных действий, начавшихся в результате разрыва польско-чешского союза и возникновения вооруженного конфликта между двумя западнославянскими странами, необходимо отдать себе отчет в том, какие конкретно территории являлись в конце 80—90-х годов предметом спора между польскими и чешскими феодалами. В разрешении этого вопроса исследователь имеет возможность опереться на вполне определенные данные как немецких, так и чешских нарративных источников. Однако особое значение

³³ Bolizlavus Liuticios suis parentibus et sibi semper fideles in auxilium sui invitat. Thietmar, L. IV, cap. 11.

приобретает анализ двух документальных источников — так называемой учредительной грамоты Пражского епископства, сохранившейся в составе грамоты 1086 г., и документа “Dagome iudex”. Оба этих документа содержат в себе описание: первый — чешских, а второй польских границ рассматриваемого времени. При этом есть определенные основания полагать, что и тот и другой документ ‘были документами политической борьбы, связанной не только с внутренним, но и международным развитием Древнечешского и Древнепольского государств³⁴.

Поскольку грамота 1086 г. является, без всякого сомнения, гораздо более загадочным документом, чем документ “Dagome iudex”, кажется совершенно естественным начать анализ именно с нее и даже подробно изложить ниже основное ее содержание.

Так называемая грамота 1086 г. помещена во второй книге “Хроники” Козьмы Пражского. Как отмечает чешский хронист, грамота 1086 г. не является новым документом, а представляет собой подтвердительную грамоту, основанную на документе X в. По словам Козьмы, дело обстояло следующим образом.

В 1086 г. императором Генрихом IV был созван сейм в городе Майнце. На этом сейме чешский князь Врати-слав II был провозглашен королем Чехии и Польши (император собственноручно возложил “а него королевскую корону). Трирскому архиепископу Энгельберту было поручено совершить над Вратиславом обряд коронации в чешской столице Праге³⁵.

Именно на этом сейме в Майнце тогдашний пражский епископ Яромир выступил с жалобами на то, что Моравия имеет отдельное епископство, в то время как с самого начала она была подчинена в церковном отношении епископству в Праге. В доказательство справедливости

³⁴ В. Д. Корольков. Грамота 1086 г. в хронике Козьмы Пражского, стр. 22—23.

³⁵ In quo conventu idem caesar omnibus sui regni optimatibus, ducibus, marchionibus, satrapis et episcopis assentientibus, et collaudantibus, ducem Boemorum Wratizlaum tarn Boemiae quam Poloniae praefecit, et inponens capiti eius manu sua regalem circulum, iussit archiepiscopum Treveriensem nomine Engilbertum, ut eum in sede sua metropoli Praga in regem ungat et diadema capiti eius inponat. Fontes Rerum Bohemicarum t. II. V Praze, 1874. Cosmae Pragensis Chronica Boemorum, L. II, cap. 37.

своих претензий Яромир развернул старую грамоту пражского епископа св. Войтеха, утвержденную, якобы, как папой Бенедиктом, так и императором Оттоном I. Жалоба Яромира была поддержана его братом князем Братиславою и другими, в результате чего была издана новая грамота, по содержанию аналогичная старой с определением границ Пражского епископства³⁶. Таким образом, требования епископа Яромира были удовлетворены.

Подтвердительная грамота 1086 г. помечена 29 апреля и скреплена подписью императора Генриха IV, которую, как утверждает Козьма, на его глазах он собственноручно поставил на грамоте. В хронике приводится изображение знака императора³⁷. Грамота 1086 г., согласно заявлению Козьмы, была утверждена в том же году и антипапой Климентом III³⁸.

Помимо сохранившегося в хронике Козьмы Пражского текста грамоты 1086 г., известна еще одна редакция этого документа, представленная списком XII или конца XI в. в одном из мюнхенских архивов³⁹. Некоторые исследователи полагают, что последняя редакция ближе к оригиналу, чем текст у Козьмы, хотя различия между ними невелики. Они касаются главным образом вступительной и заключительной части грамоты⁴⁰.

Вступительная часть грамоты повторяет жалобу епископа Яромира, утверждавшего, что первоначально Пражское епископство охватывало и Чехию и Моравию, что именно в этих границах оно было утверждено папой Бенедиктом и императором Оттоном I и что только впоследствии с согласия его предшественников оно было

³³ ...replicat coram omnibus privilegium olim a sancto Adalberto episcopo, suo antecessore, confirmatum, tarn a papa Benedicto quam a primo Ottone imperatore. Ad cuius iustam querimoniam imperator motus precibus ducis Wratislai, fratris eiusdem episcopi Gebeardi, et consilio archiepiscopi Maguntini Wezelonis et aliorum bonorum, qui iustitiae favebant, novum atiquo fere eiusdem tenoris addit privilegium et signo imperiali confirmat..., там же

³⁷ См русский перевод хроники Козьмы Пражского Г. Э. Сан-чука. М, 1962, стр. 152.

³⁸ Cosmas, L. II, rap. 38.

³⁹ K. F. S t u m p f. Acta Imperil, t. III, N 76.

⁴⁰ K. P o t k a n s k i. Przywilej z 1086 г. (далее: Przywilej...). КН, 1903, N 1, стр. 5—6.

разделено и уменьшено⁴¹. Далее говорится о восстановлении первоначальных границ Пражской епископии, упоминаются присутствующие при этом решении лица и дается подробное описание восстановленных старых границ епископства. Именно эта часть документа вызывает больше всего споров и является самой важной для историков. Поэтому здесь целесообразно полностью привести ее в переводе: “Границы же ее (Пражской епископии.—В. К.) на западе таковы: Тугаст, -которая простирается до среднего течения реки Хуб (Коубы), Зель-за, Седличане и Лучане и Дечане, Лютомеричи, Лему-зы вплоть до середины леса, составляющего границу Чехии. Затем на север границы таковы: Пшоване, Хорваты и другие Хорваты, Слензане, Тшебовяне, Бобряне, Дедошане вплоть до середины леса, по которому идут границы Мильчан. Отсюда на восток границами являются такие реки: именно Буг и Стырь с городом Краковом и провинцией по имени Ваг со всеми областями, относящимися к названному городу, который есть Краков. Затем (границы Пражской епископии.— В. К.) продолжают широко по границам венгров вплоть до гор, которые называются Татры. Далее, в той стороне, которая обращена на юг, епископия эта охватывает область Моравии вплоть до реки, которая называется Ваг, и распространяется до середины леса, называемого Моуре, и до тех же гор, которые образуют границу Баварии”⁴².

⁴¹ ...quod Pragensis episcopatus, qui ab initio per totum Boemiae ac Moraviae ducatum unus et integer constitutus, et tunc a papa Bene-dicto quam a primo Ottone imperatore sic confirmatus est, postea antecessorum suorum consensu, sola dominantium potestate, subintro-nizato intra terminos eius novo episcopo, divisus esset et inminutus. Cosmas, L. II, cap. 37. По-видимому, более правильным следует считать чтение мюнхенского списка, где говорится, что разделение и уменьшение Пражского епископства произошло без согласия предшественников Яромира (Postea sine antecessorum suorum suoque consensu).— См. В. Д. К о р о л ю к. Грамота 1086 г. в хронике Козьмы Пражского, а также: Н. В е у м а н н, W. S c h l e s i n g e r. Urkunden-studien zur deutschen Ostpolitik unter Otto III. Exk. I (далее: Urkan-denstudien...), A. f. D. I, 1955; В. К р з е м и е н с к а, D. T f e s t i k. O dokumencie praskim z roku 1086 (далее: O dokumencie...). S2, 1960,

⁴² Termini autem eius occidentem versus hii sunt: Tugost, qui tendit ad medium fluminis Chub, Zelza, Zedlica et Liusena et Dasena, Lutomerici, Lemuzi usque ad mediam silvam, qua Boemia liminatur. Deinde ad aquilonalem hii sunt termini: Psovane, Chrovati, et altera

В заключительной части грамоты 1086 г сообщается о согласии Братислава II Чешского и его брата Конрада восстановить Пражскую епископию в ее прежнем размере и об утверждении ее границ на вечные времена императором Генрихом IV⁴³.

Первый вопрос, который естественно возникает при изучении документа 1086 г., следует, по-видимому, формулировать следующим образом: подлинна ли сама по себе грамота 1086 г., не является ли она более поздней подделкой, так или иначе увязанной с событиями майнц-кого сейма 1086 г.?

Вопрос этот фигурировал уже в литературе. Его сформулировал немецкий ученый А. Бахман, который считал изложенный выше документ подлогом, составленным в 1088 г. пражским епископом Яромиром. Бахман, правда, не решался отрицать, что в 1086 г. Генрих IV действительно выдал Яромиру какую-то грамоту, однако, по его мнению, в ней ничего не говорилось о присоединении Моравского епископства. Вопрос о Моравии всплыл только в 1088 г. после смерти оломуцкого епископа, когда Яромир совершил подлог, чтобы оправдать присоединение Моравии к своему диоцезу⁴⁴.

Нужно сказать, что уже в свое время эта точка зрения осталась изолированной в историографии. Дело в том, что само по себе наличие мюнхенской копии привилегии 1086 г., копии, как явствует из написания собственных имен, составленной немцем⁴⁵, и как указывалось уже выше, более близкой к оригиналу, определенным об-

Chrovati, Sclavane, Trebowane, Boborane, Dedosane, usque ad mediam silvam, qua Milcianorum occurrunt termini Inde ad orientem hos fluvios habet terminos Bug scilicet et Ztir cum Cracoua civitate provinriaque, cui Wag nomen est, cum omnibus regionibus ad praedictam urbem pertinentibus, quae Cracova est. Inde Ungarorum limitibus additis usque ad montes, quibus nomen est Tritri, dilatata procedit. Deinde in ea parte quae meridiem respicit addita regione Moravia usque ad fluvium cui nomen est Wag, et ad mediam silvam, cui nomen est Moure, et eiusdem montis eadem parochia tendit, qua Bavaria liminatur. Cosmas, L. II, cap 37

⁴³ Там же.

⁴⁴ А. В а с h m a n n Studien zu Cosmas. MJOG, Bd XXI 1900, стр. 909—220.

⁴⁵ Например, Bragensis вместо Pragensis ср.- К. Р о т k а n s k i . Przywilej..., стр. 6.

разом говорит против предположения А. Бахмана. Помимо того, построение А. Бахмана оказывается при ближайшем рассмотрении лишены всякой внутренней логики. В самом деле, если первоначальный текст документа 1086 г. ничего не говорил о Моравии, то остается совершенно непонятным, о чем вообще в таком случае могла бы говорить грамота 1086 г. и зачем бы она могла понадобиться пражскому епископу⁴⁶.

Гораздо логичнее поэтому представляется, как это и делает Козьма в своей хронике, прямо связывать появление привилея 1086 г. с тем ожесточенным спором, который в течение предшествовавших двадцати лет вел Яромир по поводу границ своей епархии. В этом споре его брат князь Вратислав твердо отстаивал точку зрения моравского епископа, выступая решительным противником территориальных претензий Яромира⁴⁷. Кстати говоря, столкновение точек зрения чешского князя и пражского епископа не ограничивалось только вопросом о границах епархии последнего. Известную роль в их противоречиях играли и вопросы славянской литургии, запрещенной в Чехии в 1080 г. папой Григорием VII. Яромир был яростным противником славянского богослужения, в то время как его брат Вратислав относился с симпатией к деятельности монахов Сазавского монастыря и даже добивался в Риме согласия *ѡ* распространение славянской литургии в Чехии⁴⁸.

Многолетние споры чешского князя и пражского епископа по поводу границ пражской епископии прекратились только в 1085—1086 гг. и, по-видимому, не случайно именно в это время. Дело тут, разумеется, отнюдь не в том эффекте, который должно было дать торжественное представление на имперский сейм грамоты св. Войтеха. Вспомним, что на этом же сейме Вратислав II был провозглашен не только чешским, но и польским королем. Именно в свете притязаний чешского князя на польские земли вполне естественным представляется его

⁴⁶ Аргумент этот был уже выдвинут чешскими историками. См. J. K a l o u s e k . O listine cisare Jindricha z 1086 г. (далее: O listine...). ССН. 1900, стр. 265.

⁴⁷ J. P e k a r . K sporu o zakladaci listinu biskupstvi prazskeho (далее: K sporu ...) ССН, 1904, стр. 45—46.

⁴⁸ M. D v o r a k . O listine papeze Jana XIII v kronice Kosmo\е (далее: O listine...). VKCSN. Třida filoz.-hist.-jazykozp. R. 1899 V Praze, 1900, стр. 4.

отказ от спора с Яромиром по поводу границ пражской епископии. Ведь в грамоте 1086 г. прямо упоминаются польские земли — Силезия и Малая Польша. Если учесть, какое важное значение придавалось в то время совпадению церковных и политических границ⁴⁹, то изменение позиции чешского князя в споре с Яромиром станет совершенно понятным. Церковные границы являлись оправданием политических. Современники, как об этом свидетельствуют слова самого Козьмы при описании им границ чешского княжества в правление Болеслава II, твердо стояли на точке зрения совпадения государственных и церковных границ⁵⁰.

Итак, нет оснований сомневаться в подлинности грамоты 1086 г., предполагать в ней какой-то более поздний подлог, сделанный епископом Яромиром. Наоборот, есть все данные считать ее важным политическим документом, отражавшим вызванное событиями совпадение интересов чешского князя и пражского епископа.

После недавних работ В. Шлезингера и особенно Б. Кшеменской и Д. Тржештика⁵¹, изучивших грамоту 1086 г. как памятник средневековой немецкой дипломатики, должны отпасть всякие сомнения на этот счет.

Иное дело, что Козьма Пражский, вопреки его заверениям, сам лично не присутствовал на Майнцком сейме, который в действительности состоялся в 1085 г. и на котором подготавливался проект документа 1086 г., окончательно составленного именно в 1086 г. в Регенсбурге. Для целей настоящего исследования не так уж существенно, что в своем описании Майнцкого сейма Козьма опирается на литературную манеру хрониста начала X в. Регинона⁵². Более существенны наблюдения новейших ис-

⁴⁹ Fr. P a l a c k ý. Dejiny narodu ceskeho v Cechach a v Morave (далее: Dejiny narodu ceskeho...). Praha, 1921, стр. 61; W. T o m e k. Dejepis mesta Prahy, d. I. Praha, 1955, стр. 69.

⁵⁰ Hie gloriosissimus dux, secundus Bolezlaus, \ere et hodie haud plangendus satis, cuius memoria in benedictione est, in quantum ampliando dilataverit ferro sui terminos ducatus, apostolica testatur auctoritas in privilegio eiusdem Pragensis episcopatus. Cosmas, L. I, cap. 34.

⁵¹ H. B e u m a n n, W. S c h l e z i n g e r. Urkundenstudien...; B. K r z e m i e n s k a, D. T r e s t i k. O dokumencie praskim ..

⁵² Подробнее о литературном влиянии Регинона на Козьму см. в работе: D. T f e s t i k. Kosmas a Regino. CCHist, 1960, N 4. Разбор текста Козьмы о Майнцком сейме 1085 г. см на стр. 579—582.

следователей, свидетельствующие о том, что чешский хронист действительно имел в своем распоряжении копию грамоты 1086 г., которую он, как будет отмечено ниже, подверг известному редактированию.

Но из факта признания подлинности грамоты 1086 г., как таковой, еще не следует, что излагаемый в ней более древний документ (грамота прямо ссылается на него) тоже надо признать подлинным. Иными словами, исследователю предстоит еще ответить на вопрос о подлинности или подложности того привилея, который лег в основу вполне законно оформленного документа 1086 г. Следует сказать, что и этот вопрос обсуждался уже неоднократно в литературе предмета. Причем высказывались мнения как в пользу подлинности, так и в подтверждение подложности рассматриваемой грамоты. Следовательно, необходимо разобрать все *pro* и *contra*, выдвигавшиеся в ходе дискуссии.

Как видно из текста грамоты 1086 г., по своей форме она представляет собой подтверждающую грамоту другого неизвестного в оригинале документа — учредительной грамоты Пражского епископства. Об этом прямо говорит заявление привилея 1086 г. о том, что границы Пражской епархии восстанавливаются в том виде, в каком они существовали *ab initio* — с самого начала. Выступая на заседании Майнцкого сейма, епископ Яромир, по словам Козьмы, утверждал даже, что представленный им древний привилей принадлежал пражскому епископу св. Войтеху. И тут возникает первое затруднение. Дело в том, что Пражское епископство было основано в 973 г. (до 1344 г. оно подчинялось Майнцкой архиепископии), а первым пражским епископом был саксонец Дитмар (973—982)⁵³. Между прочим, о том, что первым пражским епископом был саксонец Дитмар, хорошо знал и автор первой чешской хроники, не забывший упомянуть и о том, что Дитмар “в совершенстве знал славянский язык”⁵⁴. Войтех, происходивший из княжеского рода

⁵³ Pfehled Ceskoslovenskych Dejin, d. I. Do roku 1848 Praha, 1958 (Maketa), стр. 73.

⁵⁴ Cosmas, L. I, cap. 23.

Славниковцев, был вторым епископом в Праге, о чем тоже знал Козьма Пражский⁵⁵. Отсюда вывод: учредительная грамота Пражского епископства не могла быть связана с именем Войтеха.

Пытаясь преодолеть этот первый аргумент, свидетельствующий, казалось бы, о подложности рассматриваемого документа, чешский исследователь И. Калоусек, следуя в данном случае за В. Тонком, выдвинул предположение, что в 1086 г. епископ Яромир воспользовался не самой учредительной грамотой, а лишь ее позднейшей копией, подтвержденной Войтехом. Правда, он сам понимал неубедительность такого объяснения, заметив, что остается совершенно неясным⁵⁶, зачем понадобилось Войтеху вторичное подтверждение границ Пражской епископии.

Иначе подошел к делу другой чешский ученый — В. Новотный. По его мнению, границы Пражской епархии вообще первоначально не были точно определены. Такое определение произведено было только в период пребывания на пражской епископской кафедре Войтеха и было связано с расширением власти чешского князя на Моравию. Болеслав II был прямо заинтересован в уточнении границ Пражской епископии. Отсюда его согласие на избрание Славниковца пражским епископом, поскольку Славниковцу было гораздо легче, чем кому-либо другому, добиться такого расширения границ Пражской епископии.

Основным источником, на котором строил свои предположения В. Новотный, является *Granum catalog! epis-sorogum Olomucensium*⁵⁷.

В этом документе действительно говорится о том, что в третий год епископства св. Войтеха Моравия и Чехия, Моравское и Пражское епископства были объединены в церковном отношении⁵⁸.

⁵⁵ Coşmas, L. I, cap. 25—26.

⁵⁶ J. K a l o u s e k. O listine..., стр. 261. Cp. V. N o v o t n ý. Ceske Dejiny, d. I, стр. 611; R. H o l t z m a n n. Die Urkunde Heinrichs IV für Prag von Jahre 1086 (далее: Die Urkunde...). A. f. D., t. VI, 1918. стр. 191—193. В. Грубы, по-видимому, прав, считая, что Войтех не имел права особой грамотой подтверждать или восстанавливать границы Пражской епископии. V. H g u b y. Puvodni hranice biskupstvi prazskeho a hranice fisi Ceske v 10 století (далее: Puvodni hranice...). СММ, t. 50, 1926, стр. 86—87.

⁵⁷ V. N o v o t n ý. Ceske Dejiny, d. I, стр. 610—612.

⁵⁸ Tempore S. Adalbert! episcopi secundi anno episcopatus sui ter-

К сожалению, однако, В. Новотный не обратил внимания на явное противоречие, которое существует между излагаемой в привилее 1086 г. и приписываемой св. Войтеху грамотой и привлекаемым им списком оло-муцких епископов. В первой определенно говорится об единстве церковной организации для Чехии и Моравии ab initio, во втором — речь идет об установлении такого единства только при епископе Вонтехе. Но дело не в одном лишь этом.

Остроумная гипотеза В. Новотного окажется совершенно неприемлемой, если мы учтем, что главный источник, на котором покоится его сложное построение, — *Granum catalogi* — является всего лишь очень поздней, относящейся к XV в. компиляцией, основанной на хронике Пулкавы⁵⁹. Иными словами, само по себе сообщение этого источника оказывается не более, чем искусственной комбинацией, использующей данные той самой грамоты 1086 г., к объяснению которой оно привлекается.

Итак, приходится констатировать, что ни Калоуску, ни Новотному не удалось опровергнуть тот первый аргумент, который свидетельствует против подлинности изложенной в документе 1086 г. учредительной грамоты Пражского епископства.

Не более убедительным представляется и предположение, что ссылка епископа Я'ромира на привилей св. Войтеха является изобретением самого хрониста⁶⁰. Думается, что в таком случае Козьма постарался бы связать концы с концами и не связывать вступление Войтеха на пражскую кафедру с именем императора Отто-на II⁶¹, вступая тем самым в явное противоречие с грамотой 1086 г., где прямо говорится об Оттоне I. Противоречие это тем более поразительно, что само основание Пражской епископии и избрание Дитмара, пусть ошибочно, но самым определенным образом связываются

tio, Moraviensis episcopatus Pragensi episcopo Benedict! Papae VII, Ottonis imperatoris II confirmatione et Pii Bolezlai duels Bohemiae consensu accedente usque ad tempore Severi episcopi Pragensi VI Wratislai ducis Boemiae fuit unitus. Цит. по соч.: В. Р е г е л ь. О хронике Козьмы Пражского. СПб., 1890, стр. 68.

⁵⁹ J. R e k a f. К спору..., стр. 3.

⁶⁰ В. К r z e m i e n s k a, D. T f e s t i k. О dokumencie praskim..., стр. 85. Ср. V. H r u b y. Puvodni hranice..., стр. 87.

⁶¹ Cosmas, L. 1, cap. 26.

хронистом с именем Оттона I, “сына императора Генриха”⁶². Но вопросом о появлении имени св. Войтеха не исчерпывается аргументация противников подлинности учредительной грамоты.

К первому аргументу прибавляется не менее весомый второй. Исследователи грамоты 1086 г. давно уже обратили внимание на тот факт, что перечисленные в представленной епископом Яромиром грамоте лица, принимавшие якобы участие в ее издании, в действительности не были современниками. Речь идет об императоре Оттоне I (936—937 гг.), папе Бенедикте VI (972—974 гг.), при котором было учреждено Пражское епископство, или его преемнике папе Бенедикте VII (974—983 гг.) и самом пражском епископе Войтехе Славниковце, занимавшем кафедру в Праге с перерывом с 983 по 994 г. Правда, в самом тексте грамоты 1086 г. имя св. Войтеха не фигурирует, однако нет никаких оснований, как говорилось только что, предполагать, что официальная ссылка на него в речи Яромира может быть простым вымыслом Козьмы. Следует думать, что имя Войтеха действительно прозвучало на Майнцком сейме.

Интересную попытку обойти это внутреннее противоречие источника сделал русский исследователь В. Регель. Но для этого ему потребовалось произвести над грамотой целый ряд сложных операций. Во-первых, пришлось отказаться от мысли, что рассматриваемый документ может быть учредительной грамотой Пражского епископства от 973 или 974 г. Так же, как это сделал несколько позже В. Новотный, В. Регель попытался связать появление исследуемого привилея с объединением Чехии и Моравии в церковном отношении и предложил датировать его 983 г.⁶³ Далее, ему пришлось предположить опisku в привилее в имени императора Оттона: Оттон I был переделан им на Оттона II (973—983 гг.)⁶⁴. Такого рода исправление оправдывается автором ссылкой на упомянутый уже выше весьма сомнительный и поздний источник — *Granum catalog!*, где

⁶² Coşmas, L. I, cap. 23.

⁶³ В. Э. Регель. Учредительные грамоты Пражской епархии (далее: Учредительные грамоты..) Сб. ст. по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности СПб, 1883, стр. 279.

⁶⁴ Там же, стр. 280.

действительно речь идет об императоре Оттоне II. Но, как очевидно уже из предыдущего, использование этого памятника при анализе грамоты 1086 г. ни в коем случае нельзя признать законным.

Аргументацию В. Регеля еще более ослабляет то обстоятельство, что и поправленный им привилей св. Войтехы оказывается тем не менее документом, находящимся в явном противоречии со списком оломуцких епископов, так как относимое списком на третий год епископства Войтехы объединение Чехии и Моравии в рамках одной церковной организации никак не попадает на 983 г. В. Регелю приходится вносить соответствующие исправления и в *Gnamum catalog* вновь предполагая канцелярскую ошибку⁶⁵.

Остроумная, «о все же довольно фантастическая гипотеза В. Регеля не нашла поддержки даже среди самых упорных сторонников подлинности исследуемой грамоты»⁶⁶.

Третий аргумент, заставляющий считать предъявленный епископом Яромиром привилей св. Войтехы подделкой, заключается в следующем. В грамоте, приписываемой св. Войтехе, прямо указывается, что Пражское епископство ab initio обнимало Чехию и Моравию (... quod Pragensis episcopatus... ab initio per totum Boemiae ac Moraviae ducatum unus et integer constitutus...). Между тем, в одном из документов 976 г. среди суффраганов майнцского архиепископа, наряду с пражским, упоминается и моравский епископ⁶⁷.

Не менее показательным, что о существовании самостоятельного моравского епископа знал и Козьма Пражский. Под 1067 г. он записал в своей хронике: «Рассказывают, однако, что был в Моравии еще до времен Севера⁶⁸ какой-то епископ, кажется, по имени Врацен»⁶⁹.

Как правильно отмечает К. Потканький, эти слова Козьмы не следует толковать в том смысле, что Врацен

⁶⁵ Там же, стр. 282.

⁶⁶ J. K a l o u s e k . О listine..., стр. 260—262.

⁶⁷ Quapropter auctoritate ipsius, astipulantibus quoque assessoribus nostris venerabilibus episcopis, Spirensi, Wormatiensi, Pragensi, Moravians!... K. J. E r b e n . Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae. Pars I. Praegae, 1855, стр. 31.

⁶⁸ Север — пражский епископ, занимавший кафедру в 1030—

1066 гг.

⁶⁹ Cosmas, L. II, cap. 21.

управлял своей епархией непосредственно перед вступлением епископа Севера на пражскую кафедру в 1030 г. Козьма указывает только на сам факт, что в Моравии был некогда до Севера отдельный епископ⁷⁰.

Само собой разумеется, то обстоятельство, что ничего не известно о дальнейшей судьбе моравского епископства т. X в. и что упоминание о нем в документе 976 г. и хронике Козьмы Пражского являются единичными, не дают права делать вывода, как это сделал И. Калоусек⁷¹, что данный аргумент, направленный против тезиса о подлинности привилея св. Войтеха, не может быть признан обоснованным⁷². Наоборот, обоснован он, на наш взгляд, как нельзя более серьезно, принимая во внимание состояние источников.

Пусть это епископство просуществовало даже очень короткое время — существа дела это изменить не может. Гораздо важнее, что епископство это было основано одновременно или почти одновременно с пражским и было подчинено, как и пражское, майнцкому архиепископству⁷³. Не более убедительными представляются и соображения В. Новотного, пытавшегося изобразить упомянутого в 976 г. моравского епископа обычным мис-сийным епископом⁷⁴, поскольку они не только не подтверждаются, но и прямо противоречат приведенным выше данным. Что касается В. Регеля, то он лишь использовал показания грамоты 976 г. в совокупности с сообщениями списка оломуцких епископов для того, чтобы дополнительно обосновать свою неудачную датировку привилея св. Войтеха 983 г.⁷⁵

Наконец, четвертый основной аргумент, приводившийся для доказательства подложности Учредительной грамоты, приписываемой св. Войтеху. На этом аргументе особенно настаивал К. Потканский. Спор Яромира с оломуцким епископом Яном из-за Моравии длился целых двадцать лет. Спор этот специально рассматривался в Римской курии. Однако нет никаких признаков, чтобы

⁷⁰ K. Potkanski. Przywilej..., стр. 11.

⁷¹ J. Kalousek. O rozsahu rise ceske...

⁷² K. Potkanski. Przywilej..., стр. 12.

⁷³ K. Buczek. O dokumencie biskupstwa praskiego z. r. 1086 (далее: O dokumencie...). RH, t. XV, z. I, 1939, стр. 22—23; R. Hoi

tz-mann. Die Urkunde..., стр. 192—194.

⁷⁴ V. Novotny. Ceske Dejiny, d. I, стр. 610.

⁷⁵ В. Регель. Учредительные грамоты..., стр. 282.

Яромир когда-либо до 1086 г. пытался представить в оправдание своих претензий пресловутый привилей св. Войтеха. Отсюда, делает вывод К- Потканьский, следует, что либо до этого времени такого привилея вообще не было, либо, если он и был, то Яромир ясно представлял себе, что ссылки на него в Риме, где хорошо знали обстоятельства основания пражской епархии, не дадут каких-либо результатов⁷⁶.

Этот последний аргумент, взятый отдельно, нельзя, по-видимому, признать бесспорным. Оя может приниматься во внимание лишь в связи с первыми тремя. И вот по каким основаниям. Происшедшее в 1062 г. разделение пражской епархии было официально санкционировано Римским престолом, :как это явствует из письма папы Григория VII к моравским князьям Отто и Конраду в 1079 г. Поэтому ссылки на какие-либо предшествующие этой санкции Рима документы не могли предпрешить судебного приговора папы⁷⁷. Ведь известно, что *lex posteriori deiogat priori*.

Тем не менее, остается все же весьма странным, что Яромир ни разу не попытался опереться в своем споре на такой важный документ, как учредительная грамота Пражского епископства, документ, связанный к тому же с личностью святого и мученика. В лучшем для Яромира случае факт этот прямо свидетельствует, что сам пражский епископ сомневался в подлинности привилея св. Войтеха, не считая в действительности его учредительной грамотой Пражского епископства. Ему не могло не быть известно, что *ab initio* существовали как пражское, так и моравское епископства.

С учетом же всех предыдущих соображений, свидетельствующих против подлинности анализируемого документа, придется, по-видимому, склониться к худшему для Яромира варианту решения вопроса. Потканьский скорее всего прав, когда прямо подозревает пражского епископа в фальсификации документа⁷⁸.

Итак, разбор дискуссии, посвященной содержащемуся в грамоте 1086 г. так называемому прнвилею св. Войтеха, приводит к следующим бесспорным, по-видимому, выводам:

⁷⁶ K. Potkanski. Przywilej..., стр. 10. ⁷⁷ J. K a l o u s e k. O listine..., стр. 266. ⁷⁸ K. Potkanski. Przywilej..., стр. 10.

- 1) привилей этот не является учредительной грамотой Пражского епископства;
- 2) в том виде, в каком он был представлен епископом Яромиром на Майнцком соборе 1085 г. и был изложен в грамоте 1086 г. императора Генриха IV, т. е. в качестве учредительной грамоты Пражского епископства, привилей представляет собой очевидный фальсификат;
- 3) в изготовлении такого фальсификата был прежде всего заинтересован пражский епископ, который, по-видимому, принимал непосредственное участие в его составлении.

Признание всех этих трех важнейших выводов из дискуссии не освобождает, однако, исследователя от обязанности подробно проанализировать привилей СБ. Войтеха с точки зрения его конкретного содержания, с точки зрения тех конкретных данных, которые в нем имеются. Речь идет, разумеется, прежде всего об описании границ пражского епископства. Уже сам характер средневековых фальшивок, часто содержащих в себе в препарированном виде реальные элементы более древних документов, прямо обязывает произвести соответствующий анализ⁷⁹.

Но прежде, чем перейти к этой части работы, необходимо остановиться еще на одном вопросе, решение которого, как кажется, не будет лишним в рамках настоящего исследования.

Выше было показано, что в представленном епископом Яромиром привилее св. Войтеха наличествовали такие черты, которые должны были возбудить естественные подозрения у современников. Если большинство непосвященных могло, правда, просто не обратить на них внимания, то зато такой неплохо образованный для своего времени человек, к тому же близко стоявший к пражскому епископу⁸⁰, как Козьма, едва ли мог не заметить их совершенно. Это тем более невероятно, что в самой хронике Козьмы Пражского содержатся известия,

⁷⁹ На необходимость такого анализа грамоты 1086 г. указывал автору в свое время покойный проф. З. Неedly.
⁸⁰ K. Potkanski. Przywilej..., стр. 9.

прямо или косвенно противоречащие данным учредительной грамоты Пражского епископства, фигурировавшей на Майнцком сейме.

Отсюда два следующих вопроса: 1) верил ли сам автор хроники в подлинность излагаемой в привилее 1086 г. учредительной грамоты? и 2) как пытался он разрешить и пытался ли вообще разрешать) те противоречия, которые возникали в ряде случаев между данными этой грамоты и грамоты 1086 г. в целом с другими данными, которые он использовал в своей хронике?

Ставя перед собой эти вопросы и пытаясь на них ответить, исследователь с самого начала оказывается в очень затруднительном положении, потому что Козьма приводит в своем труде не одну, а целых две учредительные грамоты Пражского епископства. Первая — это рассматриваемый привилей св. Войтеха. Вторая помещена Козьмой в 22 главе первой книги его хроники. Козьма оговаривается, правда, что передает содержание этого документа только приблизительно, в пересказе⁸¹. В нем сообщалось, что сестра Болеслава II Чешского по имени Млада-Мария передала папе Иоанну XIII (965—972 гг.) просьбу чешского князя об организации в его стране самостоятельного епископства. Папа согласился с просьбой Болеслава и настоящей грамотой учреждает епископство в Праге, “однако не согласно обряду или секты болгарского или русского народа или славянского языка, но верно следуя апостольским обрядам и установлениям”. В этих целях чешскому князю дается совет подобрать для занятия епископской кафедры кандидата, владеющего латынью⁸². Вот и все, что говорится в этой учредительной грамоте Пражского епископства, приписываемой папе Иоанну XIII. В ней,

⁸¹ .. litteras.. quarum formula huiusmodi fuit. Cosmas, L. I, cap. 22.

⁸² Unde apostolica auctoritate et sancti Petri principis apostolorum potestate, cuius licet indigni, tamen sumus vicarii annuimus et collaudamus atque incanonizamus, quo ad ecclesiam sancti Viti et Wenczelai martirum fiat sedes episcopalis; ad ecclesiam vero sancti Georgii martiris sub regula sancti Benedicti et obedientia filiae nostrae, abbatissae Mariae, constituatur congregatio sanctimonialium Veruntamen non secundum ritum aut sectam Bulgariae gentis vel Ruziae aut Slavonicae linguae, sed magis sequens institute et decreta apostolica, unum potius totius ecclesiae ad placitum eligas in hoc opus clericum, Latinis adprime litteris eruditum..., там же.

как это совершенно очевидно читателю, не говорится самого главного. В ней нет ничего ии об отношении нового еяископства к кафедре в Регенсбурге, под церковной юрисдикцией которой находилась Чехия до основания пражского епископства, ни о границах новой епархии, не упоминается даже совершенно обязательное в такого рода документах имя императора. Зато в ней содержится запрещение славянской литургии, русских или болгарских церковных обрядов, причем запрещение это делается тогда, когда Русь вообще не приняла еще христианства.

Основываясь на всех этих обстоятельствах, принимая к тому же во внимание явные погрешности формуляра документа, чешский исследователь М. Дворжак пришел, очевидно, “ единственно правильному выводу: приписываемая папе Иоанну XIII учредительная грамота Пражского епископства является довольно поздним подлогом, возникшим в связи с запрещением славянской литургии в Чехии, согласно грамоте Григория VII, направленной в 1080 г. князю Братиславу II ⁸³. Грамота, приписываемая Иоанну XIII, неправомерно переносила явления идеологической и церковно-политической борьбы второй половины XI в. на целое столетие назад. Являясь важным политическим документом второй половины XI в., она, разумеется, не может привлекаться к изучению событий X в. ⁸⁴

Из тех соображений, которые были сформулированы Дворжаком в связи с анализом так называемой грамоты Иоанна XIII, неосновательным представляется только одно. Чешский исследователь считает Козьму Прагжского автором этого подлога ⁸⁵. Думается, однако, что нет положительных данных для такого рода предложения.

Если бы Козьма на самом деле являлся автором грамоты Иоанна XIII, то, во-первых, он едва ли смог преодолеть искушение и поместить в своей хронике ее не

⁸³ M. D v o r a k . О listine..., стр. 2—4.

⁸⁴ К сожалению, всего этого совершенно не учел Б. Я. Рамм (Папство и Русь..., стр. 21), использовавший приписываемую Иоанну XIII грамоту, являющуюся в действительности фальсификатом XI в.. для характеристики распространения христианства на Руси в период до Владимира Святославича.

⁸⁵ M. D v o r a k . О listine..., стр. 5.

в полном виде, а только в пересказе; во-вторых, он, без сомнения, постарался бы совместить, согласовать в самом тексте ее данные с данными грамоты св. Войтехы. Ни того, ни другого, тем не менее, он не сделал, и не сделал, конечно, потому, что с одинаковым доверием отнесся как к одному, так и к другому документу.

Но почему же в таком случае он не заметил несоответствия, несогласованности их? Впрочем, действительно ли он не заметил этой несогласованности? Скорее всего наоборот. Он заметил ее, причем в самом важном и для него и для современного исследователя пункте. Грамота Иоанна XIII ничего не говорит о границах пражской епархии, а значит, и о границах Чешского государства. Этот пробел пополнила грамота, изданная от имени папы Бенедикта. Таким образом, второй документ как бы развивал первый, восстанавливал потерянное звено в цепи событий. Для Козьмы, очевидно, именно это и было самым главным.

Короче говоря, фальсификат XI в., составленный скорее всего под непосредственным влиянием епископа Яромира (а такому прожженному политическому интригану, как пражский епископ, которого сам Козьма назвал “старым отступником Юлианом”⁸⁶, не было ни нужды, ни охоты согласовывать и сопоставлять изготавливаемые под его руководством подлоги), оказался, по-видимому, тем документом, который должен был не столько ослабить, сколько, наоборот, усилить доверие хрониста к изложенной в привилее 1086 г. грамоте св. Войтехы.

Но случай с подложной грамотой Иоанна XIII не единственный, когда данные хроники Козьмы расходились с данными грамоты св. Войтехы в документе 1086 г. Поэтому целесообразно проследить за действиями Козьмы еще дальше.

Выше уже отмечалось, что сообщение грамоты св. Войтехы о том, что Чехия и Моравия *ab initio* составляли одно епископство, противоречит сообщению хроники о моравском епископе Врацене. Нужно, однако, учитывать, что такое противоречие совершенно очевидно для нынешнего исследователя хроники потому, что он сопоставляет слова Козьмы с показаниями грамоты 976 г. и устанавли-

вает одновременное существование двух епископств именно в момент образования епископства в Праге. Но такое сопоставление, очевидно, совершенно не приходило в голову чешскому хронисту. Он не пользовался грамотой 976 г. -и в том факте, что в Моравии еще до 1030 г. был отдельный епископ, не усматривал никакого противоречия *ab initio* документа св. Войтеха. Козьма ведь просто не знал, когда жил или мог жить епископ Врацен.

Ясно, что “данном случае нельзя требовать от Козьмы каких-либо попыток согласовать данные своих источников. Таких попыток у него нет.

Чрезвычайно сложным было бы положение чешского хрониста, если бы о“ попытался дать ответ на другую загадку в документе св. Войтеха. Документ этот был издан от имени императора Отгона I. Между тем, Козьме было хорошо известно, что посвящение Войтеха в пражские епископы состоялось при Отгоне II⁸⁷. С другой стороны, он знал и о том, что Пражское епископство было учреждено при Отгоне I, что тогда же был посвящен и первый пражский епископ Дитмар⁸⁸. Оказавшись перед таким затруднением, Козьма не решился искачь из него какого-либо выхода. Он оставил все в таком же положении, как нашел. Может быть, впрочем, что он рассуждал при этом так же, как и в случае с грамотой Иоанна XIII, г. е. истолковал все упомянутые события как развитие одного процесса — учреждения пражского епископства. Если это так, то имя Отгона I могло и не смутить его, могло казаться ему вполне уместным.

Совершенно иначе поступает Козьма в другом случае, когда противоречия в его сведениях оказываются абсолютно явными. Как уже говорилось, в более близком к оригиналу списке грамоты 1086 г. указывалось, что разделение пражского епископства произошло без согласия (*sine consensu*) предшественников Яромира. В хронике Козьмы это место изложено по-другому. Здесь говорится о согласии предшественников Яромира на такое разделение. Слово *sine* исчезает из текста. Это исчезновение не случайно. Козьма прекрасно знал, что дело обстояло как раз наоборот тому, как оно изображено в грамоте, что предшественник Яромира на пражской кафедре епископ

⁸⁷ Cosmas, L. I, cap. 26.

⁸⁸ Там же, L. I, cap. 23.

Север согласился с выделением моравского епископства, потребовав за это согласие огромного материального вознаграждения⁸⁹. Отсюда наблюдаемая в его тексте грамоты 1086 г. правка.

Так появляется возможность сформулировать ответы на поставленные выше вопросы. Козьма был убежден в подлинности иришля ов. Войтеха. Используя грамоту 1086 г., он не механически воспринимал ее сведения, а сознательно сопоставлял их с тем материалом, который он излагался.

Но Козьма не только сопоставлял и согласовывал, где мог это сделать, данные грамоты св. Войтеха с другими сведениями своей хроники. В его труде видны следы прямого использования грамоты как источника для чешской истории Хв. Выше⁹⁰ уже приводилось то место из хроники Козьмы, в котором он, ссылаясь на грамоту св. Войтеха, определяет политические границы Древнечешского государства при Болеславе II. Почти цитатой из того же документа звучат слова из сочиненной Козьмой предсмертной речи Болеслава II к его сыну. Болеслав II напоминал сыну, что он границы своего государства “расширил вплоть до гор, которые находятся за Краковом и называются Татры”⁹¹. Наконец, опираясь на грамоту св. Войтеха, Козьма датирует и утрату Древнечешским государством этого польского города 999 г. Польский историк Я- Натансон-Лвский, по-видимому, совершенно прав, ког-

⁸⁹ Hie (Север.— В. К.) fere omni tempore sui praesulatus sine aliqua reiragatione et sine omni contradictione Boemiae et Moraviae quasi unum et individuum episcopium rexit, et rex fuit si non post obitum Zpitigneu, nimia devictus efflagitatione Wratislavi ducis, concessisset promoveri Johannem episcopum in Moravia, prius tamen multorum sub testimonio huiusmodi deliberate pcedo et allodio sive concambio, scilicet ut Pragensis praesul XII villas, quae sunt in omni Boemia potiores, pro illo episcopio eligat, insuper et centum marcas argenti annuatim de camera ducis accipiat, curtem autem, quae est in Moravia ad Sekirkostel, cum suis appendiciis, ut antea sic et in posterum possideat, similiter et villam Sliunicam cum foro, atque castrum ibidem situm in media aqua Zuratka nomino, Podivin dictum a conditore suo Podiva Judaeo, sed postea catholico. Там же, Л. II, cap. 21. Вопрос о том, для чего потребовалось Козьме столь подробно останавливаться на всем этом эпизоде (подробнее о нем см.: В. К г з е-м і е н с к а, Д. Т ф е с т і к. О документах пражских..., стр. 86) в данной связи не представляет интереса.

⁹⁰ См. сноску 60.

.. huius regni terminos, quos ego dilatavi usque ad monies qui sunt ultra Krakov, nomine Trytri... Cosmas, L. I, cap. 33.

да считает, что, принимая эту дату, Козьма руководствовался прежде всего чувствами пиетета к прославленному им князю⁹² Поступить иначе он просто не мог, особенно если учесть, что отрывку о потере Кракова предшествовала цитирувавшаяся выше предсмертная речь Болеслава, который, по данным Козьмы, умер 7 февраля 999 г.⁹³

Здесь, вероятно, вполне уместно вновь обратиться к тексту Козьмы и полностью привести соответствующий отрывок о захвате польским князем Кракова Отрывок этот следует сразу же за ссылкой Козьмы на учредительную грамоту Пражской епископии, описывающей как думает автор хроники, границы Чехии при Болеславе II Вот он “После его (Болеслава II—В К) смерти сын его, Болеслав III, как говорилось выше, наследовал ему в княжестве, не имея, однако, ни талантов, ни удачи от ца, не сумел он сохранить достигнутых границ Ибо польский князь Мешко, человек, коварнее которого не было другого, хитростью овладел городом Краковым, предав мечу всех чехов, которых он там застал”⁹⁴

Помимо очевидной связи этого отрывка с грамотой ев Войтеха, внимание исследователя привлекает одно обстоятельство автор, датируя события 999 г, явно путает эпоху Мешко и Болеслава Храброго Путаница эта, по видимому, неслучайна Козьма продолжает называть Болеслава Храброго именем Мешко, и при описании захвата им Чехии в начале XI в и при рассказе о его бегстве из Праги, и даже вспоминая о гибели в Польше пяти братьев-мучеников⁹⁵ Впервые имя Болеслава Храброго упоминается под 1025 г, причем в полном соответствии с другими источниками чешский хронист называет его королем⁹⁶ Обращает на себя внимание, что Мешко, а не Болеслав I Храбрый получает у Козьмы чрезвычайно резкую характеристику Для такой характеристики в хронике до 999 г как будто нет материала Козьма ничего не

⁹² J Natanson-Leski Panstwo Mieszka I, стр 72

⁹³ Cosmas, L I cap 33

⁹⁴ Post cuius obitum filius eius, tertius Bolezlaus, ut supra relatum est successit in ducatum sed non eisdem rerum successibus, nec pater-nis auspicijs terminos adquisitos obtinuit Nam dux Polomensis Mescio, quo non fuit alter dolosior homo, mox urbem Cracov abstulit dolo omnibus quos ibi invenit, Voemns eunctis gladio Cosmas, L I, cap 34

⁹⁵ Cosmas, L I, cap 35, 36, 38

⁹⁶ Там же, L I, cap 41

говорит о польско-чешском конфликте, в действительности имевшем место при Мешко I, у него нет даже тех отрывочных известий о конфликте, которые сохранились в хронике другого чешского автора и о которых еще придется говорить несколько позже

Тем более оснований задуматься над словами Козьмы. Случайно ли умолчание Козьмы о войне Болеслава II с Мешко, случайна ли его резкая характеристика польского князя? Наконец, случайно ли появление имени Мешко под 999 г.? Может быть, именно потому так не приязненно относился чешский хронист к польскому князю, что ему все же было кое-что, пусть и не в очень подробной или даже просто в отрывочной форме, известно о польско-чешском конфликте, происходившем как раз при Мешко I и Болеславе II и развивавшемся неудачно для чешской стороны. Опираясь на данные грамоты ев. Войтехы, Козьма мог частью отвергнуть, частью перенести на период после смерти Болеслава II эти свои сведения о борьбе с польским соседом, объединив их в одно целое с польско-чешским конфликтом начала XI в. Принятие такого предположения сразу же сняло бы все те недомыслия, которые вызывает в своем нынешнем виде процитированный отрывок из его хроники. Стало бы ясным, почему автор говорит о Мешко I, а не о Болеславе Храбром, почему он так остро отрицательно относится именно к этому польскому князю, и, наконец, полностью разъяснилось бы происхождение даты 999 г., как времени утраты Кракова.

Из всего того, что было сказано выше, вытекают, как кажется, два основных вывода.

1. Козьма опирается на грамоту ев. Войтехы, как на исторический источник именно в той ее части, которая содержит описание границ Пражской епископии, а это как раз и есть та тема, которая всегда интересовала всех исследователей грамоты 1086 г.

2. Помимо привилея ев. Войтехы, у Козьмы, а следовательно, и в Чехии в годы его жизни вообще не было никаких других, более достоверных, на его взгляд, и полных источников для суждения о размерах государства Болеслава II, а это, быть может, вывод еще более важный, чем первый, потому что он определенно свидетельствует о древности соответствующего раздела документа.

Что же представляют собой названные в привилее св. Войтеха границы Пражской епархии, какие территории они охватывают? Согласуются ли данные грамоты с другими источниками о Чешском государстве X в.? По данным грамоты 1086 г., в состав Пражской епархии при св. Войтехе входили Чехия и Моравия, часть Словакии, Силезия, Малая Польша, часть западнорусских земель и Лужиц.

К сожалению, единого мнения относительно того, к какому политическому или церковному образованию можно отнести описанные в грамоте границы, в литературе вопроса не установилось.

Одной из первых гипотез, высказанных в связи с анализом документа 1086 г., была попытка польского ученого В. А. Мацеевского объявить границы, обозначенные в этом источнике, позднейшим описанием границ архиепис-копии Мефодия⁹⁷.

Близкое к точке зрения Мацеевского мнение высказал К- Потканьский⁹⁸. Такое решение вопроса представляется, однако, невероятным. Относить рассматриваемый документ ко времени Великоморавской державы нельзя хотя бы уже потому, что в нем совершенно отсутствует Паннония. В то же время в нем упоминается Силезия, принадлежность которой к моравской церкви, по крайней мере, весьма сомнительна".

Гипотеза о великоморавском происхождении документа 1086 г. в той его части, где описываются границы Пражской епископии, конечно, выиграла бы в правдоподобности, если бы удалось найти в его тексте какие-либо следы использования древних моравских источников. Такие следы и пытаются найти польские исследователи

⁹⁷ W. A. M a c i e j o w s k i. Pierwotne dzieje Polski i Litwy. W Warszawie, 1846, стр. 53. Гипотеза эта имеет своих сторонников и в новой и в новейшей историографии вопроса. См. J. W i d a j e - w i c z. Krakow i Powaze w dokumencie biskupstwa praskiego z 1086 r. (далее: Krakow i Powaze..). Prace Kom. Hist. Pozn. TPN, t. XI, z. 4, 1938, стр. И8; H. P a s z k i e w i c z. The origin of Russia. London, 1954, стр. 381—386 и др.

⁹⁸ К. P o t k a n s k i. Krakow przed Piastami, стр. 234.

⁹⁹ J. K a l o u s e k. O listme..., стр. 258; Ср. J. N a t a n s o n - L e s k i, Panstwo Mieszka I, стр. 56.

Ю. Видаевич и Я. Натансон-Леский¹⁰⁰. Оба они строят свое предположение на словах Козьмы Пражского, сославшегося в хронике на какой-то привилей моравской церкви. Вот соответствующий текст его Хроники: “Как, однако, пользуясь милостью божией, принял князь Бори-вой святое крещение или каким образом при его преемниках в странах этих день ото дня размножалась святая католическая вера или какой верующий князь сколько и каких основал церквей ко хвале божьей, я предпочту скорее умолчать, чем докучать читателям, 'ибо я читал писания других об этом: кое-что в привилее моравской церкви, кое-что в эпилоге этой же земли (и земли чешской, кое-что в житии или страстях нашего патрона и мученика Вацлава)”¹⁰¹.

Но процитированные только что слова Козьмы Пражского не только не подтверждают, а скорее прямо исключают гипотезу Ю. Видаевича и Я. Натансона-Леского. Из них никак нельзя сделать вывод, что перечисленные хронистом источники использовались им для определения границ Древнечешского государства. Из слов Козьмы Пражского нельзя даже заключить, что в них вообще содержалось описание каких-либо границ. Это место хроники свидетельствует только о том, что Козьма пользовался большим <крупам источников, занимаясь вопросом распространения христианства в Чехии, причем в его время эти источники были доступны всем. Между тем, именно этого нельзя сказать о грамоте св. Войтехы, которая всплыла на свет только в 1085 г. и которая, как это показано выше, являлась единственным источником, по которому Козьма судил о размерах Древнечешского государства при Болеславе II.

Но данные, исключающие великоморавское происхождение грамоты св. Войтехы, имеются прямо и в ее тексте.

¹⁰⁰ J. W i d a j e w i c z . Pierwotne dzieje Polski. Poznan, 1952, стр. 20; J. N a t a n s o n - L e s k i Panstwo Mieszka I, стр. 56

¹⁰¹ Qualiter autem gratia dei semper praeveniente et ubique sub-sequente dux Borivoy adeptus sit sacramentum baptism!, aut quomodo per eius successores his in partibus de die in diem sancta processerit rdigio catholicae fidei, vel qui dux quas aut quot primitus ecclesias credulus erexit ad laudem dei, maluimus praetermittere quam fastidium legentibus ingerere, quia iam ab aliis scripta legimus quaedam in privilegio Moraviensis ecclesiae, quaedam in epilogo eiusdem terrae atque Boemiae, quaedam in vita vel passione sanctissimi nostri pat-roni et martiris Wencezlai. Cosmas, L. I, cap. 15.

Грамота перечисляет чешские и силезские племена. В случае, если бы она действительно относилась к IX в. или основывалась на документах того времени, естественно было бы ожидать, что затем последует перечисление и моравских племен, территории которых хорошо прослеживаются археологами. Последние установили, что всего было четыре моравских племени¹⁰². Между тем, именно моравские племенные названия в грамоте совершенно отсутствуют. В этой связи обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. В грамоте дается перечисление племенных названий только для тех земель, которые хотя и входили в состав Великоморавской державы, но сохраняли в ее рамках значительную самостоятельность и управлялись своими князьями или вообще находились вне рамок Великой Моравии. В первом случае речь идет о Чехии, во втором — о землях силезских племен: дзядо-шан, слензан, тшебовяи и бобжан¹⁰³.

Иначе описываются в грамоте границы, когда речь идет либо о центральных областях Великоморавской державы, либо о таких ее районах, где великоморавское завоевание привело к ликвидации местной государственности. Ни для Моравии и части Словакии, ни для Малой Польши привилей св. Войтеха не дает никаких племенных имен. Любопытно, что он не знает и шлен еще двух силезских племен — ополян и голенжицев. В литературе высказывалось уже мнение, что племена эти входили в состав государства Вислян, впоследствии разгромленного Великоморавокой державой¹⁰⁴. Документ 1086 г. косвенным образом подтверждает такую точку зрения¹⁰⁵.

¹⁰² J. P o u i k. *Staroslovanska Morava*, стр. 85—86.

¹⁰³ Козьма, правда, говорит, что Арнульф для Святополка Моравского “*post solum Boemiam, verum etiam alias regiones, hinc usque ad flumen Odram, et inde versus Ungariam usque ad fluvium Qron subiugaret*”, L. I, cap. 14. Но слова его не следует, по-видимому, толковать в том смысле, что моравскому князю удалось подчинить всю Силезию. Скорее всего, речь может идти только о верхней Одре. Ср. J. N a t a n s o n - L e s k i *Panstwo Mieszka I.*, стр. 57.

¹⁰⁴ J. W i d a j e w i c z. *Panstwo Wislan*, стр. 59—61.

¹⁰⁵ В данном случае возможно, впрочем, и другое объяснение! к моменту составления так называемого привилея св. Войтеха эти верхнесилезские племена уже были потеряны чешским князем и он отказался от претензий на эти земли. Ср. K. M a l e c z y n s k i *Najstarsza zachodnia granica Polski...*, стр. 226—226.

Таким образом, не остается никаких сомнений, что гипотеза о великоморавском происхождении грамоты св. Войтеха должна быть отброшена. Грамота эта не могла быть составлена ни в IX, ни в начале X в., ее составители не пользовались и документами тех времен.

Более убедительной представляется другая точка зрения, которой придерживается большинство чешских и русских исследователей, защищающих подлинность лежащего в основе грамоты 1086 г. документа. Эти исследователи относят составление его ко второй половине X в. и вслед за Козьмой считают, что грамота описывает границы Древнечешского государства при Болеславе II.

Дискуссия, возникшая вокруг этой гипотезы, переросла в общую дискуссию о границах Древнечешского государства во второй половине X в., причем противники подлинности грамоты отрицали не только принадлежность к Чехии в это время Кракова и Малой Польши, западнорусских земель, Силезии, но и Моравии. Иными словами, речь идет о том, являлась ли ранне-феодалная монархия Пржемысловцев крупным центральноевропейским государством второй половины X в. или, как того хочет, например, Я. Натансон-Леский¹⁰⁶, она представляла собой весьма незначительное государственное образование, едва выдерживавшее соперничество Лйбицких Славниковцев, и уже во всяком случае неспособное к соперничеству с могущественной державой Пястов.

Одним из поводов для такого рода суждений могут послужить слова арабского купца-путешественника еврея Ибрагима ибн Якуба, который, как говорилось уже в другом месте, в 966 г. посетил с торгово-дипломатическими целями двор германского императора Оттона I. Ибрагим побывал у бодричей и в Чехии. Он, безусловно, хорошо разбирался в положении славянских государств. Вот, что он пишет о государстве Мешко I: «А что касается страны Мешко, то она — самая обширная из их (т. е. славянских) стран. Изобилует она запасами пищи, мясом, медом и пахотными полями (или рыбой)... Имеет он (Мешко.— В. /С.) три тысячи панцирных воинов,

J. Natanson-Leski. *Panstwo Mieszka I...*, стр. 57—58.

(разделенных на) отряды, а сотня их стоит десяти сотен других (воинов),»¹⁰⁷.

Думается, однако, что надо обладать слишком пылким воображением, чтобы на основании этих слов арабского путешественника строить какие-либо вполне определенные выводы о соотношении сил между Пястами и Пржемыслидами, при этом категорически настаивая на слабости последних. Ибрагим констатирует лишь, что страна Мешко I больше других западнославянских стран, в том числе и Чехии, что Мешко располагал крупными военными силами. Но из этого еще не следует, что Древнечешское государство было слабым и маленьким.

Такого суждения не подтверждают и другие, хорошо известные факты. В середине 60-х годов X в., т. е. как раз тогда, когда совершал свое путешествие Ибрагим ибн Якуб, именно чешские военные силы помогали польскому князю в его борьбе на Западном Поморье (967 г.)¹⁰⁸. Мешко I являлся союзником германского императора и чешского князя. При характеристике государства Мешко I Ибрагим пользовался чешскими и немецкими источниками информации. Совершенно очевидно поэтому, что в интересах его немецких и чешских информаторов было подчеркнуть значение своего польского союзника, однако не с целью преуменьшить свое собственное. Короче говоря, в Праге в 60-е годы X в. высоко ценили союз с Польшей, но вряд ли считали свое государство менее значительным, чем польское.

Следующая стадия настоящего исследования, естественно, должна быть посвящена разбору конкретной аргументации противников достоверности данных грамоты св. Войтеха по вопросу о границах Древнечешско-го государства во второй половине X в. Ключевым вопросом здесь, по-видимому, является проблема Моравии. Разрешение вопроса о государственной принадлежности Моравии сталкивается, правда, с известными трудностями из-за скудности источников.

Однако разрешение его представляется все же вполне достижимым.

В пользу того, что Моравия входила в состав Чешского государства во второй половине X в. обычно при-

¹⁰⁷ MPHNS, t. I, стр. 50.

¹⁰⁸ Widu kind, L. III, cap. 69.

водятся следующие соображения. Болеслав I был союзником Отгона I в борьбе с мадьярами. Чешские войска участвовали в большой битве на р. Лехе в 955 г. Чехам же удалось разгромить и крупный отряд мадьяр, двинувшийся в Чехию. В результате разгрома на Лехе прекратились мадьярские набеги на Германию, а Моравия была присоединена к Чехии¹⁰⁹.

Если же обратиться к источникам, то, пожалуй, единственным прямым подтверждением принадлежности Моравии в Древнечешском государстве во второй половине X в. может послужить указание Козьмы Пражского, помещенное под 1021 г., в котором чешский хронист сообщает, что поляки, захватив в начале XI в. Прагу, одновременно силой овладели и Моравией¹¹⁰.

К сожалению, однако, нет определенной гарантии в том, что в основе этих данных Козьмы не лежат только припоминания или даже просто логическая комбинация, аналогичная комбинации, приведшей к появлению сообщения под 999 г. о потере Кракова. Источником указаний Козьмы о судьбе Моравии ведь тоже могла явиться именно грамота 1086 у.

При таких условиях окончательное решение вопроса о Моравии оказывается в прямой зависимости от решения вопроса о Кракове. Чешское владычество в Малой Польше было бы совершенно немисливо без предварительного подчинения Моравии власти чешского князя.

К счастью, при решении вопроса о Кракове исследователь, наконец-то, может опираться на твердую почву источников. О том, что во второй половине X в. Краков входил в состав Древнечешского государства, самым недвусмысленным образом свидетельствует Ибрагим ибн Якуб. Он говорит: "Что касается страны Болеслава, то ее длина от города Фрага до города Кракова (требует) трехнедельного путешествия. Граничат с нею в длину области турок (венгров)"¹¹¹.

Попытку С. Закшевского отыскать где-то на восточных границах Моравии или Словакии упоминаемый у

563. См., например: V. Novotný. Ceske dejiny, d. I, стр. 562—

563. "no ...post obitum secundi Bolezlai sicut urbem Pragam, ita totam Moraviam vi obtinuerant Polonii. Cosmas, L. I. cap. 40. ¹¹¹ MPHNS, t. I, стр. 49.

Ибрагима Краков¹¹² следует считать совершенно неудавшейся. В настоящее время ни у кого из исследователей уже нет сомнения в том, что Краков Ибрагима — это всем хорошо известный польский Краков¹¹³.

Итак, в 966 г. Краков, бесспорно, находился под властью чешского князя. Возникает следующий вопрос, как долго во второй половине X в. он мог находиться в чешских руках? И на этот вопрос можно найти ответ в сохранившихся источниках. Речь идет об известном документе, носящем условное название документа “Dago-me iudex”. Он сохранился не в полном виде, а лишь в форме регеста в собрании канонов кардинала Деусде-дита от 1087 г. В исторической литературе установилось уже мнение, что документ этот относится к 990—992 гг., т. е. приходится на последние годы правления Мешко I, и описывает тогдашние границы Польского государства¹¹⁴. Один из последних исследователей его, П. Богданович, исходя из посылки, что в составлении документа “Dagome iudex” активное участие принимала императрица Теофано, предложил несколько более раннюю дату его возникновения — 989—990 гг.¹¹⁵ Такая поправка не меняет, однако, существа дела.

Согласно точному смыслу документа “Dagome iudex” Краков находился вне границ Польского государства и в последние годы правления Мешко I¹¹⁶. С тем, что Краков оказывается вне пределов, описанных в этом источ-

¹¹² S. Z a k r z e w s k i. Mieszko I jako budowniczy państwa Polskiego. Warszawa, s. a., str. 25; он же. Czeski charakter Krakowa za Mieszka I w świetle krytyki historycznej. KH, 1916.

¹¹³ Ср. J. N a t a n s o n - L e s k i. Państwo Mieszka I..., стр. 63.

¹¹⁴ Historia Polski, t. I, cz. 1. PWN, стр. 166.

¹¹⁵ P. B o g d a n o w i c z. Geneza aktu dyplomatycznego zwanego Dagome iudex (далее: Geneza aktu...). RH, t. XXV, z. I za r. 1959, Poznań, 1959, стр. 31.

¹¹⁶ Item in alio tomo sub Iohanne XV papa: Dagome iudex et Ote senatrix et filii eorum Misica et Lambertus leguntur beato Petro contulisse unam civitatem in integro, que vocatur Schignesne cum omnibus suis pertinentiis infra hos affines, sicuti incipit a primo latere longum mare fine Pruzze usque in locum, qui dicitur Russe, et fine Russe extendente usque in Craccoa et ab ipsa Craccoa usque ad flu-men Oddere recte in locum, qui dicitur Alemure et ab ipsa Alemura usque in terram Milze, et a fine Milze recte intra Oddera, et exinde dueente iuxta flumen Oddera usque in predictam civitatem Schignesne. B. K i i r b i s o w n a. Dagome iudex studium krytyczne. PPP, t. I, стр. 395.

нике в настоящее время соглашается большинство исследователей¹¹⁷.

Можно было бы, конечно, высказать на основании некоторых косвенных показаний русских источников, предположение, что Краков, оставаясь в чешских руках и в первые годы правления преемника Мешко I Болеслава Храброго. Подразумеваемая как будто летописным сообщением 996 г. общая польско-чешско-русская граница¹¹⁸ возможна только при условии сохранения Кракова в составе Древнечешского государства. Вот соответствующее известие “Повести временных лет”: “... и бе жива (Володимер>—В. К.) с князи околними миром, с Болеславом Лядьским, и с Стефаном Утръшым, и с Андри:сом Чешьским, и бе мир межу ими и любви”¹¹⁹. Однако отмеченная в главе третьей этой работы сложность формирования этой записи не позволяет категорически насаивать именно на таком толковании ее.

Не будь этих осложнений с летописной статьей 996 г., потерю Чехией Кракова можно было бы уверенно датировать 999 г., в полном согласии с Козьмой Пражским. Дату Козьмы Пражского, впрочем, принимает все же целый ряд историков¹²⁰. В данной связи, однако, не столь важно, когда точно перешел в руки польского князя Краков, важно, что перешел он после 992 г.

Но решение вопроса о Кракове, как уже говорилось, неразрывно связано с вопросом о государственной принадлежности Моравии. Она, бесспорно, входила в состав Древнечешского государства до конца X в.¹²¹

¹¹⁷ H. L o w m i a n s k i. Imig chrzestne Mieszka I (далее: Imig chrzestne...). SO, t. XIX, 1948, cp. J. N a t a n s o n - L e s k i. Państwo Mieszka I..., стр. 63; K- M a t e z y n s k i. Najstarsza zachodnia gra-nica Polski..., стр. 228.

¹¹⁸ Так понимает летописную статью 996 г. А. В. Флоренский (Чешско-русские торговые отношения..., стр. 66—67), зато решительно возражает против такого понимания текста С. М. Кучинский (Wschodnia granica państwa Polskiego, стр. 247—248)

¹¹⁹ ПСРЛ, т. I стлб. 126.

¹²⁰ H. L o w m i a n s k i. Imig chrzestne..., стр. 258; L. H a v l i k. Iri kapitoly..., стр. 72; В. Д. Корольюк. Древнепольское государство, стр. 131.

¹²¹ Ср. К. В и с з е к. O dokumencie..., стр. 5—8. Поэтому определенно ошибались те исследователи, которые считали, что в описываемое время Моравия была подчинена Венгрии. См. В. В г е t - l ^ o l z. Geschichte Mahrens, Bd. I. Brunn, 1895, стр. 149; J. P e k a f. K sporu..., стр. 53; J. W i d a j e w i c z. Krakow i Powaze..., стр. 84.

Что касается силезской проблемы, то она решается относительно проще других. В литературе давно уже установилось мнение, что обострение польско-чешских отношений во второй половине 80-х годов X в., переросшее в открытый военный конфликт, было непосредственно связано с борьбой за Силезию¹²². О подробностях польско-чешской войны сохранилось довольно много данных в сочинении немецкого хрониста Титмара Мерзебургского¹²³.

О том, что в ходе этой войны чешская сторона потеряла всю Силезию, определенно свидетельствует документ “Dagome iudex”. В самом деле, если провести линию от г Кракова до Оломуца (под Alemure документа “Dagome iudex” обычно понимается недалеко отстоящей от силезской границы моравский Оломуц)¹²⁴, а затем продолжить ее до территории мильчан, то силезские земли окажутся за пределами Чешского государства. Положение не изменится, если вслед за К- Малечинским принять, что Alemure не Оломуц, а Моравия в целом¹²⁵.

Таким образом, источники не дают нам никаких оснований отвергать показание привилея св. Войтеха о принадлежности Силезии Древнечешскому государству с той только оговоркой, что такое положение могло существовать лишь приблизительно до 990 г.¹²⁶

Ссылки на то обстоятельство, что силезские земли были отделены от собственных владений Болеслава II территорией Либицкого княжества, не меняют существа дела, тем более, что речь идет не о самостоятельном, а зависимом феодальном владении, к тому же со всех сторон сжато владениями пражского князя. Существование Либицкого княжества могло затруднить чешскому князю борьбу за Силезию, как это и произошло, по-видимому, в действительности, но оно не могло предотвратить проникновения туда Древнечешского государства¹²⁷.

¹²² Historia Polski, t. I, cz. I, PWN, стр. 165; ср. В. Д. Королюк. Древнепольское государство, стр. 129.

¹²³ Thietmar, L. IV, cap. 12—14.

¹²⁴ J. Natanson-Leski. Państwo Mieszka I..., стр. 51.

¹²⁵ К. Малечинский. Najstarsza zachodnia granica Polski..., стр. 229.

¹²⁶ Подробное обоснование этой даты см. там же, стр. 225—227.

¹²⁷ К. Вучек. O dokumencie..., стр. 14—16.

Итак, до сих пор рассматриваемый документ действительно соответствует явлениям X в. и описывает границы Чехия при Болеславе II.

Совершенно иначе обстоит дело с крайними восточными границами, названными в привилее, использованном грамотой 1086 г. Уже давно было обращено внимание на то обстоятельство, что Буг и Стырь в своем сочетании не образуют никакого ни этнографического, ни географического рубежа¹²⁸. Для этого достаточно одного взгляда на географическую карту, особенно если взглянуть на нее с юго-запада со стороны Чехии. Вместе с тем совершенно ясно, как это было показано выше в главе третьей и как это совершенно справедливо подчеркнул С. М. Кучинский¹²⁹, нет абсолютно никаких оснований предполагать, что в первоначальном тексте летописной статьи 981 г. вместо имени ляхов стояло имя чехов и что западнорусские земли находились в составе Древнечешского государства во второй половине X в. Те чешские историки, которые пытаются иначе трактовать этот вопрос путем подмены терминов в летописной статье 981 г.¹³⁰, явно игнорируют характер русской летописи как источника и географический кругозор ее составителей. Если нет никаких оснований представлять себе Польшу в правление Мешко I вполне сложившимся, охватывающим все польские земли государством, как это делает Я. Натансон-Леский в своем неоднократно упоминавшемся труде, то не больше оснований имеют и попытки превращать Чехию второй половины X в. в некий центрально-восточноевропейский колосс.

Но если Буг и Стырь нет оснований рассматривать как восточные рубежи Древнечешского государства, то все же, как объяснить появление их в привилее св. Вой-техы?

Гипотеза К. Потканьского, предлагавшего видеть в них восточные границы Польши при Болеславе Храбром и Болеславе Смелом¹³¹, не кажется удачной уже по одному тому, что она вводит элементы явлений XI в. в

¹²⁸ К. Potkanski. Przywilej..., стр. 25.

¹²⁹ S. M. Kucyński. Wschodnia granica państwa Polskiego, стр. 247—251.

¹³⁰ V. Chaloupcky. Knize svaty Vaclav, V. H r стр. 42—44 u b y. Puvodni hranice..., стр. 129 и др.

¹³¹ К. Potkanski. Przywilej..., стр. 23—28.

документ, по содержанию своему явно соответствующий явлениям прошлого века. При таких условиях остается присоединиться к точке зрения тех исследователей, которые видели в Буге (речь, конечно, может идти лишь о Западном Буге) и Стыри не политические границы Чехии второй половины X в., а всего лишь миосийные границы пражской кафедры *in partibus infidelium*¹³². Нечеткость, явная расплывчатость этих границ не будет в таком случае ни у кого вызывать недоумения.

Итак, если не считать пресловутой границы по Бугу и Стыри, в остальном так называемый привилей св. Войтеха довольно точно описывает государственные границы Чехии второй половины X в. (до 990 г.). Одновременно он характеризует и пределы как пражской, так и моравской епархий, как было уже справедливо отмечено в литературе вопроса¹³³. То обстоятельство, что в привилее не перечислены все племенные территории, входившие в состав Чешского государства, в том числе не упомянуты сами чехи, не должно смущать исследователя, ибо документ этот не ставил своей целью дать описание чешского княжества, а лишь очерчивал его границы путем упоминания пограничных земель¹³⁴.

Из того факта, что в грамоте 1086 г. дается описание территории двух епископств — пражского и моравского — К-Бучек сделал вывод, что так называемый привилей св. Войтеха в своем настоящем виде возник в XI в. Иначе говоря, существовало два документа X в., описывавших две епархии, а епископ Яромир, преследуя свои цели, соединил их в один¹³⁵. Вообще говоря, такое решение вопроса можно было бы признать вероятным, если бы не то обстоятельство, на которое обратил внимание Г. Ловмянский¹³⁶, что в привилее 1086 г. описание границ Чехии второй половины X в. дано таким образом, что границы пражского и моравского епископств час-

¹³² В. Р е г е л ь. Учредительные грамоты... стр. 321; А. В. Ф л о р о в е к и. Чехи и восточные славяне, т. I, стр. 30. К этой точке зрения примкнул и советский историк А. Н. Насонов в работе Русская земля ..., стр. 133—134.

¹³³ К. В и с з е к. O dokumencie..., стр. 37; Н. Л о w m i a n s k i. Poczatki Polski, t. II, Warszawa, 1963, стр. 172—173.

¹³⁴ Н. Л о w m i a n s k i. Poczatki Polski, t. II, стр. 177.

¹³⁵ К. В и с з е к. O dokumencie..., стр. E8.

¹³⁶ Н. Л о w m i a n s k i. Poczatki Polski, t. II, стр. 172-173.

точно находят друг на друга, так что неясно, например в состав какой епархии должна была входить в этом случае Краковская земля.

Отказываясь признать так называемый привилей св. Войтеха как целое документом XI в., остается, естественно, считать его основу, содержащую описание границ Древнечешского государства, документом X столетия. Но в таком случае придется объяснить обстоятельства и цели его появления, а для этого нужно вернуться к характеристике общего положения Чехии и развития польско-чешских отношений второй половины X в.

* * *

Разрыв польско-чешского союза и вспыхнувший вооруженный конфликт между Древнепольским и Древне-чешским государствами оказались явлением, сыгравшим чрезвычайно важную роль в дальнейшем политическом развитии Центральной Европы. Именно с этого момента начались, нашедшие столь яркое отражение в хрониках Козьмы Пражского и Галла Анонима, соперничество и вражда польских и чешских феодалов, которые серьезно облегчали восточногерманским феодалам проведение их агрессивной политики. В руках Империи оказывался такой важный политический козырь, как игра на противоречиях между чешскими и польскими феодалами, возможность противопоставить вооруженные силы одной западнославянской страны другой, чтобы не допустить опасного для интересов восточногерманских феодалов усиления ни одной из них.

Предметом спора между польскими и чешскими феодалами были польские земли — Силезия и Малая Польша, являвшиеся одними из самых развитых в социально-экономическом отношении польскими территориями, лежавшими к тому же на чрезвычайно важных и оживленных артериях тогдашней международной транзитной торговли, связывавшей страны Восточной Европы с цент-ральноевропейскими и западноевропейскими странами. Это были слишком богатые и важные области для того, чтобы чешский князь мог добровольно или легко отказаться от них. Для польского князя это была слишком богатая добыча, чтобы он не постарался воспользоваться обстоятельствами и не сделал энергичной попытки овладеть ими. А таким благоприятным для Мешко I и

польских феодалов обстоятельством была, казалось, восточная политика императорского двора.

Классовые интересы и западнопоморская политика польских феодалов, как уже отмечалось выше, определяли польско-германский союз против языческих лютичей. Но дело было не только в лютическом движении. Могущественная Чехия уже в силу одного своего географического положения должна была представляться восточногерманским феодалам гораздо более опасным элементом в политической жизни Центральной Европы, чем отдаленная Польша. Ослабление Чехии в результате ее конфликта с Польшей вполне отвечало бы реальным политическим интересам восточногерманских феодалов. Естественным следствием такой расстановки сил на центральноевропейской политической арене было чешско-лютическое сближение.

Итак, в своем конфликте с Чехией польский князь имел основания рассчитывать на поддержку Империи и восточногерманских феодалов, в то время как Болеслав II Чешский мог призвать себе на помощь воинственных лютичей. Однако, даже делая ставку на союз с лютичами против Мешко I, Болеслав II, как убедительно свидетельствуют о том факты, отнюдь не намеревался вызвать на себя ответный удар Империи. Наоборот, в его задачи входила нейтрализация Империи. Чешский князь не мог не понимать и понимал, конечно, как это явствует из сообщений Титмара Мерзебургского, что война на два фронта— и против Империи и против Польши— была явно не по силам Чехии даже в тех границах, в которых она известна по источникам второй половины X в.

К сожалению, при нынешнем состоянии источников фактически невозможно проследить по этапам процесс образования того крупного средневропейского политического организма, каким была Чехия при Болеславе I и Болеславе II. Обращение к источникам арабского происхождения¹³⁷, к несчастью, не всегда дает достаточно прочные основания для сколько-нибудь уверенных суждений. Для целей настоящего исследования, впрочем, вопрос этот не столь уж существен. В данном случае

Ср. построение В. Халоупецкого о границах Чехии при Вац-!. V. S h a l o u p e c k y. Knize svaty Vaclav, стр. 32—44.

гораздо существенней, что источники второй половины X в. действительно рисуют Чехию крупным раннефео-дальным государством, границы которого далеко выходили за этнографические границы расселения чешской народности. Более того, источники эти рисуют и картину довольно упорной борьбы Чехии и Польши за спорные области, борьбы, растянувшейся на целый ряд лет.

Возможно, что К. Малечинский прав, когда полагает, что начало польско-чешского вооруженного конфликта следует датировать уже 985—986 гг. и что именно в это время Чехия потеряла Верхнюю Силезию¹³⁸. Без всякого сомнения свидетельствуют о напряженной польско-чешской борьбе источники применительно к 990 г. При этом свидетельства эти исходят как от памятников немецкого, так и чешского происхождения. Чешский источник— сообщение монаха сазавского монастыря под 990 г.— определенно указывает и место происходящих столкновений. Сазавский монах сообщает под этим годом об утрате чехами Клодзкой Немчи¹³⁹.

О польско-чешском конфликте 990 г. упоминают и Гильдесгеймские анналы, подчеркивающие сильную вражду друг к другу западнославянских князей¹⁴⁰. Обстоятельство это, кстати говоря, подчеркивает и Титмар, в хронике которого содержится ряд важных подробностей о конфликте 990 г., помогающих понять политический курс борющихся сторон. Повторив сообщение Гильдесгеймских анналов о ссоре и вражде между Мешко I и Болеславом TI, Титмар далее рассказывает об обращении чешского князя за военной помощью к лютичам. В ответ Мешко попросил помощи у императрицы Теофано¹⁴¹.

Союзное немецкое войско действительно вслед за тем прибыло на театр военных действий, вступив на земли скупян (в Нижней Лужице), но оказалось, по словам Титмара, крайне немногочисленным. Титмар даже

¹³⁸ K. M a l e c z y n s k i. Najstarsza zachodnia granica Polski. , стр. 225—226.

¹³⁹ Под годом 990: Item eodem anno Nemci perdita est. FRB, t. II, стр. 240.

¹⁴⁰ Misacho et Bolizlavo, duces Sclavorum, gravibus inimiciis inter se conflixerant Annales Hildesheimenses под 990 г MGHSS, t. III.

¹⁴¹ Eo tempore Miseco et Bolizlavus inter se dissonantes multum sibi invicem nocuerunt, Bolizlavus Liuticios suis parentibus et sibi semper fideles in auxilium sui imitat; Miseco autem predictae impe-ratricis adiutorium postulat. T h i e t m a r, L. IV, cap. 11.

определенно утверждает, что в походе участвовало всего-навсего четыре отряда¹⁴². Если прав З. Войцехов-ский¹⁴³, полагающий, что появление немецких войск в землях слупян ясно свидетельствует о том, что в замыслы чешского князя входило вклиниться между Великой Польшей и Силезией, то в меньшей степени заслуживает внимания и замечание Б. Миськевича, что поведение немецких феодалов в кампании 990 г. следует признать “загадочным”¹⁴⁴.

В самом деле, если считать показание Титмара отвечающим действительности, то придется признать, что поход немецких феодалов. 990 г. имел чисто демонстративный характер. Если же согласиться с Б. Миськевичем, что Титмар явно приуменьшил немецкие силы¹⁴⁵ (в пользу этого как будто говорит высокий ранг военачальников, командовавших войском), то придется пойти еще дальше, упрекая Империю в явном вероломстве. Ведь Титмар определенно сообщает, что до военного столкновения немецких феодалов с чешским князем дело не дошло. Мотивы Болеслава II при этом не вызывают сомнений. Он действительно не мог надеяться устоять в борьбе одновременно и с Империей и с Польшей, о чем предупреждал его, по словам Титмара, чешский рыцарь Слопан¹⁴⁶, который вел переговоры с немцами. При таких условиях нет ничего удивительного, что Болеслав II предпочел воздержаться от столкновения с отрядом восточногерманских феодалов, добившись, однако, от них, чтобы они выступили в качестве посредников между ним и польским князем, захватившим какие-то бывшие чешские владения¹⁴⁷.

¹⁴² Qui vix cum III proficiscentes legionibus ad pagum Selpuli.. venerunt. T h i e t m a r, L. IV, cap 11.

¹⁴³ Z. W o j c i e c h o w s k i. Polska nad Wislę i Odrę..., стр. 87.

¹⁴⁴ B. M i s k i e w i c z. Studia nad obroną..., стр. 236.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Слопан якобы заявил Болеславу II: “Exercitus hie quantitate par\us qualitate sua optimus et omnis est ferreus. Pugnare cum eo tibi potis est; sed si tibi hodie victoria evenit, sic prosterneis, ut fu-giendo Misesonem inimicus te continue persequentem vix aut nequa-quam evadas et Saxones tibi hostem in perpetuum acquires. Si autem \ictus fueris, finis est de temet ipso et de omni regno ad te pertinenti. Non enim remanet spes ulla resistendi, inimico te undiquesecus \al-lanti” T h i e t m a r, L. IV, cap. 12.

¹⁴⁷ Talibus alloquiis furor illius sedatur, et pace facta principes nostros alloquitur, ut qui contra eum hue venirent cum eo ad Miseso-

Странным образом немецкие военачальники согласились с предложениями чешского князя. В то время как войско германских феодалов повернуло назад, с чешским князем к польским границам двинулись немецкие посредники. Впрочем, их даже трудно признать посредниками, если верить Титмару. Они скорее находились в положении заложников., ибо когда Болеслав II подошел к Одре, он послал к Мешко посла с предупреждением, что “в его руках находятся его (Мешко.— *В. К.*) союзники. Если Мешко вернет ему захваченную область (*regnum ablatum*), то он (*Болеслав.— В. К.*) позволит им уйти в целости, иначе перебьет их всех”¹⁴⁸.

Поскольку угрозы Болеслава II не произвели никакого впечатления на польского князя, Болеслав ограничился разорением окрестностей. Чрезвычайно показательно при этом, что чешский князь не остановился перед тем, чтобы выдать лютичам одного из захваченных в плен польских военачальников, которого его союзники принесли в жертву своим языческим идолам. Зато в отношении немецких заложников-посредников были приняты все меры к тому, чтобы они смогли избежать мести лютичей и благополучно вернуться домой¹⁴⁹. Тем самым чешский князь еще раз продемонстрировал свою лояльность по отношению к Империи, свое определенное стремление избежать серьезного столкновения с ней.

Рассказ Титмара, свидетельствующий о крайне жалкой роли, в которой приходилось выступать его соотечественникам в 990 г., в общем не вызывает больших сомнений. Б. Миськевич ошибается, по-видимому, все же, предполагая, что Титмар сильно преуменьшил численность военных сил, шедших на помощь Мешко I немецких феодалов. Скорее всего, немецкое вспомогательное вой-

nem pergere et in restituendis suimet rebus se apud Misenem adiuvare voluissent. Там же

¹⁴⁸ Venit Bolizlavus cum nostris ad Oderam; ad Misenem nuncius mittitur, qui diceret, se in potestate sua auxiliores suos habere. Si regnum sibi ablatum redderet, hos incolomes abire permetteret, sin autem, omnes perderet Там же.

¹⁴⁹ Inde reversus urbem unam .. nomine possedit et hanc cum domino eius, urbanis nil repugnantibus, acquisivit eundemque Liuticis ad decollandum dedit. Nee mora, diis fautoribus haec ostia ante urbem offertur et de reversione ab omnibus tractatur. Tunc Bolizlavus sciens nostros ex parte Liuticiorum incolumes non posse domum sine eo pervenire, crastino dimisit eos crepusculo, ut ammoniti fuerant, multum properantes. Th i e t m a r , L. IV, cap. 13.

ско было действительно невелико. Иное дело, что немецкие военачальники, вероятно, попали в ловушку, поставленную им чешским князем, и принуждены были поэтому играть жалкую, унижительную роль в развитии событий.

Зато Б. Миськевич, очевидно, совершенно прав, подчеркивая, что Империя не оказала никакой реальной военной помощи Польше в войне 990 г.¹⁵⁰ Думается, однако, учитывая малочисленность выступивших на театр военных действий вооруженных сил, что немецкие феодалы и не предполагали оказывать Метко I никакой существенной помощи. Немецкий поход 990 г. мог иметь лишь характер военной демонстрации, которая должна была стеснить, затруднить действия могущественного чешского князя, “и в коем случае не освобождая польского князя от необходимости продолжать тяжкое единоборство со своим соседом. Совершенно очевидно, что быстрое и резкое усиление польского союзника ни в коей мере не входило в планы восточногерманских феодалов.

Как направление ответного удара Болеслава II на действия Машко I¹⁵¹, так и прямое показание сазавско-го монаха и анализ документа “Dagome iudex” определенно свидетельствуют в пользу того, что в войне 990 г. решалась судьба Силезии¹⁵². Поэтому безусловно правы те исследователи, которые считают, что regnum ablatum Титмара Мерзебургского означало именно Силезию¹⁵³. И нет никаких оснований понимать под этим термином ни Моравию, как это делал С. Закшевский¹⁵⁴, ни одну только Краковскую землю (Ю. Видаевич, К- Бучек)¹⁵⁵, ни Силезию вместе с Краковом (З. Войцеховский)¹⁵⁶.

Как уже отмечалось выше, указать точно момент перехода Малой Польши под власть Пястов источники не

¹⁵⁰ В. Миськевич. Studia nad obrong..., стр. 237.

¹⁵¹ Там же, стр. 238.

¹⁵² Ср. К. Малецzynski. Najstarsza zachodnia granica Pol-ski..., стр. 227.

¹⁵³ R. Grodecki. Dzieje polityczne Slgska. Historia Sl^ska, t. I. Krakow, 1933, стр. 166.

¹⁵⁴ S. Zakrzewski. Sla.sk i Morawy ra Mieszka I. KH, 1917, стр. 4—6

¹⁵⁵ J. Widajewicz. Panstwo Wislan, стр. 87^88; K. Buczek. O dokumencie..., стр. 30; G. Labuda. Studia nad pocz^tkami..., стр. 228.

¹⁵⁶ Z. Wojciechowski. Polska nad Wisla^ i Odra., стр. 87—93.

дают возможности. Ясно только, что это могло произойти только после смерти Мешко I при его преемнике Болеславе I Храбром, следовательно, после 992 г. А это означает, в свою очередь, что война 990 г. не положила предел польско-чешскому конфликту. Борьба между Пшемислидами и Пястами за польские земли продолжалась еще несколько лет.

Итак, польско-чешский конфликт, в котором наступательной стороной являлась Польша, где-то в 90-х годах X в. завершился полным успехом Пястов. Дело, конечно, не ограничивалось только военными действиями между конфликтующими сторонами. Учитывая тогдашнюю обстановку в Центральной и Восточной Европе, можно смело предполагать, что вооруженный польско-чешский конфликт сопровождался и соответствующим дипломатическим соперничеством между познанским и пражским дворами. Выше уже отмечались усилия Мешко I использовать во вред Чехии польско-германский союз против лютичей и параллельное им стремление Болеслава II нейтрализовать Империю. Деятельность Мешко I, лучше освещенная сохранившимися источниками, чем деятельность его противника, не ограничилась, однако, этим. Стремясь закрепить свое завоевание, польский князь поспешил использовать в своих интересах христианско-универсалистскую идеологию Империи и 'передать под верховную власть Римского престола свое княжество в тех границах, которых оно достигло к концу его правления, т. е. вместе с землями, отвоеванными у Чехии.

В литературе уже отмечалось, что это был первый в Европе случай такой передачи государства под власть папы¹⁵⁷.

В действительности, конечно, речь шла скорее об опеке со стороны Римского престола, чем о 'передаче ему фактической верховной власти над страной.

Так появился процитированный выше сохранившийся лишь в форме регеста документ "Dagome iudex", содержащий описание границ Древнепольского государства в конце правления Мешко I, точнее к 990 — 992 гг.

¹⁵⁷ P. Bogdanowicz. Geneza aktu..., стр. 17—18.

В конкретно-исторических условиях конца X в., разумеется, не могло быть и речи о том, чтобы толковать обращение к римской опеке в качестве шага, прямо направленного против политики и интересов Германской империи, хотя при других обстоятельствах, т. е. в случае конфликта папства с императорской властью, документ “Dagome iudex” и мог быть использован против притязаний германских феодалов. Поэтому представляется вполне убедительной точка зрения Г. Лябуды, подчеркнувшего античешский по преимуществу характер дипломатической акции польского князя в Риме ¹⁵⁸, который, возможно, пользовался в данном случае посредничеством императорского двора.

Попытку другого польского исследователя, П. Богдановича, оспорить выводы Г. Лябуды, едва ли можно признать удачной. По мнению П. Богдановича, обращение к римской опеке преследовало цель достижения церковной самостоятельности Польши и получения польским князем королевской короны ¹⁵⁹. Дело в том, что вторая точка зрения несколько не противоречит первой и очень легко согласуется с нею.

В условиях польско-чешского вооруженного конфликта распространение юрисдикции будущего польского архиепископства на вновь завоеванные земли (Силезия), не говоря уже о коронации ¹⁶⁰, бесспорно, могли быть прежде всего актами, направленными против Болеслава II Чешского.

Польские исследователи неоднократно выражали недоумение по поводу того, что столь активная, запланированная с большим размахом политика польского князя развивалась на фоне чрезвычайно пассивной, как бы лишь молчаливо соглашающейся с совершившимися фактами внешней политики Болеслава II ¹⁶¹.

¹⁵⁸ P. L a b u d a. Studia nad poczatkami..., стр. 54; он же. Znaczenie prawno-polityczne dokumentu Dagome iudex. Nasza Przeszlosc, 1948, N 4, стр. 33—60, Ср. Fr. D v o r n i k. The making of Central and Eastern Europe. London, 1949, стр. 109. Обзор обширной литературы о документе Dagome iudex см. в работе: В. К u r b i s 6 w n a Dagome iudex. Studium krytyczne, стр. 397—406 *⁵⁹ P. B o g d a n o w i c z. Geneza aktu ..., стр. 21—24.

¹⁵⁹ Подробнее о коронационных и церковных планах Мешко I см.: S. K e t r z y n s k i. Polska X—XI wieku, стр. 225—264.

¹⁶¹ G L a b u d a. Studia nad poczatkami..., стр. 54; ср. P. B o g d a n o w i c z. Geneza aktu..., стр. 11.

Пассивность эта на самом деле должна была бы вызывать только недоумение, тем более, что Болеслав II был не рядовым чешским князем, а чрезвычайно активным политическим деятелем своего времени, с широким кругозором и большими связями в Империи, позволявшими ему неоднократно вмешиваться во внутривосточную борьбу, происходившую между отдельными группировками германских феодалов. Поэтому можно и ргоіі сказать, что дипломатическое противодействие польскому князю не могло ограничиться лишь попытками нейтрализовать Империю. Дело, по-видимому, не в пассивности чешской политики, а в характере сохранившихся источников, не отразивших достаточно полно политических замыслов чешского князя.

В связи с этим можно было бы высказать предположение, что теснимый бывшим своим польским союзником, Болеслав II естественно должен был обратить свои взгляды на Восток и попытаться найти поддержку у Владимира Киевского. Делались ли им такие попытки — не известно. Ясно, однако, что если и делались, то не имели успеха. Выше, в главе третьей этой работы, отмечалось уже, что нет никаких оснований предполагать польско-русские конфликты в 90-е годы X в. А нейтралитет Руси в польско-чешской войне, конечно, серьезно облегчал Мешко I и Болеславу Храброму борьбу с Чехией за объединение польских земель.

Но при таких условиях, разумеется, должно было еще более возрасти для чешского князя значение Империи и ее восточной политики. Может быть, именно в этом направлении есть основания предполагать большую, чем до сих пор думали, дипломатическую активность Болеслава II? А в связи с этим не нужно ли еще раз обратиться к анализу грамоты 1086 г. как источника X в.?

Подобно документу “Dagome index”, который содержит описание польских границ начала 90-х годов, так называемый привилей св. Войтеха описывает границы Древнечешского государства, но до 990 г. Вместе с тем описанная в грамоте 1086 г. территория охватывает земли, входившие в состав пражской и моравской епископий второй половины X в. Исключение составляет

восточная граница, определенная документом по рекам Бугу и Стыри, которая могла быть только миссией границей.

Но здесь возникает вопрос, миссией какой церковной организации могли быть Буг и Стырь? Границами Пражской епископии — отвечают исследователи¹⁶².

Однако из того обстоятельства, что привилей св. Войтеха в основном совпадает с границами Древнечешского государства, еще нельзя делать вывода, что он соответствует и границам пражской епархии. Последняя не охватывала всех чешских владений. Наряду с ней существовало епископство в Моравии, упоминаемое в грамоте 976 г.

Следовательно, миссией границы по Бугу и Стыри могли быть и границами моравского епископства, не говоря уже о том, что в грамоте 1086 г. границы Пражской и Моравской епархий в отдельных случаях накладываются друг на друга.

Возникающие в связи с этим затруднения можно, как кажется, разрешить, если считать, что грамота 1086 г. основана на документе X в., только одним единственным образом: признать, что грамота св. Войтеха была предназначена не для пражского епископства, а для пражского архиепископства, точнее говоря, была проектом организации такого архиепископства в Праге. При этом, очевидно, проект его был составлен путем механического соединения описаний границ как пражского, так и моравского епископств без попытки сразу же разрешить между ними спорные территориальные вопросы (отсюда отмеченная выше накладка в географии документа). Только в таком случае нашли бы себе полное объяснение такие факты, как стремление охватить в грамоте все владения, когда-либо находившиеся в руках Болеслава II, присутствие в документе 1086 г. имени св. Войтеха и даже не вполне четкие восточные границы по Бугу и Стыри. Ибо само собой разумеется, что создание Пражского архиепископства отнюдь не исключало, а, наоборот, предполагало сохранение отдельного моравского епископства и даже,

¹⁶² В. Регель. Учредительные грамоты..., стр. 321; А. В. Флоренский. Чехи и восточные славяне, т. I, стр. 30.

может быть, учреждение новых епископств, например, в Кракове. Отодвигая далеко на восток миссийные границы, которые могли быть и границами проектируемого краковского епископства, Болеслав II, разумеется, не только получал бы возможность укрепить свою власть в Малой Польше, усилить свое влияние на важном торговом пути Киев — Краков — Прага, но и шел как бы навстречу экспансионистским устремлениям Римской курии по отношению к Киевской Руси, пытался жизненно заинтересовать Рим и Империю в исполнении своего плана. Ибо Прага, Чехия, и только Чехия, владеющая Малой Польшей, могла быть во второй половине X в. центром римской пропаганды на Востоке. У Древне-польского государства, не сумевшего еще овладеть Краковом и не имевшего фактически собственных церковных кадров, не было в сущности никаких шансов соперничать на этом поприще с Чешским княжеством, сыгравшим столь важную роль в христианизации как самой Польши, так и Венгрии¹⁶³.

Наконец, нельзя забывать и о фигуре Войтеха Славниковца. Войтех без всякого сомнения являлся наиболее подходящей кандидатурой для занятия архиепископской кафедры в Праге, ибо он был близким к императорскому двору человеком, пользовался сочувствием Рима, находился в дружеских отношениях с майнциим архиепископом. В то же время далеко отодвинутые на восток миссийные границы вполне отвечали бы настроениям Войтеха, пылавшего миссионерским жаром. По-видимому, в связи с миссионерскими планами Войтеха находится и его повышенный интерес к славянской литургии, характерный, как кажется, вообще для рода Славниковцев. Старые представления, что Войтех был яростным гонителем богослужения на церковно-славянском языке¹⁶⁴, в результате последних исследований должны быть

¹⁶³ V. Chloupěk. Radla-Anastasius, druch Vojtechuv, orga-nisator uherske cirkve. Bratislava, 1927; F. Dvorník. Die Benediktiner und die Christianisierung Russlands. Benediktinische Monatschrift. Neue Folge, 1959, N 4; он же. The Making of Central and Eastern Europe; он же. The Slavs: Their Early History and Civilisation. Boston, 1956.

¹⁶⁴ Fr. Ssípek. Zalození biskupství latinského v Praze. Praha, 1886, стр. 25; Н. Крч. Kriticke Dvahy o starsich dejinach nasich. Olomouc, 1882, стр. 26.

отброшены¹⁶⁵. Впрочем, пересмотр этого вопроса начался еще раньше, в историографии ко'нца XIX в.¹⁶⁶

О поддержке Войтехом славянской литургии определенно говорит факт основания им в 993 г. бенедиктин-ского монастыря в Бржевнове, сыгравшего важную роль в развитии литературных связей Чехии с другими славянскими странами, а также, возможно, и почитание св. Войтеха на Руси в XI в.¹⁶⁷ Как полагают историки древнечешской литературы, есть даже основания думать, что именно в окружении Войтеха возникли такие древние религиозные славянские гимны, как чешский — “Hospodine, pomiluj ny” и польский “Bogurodzica dzie-wica”¹⁶⁸.

Во всяком случае, можно вполне обоснованно считать, что сосуществование в Чехии X в. двух литургий¹⁶⁹ являлось обстоятельством, сильно облегчавшим чешскому духовенству его миссионерскую деятельность в других славянских странах и выдвигавшим Чехию на позиции форпоста христианизации в Центральной и Восточной Европе.

Странно было бы полагать, что Болеслав II не попытался бы использовать в реальных политических интересах чешских феодалов это особое положение Чехии второй половины X в., особенно в момент тяжелой и неудачно развивавшейся схватки с Древнепольским государством. Великодержавная идеология с тенденцией опоры на великоморавскую традицию, развиваемая в легенде Кристиана, современника Войтеха¹⁷⁰, отвечала интересам чешского князя, не желавшего расставаться со своими обширными польскими владениями.

¹⁶⁵ V. Chaloupecký. Svatý Vojtech a slovanská liturgie (далее: Svatý Vojtech...). Bratislava, 1934, N 1—2; J. V a s i c a. Slovanská bohoslužba...; F. D v o r n í k. Die Benediktiner und Christianisierung Russlands.

¹⁶⁶ J. K a l o u s e k. O rozsahu rise ceske..., стр. 105; H. G. V o i g h t. Adalbert von Prag. Berlin, 1698, стр. 269—271.

¹⁶⁷ V. C h a l o u p e c k ý. Svatý Vojtech..., стр. 39—40; F. D v o r n í k. Die Benediktiner..., стр. 305—306.

¹⁶⁸ Dejiny ceske literatury, t. I. Starsí ceska literatura. Praha, 1959, стр. 56—57; J. V a s i c a. Slovanská bohoslužba..., стр. 19—21.

¹⁶⁹ J. V a s i c a. Slovanská bohoslužba..., стр. 15—16; Dejiny ceske literatury, t. I, стр. 51—52; F. D v o r n í k. Die Benediktiner..., стр. 306.

¹⁷⁰ О. К р а л и к. Крещение Борживоя и вопрос о непрерывности старославянской литературы в Чехии. ТОДЛ, т. XIX. М—Л., 1963, стр. 159.

Поэтому, возможно, не так уж далек от истины, как полагают некоторые исследователи¹⁷¹, О. Кралик, хотя ряд его положений действительно трудно принять, приписывающий Оттону III и Войтеху план превращения Чехии в центр христианизации с организацией энергичной миссионерской деятельности на Востоке¹⁷². Если трудно судить о том, насколько такой план мог импонировать лично Оттону III, то Войтеху он безусловно должен был импонировать, удовлетворяя его честолюбие, его жажду активной миссионерской деятельности. Соответствовал он и реальным политическим интересам чешского князя, давая ему надежду использовать для изменения враждебного ему курса Империи ее христианско-универсалистскую идеологию.

План этот, наконец, мог явиться основой для постановки вопроса об организации пражской архиепископии.

О том, какую огромную политическую выгоду мог извлечь чешский князь из организации пражского архиепископства, здесь, по-видимому, нет нужды подробно говорить. Церковная самостоятельность означала независимость государственную, открывала путь к королевской короне.

Таким образом, если привилей св. Войтеха в самом деле является документом X в., а предполагать, что в XI в. в Чехии мог кто-нибудь с таким знанием дела дать описание границ Древнечешского государства второй половины X в. слишком рискованно (такого документа не мог бы, как показано выше, составить даже Козьма), то документ этот был, вероятнее всего, проектом учредительной грамоты пражской архиепископии. Такое предположение вполне увязывается с конкретной ситуацией, в которой оказалась Чехия в последний период правления Болеслава II.

Избрание Войтеха Славниковца на пражскую епископскую кафедру было, конечно, вызвано прежде всего политическими причинами. Болеслав II стремился, таким образом, мирным путем консолидировать государство, сгладить противоречия с находившимся под его

¹⁷¹ Z. F i a l a, - D. T f e s t i k, K n a z o r u m O. K r a l i k a o V a c l a v s k y c h a L u d m i l s k y c h l e g e n d a c h. C C H i s t., 1961 N 4.

¹⁷² O. K r a l i k. D o b r o v s k y a b a d a n í o p o c a t c í c h c e s k ý c h d e j í n. P o s t a Z d e n k u N e j e d l e m u. O l o m o u c, 1959; o n ж е. P r i v i l e g i u m M o r a - v i e n s i s e c c l e s i a e B s l, t. X X I, 1960.

властью либицким княжеским родом, пользовавшимся поддержкой саксонских феодалов¹⁷³.

Однако цели этой чешскому князю достичь полностью не удалось. Отношения с Войтехом складывались сложно, а в 988 г. Войтех оставил даже пражскую кафедру и отправился в Рим, где пробыл до осени 992 г.

Между тем, Болеслав II и поддерживавшие его чешские феодалы оказались в критическом положении. Пользуясь сочувствием Империи, Мешко I повел успешную борьбу за Силезию и Малую Польшу. Стремясь закрепить завоевания, он пошел на такой важный шаг, как передача государства под верховную власть Римского престола¹⁷⁴.

При таких условиях для Болеслава II особенно важное значение приобретала позиция Империи, которую нужно было во что бы то ни стало нейтрализовать и даже склонить на свою сторону. Вместе с тем польско-чешский конфликт неизбежно должен был привести к необычайному обострению либицкой проблемы. У Болеслава II был, конечно, перед глазами один путь ее разрешения: ликвидация Либицкого княжества и уничтожение княжеского рода Славниковцев. В 995 г. он именно так и поступил¹⁷⁵. Но в описываемое время чешский князь попытался, очевидно, пойти другим путем. Он вновь ищет компромисса с Либицами. Были предприняты самые энергичные меры к тому, чтобы вернуть Войтеха в Прагу. В Рим в 992 г. направляется большое посольство, во главе которого стояли брат Болеслава II монах-бенедиктинец Христиан (его мирское имя Страхвас) и прежний воспитатель Войтеха Радла. Чешский князь постарался оказать возвратившемуся в Прагу изгнаннику самый торжественный прием и пошел на довольно существенные уступки ему в церковных делах

¹⁷³ S. Zakrzewski. Boleslaw Chrobry Wielki, стр. 91.

¹⁷⁴ G. Labuda. Studia nad początkami..., стр. 54; Fr. Cp.: Dvornik. The making..., стр. 109.

¹⁷⁵ Подробности либицкой драмы изложены в хронике Козьмы Пражского. Cosmas, L. I, cap. 29. Козьма сообщает о гибели пяти братьев в либицкой резне: Собебора, Спитимира, Доброслава, Пор-жея и Часлава, обезглавленных в церкви перед алтарем. Два брата Собеслав и Радим избежали гибели и в дальнейшем активно сотрудничали с Болеславом Храбрым.

¹⁷⁶ S. Zakrzewski. Boleslaw Chrobry Wielki, стр. 104—106.

Необычайная настойчивость чешского князя в вопросе о возвращении Войтеха на пражскую кафедру, его торопливая уступчивость позволяют усматривать в действиях Болеслава II какие-то более широкие политические мотивы. На связь между усилиями Болеслава II вернуть Войтеха в Прагу и польско-чешским конфликтом, а также польской дипломатической акцией в Риме обратил внимание уже С. Эакшевский¹⁷⁷. Он, правда, свел эту связь по существу лишь к стремлению нейтрализовать Войтеха.

Однако такое объяснение представляется совершенно недостаточным. Изучение грамоты 1086 г. побуждает склониться к другому решению. Гораздо более правдоподобным кажется связать возвращение Войтеха с планом основания архиепископии в Праге с одновременным превращением ее в центр миссионерской деятельности в Центральной и Восточной Европе. Такой план мог побудить Войтеха пойти на примирение с чешским князем, международные позиции которого временно улучшились после смерти в 992 г. Мешко I в период междоусобной борьбы между его наследниками в Польше. Болеславу II, политическим интересам которого он более всего соответствовал, а не Оттону III, как это доказывает О. Кралик¹⁷⁸, следовало бы приписывать его выдвижение, разумеется, в том случае, если согласиться с гипотезой о существовании этого плана вообще.

Итак, если ход изложенных выше мыслей верен, то Войтеха ждало в Праге предложение возглавить Пражскую архиепископию и готовый проект ее будущих границ. Поступая таким образом, Болеслав II, безусловно, проявил бы большой дипломатический талант. В случае дачи — это был бы чрезвычайно ловкий политический ход, сводящий к нулю значение документа “*Dago-me iudex*” как подготовительного мероприятия к организации самостоятельной польской церкви и получения польским князем королевской короны. Ход этот мог бы нарушить польско-германское сотрудничество и облегчить положение Чехии перед лицом наступающей Польши.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ См. выше, сноску 172.

Если, однако, дипломатии Болеслава II не удалось добиться осуществления своих целей, то причины неудачи следует искать не только -внутри, но и вне Чехии. Не в интересах восточногерманских феодалов было поддерживать и даже усиливать Чехию. Далекая Польша, конечно, представлялась им в конце X в. гораздо менее опасной. Разумеется, их не могло смутить при этом то обстоятельство, что Польша X в. не могла явиться таким форпостом восточной миссии, как Чехия. Христианско-универсалистская идеология Империи, как правило, отступала на задний план, если того требовали агрессивные интересы германских феодалов.

Не было, по-видимому, возможности у чешского князя договориться и с Войтехом, поэтому до Рима дело, очевидно, так никогда и не дошло, что и привело некоторых историков к убеждению в пассивности чешской политики при Болеславе II. Через два года, в 994 г., Войтех вновь и окончательно покидает Чехию. Гибель Славниковцев навсегда закрыла ему путь возвращения на родину.

Подводя итоги изложенным выше размышлениям, следует, по-видимому, сформулировать следующие основные выводы:

1. Разрыв польско-чешского союза во второй половине 80-х годов X в. и восстановление польско-германского сотрудничества диктовались прежде всего классовыми интересами польских феодалов, напуганных освободительным, проходившим под языческими лозунгами движением у соседних полабо-прибалтийских славян.

2. Такой поворот событий имел своим естественным следствием восстановление традиционного чешско-лю-тичского политического сотрудничества.

3. Во вспыхнувшем вслед за тем польско-чешском вооруженном конфликте решалась судьба таких развитых и лежащих на международных торговых путях польских земель, как Силезия и Малая Польша.

4. Тот факт, что уже к концу X в. Пястам удалось объединить в одном государстве все этнографические польские земли, преодолевая сопротивление чешского

князя, объясняется не военной слабостью Древнечешского государства, а сложностью внутреннего и особенно международного положения Чехии. Мирные отношения с Русью и поддержка Империи, впрочем, скорее демонстративная, рассчитанная на затягивание польско-чешского конфликта, создавали определенный перевес сил в пользу Мешко I и Болеслава Храброго.

5. Благоприятная Польше позиция Империи была следствием как заинтересованности восточногерманских феодалов в польском союзе в борьбе с языческими лютичами, так и в меньшей мере сознанием того, что сильная и большая Чехия в условиях конца X в. значительно более опасна для их политических интересов, чем отдаленная Польша. Христианско-универсалистская идеология Империи при этом явно отступала «а задний план перед реальными агрессивными устремлениями германских феодалов.

6. Но идеология эта все же казалась западнославянским феодалам тем звеном, за которое они могли уцепиться, чтобы повлиять на политику Империи. Именно из этих расчетов возник план передачи Польши под верховную опеку Римского престола. Поскольку передача эта не угрожала тогда интересам восточногерманских феодалов и была направлена против Чехии, у них не было оснований возражать против нее.

7. В свою очередь, Болеслав II прилагал все усилия к тому, чтобы нейтрализовать Империю, избежать прямого военного столкновения с ней.

8. В качестве гипотезы можно высказать даже мысль, -что и он попытался использовать в интересах своей политики христианско-универсалистскую идеологию Империи, выдвинув план образования пражского архиепископства как центра христианской миссионерской деятельности в Центральной и особенно Восточной Европе, хотя следует признать, что для осуществления такого плана в конце X в. не было реальных предпосылок ни внутри Чехии, ни за ее пределами.

Сохранившийся в грамоте 1086 г. текст описания границ, выданный Яромиром за привилей пражского епископства, по-видимому, и являлся скорее всего проектом границ чешского архиепископства, учредить которое предполагал Болеслав II. В проекте этом было объединено описание пражской и моравской епархий.

Исторические обстоятельства указывают на то, что такой документ мог возникнуть около 992 г., что он мог предназначаться для целей дипломатической борьбы с польским князем и что, следовательно, чешская политика конца X в. отнюдь не была пассивной, лишенной широкого кругозора. В глазах чешского князя реальность такого проекта могла особенно возрасти в связи с вспыхнувшей в Польше в 992 г. борьбой за великокняжеский стол.

В Праге последней трети XI в. не помнили, однако, уже ничего о проектах создания в Чехии архиепископства. Важный политический документ X в., свидетельствующий о большой и продуманной, хотя и неудачной, дипломатической игре Болеслава II, о его широких политических замыслах, не был понят. Случайно наткнувшись на него, епископ Яромир истолковал находку, в силу своего разумения, как отрывок из учредительной грамоты пражского епископства. Стремясь использовать его в своих целях, он снабдил его введением и заключением, вписав при этом имя Оттона I, но не исключив имени Войтехы, и сформулировал пресловутое *ab initio*.

ГНЕЗНЕНСКИЙ СЪЕЗД
ПОЛЬША, ЧЕХИЯ И ПОЛЬСКО-ГЕРМАНСКИЕ ВОЙНЫ
1003-1018 гг.

с присоединением Силезии и Малой Польши к Древнепольскому государству в основном завершился процесс объединения земель, населенных польской народностью в рамках относительно единого раннефео-дального государства. Еще ранее процесс этот произошел на Руси. В свои этнографические пределы вошла и раннефеодалная чешская монархия Пшемислидов. Иными словами, образование основной государственной территории, как правило, совпадающей с границами расселения народностей как на Руси, так и в Польше и в Чехии в конце X в., вступило в свою заключительную стадию. Это не значит, конечно, что процесс консолидации славянских народностей развивался равномерно на всей огромной занимаемой ими территории Центральной и Восточной Европы. Относительно западнославянских стран можно вполне определенно сказать, что в Польше процесс этот проходил явно замедленными темпами в Мазовии и особенно на Поморье¹, что в рамках Древнечешского государства, как это будет показано ниже, нельзя не отметить сильного моравского сепаратизма. На Руси в аналогичном положении находились, например, земли вятичей².

Неудачно развивавшийся для Древнечешского государства польско-чешский конфликт второй половины 80—90-х годов X в. привел к серьезному изменению в расстановке сил в Центральной и отчасти Восточной Европе. За счет резкого ослабления Древнечешского государства сильно возросло влияние и могущество монархии Пястов, а успехи процессов феодализации выдвинули в ряд сильнейших центральноевропейских держав Венгрию. В силу своего географического положения как Польша, так и Венгрия оказывались в гораздо более вы-

¹ В. Д. К о р л о у к. Древнепольское государство, стр. 187.

² Еще в конце XI в. Владимир Мономах ходил походом на вяти-чешского князя Ходоту. См. ПСРЛ, т. I, стлб. 1248.

годном, чем Чехия, положении перед лицом Империи³, перед восточным натиском германских феодалов, представлявшим в тот момент наибольшую угрозу для самостоятельного развития центральноевропейских государств.

С другой стороны, присоединение Малой Польши к Древнепольскому государству и укрепление власти киевского князя в западнорусских землях привело к тому, что Киевская Русь и Польша стали соседями на очень большом отрезке своих границ. С расширением соседства, естественно, расширились и культурные и экономические контакты между двумя странами, а польско-русские отношения превращались в весьма существенный фактор, влиявший на общую международную ситуацию, на общий политический курс как Руси, так и Польши. Развитие польско-русских отношений превращалось в важный элемент общего политического развития стран Центральной и Восточной Европы.

Любопытно, что новой расстановке сил соответствовали как бы и перемены, происшедшие на польском и чешском княжеских столах.

Мешко I, скончавшемуся в 992 г., не удалось, судя по документу “Dagome iudex”, довести до конца борьбу с Древнечешским государством за Малую Польшу. Борьба за Краков завершилась только при его преемнике Болеславе Храбром — сыне чешской княгини Добравы.

Со смертью Мешко с тогдашней международной арены действительно сходил выдающийся европейский государственный деятель, человек очень трезвого ума и расчета, широкого кругозора, большого дипломатического чутья и умения. Между ним и его противниками в Польше — “племенными” династиями — и, может быть, его предшественниками, дело которых он столь искусно продолжал, существовала, конечно, дистанция огромного размера. Едва ли может быть какое-нибудь сомнение, что этот, по всей вероятности, почти необразованный, скорее всего неграмотный, жестокий и мстительный, князь был одним из самых талантливых государей Центральной и Восточной Европы. И уж, во всяком случае, нельзя

³ J. D g b r o w s k i . Polityka polska wobec naporu niemieckiego..., стр. Б8; см. также: J. D ^ b r o w s k i . Studia nad początkami państwa polskiego. RK, t, 34, Krakow, 1958, стр. 9—5L

сомневаться в том, что у него была тяжелая рука, что олицетворяемая им княжеская власть была суровой и сильной, ибо только такой в-ласти требовали тогдашние политические условия, только такая власть могла обеспечить коренные классовые и политические интересы господствующего класса феодалов в целом.

При Мешко I Древнепольское государство не только внушительно расширилось территориально, но и превратилось в одно из ведущих государств на Балтийском море. На севере и востоке Европы оно стало очень активным участником политической жизни тогдашней Европы. Польская дипломатия часто успешно действовала при дворе германского императора, в Чехии и Дании, а может быть, даже в Швеции и Венгрии⁴. Стремясь обеспечить свои государственные интересы, Мешко I завязывает связи с далеким Римом, а временами ведет даже вместе со своим чешским соседом серьезные политические интриги в Империи, поддерживая непокорных вассалов императора.

Продолжателем политики Мешко I был его старший сын Болеслав Храбрый. Вступление его на польский великокняжеский стол произошло, однако далеко не гладко.

Перед смертью Мешко I, по-видимому, разделил государство между своими сыновьями⁵. Источники не дают твердых оснований, чтобы судить, каким образом были распределены между ними польские земли. Особенно сложен вопрос с уделом, выделенным Болеславу Храброму. Существующее в науке предположение, что Болеславу принадлежала краковская земля, которой он правил, находясь под верховной властью чешского князя⁶, не подтверждается показаниями источников и плохо вяжется с общей линией развития польско-чешских отношений конца X в. Важен, впрочем, иной факт. Первые годы правления Болеслава прошли в борьбе за восстановление

⁴ Z. Wojciechowski. Polska-Niemcy. Dziesięć wieków zmagania (далее: Polska-Niemcy..). Poznań, 1945, стр. 19—20; Historia polityczna Polski, cz. I, стр. 38—39; J. Dąbrowski. Polityka polska wobec naporu niemieckiego..., стр. 60.

⁵ Z. Wojciechowski. Państwo polskie w wiekach średnich (далее: Państwo polskie...). Poznań, 1948, стр. 18.

⁶ H. Lowmianski. Imię chrzestne..., стр. 257—258; см также: S. Zakrzewski. Mieszko I jako budowniczy państwa polskiego, стр. 148-150.

государственного единства. Около 995 г. борьба эта была успешно доведена им до конца. Младшие братья вместе с мачехой Болеслава — Одой бежали из страны. Поморье признало свою зависимость от польского “нязя”.

Успехи объединительной политики Болеслава I определялись, разумеется, в первую голову расстановкой классовых и политических сил внутри страны, заинтересованностью основной массы польской знати в сильной центральной власти, которая гарантировала бы ей “право” на эксплуатацию феодально-зависимых крестьян. Немаловажную роль должен был, однако, сыграть и внешний фактор — незавершенность польско-чешского конфликта, продолжающаяся война с полабо-при-балтийским славянством.

С вступлением на польский великокняжеский стол Болеслава Храброго в политическую жизнь Центральной и Восточной Европы входила личность незаурядная, человек больших организационных и дипломатических талантов, политический деятель с чрезвычайно широким, европейским кругозором и могучей, негибимой волей.

Несмотря на такие отрицательные черты характера, как любовь к рискованным и авантюрным предприятиям, вспыльчивость и жестокость, Болеслав Храбрый сохранился, судя по хронике Галла Анонима, писавшего в начале XII в., в памяти потомства как олицетворение государственного единства и величия раннефеодальной Польши⁸. Польский хронист именуется в своем сочинении Болеслава “великим”, “славным”, “королем”⁹. Возможно, что прозвание “великий” дали ему уже его современники, или он получил его в правление ближайших своих наследников¹⁰. Показательно, во всяком случае, что “великим” называет Болеслава Храброго и русский летописец¹¹, отмечающий вместе с тем его ум как политика и дипломата и отвагу как полководца¹².

Не менее показательно и другое: если русский летописец находит в себе достаточно благородства и

⁷ J. Mitkowski. Pomorze Zachodnie..., стр. 31.

⁸ Gallus Anonymus, L. I, cap. 6, 8, 9.

⁹ “Magnus Boleslaus”, “Boleslaus rex”, “Boleslaus gloriosus” -там же, L. I, cap. 6—10, 15.

¹⁰ В. Д. К о р о л ю к. Летописное известие..., стр. 73

¹¹ ПСРЛ, т. I, стлб. 149.

¹² Там же, стлб. 143.

объективности, чтобы отдать должное удачливому противнику Ярослава Мудрого, то немецкий хронист Тит-мар Мерзебургский никак не может удержаться от брани и не наградить Болеслава самыми нелестными эпитетами. Он готов обвинить польского князя и в “лисьей хитрости”, и в пренебрежении ко “всяким законам и справедливости”¹³. Вместе с тем он утверждает, что Болеслав был “ниже” своего отца (в том смысле, что не дорос до него)¹⁴ и постоянно упрекает его в коварстве и вероломстве¹⁵.

Хула в устах такого отъявленного врага Польши, как мерзебургский епископ, не должна, разумеется, приниматься в расчет при оценке политической и полководческой деятельности Болеслава I Храброго. Она скорее является свидетельством бессильной ярости и злобы немецкого хрониста, свидетельством того, что польский князь умел наносить меткие и жестокие удары своим политическим противникам.

Таким образом, в лице Болеслава Храброго польские феодалы приобрели столь же выдающегося политического вождя, какими были на Руси ее собиратель Владимир Святославич и ее последний “самовластец”¹⁶ Ярослав Мудрый, в Венгрии — король Стефан, а в Чехии — Болеслав II. Зато преемник Болеслава II — Болеслав III Рыжий был явно не подстать своим великим современникам. Это был государь недалекий, не унаследовавший от своего отца ни его ума, ни его талантов, хотя и отличавшийся, по словам Титмара, вероломством¹⁷ и жестокостью¹⁸. Козьма Пражский, замечая, что Болеслав III “не имел отцовской удачи и счастья в делах”¹⁹, не находит вместе с тем слов, чтобы как-нибудь отметить достоинства чешского князя как политика.

Первые годы правления Болеслава Храброго не принесли существенных изменений в политическом курсе

¹³ Thietmar, L. IV, cap. 68.

¹⁴ Там же, L. V, cap. 9.

¹⁵ Там же, L. V, cap. 29 и др.

¹⁶ ПСРЛ, т. I, стлб. 150.

¹⁷ Thietmar, L. V, cap. 11.

¹⁸ Там же, L. V, cap. 23.

¹⁹ Cosmas, L. I, cap. 34.

Древнепольского государства. Союз с Империей против полабо-прибалтийских славян и конфликт с Чехией оставались осевой линией внешней политики польских феодалов.

Как уже отмечалось, в 992 г. Болеслав послал военную помощь Оттону III под Бранибор. В 995 г. он принял даже личное участие в походе Оттона III против бодричей и лютичей²⁰, что, возможно, было связано с резким усилением освободительного движения полабо-прибалтийских славян в предыдущем 994 г. Кведлин-бургские анналы сообщают о восстании в 994 г. против саксонских феодалов всех полабо-прибалтийских славян, за исключением лужицких сербов²¹.

Как и в 992 г., в 995 г. чешский князь тоже вынужден был принять участие в военной акции против восставших, ограничившись, правда, присылкой вспомогательного отряда. К этому принуждала его обстановка, нежелание спровоцировать нападение Империи на Чехию. Г. Булин, по-видимому, прав, когда подчеркивает, что в конкретных условиях конца X в. старое чешско-лю-тическое сотрудничество не могло быть использовано против Империи и имело ясно выраженное антипольское острие²².

Военные действия 995 г. привели к заключению непрочного мира между саксами и восставшими славянами. В мире этом был крайне заинтересован сам Оттон III, которому предстоял поход в Италию за императорской короной²³.

Укреплению польско-имперского союза способствовали также события, разыгравшиеся в 995 г. в самой Чехии. Невозможность наладить сотрудничество с Войте-хом Славниковцем и успехи польского оружия привели к тому, что вассальное Либицкое княжество превратилось в прямую угрозу государственному единству Чешского княжества. В 995 г. Либицкое княжество было ликвидировано, а правящие в нем братья Войтеха (за исключением двух) были истреблены. Либицкая драма, особенно учитывая симпатии Оттона III к Войтеху, вызвала

²⁰ Annales Quedlinburgenses, под 995 г. MGHSS, t. III

²¹ Annales Quedlinburgenses под 994 г. MGHSS, t. III

²² Н. Булин. Cesko-veletske vztahy ve druhe polovme 10 sto-letf SDPC, t. I, стр 49

²³ Annales Quedlinburgenses под 996 г. MGHSS, t. III

сильное раздражение <в Империи, закрыв одновременно все пути для соглашения между чешским князем и пражским епископом. Поэтому К. Малечинский, возможно, и прав, когда считает, что императорский диплом 995 г. для Мейссенского епископства был направлен прежде всего против интересов чешского князя, поскольку в границы мейссенского (мисьненского) епископства была включена западная часть Силезии, входившая прежде в состав Чехии и подчиненная в церковном отношении Праге, а не епископу Иордану в Познани²⁴. Вместе с тем подчинение части польских земель немецкому епископу показывало стремление имперской церкви распространить свою власть на Польшу.

Даже если и согласиться с тем, что именно >в это время произошло обострение польско-венгерских отношений²⁵, все же придется признать, что дипломатическое состязание Пястов и Пшемьслидов явно проходило тогда лод счастливой для польской стороны звездой.

Само собой разумеется, нет ничего удивительного в том, что польская дипломатия, используя укрепление союза с Империей, поспешила в первую очередь решить вопрос о церковной организации страны.

Для такого поднимающегося, находившегося в тяжелом конфликте с Чехией и в опасном соседстве с союзной, но имеющей широкие планы на Востоке Империей, ран-нефеодального государства, каким была Польша конца X в., вопросы церковной организации приобрели исключительно важное значение. Создание своей церковной организации, независимой от имперской церкви, которая, как говорилось только что, уже начала протягивать свои шупальцы к польским землям, должно было обеспечить политическую независимость страны, открыть для польского князя путь к королевской короне. Наоборот, подчинение польской церкви имперскому епископату в случае, если бы дошло до этого дело, или дальнейшее пребывание польских земель под властью пражского или моравского епископов создавали серьезную угрозу внешнеполитическим позициям государства. Это

²⁴ K. M a l e c z y n s k i. Najstarsza zachodnia granica Polski..., стр. 227.

²⁵ См. Historia polityczna Polski, cz. I, стр. 43.

очень хорошо понимал, по-видимому, уже Мешко 1, Болеслав Храбрый следовал здесь по пути, намеченному его отцом.

Воспользовавшись конфликтом Войтеха с Болеславом II и уничтожением Либицкого княжества, Болеслав Храбрый пригласил Войтеха в Польшу. Приглашение в Польшу бывшего пражского епископа Войтеха следует рассматривать, конечно, прежде всего как политический и дипломатический маневр польского князя. С одной стороны, делался дружественный по отношению к императору Оттону III жест (было хорошо известно, что он горячо сочувствует аскетическим идеалам Войтеха и, само собой разумеется, осуждает политику чешского князя, принудившего епископа бежать из страны), с другой — производилась открытая демонстрация враждебности по отношению к Болеславу II Чешскому.

Войтех, как известно, происходил из семьи либицких князей Славниковцев, истребление которых привело к ликвидации Либицкого княжества и было последним актом объединения чешских земель. Приглашение Войтеха в Польшу должно было быть особенно приятным Оттону III еще и потому, что в числе лиц, враждебных бывшему пражскому епископу, находился Генрих Баварский, при воцарении Оттона III выступивший претендентом на императорскую корону²⁶.

В Польше, однако, Войтех, пробыл недолго, около полугода (зимой 996—997 гг.), вслед за чем он отправился с христианской миссией к язычникам пруссам. Эта миссия Войтеха также полностью отвечала политическим целям Болеслава Храброго. Для Империи и Рима организовывалась демонстрация, ставившая целью показать, что не только Чехия, но именно Польша может выступить в качестве авангарда христианства на Востоке и Северо-Востоке Европы. В конкретных условиях конца X в. это был, разумеется, всего лишь ловкий дипломатический прием, рассчитанный на то, чтобы использовать в свою пользу христианско-универсалистский фасад Империи, заинтересовать Римский престол далекой западнославянской страной. В действительности Польша не располагала тогда достаточными силами, не имела необходимых церковных кадров для организации миссий

²⁶ *Historia polityczna Polski, cz. I*, стр. 45. 12 В. Д.

и вынуждена была не только в конце X, но и в XI в., обращаться в подобных случаях к услугам миссионеров иностранного происхождения.

В случае успеха миссии Войтеха христианизация пруссов, игравших важную роль в балтийской торговле²⁷, должна была открыть дорогу польскому политическому влиянию у них. Гибель Войтеха, убитого пруссами (997 г.), тоже была немедленно использована польским князем, выкупившим останки “мученика” и торжественно похоронившим их в Гнезненской базилике.

Возможно, что уже приглашая Войтеха в Польшу, Болеслав Храбрый, твердо рассчитывал на то, что впоследствии ему удастся получить для него архиепископию, в пределы которой вошли бы все польские земли²⁸. Конечно, аскетическая фигура будущего мученика представлялась более, чем подходящей для исполнения этих планов польского князя.

Трудно сказать, впрочем, насколько такие планы польского князя могли соответствовать настроениям самого Войтеха. При чтении житий пражского епископа невольно создается впечатление, что он сознательно искал мученического венца²⁹, если, разумеется, не рассчитывал на чудо, когда явно вызываясь вел себя среди пруссов. Как бы то ни было, смерть Войтеха оказалась чрезвычайно удобным поводом для переговоров с папой и императором об организации самостоятельной польской церкви, закончившихся полным успехом польской дипломатии.

В 999 г. на синоде в Риме было принято решение об образовании нового гнезненского архиепископства. Первым архиепископом гнезненским должен был стать Гаудентый (Радим), брат св. Войтеха³⁰.

В Польшу Гаудентый прибыл в 1000 г. вместе с императором Оттоном III. В Гнезно должно было состояться торжественное основание нового архиепископства и ряда подчиненных ему епископств. В общем церковная сторона Гнезненского съезда 1000 г. была заранее настолько хорошо подготовлена, что фактически на съезде,

²⁷ Ср. Б. В л о д а р с к и й. Ятвяжская проблема..., стр. 117—118.

²⁸ M. F r i e d b e r g. Kultura polska a niemiecka, t. II, стр. 44.

²⁹ МРН, т. I, стр. 180 и сл., стр. 212 и сл.

³⁰ K. W i s z e k. Pierwsze biskupstwa polskie, стр. 175.

где, помимо императора Оттона III, присутствовало несколько кардиналов и епископов, все дело свелось к формальному, хотя и торжественному, провозглашению решений римского синода. Именно поэтому, очевидно, Титмар Мерзебургский, у которого итоги Гнезненского съезда вызвали совершенно явное возмущение и раздражение, вынужден был все же признать, что новая организация польской церкви была создана законным путем³¹.

В состав нового Гнезненского архиепископства вошли вновь основанные епископства в Колобжеге, Вроцлаве и Кракове. Два последних охватывали Силезию и Малую Польшу, т. е. те области, которые до 1000 г. подчинялись, по всей вероятности, пражскому и частично моравскому епископству, а через них Майнцкому архиепископству³².

Епископ Унгер, который сменил умершего Иордана и который оставался до того епископом *in partibus infidelium*, т. е. миссионерским епископом, с постоянной резиденцией в Познани, превратился в познанского епископа, но не был подчинен Гнезну.

Новая церковная организация Польши была создана вопреки сопротивлению Унгера³³. Поэтому 'познанское епископство непосредственно подчинялось Римскому престолу'³⁴.

Таковы итоги Гнезненского съезда в области церковной организации Польши. Помимо внешнеполитического значения основания архиепископства в Гнезну, о чем говорилось выше, создание архиепископства и нескольких новых епископств имело большое значение и для внутривластного развития страны, способствуя консолидации отдельных, входивших в ее состав земель. Положение это станет вполне ясным, если учесть, что при слабости княжеской канцелярии этого времени церковные органы выполняли целый ряд чисто административных функций, а границы новых диоцезов, нарушая границы старых племенных княжений, способствовали

³¹ Nee mora, fecit (император.— В. К.) ibi archiepiscopatum, ut spero legitime... Thietmar, L. IV, cap. 45.

³² Z. Wojciechowski. Studia historyczne. Warszawa, 1945, стр. 78.

³³ Thietmar, L. IV, cap. 46.

³⁴ Z. Wojciechowski. Studia historyczne, стр. 76.

серьезному ослаблению племенного сепаратизма, все еще сильно дававшего себя чувствовать в монархии первых Пястов³⁵.

Сложнее судить о светской стороне Гнезненского съезда. Дело в том, что Титмар Мерзебургский, бывший современником этого события, постарался замолчать все, что было связано с переговорами между Оттоном III и Болеславом Храбрым о характере польско-немецких отношений в будущем. В главе, специально посвященной Гнезненскому съезду, он ограничился лишь описанием пышного приема, устроенного польским князем юному императору (Оттону III в 1000 г. исполнилось всего двадцать лет), описал дары, полученные Оттоном в Польше, рассказал о том, как увидев издали Гнезно, император босиком и с молитвами на устах двинулся к гнезненскому храму, чтобы попросить святого мученика Войтеха о заступничестве и, наконец, в нескольких словах охарактеризовал новую организацию польской церкви³⁶.

Одно единственное замечание о светской стороне Гнезненского съезда вырвалось у него совсем в другом месте, при описании события 1002 г. Это цитировавшееся уже выше сообщение немецкого хрониста о том, что император сделал подданного господином, причем Титмар совершенно определенно осуждает образ действий императора³⁷.

Показание Титмара так же, как и нескрываемое им недовольство императором, не оставляют никаких сомнений в том, что в Гнезно с согласия императора было покончено и с той формальной зависимостью Польши от Германии, которую постоянно пытались навязать польским князьям восточногерманские феодалы. Их претензии на верховную власть над польскими землями,

³⁵ S. Zakrzewski. Boleslaw Chrobry Wielki, стр. 121; стр. 141—149; В. Д. Корольков. Древнепольское государство, стр. 134 и др.

³⁶ Thietmar, L. IV, cap. 45.

³⁷ Deus indulgeat imperatori, quod tributarium faciens dominum ad hoc umquam elevavit, ut, oblita sui genitoris regula, semper sibi prepositos auderet in subiectionem paulatim detrahere vilissimoque pecunie transeuntis inescatos amo in servitutis libertatisque detrimentum capere. Там же, L. V, cap. 10.

которые, впрочем, и до того фактически не имели реального значения, были полностью отброшены. Поэтому представляются необоснованными попытки некоторых исследователей толковать итоги Гнезненского съезда в смысле получения Болеславом от императора инвеституры на лен в качестве князя Империи или личного вассала императора так же, как и вообще попытки рассматривать польско-немецкие государственные отношения того времени в качестве отношений ленного характера³⁸.

Значительно более подробные сведения о светской стороне Гнезненского съезда сохранились в позднем, по сравнению с Титмаром, источнике польского происхождения. Речь идет о хронике Галла Анонима. В литературе (М. З. Едлицкий) утвердилось уже мнение, что сообщение Галла о событиях 1000 г. принадлежит к числу вполне достоверных сведений его хроники и может быть использовано при характеристике светской стороны Гнезненского съезда³⁹.

Описав необычайно роскошный, еще более пышный, чем у Титмара, прием, устроенный польским князем императору, Галл Аноним продолжает: “Увидев его (Болеслава— *B. /C.*) славу, мощь и богатство, римский император воскликнул с восхищением: “Клянусь короной моей империи все, что я вижу, превосходит то, что я слышал”. По совету своих магнатов <в присутствии всех он добавил: “Не подобает столь великого мужа называть князем или графом, как одного из сановников, но должно возвести его на королевский трон и со славой увенчать короной”. И, сняв со своей головы императорскую корону, он возложил ее в знак дружбы на голову Болеслава и подарил ему в качестве знаменательного дара гвоздь с креста господня и копье св. Маврикия, за что Болеслав, со своей стороны, подарил ему руку св. Адалберта. И с этого дня они настолько прониклись уважением друг к другу, что император провозгласил его своим братом, соправителем империи, назвал его другом и

³⁸ J. S t a s i p s k i. De rationibus, quae inter Poloniam et impe-rium Romano-Germanicum Ottonum imperatorum aetate intercede-bant. Berolini, 1862, стр. 49—51; R. R o e p p e l. Geschichte Polens, Bd. I. Hamburg, 1840, стр. 656; A. B r a c k m a n n. Kaiser Otto III., стр. 9—10; он же. Reichspolitik und Ostpolitik..., стр. 8—9.

³⁹ Kronika Thietmara, стр. 263, прим. 66.

союзником римского народа. Мало того, Оттон уступил ему и его потомкам все права Империи в отношении [замещения] церковных должностей в самой Польше или в других уже завоеванных им варварских странах, а также в тех, которые еще предстояло завоевать»⁴⁰.

У польского хрониста начала XII в. не было никакого сомнения в том, что на Гнезненском съезде 1000 г. состоялась коронация Болеслава Храброго королевской короной, а Польша была провозглашена королевством. Именно поэтому он величает в своей хронике польского князя королем, а Польшу называет королевством⁴¹. Такая интерпретация Галлом Анонимом политического смысла Гнезненского съезда была некритически воспринята рядом историков, писавших либо прямо о коронации Болеслава I⁴², либо считавших, что в 1000 г. состоялась лишь часть церемонии коронации, требовавшая еще церковного благословения⁴³. Поскольку, однако, Болеславу Храброму в дальнейшем приходилось еще хлопотать о коронации, которая произошла только в 1025 г., накануне его смерти, о чем придется говорить еще ниже, эту точку зрения на Гнезненский съезд приходится отвергнуть. Гораздо более вероятной представляется иная точка зрения на Гнезненский съезд, сформулированная в трудах К. Равера, С. Замшевского

⁴⁰ Cuius gloriam et potentiam et divitias imperator Romanus considerans, admirando dixit Per coranam imperil mei, maiora sunt quae video, quam fama percepi. Suorumque consultu magnatum coram omnibus adiecit: Non est dignum tantum ac virum talem sicut unum de principibus ducem aut comitem nominari sed in regale solium glorianter redimitum diademate sublimare. Et accipiens imperiale diadema capitis sui, capiti Bolezlai in amicitiae fedus inposuit et pro vexillo triumphali clavum ei de cruce Domini cum lancea sancti Mauricii dono dedit, pro quibus illi Bolezlaius sancti Adalberti brachium redonavit. Et tanta sunt illa die dilectione cuncti quod imperator eum fratrem et cooperatorem imperil constituit, et populi Romani amici et socium appellavit. Insuper etiam in ecclesiasticis honoribus quicquid ad imperium pertinebat in regno Polonorum vel in aliis superatis ab eo vel superandis regionibus barbarorum, sue suorumque successorum potestati concessit... Gallus Anonymus, L. I, cap. 6.

⁴¹ Там же, L. I, cap. 6—11, 13, 16—18.

⁴² K S z a j n o c h a . Bolestaw Chrobry. Lwow, 1859; стр. 92—95; M. D r a g a n. Koronacja Boleslawa Chrobrego. Lublin, 1926, стр. 24—25.

⁴³ M. L o d y n s k i. Wggry lennem stolicy Apostolskiej. KH, 1910, стр. 52; R. G r o d e c k i. Dzieje Polski Sredniowiecznej, t. I. Krakow, 1926, стр. 63 и др.

и, Г. Лябуды⁴⁴. Согласно их взглядам, в Гнезно речь шла лишь о возможности коронации Болеслава королевской короной, причем была достигнута договоренность о поддержке императором Болеслава в этом вопросе.

Нужно сказать, что изложенная выше концепция Гнезненского съезда нисколько не противоречит, а в определенной мере даже дополняется другой концепцией, выдвинутой в литературе вопроса. Анализируя описание гнезненских торжеств в хронике Галла Анонима, часть исследователей пришла к выводу, что оно соответствует акту провозглашения Болеслава Оттоном III римским патрицием, т. е. наместником императора на землях Империи в период его отсутствия и что, следовательно, Польша Болеслава Храброго являлась как бы составной частью Империи, созданной Оттонами⁴⁵. Само собой разумеется, что даже являясь формально частью Империи, Польша Болеслава Храброго должна была бы сохранить при этом полностью свою государственную самостоятельность, о чем недвусмысленно говорит Титмар.

Концепция патрициата Болеслава Храброго, как правильно подчеркивает М. З. Едлицкий, остается все еще гипотезой⁴⁶, но такой гипотезой, которая довольно удачно согласуется с общим характером имперской политики Оттона III.

Mirabilia mundi (чудо мира), двадцатилетний Оттон III, сын Оттона II и византийской принцессы Теофано, аскет и мистик, несмотря на превосходное здоровье и телосложение, считал своей жизненной миссией *renovatio Imperii Romanorum* (возобновление Римской империи). В его воспаленном мозгу бродила идея создания универсальной всемирной монархии, способной полностью затмить блеск соперницы — Византии, с центром

⁴⁴ K. R a w e r . Polityczne znaczenie zjazdu gnieźnieńskiego z roku 1000. Sprawozd. gimn. im. Franciszka Jozefa. Lwow. 1882, стр. 36—38; S. Z a k r z e w s k i . Boleslaw Chrobry Wielki, стр. 133; G. L a b u d a . Studia nad początkami ., стр. 250—319.

⁴⁵ M. B o b r z y n s k i . Dzieje Polski w zarysie, wyd. 4, t. I. Warszawa — Krakow — Lublin — Lodz — Paryz — Poznan — Wilno — Zakopane, 1927, стр. 72; M. Z. J e d l i c k i . Stosunek prawny Polski do cesarstwa do roku 1000, стр. 469; Z. W o j c i e c h o w s k i , Studia historyczne, стр. 84—85 и др.

⁴⁶ Kronika Thietmara, стр. 265, прим. 66.

в Риме, который в представлениях европейского средневекового общества был символом государственной мощи и величия. Для атмосферы, царившей при германском императорском дворе в конце X в., и в которой обсуждалось *renovatio Imperii*, чрезвычайно характерна попытка заключить брак между Оттоном III и дочерью византийского императора Константина VIII, предпринятая в 997 г. Отсутствие у Константина VIII мужского потомства давало некоторым германским политикам основания для надежды путем династического брака объединить в одно целое две могущественные европейские империи⁴⁷. Только после неудачи этого сватовства Оттоном III был сформулирован тот план создания универсальной всемирной империи, характеристика которого будет дана ниже.

Фантастические, если не сказать проще — авантюристические планы императора, по мнению многих исследователей, нашли отражение в миниатюре из книги евангельских чтений, принесенной Генрихом II в дар Бамбергскому собору и хранящейся в Государственной библиотеке в Мюнхене⁴⁸. На миниатюре изображен император в окружении своих придворных и приносящие ему дары Рим (т. е. Италия), Галлия (т. е. территория современной Западной Германии и Бельгии), Германия и Славия (*Sclavinia*), олицетворяемые четырьмя одетыми на римский манер фигурами с коронами на головах.

Если предположение, что миниатюра из книги евангельских чтений действительно изображает олицетворение империи Оттона III правильно⁴⁹, то не может не вызвать никакого удивления и согласие Болеслава Храброго признать свое государство составной частью Им-

⁴⁷ Z. Wojciechowski. *Patrycjat Bolesława Chrobrego*. RH, XVIII, 1949.

⁴⁸ Цветное воспроизведение этой миниатюры см. в кн.: О. Иегер. *Всеобщая история*, т. II. СПб., 1894, между стр. 144—146.

⁴⁹ Подробнее *об* универсалистских планах Оттона III с учетом сделанных выше оговорок см.: A. V. Gaskmann. *Reichspolitik und Ostpolitik...*, стр. 8—9; он же. *Der "Romische Erneuerungsgedanke" und seine Bedeutung für die Reichspolitik der Deutschen Kaiserzeit* SPAW, Bd. XVII, 1932. В польской литературе на широком международном фоне исследовал этот вопрос З. Войцеховский: Z. Wojciechowski. *Studia historyczne*, стр. 84—85.

перии в качестве ее вполне самостоятельного и равноправного члена. Перенос центра политической жизни Империи в Рим и связанное с этим резкое ослабление политических позиций восточногерманских феодалов вполне отвечали государственным интересам Польши. А в том, что под Славней бамбергской миниатюры из книги евангельских чтений следует понимать Польшу, нет никаких сомнений в литературе, если не считать особняком стоящей точки зрения О. -Кралика⁵⁰, считавшего, что Славия — это Чехия. После работы З. Фиалы и Д. Тржештика⁵¹ возвращаться к этому предположению, пожалуй, нет никакой нужды.

Убеждение в том, что светские решения Гнезненско-го съезда находились в тесной связи с планами Оттона III основать вместо германской универсальную монархию⁵², еще более укрепится, если вспомнить сообщение Галла Анонима о передаче Болеславу копыя св. Маврикия, являвшегося в X в. для саксонской династии

«символом высшей светской власти»⁵³, и права назначать на церковные должности в уже завоеванных или в тех, которые будут завоеваны позже, языческих землях. В первую голову речь здесь шла, конечно, о прусских землях, где сложил свою голову Войтех Славниковец⁵⁴. Согласуется с такой трактовкой Гнезненского съезда и весьма характерное для двора Оттона III стремление возродить римские институты, обычаи и римскую терминологию. Об этом, кстати говоря, без всякого воодушевления пишет и Титмар Мерзебургский⁵⁵, отмечающий

⁵⁰ О. К р а л и к. Dobrovsky a badant o pocatcich ceskych dejin; о н ж е Privilegium Moraviensis ecclesiae и др

⁵¹ Z. F i a l a, D. T f e s t i k. K n a z o r u O. K r a l i k a o v a c l a v s k y c h a l u d m i l s k y c h l e g e n d a c h, стр. 519—520.

⁵² Характерно, что на Бамбергской миниатюре олицетворения частей Империи помещены в следующем порядке: 1) Рим; 2) Галлия; 3) Германия; 4) Славия.

⁵³ S. Z a k r z e w s k i. Boleslaw Chrobry Wielki, стр. 131—133. В советской литературе вопроса о копье св. Маврикия, как знаке верховней светской власти в Германии, касается Н. Ф. Колесницкий в Исследовании по истории феодального государства в Германии (IX—первая половина XII в.). М., 1959, стр. 55. Здесь же указана большая литература вопроса.

⁵⁴ Б. В л о д а р с к и й. Ятвяжская проблема..., стр. 119.

⁵⁵ Imperator antiquam Romanorum consuetudinem iam ex parte magna deletara suis cupiens renovare temporibus, multa faciebat, quae divers! diverse sentiebant. T h i e t m a r, L. IV, cap. 47.

вместе с тем и интерес Оттона III к каролингской традиции.

Как бы, однако, ни решился в дальнейшем вызвавший появление большой литературы вопрос о патрициате Болеслава Храброго, очевидным остается, что Гнезненский съезд не только привел к самостоятельности Польши, но и укрепил ее политические позиции в качестве самостоятельного государства. Универсалистская концепция Империи в трактовке Оттона III ослабляла восточногерманских феодалов, отвечала конкретным, реальным целям политики польских феодалов конца X — начала XI в. Зато универсализм Оттона III явно вызывал раздражение среди германских феодалов, свидетельством чему является историческое сочинение Титмара Мерзебургского.

Поэтому если даже признать, что формально решения Гнезненского съезда означали вступление Польши в состав Империи, то это никоим образом не затрагивало основ польской государственной самостоятельности. Фактически речь могла идти лишь о признании универсализма императорского сана, а не прав императора на прямое владение страной⁵⁶. При этом Польша должна была войти в Империю в качестве вполне самостоятельного и равноправного ее члена, что открывало перед ней широкие перспективы экспансии в Центральной и Северной Европе.

В том, что Болеслав I именно так оценил итоги Гнезненского съезда, не может быть никаких сомнений. В этом лучше всего убеждает его чешская политика⁵⁷.

Энергичный и ловкий дипломат, блестящий полководец, покровитель христианской церкви и ее миссийской деятельности на Востоке, Болеслав I явно импонировал юному Оттону III. В нем император увидел сильного и преданного сотрудника в исполнении своих несбыточных универсалистских планов. В литературе существует даже мнение, что Оттон III намеревался сделать Болеслава

⁶⁶ Z. F i a l a, D. T f e s t i k. K n a z o r u O. K j a l i k a o v a c l a v s k y c h a l u d m i l s k y c h l e g e n d a c h, с т р. 519.

⁵⁷ О большом значении, которое придавал Болеслав Гнезненскому съезду, свидетельствует специальная чеканка им монет с легендой: "Gezdun civitas". Z. Z a k r z e w s k i. Pierwsza moneta polska, с т р. 220.

своим преемником на императорском троне⁵⁸. К сожалению, сохранившиеся источники не дают возможности прийти в этом случае к каким-либо окончательным выводам. Однако совершенно очевидно, что даже если бы такие планы и возникли в голове императора, в Германии было достаточно заинтересованных сил, чтобы решительно воспрепятствовать их осуществлению. Зато если толкование “Жития пяти братьев-мучеников”⁵⁹, содержащего якобы намек на эти планы, правильно, то тем самым у германских феодалов возникал дополнительный стимул резко возражать против решений Гнезненского съезда.

Но и без этого универсалистские планы Оттона III, так ярко проявившиеся в ходе Гнезненского съезда, должны были вызвать ярость германских феодалов. Не мог этого не понимать и сам император, чем, по-видимому, и объясняются в большой мере его особый интерес и симпатии к польскому князю.

Как уже отмечалось выше, осуществление планов юного Оттона III означало бы временную потерю германскими феодалами руководящей роли в Империи, прекращение их грабительских походов в богатую Италию, полный провал на неопределенный срок их феодальной экспансии на Восток, где Германии противостояла бы колоссально усилившаяся, возглавившая другие славянские народы Польша.

Если такая перспектива вполне устраивала польского государя, то она совсем не улыбалась германским феодалам. Гнезненские переговоры Оттона III и Болеслава I вызвали бурю недовольства в феодальной Германии.

О позиции Титмара Мерзебургского говорилось уже выше. “Магдебургские анналы”⁶⁰ и “Деяния магдебургских архиепископов”⁶¹ прямо обвиняют императора

⁵⁸ W. Ketrzynski. Przyczynki do historii Piastowiczow i Polski piastowskiej. RAH, t. 39, 1898, стр. 30; Z. Wojciechowski. Studia historyczne, стр. 194—222; W. Mysztowicki. Szkice o swigtych Brunie — Bonifacym dalej: Szkice...). SPM, t. V. Rzym, 1958, стр. 477—478; К. Тумиенієcki. Panstwo Polskie., стр. 295—296.

⁵⁹ Житие опубликовано в МРН, т. VI. Krakow, 1893

⁶⁰ Annales Magdeburgenses под 1000 г. MQHSS, t. XVI.

⁶¹ Qesta archtepiskoporum Magdeburgensium, MGHSS, t. XIV, стр. 390.

в том, что оформленная на Гнезненском съезде церковная независимость Польши является актом незаконным, ущемляющим права Магдебургского архиепископства.

В обоих этих источниках нашли отражение широкие претензии Магдебургского архиепископства на верховную церковную власть над польскими землями. Претензии эти под влиянием Гнезненского съезда были сформулированы в знаменитом фальсификате начала XI в., который должен был оправдать отрицательную по отношению к гнезненскому архиепископству позицию Магдебурга⁶², под властью которого якобы с самого начала находилось познанское епископство⁶³. Показательно, что Титмар, который несомненно знал и пользовался этим фальшивым документом⁶⁴, не решался все же, как отмечено выше, на основании его обвинить императора в незаконных действиях.

Среди возмущенных Оттоном III германских феодалов особенно выделялись саксонские феодалы, попытавшиеся даже составить заговор против императора⁶⁵.

Нет надобности гадать, как развивались бы в дальнейшем события в Империи, если бы не смерть в 1002 г. в Равенне императора Оттона III, изгнанного восставшим народом из Рима. Важно, что со смертью двадцатидвухлетнего императора германским феодалам удалось окончательно похоронить его фантастическую идею универсальной монархии, противником которой выступил и Римский престол⁶⁶. Пале римскому, которому перенос центра Империи в Рим угрожал полной зависимостью от императорской власти, планы юноши-императора были, пожалуй, столь же ненавистны, как и саксонской знати.

Со смертью Юттона III в Империи явно возобладали силы, враждебные Древнепольскому государству и его

⁶² P. K e h r . Das Erzbistum Magdeburg..., стр. 14—66; Wl. A b r a h a m . Gniezno i Magdeburg, стр. 21—22; K. W u c z e k . Pierwsze biskupstwa w Polsce, стр. 171—179; см. также: Kronika Thietmara, стр. 76—77, прим. III, М 3. Едлицкого, содержащее подробный обзор соответствующей литературы.

⁶³ Фальсификат опубликован Codex diplomaticus majors Po-loniae, t I. Poznan, 1877, N 1.

⁶⁴ Th i e t m a r , L. II, cap. 22.

⁶⁵ Z. W o j c i e c h o w s k i . Studia historyczne, стр. 86.

⁶⁶ Historia polityczna Polski, cz. I, стр. 47.

честолюбивому правителю, стремившиеся аннулировать результаты Гнезненского съезда.

В скором времени рухнули коронационные планы Болеслава Храброго. Зато королевской короной увенчал свою голову в 1000 г. Стефан Венгерский, а Венгрия с образованием архиепископства остригомского получила церковную самостоятельность. Очевидно, неудача римских переговоров Болеслава о королевской короне стояла в связи с той оппозицией, которую встретили планы Оттона III в Германии и, может быть, с тем сопротивлением, которое оказывал им папа Сильвестр II⁶⁷.

Противопоставление ^подымающейся Польше усилившейся Венгрии было не только очень серьезным успехом немецких феодалов, но и свидетельствовало об их далеко идущих планах и приготовлениях на Востоке. Господствующее в правящих кругах германских феодалов антипольское настроение, разумеется, не могло укрыться от внимания Болеслава Храброго⁶⁸ так же, “ак он не мог не понимать, что с кончиной Оттона III и восшествием на престол Генриха II (1002 г.) в Империи не было больше реальных сил, способных поддержать выгодную ему идею универсальной монархии в трактовке последнего из Оттонов.

Болеслав Храбрый был, однако, судя по всему, не из тех людей, которых изменившиеся обстоятельства могли заставить быстро и решительно отказаться от заданных планов. Последовавшие за смертью Оттона III политические акции в отношении полабо-прибалтийского славянства и особенно Чехии прямо свидетельствуют о том, что гнезненские переговоры оказали не только глубокое влияние на образ мыслей польского князя, но и на ближайшее время определили его военную и дипломатическую деятельность. Не отказался Болеслав и от своих планов короноваться королевской короной.

Когда выяснилось, что универсалистские замыслы Оттона III потерпели полный крах, польский князь поспешил воспользоваться затруднениями Империи, где наряду с будущим Генрихом II зимой 1002 г. обнаружилось сразу три, а после смерти мисненского маркграфа Экарда два претендента на императорскую >корону —

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Z. Wojciechowski. Studia historyczne, стр. 86.

Генрих Баварский и Герман Швабский, чтобы самостоя телшо, вопреки воле враждебных ему германских феодалов, попытаться осуществить свои обширные планы в Центральной Европе.

Разумеется, Болеслав не мог не понимать при этом, что такая попытка неизбежно будет сопряжена с самой жестокой схваткой с Империей. Но он пошел на этот риск, может быть, сознавая, что делает смелый шаг, которого всеми силами старались избежать его отец Меш-ко I и его дядя Болеслав II Чешский. Позиция восточногерманских феодалов не могла, однако, оставлять сомнений насчет того, что только неурядицы в Империи мешают им выступить с оружием в руках против польского князя. Сильная и самостоятельная Польша из союзника неизбежно превращалась ИВО врага Империи на Востоке.

Гибель весной 1002 г. маркграфа Экарда, связанного с польским князем⁶⁹, побудила Болеслава поторопиться с открытием военных действий, тем более, что выборы нового императора временно отвлекали внимание Империи от пограничных дел. В 1002 г. он, пользуясь смертью маркграфа, овладевает Лужицами, Миль-ском и Мисьней⁷⁰. Лужицкая и Мисьненская марки, о присоединении которых думал, возможно, еще Меш-ко I⁷¹, имели очень важное стратегическое значение, находились на пути возможного вторжения в Польшу войск германских феодалов. По-видимому, первоначально сам Генрих II, вынужденный обстоятельствами, был готов пойти на довольно серьезные уступки польскому князю, чтобы обеспечить себе его помощь и избежать преждевременного столкновения с Древнепольским государством. На съезде в Мерзебурге в июле 1002 г. он согласился передать в лен Болеславу Лужицы и Миль-ско. Мисьненская марка, которой безуспешно добивался Болеслав, должна была перейти к его родственнику Гунцелину. В Мерзебурге Болеслав принес ленную при-

⁶⁹ Thietmar, L. V, cap. 7.

⁷⁰ Thietmar, L. V, cap. 9—10.

⁷¹ W). Semkowicz. Geograficzne podstawy Polski Chrobrego (далее Geograficzne podstawy...) КН, 1926, стр. 268,

сягу императору за уступленные ему области ⁷². Можно предполагать, впрочем, что Генрих II не намеревался выполнять условий своего соглашения с польским князем ⁷³. Дело в том, что в Мерзбурге было покушение на Болеслава. Если учесть, что смерть императора Отто-на III и воцарение правнука Генриха I Птицелова сопровождались целым рядом политических убийств в Империи ⁷⁴, то предположение, что покушение на жизнь Болеслава не было простым стечением обстоятельств, не покажется слишком смелым. Так, «статей говоря, воспринял, судя по словам Титмара, покушение «а свою жизнь и сам Болеслав ⁷⁵. Горячие уверения Титмара, что Генрих II был здесь абсолютно «е причем ⁷⁶, способны не столько убедить читателя его хроники в невиновности последнего представителя саксонского дома, сколько укрепить его подозрения ⁷⁷. Подозрения эти превратятся в уверенность, если учесть, что покушение было совершено не только на польского князя, но и на такого влиятельного противника Генриха II, как Генрих Швейн-фуртский.

Покушение в Мерзбурге, ярко проиллюстрировавшее враждебность германских феодалов к Болеславу, является тем обстоятельством, которое, как кажется, позволяет расценить наступательные действия Болеслава Храброго в 1002 г. в качестве превентивной войны. Уже на обратном пути из Мерзбурга Болеслав возобновил военные действия против Империи.

Готовясь к схватке с Империей, Болеслав принимал энергичные меры к обороне государства. По-видимому, около этого времени была создана мощная система укреплений, образованных целым комплексом «городов», выстроенных на польской западной границе. В некоторых

⁷² Thietmar, L. V, cap. 18.

⁷³ Historia polityczna Polski, cz. I, str. 48.

⁷⁴ Там же; W. Meysztowicz. Szkice..., стр. 465.

⁷⁵ Bolizlaus autem, hoc factum esse dolo mali consilii autumans, gravi merore consumitur, regi, quod non promeruit, imputando. Thietmar, L. V, cap. 18.

⁷⁶ Hunc Henricus comes, nepos meus, oppido diligens, quocum-que modo potuit, libenter et amicabiliter eum adiuvat. Quern cum bene muneratum et cum licencia regis abeuntem comitaretur, concurrerentem vidit armatam multitudinem et, per Deum testor, absque regis consilio et consciencia adversus se insurgentem. Там же

⁷⁷ S. Zakrzewski. Boleslaw Chrobry Wielki, стр. 177; Кроника Thietmara, стр. 276, итрим. 102 (М. 3. Едлицкого).

случаях ширина валов и рвов “городов” достигала 45 м. “Гроды” эти в основном датируются временем около 1000 г.⁷⁸

Первая атака Болеслава на Империю не привела к войне, ибо в 1002 г. Генрих II не был еще подготовлен к ней. Война разразилась в следующем, 1003 г. Поводом для нее явились чешские события.

Короткое правление бездарного Болеслава III Рыжего ознаменовано резким ухудшением международного положения Древнечешского государства, внутреннее состояние которого создавало удобные возможности для иноземного вмешательства в чешские дела. Особенно опасные последствия имел конфликт князя с чешской феодальной знатю. Среди противников Болеслава III Козьма Пражский называет могущественный род Вршовцев⁷⁹. Положение в Чехии было настолько серьезным, а позиции чешского князя настолько непрочными, что Титмар, очевидно, под влиянием имевшихся у него сведений о постоянном вмешательстве в чешские дела мисненского маркграфа⁸⁰ назвал даже Болеслава вассалом Э“карда⁸¹. В разыгравшейся в Германии борьбе за императорский престол Болеслав Рыжий поддерживал Генриха II⁸². Ориентация на Империю не спасла, однако, Болеслава III.

Судя по словам Титмара, покушения Болеслава на здоровье и жизнь своих братьев Яромира и Одржиха, а также крутые меры по отношению к народу привели к тому, что против него был составлен заговор и на трон был приглашен из Польши его родственник Владивой⁸³. Под “народом” Титмара, разумеется, следует понимать чешскую знать, именно она была, конечно, вдохновителем заговора.

Дальнейшая судьба Болеслава III, бежавшего сначала к маркграфу Генриху Швейнфуртскому, а затем к Болеславу Храброму, у которого он искал помощи против своих взбунтовавшихся подданных, теснейшим обра-

⁷⁸ Wl. Semkowicz. Geograficzne podstawy..., стр. 269—272.

⁷⁹ Cosmas, L. I, cap. 34.

⁸⁰ Kronika Thietmara, стр. 256—257, прим. 40. Ср. Thietmar, L. VII, cap. 56.

⁸¹ Thietmar, L. V, cap. 7.

⁸² Там же, L. V, cap. 11.

⁸³ Там же, L. V, cap. 23.

зом связана с чешской политикой польского князя. Поводам для вмешательства его в чешские дела послужила последовавшая вскоре смерть Владивоя, тоже стремившегося опереться на помощь Империи и согласившегося осенью 1002 г. на сейме в Ратисбоне принять от императора Чехию в качестве ленного владения⁸⁴. Вторгшись в Чехию, Болеслав Храбрый изгнал из страны Яромира и Ольдржиха, занявших было княжеский стол вместе с их матерью Эммой, и восстановил в правах чешского князя Болеслава Рыжего.

Однако «овые столкновения Болеслава III с чешской знатю, о которых подробно повествует Титмар Мерзебургский, обвиняющий князя в вероломстве, жестокости и святотатстве⁸⁵, создали условия для открытого вмешательства Болеслава Храброго. Используя связи недовольной чешской знати, искавшей у него помощи, Болеслав Польский коварно пленил и ослепил Болеслава Рыжего⁸⁶, а затем зимой 1003 г. вторгся в страну, захватил Прагу и добился провозглашения себя чешским князем⁸⁷. Так, в 1003 г. на короткий срок Чехия оказалась соединенной с Польшей в одном государстве. По-видимому, одновременно с Чехией под властью польского князя оказалась и Моравия⁸⁸. В решении этого вопроса можно опереться как на показания Козьмы Пражского⁸⁹, так и на сообщение Галла Анонима, который, кстати говоря, не только объединяет в своем рассказе подчинение Болеславом Чехии с подчинением Моравии, но и пишет о распространении его власти на Словакию⁹⁰. К сожалению,

⁸⁴ Iste autem potiori usus consilio ad regem Ratispone adhuc commorantem proficiscens, cum humili subiectione et fidei promissione hunc in domnum elegit et, que postulavit ab eo, in beneficium acquisivit et, habitus in omnibus caritative, revertitur cum bona pace. Thietmar, L. V, cap. 23.

⁸⁵ Там же, L. V, cap. 28.

⁸⁶ Там же, L. V, cap. 30.

⁸⁷ In sequenti igitur die ad Pragam velociter properans, ab incolis semper de nova dominacione gaudentibus introducitur communiterque in domnum laudatur. Thietmar, L. V, cap. 30.

⁸⁸ Wl. Semkowicz. Geograficzne podstawy..., стр. 284; Fr. Palacky. Dejiny narodu ceskeho..., стр. 68; Ф. И. Успенский. Первые славянские монархии на Северо-Западе (далее: Первые славянские монархии...). СПб., 1872 стр. 227—228

⁸⁹ Cosmas, L. I, cap. 40.

⁹⁰ Numquid non ipse Moraviam et Bohemiam subiugavit et in Praga ducalem sedem obtinuit, suisque earn suffraganeis deputavit. Num-

источники не дают оснований точно датировать подчинение Словакии власти Болеслава Храброго⁹¹, которое, судя по всему, не было очень прочным, являясь лишь эпизодом в развитии польской политики начала XI в.⁹²

Захват Чехии, где Болеслав Храбрый мог рассчитывать на полную поддержку остатков разгромленных Болеславом II и Болеславом III знатных феодальных родов Славниковцев и Вршовцев⁹³, сопровождался чрезвычайно активной акцией польской дипломатии, стремившейся закрепить достигнутые успехи. С этой целью Болеславом Храбрым было заключено соглашение о союзе против императора с одним из крупнейших германских феодалов — Генрихом Швейнфуртским, владеющим баварской маркой⁹⁴. Не исключено, что Болеслав Храбрый успел войти в сношения и с другим восставшим в Империи феодалом, маркграфом Ардуином, распоряжавшимся фактически в северной Италии и даже провозгласившим себя ломбардским королем⁹⁵.

При таком положении дел в Империи Генрих II не считал и 1003 г. подходящим моментом для начала войны с Польшей. Поставив, очевидно, своей целью выиграть время, он предложил в марте 1003 г. Болеславу Храброму принять Чехию в качестве имперского лена⁹⁶. Титмар с возмущением пишет о негодующем отказе Болеслава от соглашения с императором на этих условиях⁹⁷.

quid pop ipse Vngaros frequencius in certamine superavit totamque terram eorum usque Danubium suo dominio mancipavit. Qallus Anonymus, L. I, cap. 6.

⁹¹ Wl. Semkowicz. Geografyczne podstawy..., стр. 283, 292, 301.

⁹² Fr. Hrusovsky. Boleslaw Chrabry a Slovensko. Sbornik na pocest J. Skultetyho. V Turcianskom sv. Martine, 1933, стр. 475—482.

⁹³ О резне, учиненной Болеславом III над Вршовцами, упоминает Cosmas, L. I, cap. 37; ср. Thietmar, L. V, cap. 29.

⁹⁴ Z. Wojciechowski. Polska-Niemcy, стр. 26.

⁹⁵ Historia polityczna Polski, cz. I, стр. 49.

⁹⁶ Itaque, quod oportunitate maxime sibi videbatur, dissimulatis omnibus, que eis acciderant, nuncios ad Bolizlaum misit, mandans ei, si terram nuper a se occupatam de sua gracia, ut ius antiquum poscit, retinere sibi in omnibus fideliter vellet servire, se eius voluntati in hiis assentire, sin alias, se armis illi velle contraire. Thietmar, L. V, cap. 31.

⁹⁷ Hanc legacionem, etsi iustam et bene compositam, tamen Bolizlaus indigne suscipiens, futuram ulcionem merito promeruit. Там же.

Чем же объясняется, однако, решительный отказ Болеслава Храброго 'принять Чехию в качестве немецкого лена. В литературе давно уже существует мнение, что в планы Болеслава Храброго входило создание самостоятельного западнославянского государства, способного противостоять Империи. Одним из первых такой взгляд на существо событий 1003 г. высказал русский исследователь Ф. И. Успенский⁹⁸. Близкой к "ему точки зрения придерживаются и некоторые советские историки", а также фактически и все те польские исследователи, которые связывают Гнезненский съезд и политику Болеслава Храброго с планами 'четырёхчленной Империи Оттона III. "Планы Болеслава Храброго,— опишет М. З. Ед-лицкий,— выходили далеко за рамки обычных династических амбиций. После банкротства концепции Оттона III в Германии и возобновления его преемником старой аг-реосрвной политики Болеслав Храбрый поставил ставку на создание славянского фронта, который создал бы противовес немецким захватническим устремлениям. Именно поэтому он стремился к объединению Польши "Чехии"¹⁰⁰.

Думается, однако, что необходимо несколько уточнить понятие того западнославянского государства, которое имелось в виду в планах Болеслава Храброго. Существующие источники (Титмар, Галл Аноним)¹⁰¹ дают основание говорить лишь о намерении Болеслава объединить Польшу с Древнечешским государством, т. е. включить в свою монархию, помимо польских земель, только Чехию и Моравию и, может быть, Словакию. Показания Титма-ра и Галла Анонима полностью подтверждаются и 'сведениями -биографа императора Генриха II Аделболда, 'писавшего о захвате Болеславом Храбрым прекрасной 'страны чешской и веселой Праги¹⁰².

Прага была в это время крупнейшим западнославянским городом, игравшим важную роль в торговых связях

⁹⁸ Ф. И. Успенский. Первые славянские монархии..., стр. 199.

⁹⁹ См. В. Д. Корольков. Древнепольское государство, стр. 151—153.

¹⁰⁰ Kronika Thietmara, стр. 291, прим. 176.

¹⁰¹ См. сноски 87 и 90 к этой главе, где приведены соответствующие показания хронистов.

¹⁰² Tandem Bolislavus Meseconis filius jucunditatem Pragam et amoenitatem Voemiae promissae praeponebat amicitiae. Vita Heinrici imperatoris auctore Adalboldo. MGHSS, t. IV, стр. 694.

Востока и Запада. Ф. И. Успенский считал даже, что слова Аделболда отражали планы польского князя перенести столицу в Прагу¹⁰³.

Поэтому представляется вполне обоснованным мнение Я. Домбровского, считающего, что западославянская монархия, которую пытался создать Болеслав Храбрый, преследовала цель объединения только Древяепольского и Древнечешского государства без каких-либо расчетов на присоединение полабо-прибалтийского славянства¹⁰⁴.

Присоединение, допустим, языческих лютичей “а самом деле могло создать такую ситуацию в монархии Болеслава, которая явно угрожала бы классовым интересам феодальной знати¹⁰⁵. Но существовали и иные соображения, которые заставляли Болеслава Храброго с особой осторожностью относиться к полабо-прибалтийскому вопросу. Территория полабо-прибалтийских славянских стран считалась прямо входящей в состав Германской империи. Очевидно, именно поэтому, захватив Лужицы и Мильско, Болеслав согласился считать их немецким леном. Совершенно иначе был решен им чешский вопрос. Противопоставив себя пронемецкому курсу Болеслава III и Владивоя, принесших ленную присягу Генриху II, Болеслав предпочел опереться на волеизъявление чешской знати, выступить в качестве избранного чешского князя, чем договариваться с императором о получении Чехии в лен от Генриха II. Иначе говоря, в глазах Болеслава Храброго и его дипломатов Чехия была самостоятельным государством, независимым от Германии¹⁰⁶. А это ведь чрезвычайно важный факт, проливающий дополнительный свет на действительные, реальные отношения Чехии и Германии в конце X— начале XI столетия, позволяющие критически отнестись к настроениям тех буржуазных немецких историков, которые трактуют чешско-немецкие государственные отношения того времени только как отношения вассала и сеньора¹⁰⁷.

¹⁰³ Ф. И. Успенский. Первые славянские монархии..., стр. 231.

¹⁰⁴ J. Dąbrowski. Polityka polska wobec państwa niemieckie-go..., стр. 61.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ См. также замечание М. З. Едлицкого — Kronika Thietmara стр. 294, прим. 180.

¹⁰⁷ Из последних немецких работ на эту тему см.: W. Wegner. Bohmen-Mahren...

Итак, Болеслав не намеревался ни с кем делить власти над Чехией. Вместе с тем он предпочитал не выжидать, а торопить события. В то время как польский князь ставил ставку на феодальную уособицу в Империи, Генрих II мог рассчитывать на союз с Венгрией и лютичами¹⁰⁸.

Первая польско-германская война началась. Ставкой в разыгравшейся кровавой игре была Чехия. В задачи германских феодалов входило сорвать планы польско-чешского государственного объединения и противопоставить резко усилившейся раннефеодальной Польше языческих лютичей.

Исход ее был определен двумя обстоятельствами: разгромом Генриха Швейнфуртского, которого Генриху II удалось одолеть, несмотря на присланную Болеславом Храбрым военную помощь, и поражением Ардуина, с одной стороны¹⁰⁹, развитием событий в Чехии — с другой.

Особенно важное значение имело положение дел в Чехии, ибо на пути ее действительного политического слияния с раннефеодальной Польшей, очевидно, стоял далеко продвинувшийся процесс формирования чешской народности¹¹⁰, не говоря уже об отличных от интересов польских феодалов стремлениях феодалов чешских. Не сыграло большой роли и то обстоятельство, что олицетворением раннефеодальной государственной идеологии монархии Пястов являлся св. Войтех¹¹¹, подобно тому как в Чехии аналогичную роль играл св. Вацлав. Казалось бы, культ св. Войтеха мог бы объединить польских и чешских феодалов, а чех Войтех мог явиться общим патроном Польши и Чехии, скрепляющим их государственное объединение. На самом деле, однако, все произошло совершенно иначе, и культ св. Вацлава не удалось в тот момент совместить с культом св. Войтеха. Более того, некоторые косвенные данные хроники Козьмы Пражского свидетельствуют даже как будто в пользу того, что св. Вацлав явился знаменем восставших

¹⁰⁸ Historia polityczna Polski, cz. I. .стр. 49.

¹⁰⁹ Z. W o j c i e c h o w s k i. Polska-Niemcy..., стр. 27.

В. Д. К о р о л ю к. Древнепольское государство, стр. 187—

189.

¹¹¹ Fr. G r a u s. Pocatky Ceskeho statu a vyvoi "statnb gie. SO, t. 22, стр. 161.

против польских феодалов чехов¹¹². Св. Вацлаву приписывает чешский хронист и успех чешского князя в борьбе с Болеславом Храбрым¹¹³. Зато при бегстве поляков из Праги, к большой радости восставших, погиб Собе-слав, брат св. Войтеха и сторонник Болеслава Храброго¹¹⁴.

Непосредственной причиной, вызвавшей всеобщее восстание против польских феодалов было, очевидно, буйство польских отрядов, ведших себя в Чехии как в завоеванной и побежденной стране¹¹⁵. Об уничтожении польского гарнизона жителями города Жатца сообщает Титмар Мерзербургский¹¹⁶. Титмар не скрывает, что успеху Генриха II, вступившего в Чехию, много способствовал тот факт, что на стороне его находился князь Яромир¹¹⁷,

Очень важную роль в изгнании польских феодалов сыграли чешские горожане и не только Жатца. С самого начала, по словам Козьмы Пражского¹¹⁸, отказался подчиниться Болеславу Вышеград. Опасаясь вооруженного восстания жителей столицы, вынужден был бежать из Праги сам Болеслав Храбрый¹¹⁹.

Вслед за тем на чешский княжеский стол был возведен вступивший в город Яромир, согласившийся принять Чехию от Генриха II в качестве лена¹²⁰. Этот акт Яро-

¹¹² Описывая смятение, охватившее поляков в Праге, когда затрубил в рог присланный чешским князем воин, Козьма подчеркивает: *Ad quam vocem irriuit super eos formido et pavor, quod erat mira Dei permissio et sancti Wencezlai intercessio.* Cosmas, L. I, cap. 36.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ *Quem Zebizlovo, frater Adthelberti, presulis et Christ! mar-tyris, subsequutus in ponte vulneratus oppetiit et magnum hostibus gaudium, suis autem luctum inefabilem reliquit.* T h i e t m a r, L. VI, cap. 13.

¹¹⁵ P. a i a c k y. *Dejny narodu ceskeho...*, стр. 68.

¹¹⁶ *Rex, propter Bawarios nondum adventantes tardato paululum itinere, ad urbem Satzi dictam venit et concives hos, portas sibi ilico aperientes et Polenos intus presidio positos occidentes, suimet cognovit amicos.* T h i e t m a r, L. VI, cap. 11.

¹¹⁷ *Adiuvit eciam regem exulis Jaremiri, qui firma pax interpre-tatur, comitatus, et adoptatus eiusdem adventus Boemiorum dellini-vit agmen.* Там же.

¹¹⁸ Cosmas, L. I, cap. 35.

¹¹⁹ *...audiens in urbe proxima, quae Wissegrodi dicitur, campanas cives ad bellum sonitu hortantes, cum prima legione (Болеслав.— В. К.) exivit et patriam fugiendo revisit.* T h i e t m a r, L. VI, cap. 12.

¹²⁰ Там же.

мира, состоявшийся в сентябре 1004 г. в Праге, как и аналогичный акт Владивоя, сыграли важную роль в дальнейшем развитии чешско-немецких государственно-правовых отношений¹²¹.

Потеря Чехии (1004 г.) с полной очевидностью продемонстрировала нереальность и авантюристичность плана создания обширного западнославянского государства, охватывающего несколько самостоятельных народностей. Такое государство не могло иметь твердой базы и должно было держаться только с помощью военной силы. У польского князя, особенно учитывая его конфликт с Империей, такой силы не было.

Иначе, чем в Чехии, развивались события в Моравии, которую Болеславу удалось удержать на некоторое время в рамках Древнепольского государства. Мораване в дальнейшем активно участвовали в его войнах с Империей¹²².

Так, с 1004 г. Польша одна противостояла могущественной немецко-венгерско-чешско-лютической коалиции. В конце 1005 г. Генрих II попытался нанести сокрушительный удар своему противнику. Немецкая армия углубилась на территорию Польши и подошла к Познани. Не имея сил противостоять армии императора в открытом поле, Болеслав с успехом применил против нее партизанскую тактику, очевидно, опираясь на всеобщее сочувствие населения и используя народное ополчение. Тактика эта дала блестящие результаты¹²³. Император вынужден был пойти на мирные переговоры с польским князем. Правда, условия мира 1005 г. были тяжелы для Польши: она потеряла все свои приобретения 1002 г. За ней сохранилась только Моравия. Однако и германские феодалы не были удовлетворены исходом войны. Недаром Кведлинбургские анналы, говоря о больших потерях немецкого войска, назвали условия 1005 г. “недобрым миром” (поп bona pace)¹²⁴.

¹²¹ Z. F i a l a . Vztach Ceskeho statu k Nemecke Risi..., стр. 59.

¹²² Z. W o j s i e c h o w s k i . Studia historyczne, стр. 27.

¹²³ Там же, стр. 28.

¹²⁴ Annales Quedlinburgenses под 1005 г. MQHSS, t. III.

О дальнейшем ходе польско-немецких войн в данном исследовании нет нужды говорить подробно, тем более, что вопрос этот достаточно детально исследован в историографии. Поэтому можно ограничиться лишь самым общим обзором событий.

Вскоре после мира 1005 г. положение Польши еще более ухудшилось. Обострение отношений с Данией¹²⁵ крайне осложнило положение дел на Западном Поморье, где восстал Волин Чехия, лютичи и восставшие волиняне энергично добивались при императорском дворе объявления войны Болеславу, которому удалось, по-видимому, все же к 1008 г. восстановить свою власть на Нижней Одре¹²⁶. Тогда же Болеслав снова захватил Лужицы. Его войска вторглись в пограничные области Империи, взяв добычу и пленных.

Сложным положением Польши воспользовался Генрих II для возобновления против нее военных действий. В целом, однако, на этот раз военное положение не было для Древнепольского государства столь критическим, как в 1004—1005 гг. Феодальные усобицы в Чехии и Германии, итальянские дела отвлекали внимание Генриха II, не давали ему возможности сконцентрировать против Польши все свои силы.

Военные действия начались в 1007 г. Наиболее активными союзниками немецких феодалов оказались языческие лютичи. Болеслав, правда, тоже стремился использовать в своих интересах прибалтийско-полабское славянство. Известны его попытки в 1010 г. связаться с племенем гаволян, жившем в окрестностях современного Берлина, известны факты поддержки его сербами-лужичанами¹²⁷. Но это были робкие, не принесшие никаких прочных результатов попытки. Иного, впрочем, нельзя было и ожидать от опасавшейся языческой пропаганды христианской Польши. Зато временный союз Генриха II с лютичами был использован Болеславом для организации антиимператорской пропаганды в самой Германии. В доказательство можно сослаться на знаменитое письмо св. Бруно из Кверфурта, близкого ранее к Отгону III, направленное в конце 1008 г. императору, в котором Ген-

¹²⁵ Z Wojciechowski Studia historyczne, стр. 28

¹²⁶ Historia polityczna Polski, cz. I, стр. 51.

¹²⁷ Z Wojciechowski Studia historyczne, стр. 27.

рих II открыто порицался за союз с язычниками против христиан, а поведение главы Германской империи противопоставлялось поведению польского князя, озабоченного распространением христианского учения среди пруссов¹²⁸.

Поход Генриха II на Польшу вместе с чешским князем Яромиром в 1110 г. не привел к большим успехам. Польские набеги на Империю продолжались. Не имея сил для продолжения серьезной борьбы с Польшей, Генрих II в 1013 г. вынужден был пойти вторично на мир с Болеславом I. Предварительные переговоры о мире вел сын Болеслава, Мешко, впоследствии занявший польский трон. Заключительная стадия переговоров пала на период Мерзебургского съезда 1013 г., на котором присутствовал и Болеслав Храбрый. Согласно условиям мира к Польше вновь отходили Лужицы и Мильско в качестве имперского лена.

Успеху мирных польско-германских переговоров в немалой степени способствовало то обстоятельство, что внимание Болеслава отвлекали русские дела, о чем специально будет говориться в следующей главе этой работы, а Генриху II предстояло совершить поход в Италию и короноваться императорской короной.

Киевский поход 1013 г не принес Болеславу ни лавров, ни каких-либо политических выгод. Генрих II, видимо, недаром на съезде в Мерзебурге обещал Болеславу военную помощь против Руси¹²⁹. В любом случае он оставался в выигрыше. Во-первых, поход отвлек Болеслава от жизненно важных задач Польши на западе и развязывал императору руки на востоке перед походом в Италию, во-вторых, в случае неудачи Болеслава на востоке, Империя, естественно, приобретала себе эвентуального союзника против Польши в лице Киевской Руси.

Неудачи на востоке лишь отчасти могли компенсировать успехи польской политики на северо-западе. Речь идет о заметном улучшении польско-датских отношений с момента вступления на датский престол Канута Великого (1014 г.)¹³⁰. Главным результатом этого сближения

¹²⁸ МРН, т I, стр 226—227

¹²⁹ Thietmar, L VI, cap 91

¹³⁰ Z. Wojciechowski Polska-Niemcy

было укрепление власти польского князя на Западном Поморье. Польша не должна была больше опасаться здесь датской диверсии. Это было, конечно, важное обстоятельство, значительно облегчавшее позиции Древне-польского государства накануне третьей войны с Империей.

О том, с какими трудностями приходилось иметь дело на Западном Поморье Болеславу Храброму, может свидетельствовать тот факт, что в результате восстания во-линян, проходившего, очевидно, под лозунгами восстановления язычества, было ликвидировано епископство в Колобжеге¹³¹. Тем самым был решительно прерван процесс христианизации Поморья, а процесс сближения, консолидации его с остальными частями государства был серьезным образом ослаблен.

Последствия неудач 1013 г. на Руси сказались в ходе третьей польско-немецкой войны. Готовясь к ней, Болеслав попытался в 1015 г. достичь соглашения с Олдржихом Чешским о совместных действиях против Империи. Переговоры, ведшиеся его сыном Мешко, окончились, однако, полным провалом. Болеславу приходилось считаться с тем фактом, что ему вновь придется иметь дело с немецко-чешско-лютической коалицией. Приходилось ему считаться на этот раз и с возможностью вмешательства в войну против Польши Киевской Руси.

Война началась в 1015 г. Подготовленный Генрихом II поход в глубь Польши не имел, однако, успеха. Польские войска во главе с сыном Болеслава Мешко, преследуя отступавшую императорскую армию, перешли Лабу и снова разорили имперское пограничье. Положение Болеслава серьезно осложнилось в 1016 г., когда военные действия против него начала Киевская Русь. Однако действия Ярослава не были достаточно энергичными¹³², а немецкий поход 1017 г. не принес императору лавров. Немецкая армия вместе с Олдржихом чешским и лютичами безуспешно осаждала силезский город Нем-чу. При отступлении немецкое войско понесло очень большие потери.

Обе стороны были утомлены долгой борьбой. Особенно сильно чувствовались трудности войны в Империи.

¹³¹ J M i t k o w s k i . Pomorze Zachodnie..., стр. 31.

¹³² Th i e t m a r , L. VII, cap. 65.

В результате Генрих II, не знавший, правда о начавшейся борьбе на восточной польской границе, хотя и предупрежденный Ярославом о предстоящем выступлении Руси, вынужден был пойти на мирные переговоры. Мирный договор был заключен в 1018 г. в Будишине, следовательно, на территории Древнепольского государства. Лужицы и Мильско были сохранены за Польшей. На этот раз Болеслав, однако, получал их не в качестве имперского лена. Земли лужичан и мильчан были прямо включены в состав Древнепольского государства¹³³. Очевидно, одновременно с заключением мира с Империей был заключен мир и с ее союзницей Венгрией¹³⁴. Будишинский мир 1018 г., который завершил длительные и кровопролитные войны Древнепольского государства с Германской империей, явно не удовлетворил германских феодалов. Идеолог восточной экспансии Титмар Мерзебургский с нескрываемым огорчением записал в своей хронике: “Это не был такой мир, какому следовало быть, а такой, который удалось заключить в тех условиях”¹³⁵.

Итак, даже в результате трех тяжких войн Германской империи, опиравшейся на союз с лютичами. Чехией и Венгрией, не удалось сокрушить Древнепольского государства. Оно выстояло. Сумело сохранить оно и свою церковную самостоятельность, оформленную на Гнезненском съезде 1000 г.

Зато потерпели полный крах христианско-универсалистские идеи четырехчленной Империи Оттона III, поддерживаемого Болеславом Храбрым. Начало XI в. еще раз показало, что движущей силой политики германских феодалов была отнюдь не мечта об объединении христианского запада, как это утверждают теоретики европейской интеграции, а жажда грабежа и захватов. Поэтому христианско-универсалистские планы так легко отбрасывались прочь, когда они вдруг оказывались в противоре-

¹³³ Z. Wojciechowski. Polska-Niemcy..., стр. 30.

¹³⁴ S. Zakrzewski. Bolesław Chrobry Wielki, стр. 293.

¹³⁵ . . . in quodam urbe Budusin... pax sacramentis firmata est... non ut decuit, set sicut tune fieri potuit. Thietmar, L. VIII, cap. 1.

чии с реальными агрессивными замыслами германской знати.

Но вслед за крахом 'планов Оттона III потерпели банкротство и планы основания крупной западнославянской монархии, выдвинутые Болеславом Храбрым. Попытки объединить Древнепольское и Древнечешское государство (а именно об этом и могла только идти речь) оказались совершенно нереальными. Они не нашли поддержки в Чехии. Более того, на их пути оказалось сильное патриотическое народное движение, сорвавшее честолюбивые планы польского князя. Важную роль в этом движении сыграло, как это показывают использованные источники, чешское городское население. При таких условиях поддержка небольшой группы чешской знати, ориентировавшейся на Польшу и не желавшей мириться с сильной центральной властью пражского князя, не могла обеспечить успех Болеславу Храбром. Существенно иначе сложилось положение дел в Моравии. Но помимо внутренних процессов, происходивших в Чехии, широкие западнославянские планы польского князя натолкнулись на жестокое сопротивление Империи, которая не могла допустить поглощения Чехии польскими феодалами. Укрепившись в лужицких землях и овладев Чехией, даже если совершенно сбросить со счетов возможность переноса центра монархии Пястов в Прагу, Болеслав Храбрый оказывался в состоянии перерезать основное направление германской феодальной экспансии на Восток.

Поэтому подобно тому, как в X в. германские феодалы поспешили противопоставить могущественному Древнечешскому государству поднимающуюся, но отдаленную Польшу, в начале XI столетия они помогли чешским феодалам изгнать польские войска и, навязав Чехии ленную зависимость, противопоставили Чехию колоссально усилившейся Польше. Вместе с тем Польше были противопоставлены Венгрия и лютичи.

Игра на противоречиях, стремление столкнуть друг с другом, опереться на слабейших против сильнейших или натравить менее опасных против более опасного являлись, таким образом, важнейшим методом политики германских феодалов по отношению к странам Центральной и Восточной Европы. В начале XI в. таким

наиболее опасным противником Империи являлось Древнепольское государство. Именно поэтому против него была создана могущественная центральноевропейская коалиция.

В ходе почти непрерывной пятнадцатилетней войны потерпели крах попытки Древнепольского государства выйти далеко за пределы этнографических польских земель, были сорваны оказавшиеся нереальными широкие западославянские планы польских феодалов. Вместе с тем, однако, крайняя заинтересованность в союзниках при общем сложном международном положении Империи принуждали ее терпеть усиление международных позиций Венгрии, начавшийся подъем Чехии и заставили даже временно ослабить вековой нажим на полабо-прибалтийское славянство, ибо языческие лютичи оказались для христиан-феодалов Германии очень важным, естественным, так сказать, союзником против христианской Польши. Болеслав Храбрый попытался, конечно, использовать союз Генриха II с язычниками для активной антиимператорской пропаганды в Германии. Свидетельством тому может служить знаменитое письмо Бруно Кверфуртского к императору Генриху II, в котором немецкий прелат протестовал против польско-немецкого конфликта, видя в нем угрозу для развития христианской миссии на севере и востоке Европы. Мирный призыв Бруно Кверфуртского не оказал, однако, воздействия на германских феодалов, и польско-германская схватка продолжалась, унося тысячи жизней.

Конечно, Древнепольское государство понесло в этих войнах тяжелые потери. Нельзя, однако думать, что потери Империи были менее значительными. Неудачные, как правило, попытки немецких войск вторгнуться в глубь польских земель влекли за собой большие жертвы в рядах немецкого рыцарства, может быть, еще больше терпевшего во время отступлений. Набеги польских войск наносили огромный ущерб пограничным областям Империи. Картина польско-немецких войн, нарисованная современником событий Титмаром Мер-зебургским — врагом польского князя, искренно оплакивавшим неудачи Империи, гораздо лучше показывает действительное соотношение сил между Империей и Польшей и действительный характер существовавших между ними государственно-правовых отношений, чем

любые юридические формулы, в которые пыталась их облечь немецкая сторона, в том числе и сам Титмар, опираясь на теоретические представления о значении королевской и императорской власти Саксонского дома. Притязания на европейскую гегемонию не помогли немецким феодалам в их многолетней борьбе с Польшей, которая фактически закончилась на исходных рубежах. Нужно сказать, что для развития польско-немецкого конфликта чрезвычайно важное значение имела позиция могущественного восточного соседа Древнепольского государства — Киевской Руси. Поэтому самое тщательное изучение хода польско-русских отношений в первой четверти XI в. представляется крайне существенным для общего понимания политических процессов, происходивших тогда в Центральной Европе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

РУСЬ И ПОЛЬША В НАЧАЛЕ ХІВ.

Центральным событием, наложившим свой отпечаток на развитие польско-русских отношений первой половины XI в., был, безусловно, Киевский поход 1018 г. Болеслава Храброго. Походу этому посвящена значительная русская, украинская, польская и немецкая литература. Несравненно меньше повезло в историографии событиям польско-русских отношений первых пятнадцати лет XI в. В сущности говоря, *ни ни разу не были предметом специальна”, саM4CTf*-

Между тем, и первое пятнадцатилетие XI в., как это будет показано ниже, представляет интересную и важную страницу в истории соседства Руси и Польши. События правления Владимира в определенной мере подготовили события правления Ярослава, так что без их анализа фактически нельзя нарисовать достаточно полную картину польско-русских отношений переломного и для Руси, и для Польши XI в., который нес с собой постепенно проявляющееся торжество тенденций феодальной раздробленности.

Само собой разумеется, что исследование польско-русских отношений начала XI в. должно вестись с учетом как явлений внутривнутриполитического развития Древнерусского и Древнепольского государств, так и позиций обеих этих стран на тогдашней международной арене. И в Польше и особенно на Руси внешнеполитическая активность государя в серьезной мере ограничивалась тогда противоречиями в рамках господствующего класса феодалов, центробежными стремлениями местной знати, зарождавшимися тенденциями к феодальной раздробленности, носителями которых на местах являлись не только крупные феодалы, но и в какой-то мере связанные с ними верхи собственно городского населения.

В то же время с точки зрения внешнеполитических позиций Руси и Польши проблема их взаимных отношений

в начале XI в. не являлась главной, решающей ни для одной из сторон. Для польского князя главной проблемой являлись его отношения с Империей, с которой он в течение пятнадцати лет, с 1003 по 1018 г., вел с небольшими перерывами тяжелую и жестокую борьбу. В политике Киевского князя отношения с Востоком, Севером и Югом по своей значимости явно преобладали над отношениями с Западом, а главной военной угрозой для его столицы была прежде всего кочевая печенежская степь. Печенежская угроза побудила киевского князя специально заняться укреплением южных рубежей государства, о чем сообщает летописная статья 988 г.¹ О длительных войнах с печенегами еще до того упоминается в летописной статье 980 г.², а затем под 992, 996 и 997 гг.³

То обстоятельство, что польско-русские отношения не занимали в то время большого места в политике русского и польского князей, было следствием объективных условий политического развития Руси и Польши, а не просто отражало планы и цели их государей, хотя и в Польше и на Руси правила тогда князья, замечательные не только своей яркой индивидуальностью, но и широким политическим кругозором, опытные дипломаты и выдающиеся государственные деятели.

Речь идет о киевском князе Владимире Святосла-виче и польском князе Болеславе I, принявшем перед смертью королевский титул. Оба они были обязаны своим возвышением прежде всего собственному таланту, уму и энергии. Владимир, образ которого, судя по былинам, исключительно прочно сохранился в народной памяти, не был первородным сыном князя Святослава. Владимиру даже после его утверждения на киевском столе не раз приходилось переносить насмешки по поводу его происхождения⁴: он был внебрачным сыном

¹ И рече Володимер: се не добро, еже мал город около Киева И нача ставити города по Десне, и по Востри, и по Трубешеву, и по Суде, и по Стугне, и поча нарубати муже л>чшише от словень, и от кривичь, и от чюди, и от вятичъ. И от сих насели грады, бе бо рать от печенег. ПСРЛ, т. 1, стлб. 121.

² Там же, стлб. 78.

³ Там же, стлб. 122, 124, 127 и 129.

⁴ Еще в начале XII в. на Руси ходило предание о неудачном сватовстве Владимира к Рогнеде полоцкой “сице есть, яко сказа-ша ведущий преж сего, яко Рогволоду держащу и владеющю и

Святослава и ключницы княгини Ольги Малуши Болеслав, получивший от потомства прозвище Храброго и Великого, был, правда, первородным сыном Мешко I, тем не менее и ему лишь в тяжелой борьбе с мачехой и поддерживавшей ее группировкой польских феодалов достался княжеский стол.

Но еще не пришло время усобиц, когда феодальная знать могла по своему усмотрению приглашать и изгонять князей. Центральная княжеская власть была еще достаточно сильной, и в борьбе за нее выигрывал только тот, кто лучше понимал расстановку политических сил в стране, кто лучше сообразовывал свои планы с существовавшими политическими противоречиями, кто был энергичнее и умнее, сочетал трезвый расчет с умением рисковать.

Исследование польско-русских отношений рассматриваемого периода естественнее всего начать с самых первых лет XI столетия. Гнезненский съезд 1000 г., оформивший церковную самостоятельность польской церкви, как говорилось уже выше, оказался событием столь крупного значения, что во многом определил развитие польско-германских отношений на ближайшие два десятилетия. Само собой разумеется, что это сыграло свою роль и в развитии отношений между Русью и Польшей с конца X столетия после завоевания Малой Польши, ставшей главной соседкой Руси на Западе.

Выдвинутая юным Отгоном III, мечтателем и мистиком, воспитанным матерью в традициях византийского цезарепапизма, идея универсальной христианской монархии с перенесением столицы Империи в Рим и превращением Славии, под которой понималась прежде всего Польша⁵, в равноправного члена Империи придала польско-немецкому конфликту особый характер.

То обстоятельство, что Болеслав Храбрый, которому планы Оттона III открывали широкие перспективы

княжашю Польшскую °емлю, а Володимеру сущю Новегороде... и бе у него уи (т е дядя — *В. К.*) его Добрына воевода и храбор и наряден муж Сь посла к Рогволоду и проси у него дщере его за Володимера. Он же рече дьшери своей: хоцещи ли за Володи-мера Она же рече- не хочю разути рабичича" (сына рабыни.— *В. К.*) ПСРЛ, т I, стлб 299 (под 1128 г.).

⁵ Подробнее о Гнезненском съезде и планах Оттона III основать универсальную монархию см. в предыдущей, пятой главе этой работы.

в отношении западнославянских стран, по вполне понятным причинам оказался одним из самых ревностных сторонников юноши-императора, вместе с распространившимися, возможно, в Империи слухами о намерении Оттона III сделать Болеслава своим преемником, а затем и захват Чехии польским князем⁶, привели к тому, что начавшаяся в 1003 г. польско-немецкая война переросла рамки обычного столкновения между двумя государствами.

В ходе ее решался не только вопрос о государственной -самостоятельности Польши, но и вопрос о путях дальнейшего развития Империи. Открыто выступившая послб смерти Оттона III против его универсалистских планов Римской империи группировка германских фео-далов боролась не только за продолжение прежними методами политики натиска на Восток, но и вела борьбу за то, чтобы Империя осталась Германской империей, т. е. инструментом политики германских феодалов, заинтересованных в прямом захвате и подчинении Славянских земель.

Возможно, отчасти именно поэтому смерть Оттона III и воцарение Генриха II, последнего императора из Саксонского дома, вызвали ожесточенную борьбу среди различных феодальных группировок в самой Империи и сопровождались целой серией политических убийств, жертвой которых чуть было не стал в 1002 г. Болеслав Храбрый⁷. В лице Болеслава Храброго, категорически отказавшегося принять захваченную им Чехию в качестве имперского лена, Генрих II видел, вероятно, не только опасного военного противника, тесно связанного с оппозицией императору в Империи⁸. Для Генриха II Болеслав был не только политическим деятелем, открыто выступавшим против самой идеи императорской власти как верховной власти германского короля по отношению к другим европейским государям, на что претендовали германские короли из Сак-

⁶W. Meysztowicz. Szkice..., стр. 477—478; Cp. E. S c h w a r z. Deutsche, Tschechen und Polen. Bohemia. JCS, Bd. I. Miinchen, 1960, стр. 46.

⁷Historja polityczna Polski, cz. I, стр. 49; W. Meysztowicz. Szkice..., стр. 465.

⁸Z. Wo j c j e c h o w s k i. Polska-Niemcy..., стр. 26; Historja polityczna Polski, cz. I, стр. 49.

сонского дома, считавшие себя прямыми наследниками традиций Восточнофранкской империи⁹, но и в какой-то мере личным врагом и соперником.

При таких условиях у польского князя не было, естественно, никаких возможностей вести активную, не говоря уже о враждебной киевскому князю, политику на Востоке, ибо на Западе решалась судьба возглавляемого им государства. Нельзя было ожидать и каких-либо серьезных, направленных против Польши, выступлений на Западе и со стороны киевского князя, особенно учитывая тот факт, что буквально в двух днях пути от его столицы, по словам посетившего ее в начале 1008 г. Бруно Кверфуртского, простиралась уже владения печенегов¹⁰, от которых приходилось защищаться целой системой оборонительных градов.

В русской летописи, чрезвычайно бедной сведениями о начале XI в.¹¹, нет никаких данных о русско-польских отношениях в последние пятнадцать лет правления князя Владимира. До 1008 г. нет на этот счет и никаких сведе-

⁹ W. Wegener. Böhmen — Mähren..., стр. 33—34.

¹⁰ См. письмо Бруно Кверфуртского к Генриху II, в котором рассказывается об отпуске Владимиром Бруно к печенегам: Jam cum pop potuit, et de me indigno visio quedam eum terruit duos dies cum exercitu duxit me ipse usque ad regni sui terminum ultimum, quem propter vagum hostem firmissima et longissima sepe undique circumclausit. МРН, т. I, стр. 224—225.

¹¹ Крайняя немногочисленность и явная случайность летописных известий о последнем периоде правления Владимира и начале княжения Ярослава объясняется, по-видимому, перерывом, наступившим в киевском летописании в первые десятилетия XI в., хотя отдельные летописные заметки и могли, очевидно, вестись. Между 998 и 1014 гг. в «Повести временных лет» помещено только пять очень кратких записей: В лето 6508 (1000 г.) преставися Мальфредь; в се же лето преставися и Рогнедь, мати Ярославля. В лето 6509 (1001 г.) преставися Изяслав, отец Брячиславль, сын

Володимерь.

В лето 6511 (1003 г.) преставися Всеслав, сын Изяславль, внук Володимерь.

В лето 6515 (1007 г.) пренесени святии в святую Бого-родицю. В лето 6519 (1011 г.) преставися царица Володимеря Анна, ПСРЛ, т. I, стлб. 129—130.

Показательно, что все эти записи относятся к событиям в великокняжеской семье. По мнению Шахматова, эти сведения были извлечены составителем Начального свода конца XI в. из великокняжеского помянника, который велся при Десятинной церкви. А. Шахматов, Разыскания..., стр. 162.

ний в источниках иностранного происхождения. Это не исключает того, что Империя и особенно Чехия, вступившие в кровопролитную схватку с Польшей и заручившиеся союзом с Венгрией и лютичами, не могли не делать попыток привлечь на свою сторону Русь. Однако, судя по тому, что в памяти русских людей не сохранилось имени князя Яромира и что русской летописи было хорошо известно только имя Олдржиха Чешского¹², занявшего княжеский стол только в 1012 г.¹³, следует, что до этого времени никакие попытки втянуть Русь в конфликт с Польшей, если они и были, не имели успеха.

Мирные отношения с Русью были, несомненно, чрезвычайно важным фактором для Польши, в серьезной мере облегчившим ее положение и позволившим ей устоять перед натиском с Запада в самый критический для нее момент — в период первой польско-немецкой войны (1003—1005 гг.).

Вот и все, что, пожалуй, следовало бы сказать о польско-русских отношениях самых первых лет XI в. Более подробные сведения появляются только с 1008 г., с миссии Бруно в Киев и к печенегам. Можно с полной уверенностью утверждать, что в это время между польским и киевским двором продолжали существовать мирные, не омрачаемые никакими признаками соперничества, отношения.

Миссии Бруно придается обычно исключительно важное значение в развитии польско-русских отношений после 1008 г.

Источники, однако, не дают оснований прямо связывать миссию Бруно Кверфуртского с предшествовавшим 1008 г. или следовавшим после этого года развитием польско-русских отношений. На это уже, впрочем, указывалось вскользь в литературе вопроса¹⁴. Бруно предпринял свое путешествие в 1008 г. на Восток из Венгрии. Правда, с осени 1005 до зимы 1006—1007 гг. он находился в Польше, где организовывал отправку специальной миссии для проповеди христианства в Швецию, но глав-

¹² ПСРД, т. I, стлб. 126.

¹³ *Český dějepis*, d. I. Praha, 1958, стр. 74 "O. Rhode. Die Ostgrenze Polens, стр. 59. Автор впрочем, считает участие Бруно и подготовке брака Святополка весьма вероятным.

ной его политической задачей было тогда, видимо, посредничество между Болеславом Храбрым и Генрихом II¹⁵. Обстоятельства возникновения миссии Бруно к печенегам не противоречат тому, что она, по-видимому, предпринималась с согласия польского князя, к которому Бруно направился после своих попыток обращения в христианство степных кочевников. Не противоречит факт этот и тому, что прибывший в Польшу поздней осенью 1008 г.¹⁶ Бруно мог сообщить Болеславу Храбромu ряд важных для него сведений относительно положения на Руси и характера русско-печенежских отношений. Значение этих сведений, однако, нет оснований преувеличивать. Оживленный торговый путь, связывавший Киев, Червенские города, Краков и Прагу¹⁷, позволял Болеславу Храбромu постоянно пользоваться информацией о русских делах, получаемой от многочисленных купцов, следовавших из Руси в страны Центральной Европы. Следует иметь в виду, что в районе Червенских городов от этой основной торговой магистрали ответвлялся путь на Люблин. Далее через междуречье Вислы и Буга по правому берегу Буга путь этот шел на запад через польские земли к богатой янтарем Самбии в прусских землях¹⁸. Другим ответвлением от магистрали Киев — Краков — Прага был путь на Вроцлав — Великую Польшу — Куявию к устью Вислы и прусскому побережью Балтийского моря¹⁹, которым пользовались еще римские купцы²⁰.

¹⁵ W. Meysztowicz. Szkice..., стр. 485.

¹⁶ Там же, стр. 493.

¹⁷ О значении этого торгового пути для экономической жизни тогдашней Европы см.: В. Васильевский. Древняя торговля Киева с Регенсбургом; ЖМНП, 1888; М. Э. Шайтан. Германия и Киев в XI в. ЛПИИАК за 1926 г. вып. 1, (34); А. В. Флоров-скии. Чехи и восточные славяне, т. I, Прага, 1934; он же. Ces-ko-ruske obchodni styky v minulosti (X—XVIII století) Praha, 1954; он же. Чешско-русские торговые отношения X—XII вв. Сб. ст. Международные связи России до XVII в. М., 1961; В. Видега. Die wirtschaftlichen Beziehungen zwischen Deutschland und dem Kiever Rus in der ersten Hälfte des XI. Jahrhunderts. — Beiträge zur Geschichte der Beziehungen zwischen dem deutschen Volk und den Völkern der Sowjetunion. Berlin. 1954.

¹⁸ A. Czapkiewicz, T. Lewicki, S. Nosek, M. Opozda-Czapkiewicz. Skarb dihemow arabskich z Czechowa. Warszawa — Wrocław, 1957, стр. 245.

¹⁹ Там же.

²⁰ K. Majewski. Importy rzymskie na ziemiach slowiariskich. Wrocław, 1949, стр. E1—25.

О том, что посещение Бруно Кверфуртским Киева не сыграло особой роли в развитии польско-русских отношений, говорит и то обстоятельство, что оказавшись в Польше в 1008 г. Бруно прежде всего вновь попытался выступить посредником между Польшей и Империей, а затем отправился, очевидно, с полного согласия польского князя с миссией к ятвьягам, где и погиб 9 марта 1009 г.²¹

Короче говоря, нет оснований говорить о какой-либо особенно важной, определяющей роли Бруно в развитии польско-русских отношений рассматриваемого времени, как это предполагал Ст. З'акшевский, писавший об установлении Бруно контактов с сыном Владимира Святополком и участии его в подготовке брака Святополка и дочери Болеслава, чему должно было предшествовать отправившееся вместе с Бруно в Польшу русское посольство²².

Самое большое, что можно было бы предполагать при нынешнем состоянии источников, это известное расширение при киевском дворе круга сведений о польском соседе, его планах и целях, хотя и в этом отношении при наличии оживленных торговых связей между двумя странами сведения, сообщенные Владимиру Бруно, не могли представлять какой-либо исключительной ценности. Переговоры с Бруно могли только лишней раз убедить Владимира в глубокой заинтересованности польского князя прусским, точнее, ятвяжским вопросом, окончательно убедить его в возможности сотрудничать с Болеславом Храбрым в отношении ятвягов, набеги которых представляли серьезную опасность для Руси и Польши, как это показали события, происшедшие спустя тридцать лет.

Ятвяги занимали внимание киевского князя еще в 80-х годах X в.²³ Пруссам также придавалось очень важное значение при польском дворе в 90-е годы того же столетия, когда были сделаны первые попытки поставить их под политическое влияние Польши²⁴. Наконец, на исходе 30-х и в 40-х годах XI в. союз Мазовии с ятвягами явился одной из важнейших причин, обусловивших за-

²¹ S. Z a k r z e w s k i . Boleslaw Chrobry Wielki, стр. 225.

²² Там же, стр. 224.

²³ ПОР Л, т. I, стлб. 82.

²⁴ Б. В л о д а р с к и й . Ятвяжская проблема..., стр. 118—119. Предположения автора о польско-русском соперничестве в Пруссии в X в. не стираются на данные источников.

ключение русско-польского союза ²⁵. Поэтому не будет слишком рискованным предположить, что наступившее вскоре после 1008 г. польско-русское сближение могло иметь своей причиной общую заинтересованность Руси и Польши в ятвяжском вопросе. Это предположение кажется тем более убедительным, что фактически нет никаких оснований думать о возможности польско-русского сотрудничества в то время по какому-либо другому поводу. Зная о тяжком положении Болеслава на Западе, Владимир едва ли мог рассчитывать на помощь его в своих отношениях с печенегами. Влияние на последних польского князя нет никаких оснований преувеличивать. В свою очередь и Болеслав Храбрый едва ли мог серьезно думать о возможности добиться от Владимира значительной военной помощи против Империи ²⁶.

Таким образом, помимо закрепления мирных отношений на польско-русской границе, обеих государей могла сблизить лишь перспектива совместных действий в отношении ятвягов. Что касается инициативы сближения, то она исходила, возможно, от Владимира Святославича, а не от Болеслава Храброго. На это как будто косвенно указывает и письмо Бруно Кверфуртского Генриху II, в котором отмечается некоторое охлаждение польского князя зимой 1008—1009 гг. к планам христианизации пруссов, что было следствием возобновления польско-немецкой войны ²⁷.

К сожалению, состояние имеющихся источников таково, что нет возможности с точностью сказать, когда

²⁵ H L o w m i a n s k i . Stosunki polsko-ruskie za pierwszych Piastow (далее: Stosunki polsko-ruskie...), PH, 1950, стр. 160; В. Д. К о р о л ю к . Древнепольское государство, стр. 181; он же. Летописные статьи о русско-польском союзе 40-х годов XI в. стр. 17; ср. S. M K u z y n s k i . Nieznany traktat polsko-ruski..., стр. 259—260.

²⁶ Гипотезы Ст. Закшевского (Boleslaw Chrobry Wielki, стр. 223—244) относительно расчетов Болеслава на вспомогательные русские войска, так же как явно преувеличенное представление о степени влияния польского князя на печенегов, не могут быть подтверждены никакими конкретными фактами.

²⁷ P n n u m , senior Bolezlavo, qui viribus animi et corporis con-solari me ad convertendos Pruzos libentissime voluit, et nulli rescu-niae ad hoc parcere decrevit, ecce impeditus bello quod sapiens rex pro necessitate dedit, iuvare me in evangelio nee vacat, nee valet. МРН, т. I, стр. 227 Возможно, впрочем, что это был просто один из доводов, с помощью которых Бруно старался повлиять на резко враждебную Польше политику Генриха II.

произошло оформление наметившегося русско-польского сотрудничества, скрепленного браком старшего сына Владимира Святополка и польской княжны, дочери Болеслава Храброго. Если исходить из показаний Бруно Кверфуртского и Титмара Мерзебургского, то брак этот следует отнести к промежутку времени между 1008 и 1013 гг., ибо в 1013 г., по словам Титмара²⁸, Болеслав Храбрый находился уже в состоянии войны с Владимиром Святославичем, а в 1008 г. при дворе киевского «нзя не было еще дочери польского владыки. Можно попытаться еще более уточнить дату оформления русско-польского союза. Бруно прибыл из Руси ко двору польского князя поздней осенью 1008 г., скорее всего в октябре²⁹. Заключению союза и брака Святополка и польской княжны должны были предшествовать соответствующие дипломатические переговоры. Если инициатором союза была русская сторона, то можно предположить, что переговоры эти были проведены специальным посольством, отправленным киевским князем ко двору Болеслава Храброго. При тогдашних средствах сообщения и темпах жизни все это должно было занять несколько месяцев. Иными словами, брак Святополка и заключение русско-польского союза не могли произойти ранее 1009 г. Предлагаемая Ст. Закшевским датировка этих событий, 1009—1010 гг.³⁰, представляется поэтому вполне приемлемой, хотя более вероятным следует считать 1009 г., или самое начало 1010 г., так как после Пасхи 1010 г. начался немецкий поход на Польшу: немецкие войска осаждали силезский город Глогов, в котором находился Болеслав³¹. Гораздо менее удачными кажутся попытки отодвинуть заключение русско-польского союза к 1012 г.³² Ссылки на то, что младшая дочь Болеслава к этому времени едва лишь достигла брачного возраста, малоубедительны потому, что неизвестна точная дата ее рождения, которая приходится на промежуток времени между 991 и 1001 гг.³³ С другой стороны, невероятно думать,

²⁸ Thietmar, L. VI, cap. 91.

W. Meysztowicz. Szkice..., стр. 493.

Ş. Zakrzewski. Boleslaw Chrobry Wielki, стр. 293

³¹ Thietmar, L. VI, cap. 56^58

³² Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года ..., стр. 82.

³³ O. Balzer. Genealogia Piastow. Krakow, 1895, стр. Wl. Dworzaczek. Genealogia. Tablice. Warszawa, 1959, tabl.

что между заключением союза и его разрывом не было сколько-нибудь значительного промежутка времени.

К сожалению, обстоятельства разрыва русско-польского союза освещаются сохранившимися источниками немногим полнее, чем обстоятельства его заключения. Русские источники, как говорилось выше, полностью обходят молчанием весь этот интересный эпизод польско-русских отношений 1008—1013 гг. Сведения о нем содержит только латинская хроника Титмара Мерзебургского, который как раз в 1012—1013 гг. начал писать свой исторический труд³⁴. Титмар является современником описываемых им явлений, сам был активным участником политических событий, происходивших в Империи, лично сталкивался в качестве мерзебургского епископа с Болеславом Храбрым. Это, без всякого сомнения, определяет большую ценность его хроники как исторического источника³⁵. Жизнь Руси, правда, не находилась в центре его внимания, он судил о ней лишь на основании устных показаний современников, которые могли быть и неполными, могли содержать и содержали переоценки и даже просто ошибки³⁶. Следует учитывать также нескрываемую автором хроники неприязнь к польскому князю.

Все это, разумеется, могло отразиться и отразилось на характере рассказа хрониста, на его оценках участвующих лиц и происходящих событий, на принадлежащей ему лично интерпретации отдельных явлений. Но Титмар, конечно, не мог выдумывать или исказить до неузнаваемости основную, общеизвестную для людей его времени цепь фактов. К тому же нет никаких оснований предполагать, что Титмар мог быть как-то особенно заинтересован в злом искажении или измышлении в целом мало его интересовавшей политической жизни на Руси³⁷. Это в равной степени относится и к его сообще-

³⁴ W. W a t t e n b a c h . Deutschlands Geschichtsquellen..., стр. 358.

³⁵ В русской дореволюционной и советской литературе неоднократно подчеркивалась ценность и в общем большая достоверность русских известий Титмара. См. Ф. Я. Ф о р т и н с к и й . Титмар Мерзебургский и его хроника СПб, 1872, стр. 143; Н. Н. И л ь и н . Летописная статья 6523 года., стр. 74 и др.

³⁶ Такой ошибкой является рассказ Титмара о женитьбе Владимира на греческой принцессе Елене, до того, якобы, предназначавшейся <в жены императору Оттону III. См. Kronika Thietmara, стр 570—571, прим. 478.

³⁷ Ср. Н. Н. И л ь и н . Летописная статья 6523 года..., стр. 74.

ниями, характеризующим события 1008—1013 гг., и к его показаниям о событиях киевского похода Болеслава Храброго в 1018 г.

Итак, что же рассказывает Титмар о событиях русско-польских отношений, приведших к конфликту 1013 г.? Вот собственные слова хрониста:

“Имел он (Владимир.— *В. К.*) трех сыновей, и одному из них ³⁸ взял в жены дочь нашего преследователя, князя Болеслава. Вместе с ней был послан из Польши епископ колобжегский Рейнберн”³⁹. Далее следует выпяченная характеристика Рейнберна, после чего идет следующее сообщение.

“Этого епископа вместе со своим сыном и его женой упомянутый король (Владимир.— *В. /С.*), когда ему стало известно, что его сын по наущению Болеслава готовит против него восстание, приказал схватить и заключить в отдельной темнице”⁴⁰, где Рейнберн и умер вскоре.

Заканчивая описание рассматриваемого эпизода польско-русских отношений, Титмар пишет:

“Узнав обо всем этом, Болеслав не переставал мстить, как только мог”⁴¹. Хронист имел в виду предпринятый вскоре, в 1013 г., поход Болеслава на Киевскую Русь.

Итак, русско-польский союз, заключенный, вероятно, в 1009—1010 гг. (показания Титмара о заговоре против Владимира и аресте Святополка, Рейнберна и дочери Болеслава Храброго свидетельствуют явно в пользу этой даты, а не 1012 г. как даты брака Святополка), оказался крайне непрочным и недолговечным.

Поводом для его разрыва послужил арест Владимиром Святополка, его жены-польки и епископа Рейнберна. Титмар объяснял арест заговорщической деятельностью Святополка и интригами Болеслава. Он, однако, не говорит ни о размерах, ни о целях заговора. Арест Святопол-

³⁸ Как выясняется из дальнейшего изложения Титмара, речь идет о Святополке.

³⁹ Hie tres habens filios uni eorum Bolizlavi ducis nostrique per-secutoris filiam in matrimonium duxit, cum qua missus est a Pol-
nis Reinbernus presul Salsae Choldebergiensis T h i e t m a r L VII, cap. 72.

⁴⁰ Quem predictus rex, audiens filium suimet ortatu Bolizlavi ta-cito reluctaturum sibi, cepit cum eodem et uxore et in
singular! cus-todia claudit. Там же.

⁴¹ Bolizlavus autem haec omnia comperiens, in quantum potuit vindicare non desistit. Там же. L VI, cap. 73. I

ка и Рейнберна указывает, правда, на то, что оба они (юная супруга Святополка едва ли могла играть самостоятельную роль) <в равной мере были участниками враждебной киевскому князю интриги. Однако самого по себе этого факта еще явно недостаточно для того, чтобы судить о целях заговорщиков. Отсутствие сколько-нибудь определенных показаний источников на этот счет и послужило, по-видимому, отчасти причиной наблюдаемой в историографии разногласия в определении мотивов деятельности заговорщиков и причин возникновения заговора.

Ст. Закшевский видит причину конфликта Святополка с Владимиром в симпатиях первого к латинскому духовенству и его проповеди. При этом он ссылается на явления второй половины XI в., когда понятия польское и католическое в глазах православного русского духовенства являлись чуть ли не синонимами⁴². Близок к этой точке зрения советский исследователь Б. Я. Рамм, который считает, что причиной конфликта была миссия Рейнберна, ставящая своей целью подчинение Киева Риму в церковном отношении, а Рейнберн являлся одновременно и агентом Рима и агентом польского князя. Он же был инициатором заговора, преследовавшего цель свергнуть Владимира и поставить на его место симпатизирующего Римской курии Святополка⁴³.

Иной точки зрения придерживается М. Грушевский. Следуя за Титмаром, Грушевский считает, что главной причиной заговора была интрига Болеслава, который, по его мнению, был заинтересован в том, чтобы поднять вражду в семье киевского князя и захватить Червенские города⁴⁴. О далеко идущих в отношении Руси планах Болеслава Храброго как причине заговора и ареста Святополка и Рейнберна пишет и один из последних исследователей вопроса Н. Н. Ильин, придающий особенно важное значение заговорщической деятельности Рейнберна⁴⁵. В аналогичном плане решались в основном все эти вопросы и автором этой работы в книге “Древнепольское государство”, где миссия Бруно к печенегам, брак

⁴² S. Zakrzewski. Boleslaw Chrobry Wielki, стр. 250—251.

⁴³ Б. Я. Рамм. Папство и Русь..., стр. 47—48.

⁴⁴ М. Грушевский. Історія України — Руси, т. І Львів, 1904, стр. 438—439.

⁴⁵ Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года., стр. 81—84.

Святополка и польской княжны и миссия Рейнберна рассматривались как звенья одной и той же цепи событий, долженствовавших поставить Киев в орбиту польского политического влияния. Причем инициатива в развитии польско-русских отношений приписывалась исключительно Болеславу Храброму⁴⁶.

Выше была уже показана несостоятельность такой трактовки вопроса. Сближение с Оттоном III, торжественность Гнезненского съезда, расчеты на близкое коронование королевской короной могли, конечно, создать у Болеслава чрезвычайно преувеличенное представление о себе и своем значении в Европе. Вступив в тяжелую схватку с Империей, Болеслав был, разумеется, заинтересован в благоприятном для себя развитии польско-русских отношений. Но отсюда еще далеко до вывода, что его политика была движущей силой, определявшей весь ход польско-русских отношений в первое десятилетие XI в. С приходом в Империю к власти Генриха II главное внимание Болеслава занимала Чехия, разразившаяся польско-немецкая война сковывала все силы и должна была занимать все мысли польского князя. Ясно поэтому, что миссия Бруно к печенегам и в Киев не могла быть развитием и осуществлением враждебной русским восточной политики польского князя, а инициатором польско-русского союза в 1009—1010 гг., был, возможно, Владимир, а не Болеслав.

Союз этот должен был вполне устраивать польского князя, так как он гарантировал его тыл в борьбе с Империей. Вместе с тем он, конечно, и вовлекал Болеслава в дела русской великокняжеской фамилии, открывал для него более широкие, чем прежде, горизонты на Востоке. Спрашивается, однако, мог ли польский князь в промежуток времени между 1010—1013 гг. ставить перед собой какие-либо серьезные, агрессивные цели на Востоке? Видя даже в Святополке проводника своего политического влияния на Руси, мог ли и был ли он заинтересован в том, чтобы подталкивать Святополка на прямое выступление против дряхлеющего отца, рискуя при этом не только разрывом союза, но и вооруженным конфликтом на восточных границах своего государства?

В. Д. Корюков. Древнепольское государство, стр. 168.

На все эти вопросы приходится давать отрицательный ответ. Довольно удачный для Болеслава 1007 г. не решил исхода второй польско-немецкой войны. Военные действия продолжались с переменным успехом, так что в 1010 г. Империи удалось вновь отнять у Болеслава часть Лужиц, а в 1012 г. Польше опять угрожало вторжение немецкого войска. Одновременно происходили важные события в Чехии, где Олдржиху удалось свергнуть старшего брата Яромира, причем польский князь играл в этих событиях отнюдь не последнюю роль⁴⁷. Положение серьезно изменилось только в 1013 г., когда после довольно сложной дипломатической подготовки был заключен в мае 1013 г.⁴⁸ в Мерзебурге мир с Империей, скрепленный браком сына Болеслава Мешко и племянницы Оттона III и Генриха II Рихезы. Вслед за тем, как определенно указывает Титмар, следовательно, летом 1013 г., Болеслав выступил походом на Русь⁴⁹.

В том убеждении, что Болеслав не являлся в 1010— мае 1013 г. активной силой в польско-русских отношениях, укрепляет автора этих страниц еще одно соображение. Разоблачение заговора Святополка-Рейнберна и арест их не могли произойти позднее 1012 г. Между разоблачением заговорщиков и получением Болеславом известий об этом должно было пройти известное время, время требовалось и для подготовки самого похода и для установления связи с печенегами (они участвовали летом 1013 г. в походе на Русь польского князя)⁵⁰. Поэтому если в мае 1013 г. Болеслав уже считал себя подготовленным к войне с Владимиром, то сведения об аресте его зятя и дочери должны были уже иметься у него в “онце 1012 г. В таком случае разоблачение Святополка и Рейнберна произошло не позднее осени 1012 г.⁵¹ Не могло оно произойти и намного ранее этого срока, так как еще осенью 1012 г. Болеслав совершил поход на Лю-буш⁵², и только с начала 1013 г. начинается его энергич-

⁴⁷ St. Z a k r z e w i s k i . Boleslaw Chrobry Wielki, стр. 252—269

⁴⁸ Th i e t m a r , L. VI, cap. 91.

⁴⁹ Post haec vero Ruciam... petiit. Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ 1012 г. как дату раскрытия заговора Святополка.— Рейнберна принимает и польский исследователь Ст. Закшевский. Boleslaw Chrobry Wielki, стр. 251

⁵² Th i e t m a r , L. VI, cap. 80.

ная дипломатическая деятельность, целью которой было достижение приемлемого компромисса с Империей.

Итак, >нет никаких объективных оснований думать, что Болеслав был организатором и вдохновителем заговора своего зятя в 1012 г., когда его мысли были как раз заняты важными переменами, происходившими в Чехии. Что же касается заявления Титмара о тайном наущении Болеслава, то его приходится трактовать как домысел, как попытку дать собственное объяснение ставших известными автору событий русско-польских отношений. Это тем более вероятно, что у Титмара, разумеется, и не могло быть никаких достоверных источников информации, объясняющих тайные планы и побуждения русской политики Болеслава.

Давая такое объяснение причин русско-польского конфликта 1013 г., Титмар со своей точки зрения, в сущности не совершал произвольного или, точнее говоря, злонамеренного искажения фактов. Болеслав действительно был мастером /дипломатической игры и интриги. В глазах Титмара он являлся олицетворением коварства и вероломства. Это был, по мнению мерзбургского епископа, человек, от которого можно было ожидать решительно всего. А при таких условиях, что в представлении Титмара могло естественнее связать русско-польский дипломатический союз, заговор и арест Святополка и Рейнберна и поход Болеслава на Русь в 1013 г., как не интрига польского князя? Сам Титмар, по всей вероятности, был вполне убежден в правильности своего домысла.

Не более правдоподобной представляется и вторая существующая в литературе точка зрения, сводящая причины польско-русского конфликта 1013 г. к интриге епископа Рейнберна. Само собой разумеется, автор не намерен здесь отрицать ни агрессивные замыслы Рима на востоке Европы, ни, тем более, активность в Киеве Рейнберна. Последний, очевидно, действительно вел активную пропаганду в пользу Римской курии на Руси, причем проповедническая деятельность его прямо задевала интересы и достоинство киевского князя. На это, как кажется, прямо указывает Титмар, который заканчивает свой рассказ о смерти в темнице епископа Рейнберна следующими словами: “Находясь в безопасности на небе, смеется епископ над угрозами того несправед-

ливого мужа (Владимира.— *В. К.*;) и охраняемый земной и небесной чистотой ожидает момента, когда пламя мести достигнет этого распутника⁵³.

Длинные тирады, посвящаемые Титмаром разоблачению похотливости и распутства Владимира, указывают даже, возможно, на те конкретные аргументы, которыми мог пользоваться Рейнберн в своей пропаганде против князя Владимира.

Можно ли, однако, делать из всего этого вывод,¹ что пролатинская пропаганда Рейнберна или его обличительные речи против Владимира могли сами по себе явиться причиной разрыва недавно заключенного союза с Польшей? Очевидно, нет. Слабые римские папы были в то время целиком поглощены своими итальянскими делами⁵⁴. Папство не было в начале XI в. политическим фактором, могущим представлять действительную угрозу для Руси. С другой стороны, Владимир Святославич не был типичным неопитом. Присутствие при его дворе горячего сторонника Римской -курии само по себе едва ли могло как-то особенно задевать его. Терпел же он при своем дворе епископа Бруно и даже пользовался его услугами в своих отношениях с печенегами⁵⁵.

Выше уже было показано, что киевского князя не смущала перспектива породниться с таким верным сыном Римской церкви, как Болеслав Храбрый. Кстати сказать, и преемник Владимира Ярослав Мудрый, тоже, по-видимому, не придавал вопросам веры слишком большого значения при заключении династических браков⁵⁶. Наконец, бесспорно о широте взглядов на вопросы веры Владимира прямо свидетельствует сам факт прибытия к его двору Рейнберна в качестве духовника его новой невестки. Пример его сыновей — Святополка и Ярослава — показывает вместе с тем, что Владимир не был в этом отношении каким-либо исключением среди русских людей начала XI в.

⁵³ In 'caelesti securitate sedens episcopus ille ridet viri minas iniusti et castitate gemina potitur ac fornicatoris illius ultrices ilam-mas speculatur. Thietmar, L. VII, cap. 73.

⁵⁴ Ф. Грегоровиус. История города Рима в средние века; т. IV. СПб., 1907, стр. 3—20.

⁵⁵ МРН, т. I, стр. 225.

⁵⁶ Под 1043 г. летопись сообщает о браке Казимира Польского с сестрой Ярослава: "В си же времена вдасть Ярослав сестру свою за Казимира" ПСРЛ, т. I, стлб. 154—155.

Но если так обстояло дело в то время в Киеве с латинскими миссионерами, то еще меньше оснований думать, как это делают некоторые исследователи⁵⁷, что для русских людей XI в. Польша и поляки являлись олицетворением латинской ереси и ненавистного Рима. Против этого свидетельствуют и династические браки русских князей и представительниц Пястовского рода и та несомненная симпатия, с которой относился русский летописец к Болеславу Польскому, называя его Великим и подчеркивая его храбрость и ум⁵⁸.

Таким образом, деятельность Рейнберна в качестве агента Римской курии не в состоянии объяснить разрыв русско-польского союза в 1012 г. Интриги и проповеди латинского епископа могли вызывать и, конечно, вызывали недовольство русского духовенства⁵⁹. Нравоучения и обличения Рейнберна могли раздражать и оскорблять самого князя Владимира. Но если бы дело сводилось только к этому, даже при условии, что Рейнберну действительно удалось внушить симпатии к Риму Святополку, чего нельзя подтвердить прямыми показаниями источников, весь эпизод, связанный с Рейнберном, завершился бы скорее всего только арестом или высылкой его самого. В действительности же произошло нечто совершенно иное. Был арестован старший сын правящего князя, была арестована со своим духовником его супруга — дочь Болеслава Польского. Тем самым был разорван польско-русский союз, (было нанесено прямое оскорбление сильному соседу. Вместо союзника у Руси появился новый враг, пусть даже временно поглощенный заботами на западной границе.

Все это говорит о том, что деятельность Рейнберна и Святополка представляла действительно большую угрозу государству, что Владимир, принимая решение о реп-

⁵⁷ S. Z a k g z e w s k i. Bolestaw Chrobry Wielki, стр. 250.

⁵⁸ ПСРЛ, т. I, стлб. 143, 149.

⁵⁹ Известно, что уже с самого начала существования христианской церкви на Руси высшее киевское духовенство, греческое по своему происхождению, выступало с критикой латинского вероучения, о чем свидетельствует послание киевского митрополита начала XI в. Леона, сохранившееся в греческих списках. Подробнее об этом см.: Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, т. I, первая половина. М., 1901, стр. 853—854; В. М о ш и н. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV веков (далее: О периодизации...). ТОДЛ, т. XIX, стр. 44.

рессиях против сына и невестки, был чрезвычайно обеспокоен вскрывшимся заговором. Поскольку ни деятельность Болеслава Храброго, ни проримская агитация Рейнберна не могли представлять в рассматриваемое время действительной угрозы Древнерусскому государству, остается предположить, что такой угрозой могли быть действия самого Святополка.

Старший из оставшихся в живых сыновей Владимира⁶⁰ Святополк правил западными окраинами Киевской Руси⁶¹, подобно тому, как Ярослав правил после смерти Вышеслава в Новгороде, а Борис в Ростове⁶². Если в 1014 г. Ярослав Мудрый отказался платить дань киевскому князю, своему отцу, тем самым как бы заявляя о намерении рассматривать себя как самостоятельного государя⁶³, то почему нельзя предположить, что в 1012 г. готовился к аналогичному выступлению его старший брат Святополк? То, что управляемые Святополком земли находились на западе Киевской Руси, вблизи от владений его тестя Болеслава Польского, и то, что он, как свидетельствует весь ход более поздних событий 1015—1018 гг., был дружен с печенегами, могло укрепить в Святополке сознание своей силы. Обстоятель-

⁶⁰ Некоторые исследователи называют его Святополком Яро-полковичем (см В Л Я н и н . Русская княгиня ОлисаваТертруда и ее сын Ярополк НЭ, т. IV, М , 1963, стр. 142). Считать Святополка сыном старшего брата Владимира Ярополка позволяет следующее место летописи: “Володимер же залеже жену братню (Ярополка — В К.) и бе непрадна, от нея же родися Святополк... бе бо от двою отцю, от Ярополка и от Володимера” (ПСРЛ, т. I, стлб. 78). Такие сл>\и о происхождении Святополка могли, по-видимому, отразиться на оценке его в позднейшей литературной традиции.

⁶¹ И посади (Владимир.— В. К.) .. Святопопка Турове.. ПСРЛ, т. 1, стлб 121.

⁶² Там же.

⁶³ Ярославу же сущю Новегороде и урокомъ дающю Киеву две тысяче гривне от года до года, а тысячу Новегороде гридем разда-ва\у, а тако даяху вси посадници Новьгородстии, а Ярослав сего не даяше к Киеву, отцю своему Там же, стлб. 130 О том, что Ярослав стремился полностью освободиться от власти киевского князя, свидетельствуют н>мизматические данные: монеты Ярослава с надписью “Ярославле серебро” чеканились не в Киеве, а, по-видимому, в Новгороде и относятся ко времени княжения там Ярослава под рукою Владимира Об этом говорит и топография находок монет Ярослава (И. Г. С п а с с к и й . Русская монетная система, стр. 45— 46). Ко времени Владимира, возможно, следует отнести и кратко-временную чеканку монет Святополком (там же, стр. 45).

ства эти говорят как будто в пользу именно такой трактовки целей раскрытого в 1012 г. заговора в великокняжеской семье.

Тенденции к феодальной раздробленности давали себя уже чувствовать в древнерусском обществе. При Владимире снова обособилась соседняя с княжеством Свято-полка Полоцкая земля⁶⁴. Не было бы, конечно, ничего исключительного в том, если бы, используя тенденции феодальной раздробленности, Святополк, которому было к тому времени более тридцати лет, попытался освободиться от верховной власти великого князя, тем более, что, судя по летописи, он не был любимым сыном Владимира. Борис “любим бо бе отцем своимъ паче всех”⁶⁵. Впрочем, в данном случае на летопись, испытавшую влияние тенденциозного рассказа об убиении Бориса и Глеба, полагаться едва ли можно.

На выступление против верховной власти отца Свято-полка мог толкнуть новый брак князя Владимира⁶⁶, который, судя по более поздним немецким источникам, женился в 1012 г. на дочери графа Куно Онингена⁶⁷. Нет ничего удивительного в том, что скупая на события начала XI в. летопись ничего не сообщает об этом браке⁶⁸. Гораздо удивительнее молчание всеведущего Тит-мара. Очевидно, новый брак Владимира Святославича не сыграл заметной роли в русско-германских отношениях.

Предположение, что заговор Святополка преследовал цель создания себе независимого удела (на большее, т. е. на захват великокняжеской власти он едва ли мог

⁶⁴ Согласно летописному преданию о Рогнеде, жене Владимира и дочери полоцкого князя Рогволода, бояре посоветовали Владимиру: “въздвигни отчиму ея (Рогнеды.— *В. К.*) и дай ей с сыном своим”. Князь поступил по совету бояр: “Володимер же устрой город и да има и нарече имя городу тому Изяславль”. Позднейший летописец именно с этим событием связывал начало обособленности Полоцкой земли и борьбы между потомками Рогволода и Ярослава: “И оттоле мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярослав-лих внуков”. ПСРЛ, т. I, стлб. 301 под 1128 г.
£ Там же, стлб. 132.

о • Л[^]? В а u m g a r t e n . Saint Vladimir et la conversion de la Kussie. OCnr, v. XXVII. Roma, 1932, стр. 121; он ж е. Le dernier man^{ca7e}?J? £^{aint} Vladimir. OChr, v. XVIII. Roma, 1930 стр. 8

⁶⁷ MGHSS, t. XIII, стр. 734; t. XXI, стр. 460.

⁶⁸ в русской летописи отмечен лишь год смерти жены Владимира Анны—1011. ПСРЛ, т. I, стлб. 129.
227 15*

рассчитывать)⁶⁹, дает, кстати говоря, возможность еще точнее объяснить заявление Титмара о тайном наущении Святополка Болеславом. Готовясь к восстанию, Свято-полк, естественно, должен был стремиться заручиться поддержкой могущественного тестя. Сведения о сношениях Святополка с Болеславом в период организации заговора Титмар мог получить от немецких участников похода 1013 г., а считать их инициатором не неведомого ему Святополка, а хорошо известного “коварного” Болеслава казалось само собой разумеющимся.

Стоит только согласиться с высказанным выше предположением о характере подготавливаемого Святополком восстания, как и все остальные твердо известные факты станут на свои места, получат логический смысл и объяснение.

В самом деле, отказ от признания верховной власти киевского князя был настоящим государственным преступлением и представлял действительную угрозу целостности государства. Ясно поэтому, почему Владимир, предотвращая восстание сына, пошел на такие решительные и крутые меры, как арест Святополка и его жены и разрыв с Болеславом. Когда вздумал бунтовать Ярослав, Владимир без колебаний шел на то, чтобы оружием принудить его к повиновению: “И рече Володимир: тре-бите путь и мостите мост. Хотяшеть бд на Ярослава ити, на сына своего”⁷⁰. В 1015 г. Владимиру помешала только болезнь и смерть.

Вполне понятным окажется и активное участие в заговоре Рейнберна. Слабого удельного князя на самом деле легче было бы заполнить в римские сети, чем вели-

⁶⁹ Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года..., стр. 84. Русская летопись подчеркивает непопулярность Святополка среди жителей Киева- “И не бе сердце их (киевлян.— В. К.) с нимь” (Святополком — В. К.), — говорится в летописи по поводу события 1015 г., ПСРЛ, т. I, стлб. 132. Учитывая тенденциозный по отношению к Святополку источник летописной статьи 1015 г., можно было бы и не приводить этих слов летописи. Ценность их заключается, однако, не в том, как они характеризуют отношения Святополка с киевлянами, а в том факте, что позиция киевских горожан, по мнению летописца, играла “важную роль в расстановке политических сил на Руси. Эту активную роль горожан в политической жизни Руси летопись отмечает и при рассказе о борьбе Владимира с Ярополком: “Кияне слютя к Володимеру, глаголюще приступи к граду, яко предамы ти Ярополка”. ПСРЛ, т. I, стлб. 77.

⁷⁰ ПСРЛ, т. I, стлб. 130.

кого князя киевского. Вполне естественными и простыми мотивами объясняются связи заговорщиков с Болеславом. Не симпатиями к Риму руководился Свято-полк, обращаясь за помощью к тестю, он просто искал иностранной военной поддержки, как искал ее “за морем” у варягов Ярослав в 1014 г.⁷¹ Объясняется, наконец, и мирная инициатива в начале 1013 г. на западе Болеслава Храброго, которого застало, очевидно, врасплох разоблачение заговора его зятя. Не будучи главой заговорщиков он, конечно, не мог заранее подготовиться к событиям и нуждался в передышке на западе, чтобы иметь свободные руки на востоке.

Итак, попытка Святополка вырваться из-под власти киевского князя является самым простым и, думается, самым убедительным объяснением событий, приведших к разрыву русско-польского союза 1009 — 1010 гг. Тот факт, что гипотеза эта не привлекалась для объяснения событий 1012 — 1013 гг., можно объяснить, по-видимому, только тем влиянием, какое оказывал на исследователей летописный рассказ о Святополке.

Между тем, в настоящее время можно считать доказанным, что посвященная в летописи Святополку статья 6523 г. имела своим источником возникшее около 1072 г. “Сказание об убиении Бориса и Глеба”⁷². Именно под влиянием этого агиографического произведения возник летописный образ “окаянного” Святополка, который “Каинов смысл приим”, захлебнулся в пролитой им братской крови.

Образ этот мешал исследователям увидеть за ним действительный образ неудачливого бунтовщика против власти великого князя, а затем и неудачливого претендента на великокняжеский стол, потерпевшего, несмотря на большую иноземную помощь, полное поражение в братоубийственной борьбе за Киев. Летописный рассказ мешал исследователям замечать в жестоких поступках Святополка те же мотивы, которыми руководствовались в своих действиях его отец и брат. Ведь и Владимир на

Хотящю Володимеру ити на Ярослава Ярослав же, послав³³ W7⁹ и пр^{иведе} варягы, бояся отца своего. Там же 1 м - II Ильян. Летописная статья 6523 года, стр. 209, ср. A G> i v^{le}, Г- Studien zur altrussischen Legende der Heihgen Boris XXX, n. 1, 1962.

своем пути к киевскому столу перешагнул через труп собственного брата, и Ярослав подымал руку на своего отца — великого князя, не стесняясь при этом искать помощь “за морем”. Овятополк был только безусловно гораздо более мелкой фигурой, чем его отец и брат, в то время как вчитывающимся в летописный текст историкам он казался каким-то особенно коварным интриганом, злодеем библейского образца.

Но пора вернуться к событиям 1012 г. Арест Свято-полка, его супруги и Рейнберна привел к разрыву просуществовавшего всего только немногим более двух лет русско-польского союза. Более того, в 1013 г. он привел к вооруженному конфликту между Русью и Польшей. Оскорбленный Болеслав (а Болеслав, по свидетельству источников, не упускал случая отомстить за оскорбление⁷³) поспешил заключить мир с Империей, чтобы обрушиться на Русь. Этот шаг Болеслава был только на руку его врагу, Генриху II, так как он создавал необходимую ему передышку для похода в Италию⁷⁴, а Болеславу связывал руки на Востоке. Вместе с тем Генрих II мог рассчитывать и на то, что русско-польский конфликт косвенным образом облегчит его ситуацию в южной Италии, где соперник-ом германского владыки был византийский император Василий II. Генрих II мог считать, что в условиях польско-русской войны ему нечего опасаться возможной помощи Византии со стороны Владимира Святославича⁷⁵.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в походе 1013 г. на Русь в войске Болеслава находились немецкие рыцари. Союзниками польского князя были и печенеги. Именно столкновение между поляками и печенегами, закончившееся жестокой резней, и было причиной неудачи похода 1013 г. на Русь. Он не принес славы Болеславу, все успехи которого свелись к опустошению пограничных русских земель⁷⁶. Зато поход этот сложился

⁷³ Gallus Anonymus, L. I, cap. 7; ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1. Пг., 1915, стр. 108—109.

⁷⁴ St. Zakrzewski. Boleslaw Chrobry Wielki, стр. 269.

⁷⁵ Там же, стр. 272.

⁷⁶ Post haec vero Ruciam nostris ad hoc auxiliantibus petiit et magna regionis illius parte vastata, cum commotio inter suos et hos-pites Pezineigos fieret, eosdem quamvis suimet fautores iussit interfici omnes. Thietmar, L. VI, cap. 91.

положение польского князя в 1015 г., когда возобновилась война с Империей, а Киевская Русь оказалась в стане неприятелей Древнепольского государства⁷⁷. Разрыв польско-русского союза оказался, таким образом, невыгодным прежде всего для польской стороны.

Неизвестно, преследовал ли в 1013 г. Болеслав, обращая свое оружие против Руси, какие-либо далеко идущие цели или он, как думал Титмар, явился на Русь только в качестве мстителя за дочь и зятя⁷⁸. На этот счет можно высказывать только те или иные гипотезы, основываясь главным образом на событиях 1018 г. Но даже если широкие агрессивные планы в отношении Руси и руководили в 1013 г. поступками Болеслава, кажется несомненным, что возникнуть они могли прежде всего под влиянием раскрытого в 1012 г. заговора Святополка. Конфликт в киевской великокняжеской семье втягивал Болеслава в русские дела, как впоследствии в период феодальной раздробленности противоречия и борьба между удельными князьями будут неизбежно сопровождаться посторонним вмешательством.

Подведя основные итоги изложенного выше исследования, можно сделать следующие выводы.

Хотя русско-польские отношения и не являлись главной осью, вокруг которой формировалась внешняя политика Киевской Руси или Древнепольского государства, обе стороны были заинтересованы в начале XI в. в том, чтобы они носили добрососедский характер. Более того, только мирные отношения на польско-русской границе могли создать такие условия, при которых Польша оказалась в состоянии в период первой польско-немецкой войны устоять против страшного натиска германских феодалов, встревоженных перспективой государственного объединения Чехии и Польши⁷, и их многочисленных союзников. Именно обоюдной заинтересованностью в мирном соседстве и сотрудничестве и объясняется заключение в 1009—1010 гг. скорее всего по инициативе Владимира Киевского русско-польского союза, скрепленного династическим браком.

⁷⁷ Th l e t m a r, L. VII, cap. 65. Там же, L. VII, cap. 73. E. S c h w a r z . Deutsche, Tschehen und Polen, стр. 46—46.

Союз этот оказался, однако, очень недолговечным. Раскрытый Владимиром заговор Святополка — Рейн-берна привел к его разрыву уже в 1012 г. Наиболее вероятной целью заговора была подготовка Святопол-ком восстания против верховной власти киевского князя. Арест стремившегося к удельной независимости Святополка и его жены привел к вооруженному вмешательству в русские дела его тестя, Болеслава Храброго

Что же касается проримской агитации Рейнберна, то значение ее для развития польско-русских отношений, кажется, нет нужды преувеличивать, как нет оснований вообще преувеличивать значение Римской курии как одного из факторов политического развития Восточной Европы для конца X — начала XI в. Анализ имеющихся источников свидетельствует, как кажется, что политика Рима и политика Древнепольского государства на Руси в описываемое время — отнюдь не одно и то же. Это достаточно хорошо понимали тогда сами русские люди. Нет никаких оснований смотреть на явления русско-польских отношений начала XI в. глазами киево-печерских монахов второй половины этого столетия, которым бес даже в церкви являлся “в образе ляха”⁸⁰

Впрочем, и во второй половине XI—XII вв религиозные противоречия не были настолько острыми, чтобы можно было говорить о какой-то пропасти, разверзшейся между Русью и Польшей и другими западными странами. Об этом свидетельствуют, например, много численные брачные узы, связывавшие в этот период Рюриковичей с западными владетельными родами. Да и сама антилатинская пропаганда на Руси не имела такого неистового характера, как впоследствии. Фе-досию Печерскому, видевшему в проникновении католицизма угрозу позициям православной церкви и независимости Руси, принадлежат следующие высокогуманные слова: “Милуй не токмо своея веры, но и чюжия: аще видишь нага и голодна или зимою или бедою одержима, аще то буде жидовин, или срацин, или болгарин, или еретик, или латинянин, или ото всех поганых —всякого пожалуй, и от беды избаеи я, яко можеш”⁸¹.

⁸⁰ ПСРЛ, т. I, стлб. 190

⁸¹ А. П. П. о в. Историко-литературный обзор древнерусских космических сочинений против латинян (XI—XV вв) М., 1875, гтр. 344

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КИЕВСКИЙ ПОХОД
1018 г.

Событиям Киевского похода 1018 г., о котором сохранились сведения как в русских летописных источниках, так и в источниках польского и немецкого происхождения, посвящена значительная литература. Надо заметить, однако, что, несмотря на ее обилие, ряд весьма существенных сторон событий этого юда все еще по-разному толкуется в историографии, что в известной мере определяется не только неполнотой, но и противоречивостью имеющихся в распоряжении исследователей источников.

Очень важным обстоятельством, мешавшим буржуазно-дворянским историкам правильно оценить значение Киевского похода 1018 г., был, разумеется, тот факт, что 1018 год рассматривался ими лишь как один из звеньев в якобы исконной польско-русской вражде, вспыхнувшей на почве соперничества из-за западнорусских земель еще в X в. На безусловную ошибочность и тенденциозность такого рода взглядов было указано еще в главе третьей настоящего исследования. В предшествующей главе отмечалось, что мирные русско-польские отношения в начале XI в. были чрезвычайно важным для Польши обстоятельством, серьезно облегчившим ей дело сопротивления ожесточенному натиску Империи и ее союзников. Вместе с тем было установлено, что первое польско-русское столкновение, происшедшее в 1013 г., находилось в самой тесной связи прежде всего с внутривосточным положением на Руси, где начали активно проявлять себя тенденции феодальной раздробленности.

Что события 1018 г. были развитием событий 1013 г, ни у кого не вызывает сомнений. Связь между ними легко устанавливается при знакомстве с относящимися к тому времени источниками. Однако прежде, чем непосредственно перейти к анализу Киевского похода 1018 г. и разбору высказанных в связи с его изучением

различных точек зрения в литературе предмета, необходимо все же остановиться на событиях, происшедших между 1013 и 1018 гг. на Руси, а также осветить развитие польско-русских отношений в этот промежуток времени.

К сожалению, состояние источников таково, что полной и ясной картины этого смутного времени на Руси нарисовать с полной уверенностью, по-видимому, нельзя. Связано это прежде всего с тем, что сохранившийся в русской летописи рассказ о событиях 1015—1017 гг. не просто страдает неточностями, но и выдает свою явную зависимость от значительно более позднего агиографического источника, о чем, впрочем, говорилось уже выше.

Тенденциозность летописной традиции невозможно, естественно, полностью перекрыть путем обращения к показаниям современника событий Титмара Мерзебургского, в хронике которого русские дела не являются самостоятельной сюжетной линией. Немецкого хрониста они интересовали лишь постольку, поскольку они были связаны с военно-дипломатической акцией Империи или ее противника, Древнепольского государства.

Согласно “Повести временных лет” Владимиру Святославичу помешали расправиться с взбунтовавшимся в 1014 г. Ярославом сначала болезнь, а потом и смерть. Под 1015 г. в “Повести” говорится: “Хотящю Володимеру ити на Ярослава — Ярослав же, послав за море, приведе Варягы, бояся отца своего. Но Бог не вдасть дьяволу радости, Володимеру бо разболевшюся. В се же время бяше у него Борис. Печенегом, идущем на Русь, посла противу им Бориса, сам бо боляше велми, в ней-же болести и скончася месяца нуля в 15 день”¹.

По “Повести временных лет” и по Новгородской первой летописи² Святополк в момент смерти отца, скончавшегося в своем любимом селе Берестове, находился в Киеве. Иначе описывает события Архангелогородский летописец, источник более поздний по оформлению, но сохранивший ряд древних известий³. В Архангелогород-

¹ ПСРЛ, т. I, стлб. 130.

² ...и бе Святополк Киеве. Там же. НПЛ, стр. 169.

М. Н. Т и х о м и р о в . Начало русской историографии.

ской летописи говорится: “Он же (Святополк.— В. /С) сведа, вборзе з дружиною своею приспе в Киев, и рече им (киевлянам. — В. К.): “прияите ми”, и сед на столе отчи. И созва кияны и нача даяти имение отчее”⁴. Затем во всех трех сводах помещен основанный на повести об убиении Бориса и Глеба рассказ о неприязни к Свято-полку киевлян, об их желании видеть у себя князем Бориса и кровавой расправе Святополка с братьями⁵.

Между тем летописные сведения о пребывании Святополка на свободе в Киеве в момент смерти Владимира или о захвате им Киева сразу же после кончины отца полностью опровергаются показаниями современника, на что уже обратил внимание Н. Н. Ильин⁶. Титмар определенно утверждает, что Святополк находился в этот момент в темнице и лишь позднее сумел, оставив жену, бежать из тюрьмы к своему тестю Болеславу Польскому⁷. В том, что это показание Титмара не является случайной обмолвкой, убеждает другое место из его хроники, где говорится о попытках Болеслава обменять на находившуюся в плену у Ярослава дочь захваченных им в Киеве родственников Ярослава⁸.

Но если Святополк находился в темнице, следовательно, он не мог быть тем лицом, которое постаралось скрыть на время смерти Владимира, как хочет этого “Сказание об убиении Бориса и Глеба”: “Святополк потаи смерть отца своего...”⁹. По-видимому, ближе к истине здесь русские летописи, приписывающие сокрытие смерти Владимира его боярам, настроенным неприязненно к Святополку¹⁰. В наиболее развернутом виде сведения об этом сохранились в Архангелогородском летописце: “...а бояре таиша Владимирово представление того ради, дабы не дошла весть до окаянного Святополка”¹¹.

⁴ УЛС, М.—Л, 1950, стр. 36.

⁵ ПСРЛ, т. I, стлб. 130—146; НПЛ, стр. 169—174; УЛС, стр. 36—38

⁶ Н. Н. И л ь и н . Летописная статья 6523 года..., стр. 104—105.

⁷ Post haec rex ille plenus dierum obiit, integritatem hereditatis suae duobus relinquens filiis, tercio adhuc in carcere posito, qui pos-tea elapsus coniuge ibidem relicta ad socerum fugit T h i e t m a r, L. VII, cap. 73.

⁸ Там же, VIII, cap. 33.

⁹ Д. И. А б р а м о в и ч . Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им (далее: Жития...). Пг., 1916. стр. 37.

¹⁰ ПСРЛ, т. I, стлб. 130; НПЛ, стр. 169.

¹¹ УЛС. стр. 35—36.

Если же вновь обратиться к Титмару, то можно понять и причины стремления скрыть смерть великого князя. Дело в том, что Святополк вовсе не был нелюбим киевлянами, как утверждают “Житие” Бориса и Глеба и летописи¹², а, может быть, пользовался даже в Киеве известной популярностью¹³. Во всяком случае, о преданности Святополку киевлян говорит Титмар, сообщая о его возвращении в русскую столицу¹⁴. Ход событий еще более разъяснится, если принять во внимание сведения Титмара о том, что Владимир умер, “оставив наследство свое полностью двум сыновьям” (третий — Святополк бежал в Польшу)¹⁵. Это сообщение Титмара повторяется в несколько измененном виде в другом месте его хроники. “Власть его (Владимира.— *В. К.*) была поделена между его сыновьями”¹⁶.

Итак, после смерти Владимира киевский великокняжеский стол не был захвачен Святополком, который, не получив свободы, сумел, однако, все же убежать в Польшу. При этом смерть отца постарались скрыть от арестованного, очевидно, для того, чтобы он не смог помешать разделу Древнерусского государства между двумя его братьями.

Важно подчеркнуть при этом, что Титмар дважды в своей хронике отмечает раздел Киевской Руси между сыновьями Владимира. Для него это, следовательно, было совершенно очевидно. Труднее решить вопрос о том, какие из сыновей Владимира оказались его наследниками. Помимо Ярослава, речь, кажется, может идти о еще двух сыновьях покойного киевского князя— Мстиславе Владимировиче и Борисе Владимировиче. Последний, если судить по летописи, был близок Владимиру в последние дни его жизни. Находясь на смертном одре, Владимир “печенегом, идущем на Русь,

¹² ...и не бе сердце их (киевлян.—*В. К.*) с ним (Святополком.— *В. К.*), яко братья их беша с Борисом. Д. И. Абрамович. Жития, стр. 37; ПСРЛ, т. I, стлб. 132; НПЛ, стр. 169; Архангелого-родский летописец говорит еще определеннее: “они (киевляне.— *В. К.*)... его ненавидяху...” УЛС, стр. 36.

¹³ Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года..., стр. 103.

¹⁴ ...indigenes adventare, fideles sibi apparere senior prefatus letabatur. Thietmar. L. VIII, cap. 32.

¹⁵ См. текст Титмара выше, в сноске 7.

¹⁶ Cuius potestas inter filios dividitur. Thietmar, L. VII, cap. 74.

посла противу им Бориса”¹⁷. Зато летопись определенно сообщает о разделе Руси между Ярославом и Мстиславом Владимировичами под 1026 г.¹⁸, чему предшествовали неоднократные столкновения между ними в 1023—1024 гг.¹⁹ Нужно сказать, что эти известия “Повести временных лет” не киевского и не новгородского происхождения, а, как полагает акад. М. Н. Тихомиров²⁰, возникли в среде, близкой Мстиславу Тмутараканскому. В пользу такого решения вопроса свидетельствует их общий, малоблагожелательный Ярославу и, наоборот, явно благожелательный его брату тон. Их действительно нет ни в Новгородской Первой летописи, ни в Архангелогородском летописце. Вообще вопрос о разделе Руси между наследниками Владимира очень запутан и сложен из-за явной недостаточности и противоречивости сохранившихся источников. Так, византийский хронист Кедрин, помимо Ярослава и Мстислава, называет наследником Владимира еще и Станислава. По его словам, объединение Руси под властью Ярослава произошло только после смерти этих двух его братьев²¹. Но если сохранившиеся источники не дают возможности нарисовать сколько-нибудь полной и отчетливой картины княжеских усобиц, происходивших на Руси после смерти Владимира Святославича, то их все же вполне достаточно для того, чтобы сформулировать два очень существенных для понимания предшествовавших 1018 г. событий тезиса.

1. Бежавший в 1015 г. из тюрьмы в Польшу Свято-полк не мог в том же 1015 г. быть убийцей князей Бориса и Глеба. Это не значит, конечно, что следует принять малоубедительную и основанную на интерпретации такого сложного памятника, как “Эймундова сага”²²,

¹⁷ ПСРЛ, т. I, стлб. 130, ср. НПЛ, стр. 168; УЛС, стр. 35.

¹⁸ Ярослав совокупи воя многы и приде Къгеву и створи мир с братом своим Мстиславом у Городица и разделиста по Днепр Русьскую землю. ПСРЛ, т. I, стлб. 149.

¹⁹ ПСРЛ, т. I, стлб. 147—149.

²⁰ Автор пользуется случаем, чтобы поблагодарить акад. М. Н. Тихомирова за сообщенные ему некоторые результаты подготавливаемого акад. М. Н. Тихомировым труда о древнерусском летописании.

²¹ В. В. М а в р о д и н. Образование..., стр. 365.

²² Русский перевод ее см. О. И. С е н к о в с к и и. Собр. соч., т V, СПб., 1858

гипотезу Н. Н. Ильина, полагавшего, что убийцей Бориса и Глеба был Ярослав Владимирович²³. Следует иметь в виду, что скандинавские саги — это очень сложный источник, складывавшийся на протяжении длительного времени, и поэтому опираться на их сведения при реконструкции событий политической истории слишком рискованно. Если связывать гибель этих сыновей Владимира с именем Святополка, то следует думать, что убийство их произошло гораздо позже, когда Святополк мог укрепиться с помощью Болеслава Храброго на киевском столе, т. е. в 1018—1019 гг.

2. Датированная летописью 1016 г. битва между Ярославом и Святополком²⁴ на самом деле не могла иметь места в этом году. Положение не изменится, если принять поправку Н. Н. Ильина и считать, что битва эта могла произойти уже в 1015 г.²⁵

Учитывая многослойность редакционной обработки соответствующих летописных текстов, можно предложить два возможных решения тех недоумений, которые вызывает! летописная статья 1016 г. Во-первых, в битве 1016 г. (1015 г.) решалась судьба не Ярослава и Святополка, а Ярослава и какого-то иного его соперника на Руси. Само по себе такое явление едва ли способно вызвать недоумение. В 20-х годах XI в. Ярославу Мудрому неоднократно приходилось сталкиваться со своим братом Мстиславом, а под 1021 г. летопись сообщает о конфликте Ярослава с племянником его Брячиславом, ограбившим Новгород²⁶. Произведенное Н. Н. Ильиным сопоставление летописных текстов о битве 1016 (1015) г. и о битве 1019 г. между Ярославом и Святополком показывает, однако, что летописный текст под 1019 г. не содержит каких-либо конкретных исторических сведений, а представляет собой трафаретное описание битвы, типичное для агиографических памятников. Поэтому возможно второе объяснение возникшего недоумения: в “Повести временных лет” просто дважды рассказывает-

** Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года. стр. 156—169. "ПСРЛ, т. I, стлб. 141—142; НПЛ, стр. 174—175; УЛС, стр. 38—39.

Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года, стр. 134—135, 144.

...и победы Ярослав Брячислава. а Брячислав бежа По-лотьску. ПСРЛ, т. I, стлб. 146.

ся об одном и том же событии — о битве Ярослава со Святополком в 1019 г.²⁷ Действительно в Новгородской Первой летописи о битве Ярослава со Святополком говорится лишь один раз и под 1016 г. в связи с военной помощью, оказанной новгородцами Ярославу²⁸ и полученной ими от него “Правдой”²⁹. С этой битвой летопись связывает бегство и гибель Святополка. Аналогичным образом ход событий излагается и в 3-й Псковской летописи

Все это дает основание думать, что в действительности была только одна битва между Святополком и Ярославом. Появление двух летописных статей о столкновениях Ярослава и Святополка следует³⁰ считать результатом сознательного редактирования летописного текста, предпринятым для согласования летописных известий с данными “Жития” Бориса и Глеба, изображавших Святополка убийцей своих братьев. Неслучайно местом битвы 1019 г. оказалась река Альта, где согласно “Житию” погиб Борис. Именно на месте гибели мученика должен был Ярослав отомстить за его смерть³¹. Поэтому же рассказ о действительно имевшем место сражении между Ярославом и Святополком оказался помещенным под 1016 г., так как только таким образом летописец мог наиболее убедительно доказать, что в 1015 г., когда погибли Борис и Глеб, киевским князем и их убийцей был Святополк. А. А. Зимин считает, что “Правда” Ярослава действительно была составлена в 1016 г., а появление ее было обусловлено борьбой русских князей за Киев³².

Итак, ни в 1015, ни в 1016 гг. Ярославу не приходилось вступать в битву со Святополком Владимировичем,

²⁷ Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года ..., стр. 148—149.

²⁸ И реша ему новгородци. “а мы, княже, по тебе идем”. И собра вой 4000: варяг бяшетъ тысяща, а новгородцев 3000. НПЛ, .: I, стр. 175.

²⁹ И бежа Святополк в Печенегы.. а Ярослав иде к Киеву, деде на столе отца своего Володимира; и абие нача вой свои де-лити, старостам по 10 гривен, а смердом по гривне, а новгородцом по 10 гривен вам, и отпусти их всех домов, и дав им правду, и устав списав. Там же.

³⁰ Псковские летописи, вып. 2. М., 1956, стр. 75.

³¹ Ярослав в сем месте, идеже убища Бориса, въздез руце на небо, рече: кровь брата моего вопьет к табе владыко. ПСРЛ, т. I, стлб. 144.

³² А. А. Зимин. Памятники права Киевского государства X—XII вв. М., 1952, стр. 8&—87.

которому скорее всего не только не удалось сколько-нибудь времени покняжить в Киеве, но пришлось, воспользовавшись представившимся случаем, бросив жену, бежать из темницы в Польшу. Это не значит, однако, что разделивший с одним из своих братьев отцовское наследство Ярослав не видел в Овятополке опасного противника и не принимал мер, чтобы обезвредить его. Тот факт, что приютивший Святополка Болеслав был поглощен в это время событиями на западной польской границе, несколько не ослабил энергии Ярослава. Наоборот, он постарался воспользоваться затруднениями польского князя, памятуя, возможно, о событиях 1013 г., обещавших ему вмешательство в русские дела честолюбивого и самовластного Пястовича.

О дипломатической акции Ярослава при дворе германского императора, направленной против Болеслава, рассказывает хорошо осведомленный свидетель — Титмар Мерзебургский. Соответствующий отрывок помещен Титмаром в той главе его хроники, где говорится о прибытии осенью 1017 г. в Мерзебург ко двору Генриха II польского посла с мирными предложениями от Болеслава Храброго. В словах Титмара звучит даже как бы сожаление, что события развернулись таким образом, что помогли выйти польскому князю из войны. Сказав о благосклонном приеме Генрихом II польских мирных предложений, Титмар добавляет: "... И только тогда (император.— В. К.) узнал, что король руссов, как и обещал через своего посла, напал на Болеслава, но ничего не сделал для овладения городом"³³.

Исследователи согласны в основном в том, что слова Титмара свидетельствуют о вторжении Ярослава в Польшу и об осаде им какого-то неизвестного польского города³⁴. Это находит определенное подтверждение и в русских источниках, сообщающих под 1017 г. о походе Ярослава к Берестью, т. е. в сторону польской границы³⁵.

...cesar... tune primo conperit Ruszorum regem, ut sibi per in-ternuncium promisit suum, Bolizlavum peciisse nilque ibi ad urbem possessam proficisse. Thietmar, L. VII, cap. 65.

Титмар, 140. Kijowska wyprawa Boleslawy Poznan, 1874, стр. 16—20; Ф. Я. Фортинский. Титмар Мерзебургский и его хроника, стр. 194; И. Линниченко. Взаимные отношения Руси и Польши..., стр. 84—90; Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года..., стр. 80.

³⁵ Ярослав яде к Берестию. НПЛ, стр. 180.

Слова Титмара позволяют, однако, подчеркнуть еще инициативу Ярослава, направившего своего посла в Империю. В связи с этим естественно возникает предположение, что, задумывая план союза с Империей и предпринимая при императорском дворе соответствующие дипломатические шаги, Ярослав едва ли мог полностью обойтись без посредничества Стефана Венгерского и особенно Олдржиха Чешского, бывшего непримиримым врагом Болеслава. Иными словами речь шла не только о русско-германском, но и о русско-чешском союзе. Предполагаемые оживленные связи между Ярославом и Олдржихом может быть и могут послужить тем обстоятельством, которое способно объяснить причину, по какой из всех чешских князей конца X — первой половины XI в. русская летопись отметила лишь имя Олдржиха³⁶.

Дипломатическая акция Ярослава, кажется, не ускользнула от внимания польского князя, который обратился за помощью к печенегам, побуждая их к набегам на Киев. Во всяком случае, рассказывая о движении войск Болеслава на Киев в 1018 г., Титмар замечает: “Очень сильный город Киев по наущению Болеслава стал жертвой постоянных нападений печенегов и понес большой ущерб от пожаров”³⁷. О пожарах киевских церквей сообщает под 1017 г. и “Повесть временных лет”³⁸, в то время как Архангелогородский летописец прямо отмечает под 1017 г. сильный набег печенегов. “Приидоша печенези на Киев и всекошася в Киев, и едва к вечеру победи их Ярослав, и отбегоша”³⁹.

Наряду с этими враждебными Ярославу действиями, предпринимались, однако, Болеславом и попытки достичь примирения с русским князем. Титмар упоминает о сватовстве Болеслава к близкой, судя по летописи⁴⁰⁻⁴¹, Ярославу его сестре Предславе⁴². Судя по сохранившейся-

³⁶ ПСРЛ, т. I, стлб. 126; НПЛ, стр. 167.

³⁷ *Urbs autem Kitava nimis valida ab hostibus Pedeneis ortatu Bolizlavi crebra mpugnacione concutitur et incendio gravi minora-tur. Thietmar, L. VIII, cap. 32*

³⁸ ПСРЛ, т. I, стлб. 142.

³⁹ УЛС, стр. 39 ПСРЛ, т. V, стр. 132

40-4. ПСРЛ, т. I, стлб. 140.

⁴² *Thietmar, L. VIII, cap. 32.*

ся в хронике Галла Анонима придворной польской традиции, отказ Ярослава выдать за Болеслава свою сестру вызвал страшный гнев польского князя. По Галлу, отказ этот был даже причиной киевского похода 1018 г.⁴³ В некоторых русских летописях сохранились сведения о жестоком оскорблении Болеславом Предслава после захвата им в 1018г. Киева. Так, Архангелого-родский летописец рассказывает: “Тогда Болеслав взят к себе на постелю Переславу, дочь Владимирю, сестру Ярославлю”⁴⁴. Сообщение это подтверждается и сведениями Титмара⁴⁵. Поскольку смерть Эмнильды, третьей жены Болеслава, относится к 1017 г.⁴⁶, а на четвертой — Оде он женился в феврале 1018 г.⁴⁷, к соответствующему промежутку времени и следует отнести сватовство польского князя.

1018 г. не был, таким образом, первым годом второй польско-русской войны, которая началась, во всяком случае, уже в 1017 г., причем Ярослав явно не стремился к миру с Болеславом, очевидно, не желая делиться наследством со Святополком и опасаясь повторения событий 1013 г.

Летом 1018 г. после того, когда Будишинский мир полностью развязал Болеславу Храброму руки на западе, должны были сбыться и самые худшие опасения Ярослава.

Непосредственные причины выступления Болеслава и развитие военных действий в течение его похода 1018 г. освещены, хотя и неполно, но в основном достаточно, в сохранившихся источниках. Так что исследователь имеет возможность составить себе довольно определенное представление о последовательности событий и связи

...⁴³ Ig'tur inprimis inserendum est seriei, quam gloriose et magnifice suam iniuriam de rege Ruthenorum vindicavit, qui sibi sororem dare suam in matrimonium denegavit, quod Boleslaus rex in mente ferens, cum ingenti fortitudine Ruthenorum regnum invasit. uallus Anonymus, L I, can 7
“УЛС, стр. 39.

Из восьми захваченных в Киеве сестер Ярослава “unam pnus ab eo desideratum antiquus fornicator Bolizlavus oblita con-tectali sua miuste duxerat”. Thietmar, L. VIII, cap. 32

„Y, I^D w o r z a c z e k . Genealogia, tabl. I.

⁴⁷ Thietmar, L. VIII, cap. I.

между ними Поэтому описание похода 1018 г обычно близко в существующей историографии вопроса

Главными при анализе событий Киевского похода 1018 г являются три источника

Это хроника Титмара Мерзебургского, хроника Галла Анонима и русские летописи, прежде всего, “Повесть временных лет”

Польский хронист Галл писал без малого сто лет после похода 1018 г Приблизительно к этому же времени относится русский источник в том виде, в каком он сохранился сейчас Зато Титмар Мерзебургский был со временем событий, писал со слов очевидцев и уже только по этим признакам должен бы считаться основным источником Но помимо того необходимо отметить и серьезную заинтересованность автора в польских делах, а в связи с ними и в русских Так, начиная свой рассказ о киевском походе 1018 г, он замечает “Не подобает умолчать о печальной потере, случившейся на Руси”⁴⁸

Сказанное выше не значит, конечно, что другие источники, Аноним Галл и русская летописная традиция не имеют никакого значения для исследователя Несмотря на свою очевидную тенденциозность, они все же в некоторых существенных случаях дополняют рассказ Титмара Что касается летописи, то ей нельзя даже поставить в упрек какую либо особую симпатию к Яро славу Ее рассказ о походе 1018 г звучит достаточно объективно И если можно говорить о четко выраженной тенденциозности летописи, то она, конечно, распространяется на Святополка, а не на Болеслава, который называется даже “великим” и которому русский книжник не думал отказывать ни в уме, ни в храбрости⁴⁹. Неизмеримо более тенденциозен польский хронист начала XII в, не скрывающий, кстати говоря, своего высокомерного отношения к противнику Болеслава Поэтому в основу последующего изложения положены автором настоящей работы современные событиям известия Титмара, дополняемые сведениями русских и польских источников лишь в том случае, когда они явно не противоречат показаниям современника

⁴⁸ Nee tacendum est, quod in Ruscia contigit lugubre damnum Thletmar L VIII, cap 31

⁴⁹ ПСРЛ, т I, стлб 143, 149

Сведения других немецких источников⁵⁰, помимо Тит-мара не имеют никакого самостоятельного значения⁵¹

Болеслав Храбрый, очевидно, довольно основательно подготовился к далекому походу Помимо тех сил, которыми он располагал в Польше, польский князь сумел заручиться поддержкой Империи, Венгрии и печенегов. Поддержка эта была по тому времени довольно значительной, 300 немцев, 500 венгров и 1000 печенегов⁵² Особенно показательно присутствие в польском войске венгров Из этого факта можно делать вывод, что польско-венгерское соперничество из за словацких земель к 1013 г оказалось уже пройденным этапом⁵³ Тем большее внимание обращает на себя то обстоятельство, что на стороне Болеслава Храброго не выступил такой союзник Империи в период польско германских войн 1003—1018 гг, как Чехия Очевидно, противоречия между польскими и чешскими феодалами, их соперничество из-за Моравии были настолько ожесточенными, что договориться о совместной военной акции не было никакой возможности Иными словами, можно думать, что предполагаемый чешско-русский союз, заключенный Олдржихом Чешским, сохранялся в силе, хотя военные действия на западе бьмги прерваны

Активности и успехам польской дипломатии в Буди-шине определенно благоприятствовали такие объективные обстоятельства как затруднения Империи на Западе, в Бургундии и особенно, в Италии, где крупные военные действия предприняла Византийская империя На обстоятельство это обратил уже (внимание С Закшев-ский⁵⁴, а в последнее время связь Будишинских переговоров с положением в Италии подробно исследовал А.Ф. Грабский, подчеркнувший наличие русских военных формирований в войске Василия II в Италии⁵⁵ По-

⁵⁰ Например, Annales Quedlmburgenses MGHSS, t III сообщают о киевском походе под 1019 г J Karłowicz Kijowska wyprawa, стр. 5 Fuerant in auxilio predicti ducis ex parte nostra trecenti et ex Unganis quingenti, ex Petreis autem mille vin Thietmar, L VIII, сэр ол ffFrHruSovskiy Boleslav Chrabry a Slovensko, стр. 482 и др. ⁵¹ Z * nkrzewski Boleslaw Chrobry Wielki, стр. 291. о, ^ Грабский Польско византийские отношения, стр. 181 о русских частях на византийской службе см также в о а с и л ь е в с к и й Варяго русская и варяго английская дружина

мимо того, перед Империей вновь возникла угроза возобновления борьбы с языческими лютичами.

Все это создало такие условия, что в Германии начали вновь подымать голову те феодальные круги, которые сочувствовали политическим планам покойного Оттона III⁵⁶.

Заинтересованность Империи в Киевском походе подтверждается не только присутствием в польском войске немецкого вспомогательного отряда. Не случайно, что после вступления в Киев к Генриху II было отправлено посольство с богатыми дарами и предложением в дальнейшем выполнять все желания императора⁵⁷. Очевидно, Болеслав Храбрый заботился о сохранении видимости совместной акции Польши и Империи против Руси и Византии. Видимость эта была соблюдена.

Слова Титмара о том, что поход был предпринят по немецкому наущению, свидетельствуют даже о какой-то договоренности между Болеславом и Империей по киевскому вопросу⁵⁸.

Обстоятельства похода и завоевания Киева в целом совпадают у Титмара и в русской летописи. Последовательность событий представляется в следующем виде: войска противников встречаются у Буга, река разделяет их. Насмешки с русской стороны вызывают поляков к немедленной переправе (Титмар сообщает, что Болеслав I до этого начал постройку мостов), затем следует битва 22 августа 1018 г., которую Ярослав проигрывает, и его побег⁵⁹. Сообщения Титмара в этом месте несколько разнятся от летописных в том смысле, что у него

в Константинополе Труды, т. I. СПб, 1908; М В Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений (далее. Очерки) М, 1956, стр 387—390.

⁵⁶ S Z a k r z e w s k i Boleslaw Chrobry Wielki, стр 294

⁵⁷ Post haec dilectum abbatem suum Tuni ad nostrum imperato-rem cum magnis muneribus misit, ut suam amplius gratiam et auxili-um acquireret et se cuncta sibi placencia facturum indicaret. T h i e t m a r, L VIII, cap 33

⁵⁸ Bolizlavus namque eam (Русь — В К) grandi exercitu peciit multumque ei nostro famine nocuit. T h i e t m a r, L VIII, cap 31.

⁵⁹ Приде Болеслав с Святополкомъ на Ярослава с Ляхы Ярослав же, совокупив Русь и Варягы и Словене, поиде противу Болеславу и Святополку и приде Волыню И сташа обапол реки Буга, и бе у Ярослава кормилець и воевода именовъ Буды, нача укарятъ Болеслава, глаголя, да и то ти прободем трескою череву твое толь-стое, бе бо Болеслав велик и тяжек, яко и на кони не могы седе-

вызов к битве идет не с русской, а с польской стороны⁶⁰. Однако поскольку дело касается устной и притом “е одновременной традиции, разница эта не может считаться существенной. Во всяком случае, победа Болеслава была полной.

Летопись сообщает, что Ярославу удалось бежать всего с четырьмя людьми и вслед затем идет следующее известие: “Болеслав же вниде в Киев с Святополком”⁶¹. Следовательно, никакого сопротивления до самого Киева уже больше не было, что подтверждается и сведениями Титмара.

В настоящем исследовании нет нужды производить специальное изучение маршрута движения войск Болеслава от Буга к столице Древнерусского государства. После соответствующих польских и немецких исследований вопрос этот можно считать разработанным с достаточной полнотой⁶². Переправившись через Буг в районе между Корытницей и Кристинополем, Болеслав двинулся далее на Киев приблизительно по линии Владимир Волынский — Олыка — Дорогобуж — Радомышль — Белгород.

Более важным в данный момент представляется указать на другое. Сообщения Титмара Мерзебургского Жвно свидетельствуют о том, что в борьбе Святополка с Ярославом дело не сводилось просто к иноземном) вме-

ти, но баше смыслень И рече Болеслав к дружине своей, аще вы сего укора не жаль, аз един погыну Всед на конь, вбрде в реку и по немь вой его Ярослав же не утягну исполчитися, и победи Болеслав Ярослава, Ярослав же убежа с 4-ми мужи Новугороду ПСРЛ, т. I, стлб. 142—143

⁶⁰ Mense etenim Julio et XI Kal. Aug predictus dux ad quendam fluvium veniens ibidem exercitum suimet castra metan pontesque ne-cessarios parare iubet. Juxta quern rex Ruscorum cum suis sedens fu-turum duelli invicem condicti eventum solhcitus expectabat Interim Poleniorum provocacione hostis presens ad bellum excitatur et ab amne, quern tuebatur, ex inopinata prospentate fugatur Ex hoc rumo-re Bolizlavus extolhtur et consocios parari et accelerare rogans fluvium, etsi laboriosef velociter transcendit. Inimica autem acies contra turmatim ordinata patriam defendere suam nititur Namque in primo conflictu cedit ac numquam postea fortiter resistit. T h i e t m a r, L. VIII, cap. 31.

£ ПСРЛ, т. I, стлб. 143

/-и W, A, J a k i m o w i c z . Szlak wyprawy kijowskiej Bolesława Uirobrego w swietle archeologii (далее: Szlak wyprawy kijowskiej). Rocznik Wolynski, t. III. Luck, 1936, стр 10—104; G. R o h d e Die usthrenze Polens, стр. 62.

шательству. Титмар юпределенно говорит, что после битвы на Буге Болеслав “принимался всюду жителями с большими дарами и честью”⁶³. В этой связи привлекает к себе внимание и другое сообщение Титмара, разрывающее его рассказ о походе Болеслава: “Между тем Ярослав захватил силой один град, послушный его брату, и увел его жителей”⁶⁴.

Далее, летопись молчит об обороне Киева и об наступающих Болеславе и Святополке Титмар сообщает, правда, об обороне столицы от печенегов, которых подбил на выступление против Руси Болеслав, но вслед за тем пишет о том, что она скоро (14 сентября) вынуждена была открыть ворота перед завоевателями, объясняя это бегством Ярослава и страхом перед союзниками Болеслава и Святополка — немецкими рыцарями⁶⁵. И сразу же хронист переходит к описанию торжественной встречи киевским духовенством победителей в Св. Софии и рассказывает о поднесении Болеславу пышных даров, которые он распределил среди своих союзников и любимцев и отослал в Польшу⁶⁶.

Если рассуждения Титмара о страхе перед немецким рыцарством можно уверенно истолковать как тщеславное бахвальство немецкого хрониста, то остальные его сведения представляют существенный интерес. Они определенно свидетельствуют, что и у Святополка были свои сторонники на Руси, причем >не только среди феодальных верхов, но и среди горожан. Важно также, что, судя по Титмару, Святополк не был еще “окаянным” в глазах даже киевского духовенства.

В сообщениях Титмара обращает на себя внимание только еще одна деталь: “Оборонялся он (Киев.— В. К.)

⁶³ et ab incohis omnibus suscipitur multisque munibus honoratur Thietmar, L VIII, cap 31

⁶⁴ Interea quedam civitas fratn suo tune obediens a Janzlavo vi capitur, et habitator eiusdem abducitur. Thietmar, L VIII, cap 32

⁶⁵ Defensa est autem ab suis habitatonibus, sed celenter patuit extraneis vinbus, namque a rege suo in fugam verso rehcta XIX Kal Sept Bolizlavum et quem diu amiserat Zentepulcum seniore suum, cuius gratia et nostrorum timore omnis hec regio conversa est, suscepit Thietmar, L. VIII, cap. 32

⁶⁶ Archiepiscopus civitatis illius cum reliquiis sanctorum et ceteris ornatibus diversis hos advenientes honoravit in sancto monasterio Sofhia. Ineffabilis ibi pecunia ei ostenditur, cuius magna pars hospitiibus suis ac fautoribus distribuitur, quedam vero ad patriam mittitur Там же

собственными жителями, но вскоре был принужден чужим мужам открыть ворота, ибо оставленный своим королем спасающимся бегством...”⁶⁷, не имел выбора и должен был принять завоевателей. Можно ли, опираясь “а это сообщение Титмара, предположить, что Ярославу, несмотря на поражение, удалось все-таки сохранить часть своих сил и временно укрыться в Киеве и что только после его вторичного бегства Киев перешел в руки победителей? К сожалению, слова хрониста не настолько определены, чтобы можно было на них строить обоснованный вывод. Выводу этому противоречит летопись. Зато его как будто подтверждает Аноним Галл

Походу Болеслава Храброго у него посвящены две никак не связанные между собой главы первой книги —

7 и 10. Между ними стоят сообщения, не имеющие к походу никакого отношения Галл да! же и не пытается как-нибудь связать эти два свои рассказа, по всей вероятности, основанные на устной дружинной или придворной традиции.

Обращаясь к сообщениям Галла о походе 1018 г., прежде всего надо отметить, что события, рассказанные в 10 гл., т. е. после описания похода в целом, совпадают в основном с событиями битвы на реке Буг в передаче Титмара и летописи.

По словам хроники, во время одного из походов Болеслава Храброго войска его встретились с русскими отрядами при неизвестной реке. Очевидно, это — Буг русской летописи. Но у Галла есть одна подробность, не засвидетельствованная другими источниками. Дело в том, что поход поляков совпадает с каким-то походом русского князя, так что в то время как польские войска оказываются на русском берегу реки, русские располагаются на польском. Битва разыгрывается и у Галла вследствие перебранки и поддразнивания со стороны русских. Только в несколько ином варианте: пока дружина Храброго отдыхает после веселой пирушки, челядь обозная возится у реки со всякими своими делами.

8 это время начинается перебранка. Раздраженная челядь хватается за оружие спящих и вплавь перебирается через реку. Завязывается ожесточенная битва. В это

⁶⁷ Defense est autem ab suis habitatonibus, sed celeriter patuit extraneis viribus, namque a rege suo in fugam verso relicta. Thietmar, L. VIII, cap 32

время просыпается дружина и тоже вступает в бой. В результате русские разбиты и спасаются бегством.

Рассказ в целом очень близок к сообщениям других источников, только разбавлен большим количеством разных анекдотических деталей, не представляющих самостоятельного интереса. Во главе сражающихся и у Галла стоят князья. Это — Болеслав I и Ярослав.

Расхождение в описании расположения 'противников, отмеченное выше, может быть находит свое объяснение в факте наличия войны между обоими государствами перед самым киевским походом 1018 г. Этот факт и превратился в устной традиции в расцвеченный фантазией рассказ о том, как в поход выступили оба противника одновременно, причем ничего не подозревая друг о друге⁶⁸.

Теперь следует обратиться к 7 главе первой книги хроники, посвященной специально походу 1018 г.

Описание его начинается с краткого сообщения о пограничном столкновении и победе над неприятелем, не решившимся дать настоящий отпор. Об этом пограничном столкновении более подробно рассказывается в 10 главе той же хроники. Затем следует рассказе быстром марше на Киев, без осады городов и взимания дани⁶⁹. Пока все у Галла изложено относительно близко к двум другим источникам. Поспешность Болеслава I объясняется в хронике стремлением захватить в первую очередь князя и столицу⁷⁰. Следовательно, Ярослав в этот момент находился в Киеве. Галл, следуя за своими источниками, передает далее абсолютно анекдотический рассказ о том, как Ярослав с тупым видом во время рыбной ловли получил в лодке известия о поражениях, а затем, отчаявшись в возможности сопротивляться и чуть ли не открыто насмехаясь над собой, предался позорному бегству. Источник Галла в этом месте более чем очевиден. Это польская дружинная традиция, стремящаяся представить Ярослава в таком смешном и глупом виде. В связи с этим стоят и противоречия данных 7 главы с

⁶⁸ Contigit namque uno eodemque tempore Bolezlauum regem Ru-siam, Ruthenorum vero regem Poloniam utroque de altero nesciente hostiliter introisse... Gallus Anonymus L. I, cap. 10.

⁶⁹ Nee statim tamen hostili more civitates capiendo, vel pecuniam congregando suum iter retardavit. Там же, L. I, cap. 7.

⁷⁰ ut... regni simul et regem caperet...

данными уже разобранный 10. Бросается в глаза отсутствие князя Ярослава во время пограничного столкновения, отсутствие какой-либо попытки к сопротивлению с его стороны. Между тем об участии Ярослава в битве на Буге есть сведения не только в хронике Титмара и в летописи, но и у самого же Галла в 10 главе его хроники.

В конце 7 главы Галл снова рассказывает о битве между Ярославом и Болеславом на реке Буг, относя ее на этот раз ко времени возвращения Болеслава из Киева в Польшу⁷¹. Несомненно, однако, что речь здесь идет опять об августовской битве 1018 г. Конструировать на основании этого сообщения Галла новый этап борьбы между Ярославом и Болеславом, как это делает И. Лин-ниченко⁷², нет никаких оснований. Не в интересах Ярослава было в тот момент преследовать Болеслава и рисковать поражением, оставляя Святополка спокойно накапливать силы в Киеве.

Стремлением очернить и высмеять противника, характерным для этого раздела хроники, объясняется и то обстоятельство, что захват Киева, по Галлу, обходится без всякого, даже самого малейшего сопротивления⁷³. Итак, даже если отступление Ярослава к Киеву и подтверждается Галлом Анонимом, то все же явная неточность и противоречивость использованной им устной традиции с характерными для нее анекдотическими элементами при явном пренебрежении к противнику исключают возможность опираться на его хронику в этом вопросе.

По вопросу о целях и результатах Киевского похода в литературе существует целый ряд иногда исключаящих друг друга точек зрения. И в старой и в новой историо-

⁷¹ *Pium itaque cum ingenti gaudio et pecunia remeantem iamque Pploniae finibus propinquantem rex Ruthenorum fugitivus collectis viribus ducum Rulhenorum cum Plaucis et Pincinaticis a tergo subse-quitur et ad fluvium Bugam comittere certus de victoria conatur.* Gal-lus Anonymus. L. I, cap. 7.

⁷² И. Л и н н и ч е н к о. Взаимные отношения Руси и Польши, стр. 98.

⁷³ *At Bolezlaus nullo sibi resistente civitatem magnam et opulen-tam ingrediens.* Там же, L. I, cap. 7.

графин, наряду с мотивами личной мести, обычно подчеркивается захват Болеславом Червенских городов как цель его похода на Киев⁷⁴. Эту точку зрения можно считать господствующей в настоящий момент как в советской, так и в польской литературе⁷⁵. Наряду с ней делались попытки связать Киевский поход с широкой западнославянской политикой польского князя. Следовательно, ставился вопрос о политическом подчинении Киевской Руси как цели Болеслава Храброго в 1018 г.⁷⁶ Вместе с тем раздавались и раздаются голоса в пользу того, что действия Болеслава в 1018 г. диктовались главным образом его семейными, династическими соображениями⁷⁷. Нет среди историков единой точки зрения и на исход военных действий 1018 г. В то время как одни исследователи полагают, что поход Болеслава I завершился его добровольным уходом в Польшу⁷⁸, другие — и их большинство — пишут о народном восстании и изгнании из Киева отрядов польского князя⁷⁹.

Но прежде чем попытаться формулировать ответы на все эти поставленные предшествующей историографией вопросы, следует, как кажется, вновь обратиться к источникам, чтобы проанализировать политику, проводившуюся на Руси Болеславом Храбрым.

Здесь прежде всего обращает на себя внимание следующий факт, хорошо подтверждаемый источниками.

⁷⁴ М. Грушевський. Історія України — Руси, т. II, Львів, 1905, стр. 11—81; В. И. Пичета. Образование Польского государства, стр. 66—67; Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 386; M. Z. Jedlicki (Kronika Thietmara), стр. 619, прим. 157; G. Rohde. Ostgrenze Polens..., стр. 62—63 и др.

⁷⁵ Очерки истории СССР, IX—XV вв., ч. I, стр. 169; Нариси ста-родавньо! історії Українсько! РСР, стр. 548; Historia Polski, t. I, cz. I, PWN, стр. 198.

⁷⁶ Ф. Успенский. Первые славянские монархии..., стр. 260; История Польши, т. I, М., 1954, стр. 46; В. Д. Королюк. Древне-польское государство, стр. 163.

⁷⁷ S. Zakrzewski. Bolesław Chrobry Wielki, S. M. стр. 300; Kuczynski. Stosunki polsko-ruskie..., стр.

245.⁷⁸ J. Karłowicz. Kijowska wyprawa..., стр. 16—20; Ни И. Ли чеико. Взаимные отношения Руси и Польши..., Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года..., стр. 111; В. Д. н-стр. Королюк. Древнепольское государство, стр. 163.

⁷⁹ Ф. Успенский. Первые славянские монархии..., стр. 260—261; Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 386—388; В. И. Пичета. Образование Польского государства, стр. 66—67; см. также сноску⁷⁵.

С завоеванием Киева Болеслав I считал законченным свое участие в военных действиях на Руси. Нет никаких признаков интереса его к делам тмутараканским. Болеслав не думал и о походе на Новгород, о чем свидетельствует факт отправления им к Ярославу посольства с предложением обмена своей дочери, находящейся в плену у Ярослава, на его семью, оставшуюся в Киеве⁸⁰. Чрезвычайно показательным при этом, что в качестве посла направляется к Ярославу глава русского духовенства. Очевидно, речь шла о серьезных переговорах, и с Ярославом считались как с важной политической фигурой.

Не менее важно в этой связи и другое обстоятельство. По словам Титмара, сразу же после захвата Киева, Святополк отослал вспомогательные союзные войска — немцев, венгров, печенегов — одарив их богатыми дарами, по домам, будучи уверенным в благожелательном отношении киевлян⁸¹. Сделать это без воли Болеслава Святополк, разумеется, не мог. Очевидно, ни он, ни Болеслав, действительно, не видели больше нужды в союзниках, а следовательно, не намеревались идти новым походом на Ярослава, бежавшего в Новгород.

Все это, конечно, только подтверждает сделанный выше вывод о серьезном значении, которое придавалось Болеславом и Святополком переговорам с Ярославом.

Трудно предполагать при этом, что Святополк мог строить себе какие-либо иллюзии относительно позиции новгородских феодалов и горожан по отношению к Ярославу, хотя, конечно, он и не мог знать о размерах той помощи, которую они оказали Ярославу впоследствии. Судя по летописи, «Ярославу же прибежшю Нову-городу и хотяше бежати за море. И посадник Косня-тин, сын Добрынь, с Новгородци расekoша лодье Ярославле, рекуще, хочем ся и еще бита с Болеславом и Святополком. Начаша скот събирати: от мужа тю 4 куны а от старост по 10 гривн, а от бояр по 13 гривн.

⁸⁰• Hac elatus prosperitate Bolizlavus archiepiscopum predictae se-Ois ad Janzlavum misit, qui ab eo filiam suimet reduci peteret et uxorem suam cum noverca et consorioribus reddi promitteret. Thietmar, L. VIII, cap. 33.
⁸¹ Omnes hij tune domum remittebantur, cum indigenes adventare lideles sibi apparere senior prefatus letabatur. Thietmar, L. VIII, cap. 02.

И приведоша Варягы и вдаша им скот, и совокупи Ярослав вой многы”⁸².

Что касается отправки домой союзников, то поспешили с ней, очевидно, прежде всего учитывая сложности и неудобства пребывания разнuzданных иностранных отрядов в многолюдном и богатом городе. Столица Древней Руси на самом деле, судя по словам Титмара Мерзе-бургского, составлявшего свой рассказ о походе 1018 г. на основе рассказов очевидцев, произвела огромное впечатление на немецких участников войны. Перед ними был величайший город Европы, с огромным по тому времени количеством населения, город не только невиданной в соседних западнославянских странах роскоши и богатства, но и действительно крупнейший центр ремесла и торговли. Титмар упоминает о свыше чем четырехстах церквах, восьми рынках и бесчисленном населении, которое по словам Титмара, в основном состояло из <беглых рабов”⁸³ (имеются в виду, вероятно, беглые крестьяне). При таких условиях нельзя было не опасаться военных насилий и грабежей, способных вызвать народное возмущение. А люд киевский, по словам самого же Титмара, умел оказывать сопротивление врагу.

Но если Болеславом не делалось никаких приготовлений к продолжению борьбы с Ярославом, то он много уделял внимания вопросам отношений с Германией и Византией. Об этом свидетельствует посольство *аббата* Туни, которое было отправлено к императору Генриху II вслед за отпуском иностранных союзников. Отсюда же из Киева, было выслано Болеславом второе посольство — к византийскому императору Василию II Болгаробойце. Болеслав заверял Василия через послов в том, что желает быть ему верным другом, одновременно угрожая ему враждой на случай его отказа от сотрудничества⁸⁴.

⁸² ПСРЛ, т. I, стлб 143.

⁸³ In magna hac civitate, que istius regni caput est, plusquam quadringente habentur ecclesie et mercatus VIII, populi autem ignota manus; quae sicut omnis haec provincia, ex fugitivorum robore servorum hue undique confluencium et maxime ex velocibus Dams, multum se nocentibus Pecinegis hactenus resistebat et alios vincebat. Thietmar, L. VIII, cap. 32.

⁸⁴ Ad Creciam quoque sibi proximam nuncios misit, qui eiusdem imperatori bona, si vellet fidelis amicus haben, promitterent; sin autem, hostem firmissimum ac invincibilem fieri intimarent. Thietmar, L. VIII, cap. 33

Как предполагает А. Ф. Грабский⁸⁵, целью этого посольства было добиться отзыва русских союзных войск из Италии, что отвечало бы плану Генриха II и передало бы дополнительные военные ресурсы в руки Святополка, и установление непосредственных дипломатических контактов с константинопольским двором. Тот факт, что сын Болеслава, Мешко II, изучал греческий язык⁸⁶, укрепляет, по мнению исследователя, его последнее предположение. Помимо дипломатических, однако, могли иметься в данном случае и не упускавшиеся из виду феодальными владыками экономические соображения. Начавшийся в конце X в. упадок арабской торговли, приносившей странам Восточной «Северной Европы серебряные дир-геми, упадок, обусловленный успехами турок-сельджуков в Иране⁸⁷, естественно вызывал повышенный интерес к торговле с Византией.

Наконец, последнее обстоятельство, указывающее на то, что в Киеве Болеслав отнюдь не занимал свое воображение планами продолжения войны с Ярославом. По мнению Я. Карловича, польский князь пробыл в древнерусской столице всего около месяца⁸⁸. С. Закшевский думает, что пребывание Болеслава в Киеве затянулось на несколько больший срок⁸⁹. Однако он не мог быть все же намного большим, потому что Титмар, умерший в декабре 1018 г., успел отметить в своей хронике возвращение Болеслава Храброго в Польшу⁹⁰.

Из того, что было сказано выше, вытекает следующий вывод. Добиваясь для Святополка киевского стола, Болеслав Храбрый отнюдь не стремился сделать его «самовластием» Русской земли. Для него, вероятно, было выгодней сохранить на Руси такое положение, при котором в Дальнейшем Древнепольскому государству пришлось бы иметь дело не с одним сосредоточившим в своих руках всю верховную власть князем, каким был, например, Владимир Овятославич, а с 1036 г. Ярослав Мудрый⁹¹,

А. Ф. Грабский. По поводу польско-византийских отношений, стр. 182

⁸⁶ МРН, т. I, стр. 323.

⁸⁷ K. Gorski. Polska w zlewisku Baltyku, стр. 35; R. Kier-Snołkowski, Począłi peniadza polskiego..., стр. 55.

J. Karłowicz. Kijowska wyprawa..., стр. 20.

⁸⁸ S. Zakrzewski. Bolesław Chrobry Wielki, стр. 303

⁸⁹ Thietmar, L. VII, cap. 65

⁹¹ ПСРЛ, т. I, стлб. 150.

а с двумя или, может быть, даже тремя относительно равносильными властителями.

В источниках сохранились, однако, свидетельства, опираясь на которые можно было бы, как полагали некоторые исследователи⁹², говорить о более широких и честолюбивых планах польского князя, об его намерении присвоить себе верховную власть на Руси. Речь идет о некоторых русских источниках и хронике Галла Анонима.

В Софийской I и Новгородской 4 летописях есть одно место, отсутствующее в “Повести временных лет”, которое как будто бы прямо говорит даже о перенесении Болеславом столицы в Киев: “И седе (Болеслав.— В. К.) на столе Володимире. И тогда Болеслав положи себе на ложи Передславу, дочь Володимерю, сестру Ярославлю”⁹³. А. А. Шахматов считает, что это место попало в общерусский свод 1448 г. в конечном счете из несохранившегося жития Антония, составленного несколько позже 1072—1073 гг.⁹⁴

Очень важно, кстати говоря, что аналогичное сообщение имеется и в Архангелогородском летописце, сохранившем в позднейшем литературном оформлении некоторые древние, отсутствующие в Лаврентьевской летописи сведения: “...Болеслав ...седе на столе Владимири. Тогда Болеслав взял к себе на постелю Переславу, дочь Владимирию, сестру Ярославлю”⁹⁵.

В этой связи приобретают определенный смысл и слова Галла Анонима о том, что, вступая в Киев, Болеслав ударил мечом по Золотым Воротам⁹⁶.

В таком случае становится понятным иначе лишенное логики сообщение “Повести временных лет” об организации Святополком восстания киевлян против польских войск. Сообщение это сохранилось и в ряде других, более поздних летописных сводов. Вот оно: “Болеслав же бе Кыеве седа, оканьный же Святополк рече: “елико же ляхов то городу, избивайте я”; и избиша ляхы. Болеслав же побеже ис Кыева, възма именье и

⁹² См. сноску 76.

⁹³ ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 1. Пг, 1915, стлб. 108; ПСРЛ, т. СПб, V. 1851, стр. 132.

⁹⁴ А. А. Шахматов. Разыскания, стр. 260, 279.

⁹⁵ УЛС, стр. 39.

⁹⁶ ...et evaginato gladio in auream portam percuciens... Galltis Anonymus, L. I, cap. 7,

бояры Ярославле и сестре егоиНастаса пристани деся-тиньнаго ко имению, бе бо ся ему вверил лествю и лю-дии множество веде с собою и города Червенския зая себе и приде в свою землю⁹⁷. Любопытно, что Архан-гблогородский летописец, как и Новгородская 4 летопись, именует при этом Святополка не “окаянным”, а “безумным”.

Итак, судя по приведенным источникам, выступление Святополка против Болеслава явилось результатом попыток польского князя присвоить киевский великокняжеский стол. Таким образом, казалось бы, поведению Святополка нельзя отказать в определенной логике. Зато вызывают законное недоумение некоторые детали в приведенных цитатах. Во-первых, увод многочисленных пленников и богатой добычи как будто бы не согласуется с фактом избиения поляков и необходимо последовавшей бы в таком случае паники или, по крайней мере, растерянности и поспешности.

Если Болеслав на самом деле захватил столь большую добычу, очевидно, он имел достаточно времени, чтобы как следует подготовиться к отступлению, привести в порядок все свои дела и даже по дороге присоединить к своему государству Червенские города. Между тем, можно считать абсолютно доказанным, что Болеслав пробыл в Киеве очень недолго. Показания Галла Анонима о десятимесячном пребывании польского князя в русской столице⁹⁸, без всякого сомнения, являются результатом смешения в его рассказе обстоятельств Киевского похода 1018 г. с обстоятельствами аналогичного похода Болеслава II в 1069 г."

Зато определенный Я. Карловичем срок пребывания Болеслава Храброго в Киеве приблизительно в месяц полностью подтверждается Архангелогородским летописцем, в котором оказано: “А Болеслав, княжив в Киеве месяц един, и рече кияном: “разведите мои вой по градом своим и кормите их”¹⁰⁰.

⁹⁷ ПСРЛ, т. I, стлб. 143—144; ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып I, стлб. 108; УЛС, стр. 39—40; ПСРЛ, т. V, стр 132—133.

⁹⁸ Igitur rex Volezlauus urbe ditissima regnoque Ruthenorum po-fentissimo decem mensibus potitus... Gallus Anonymus, L. I, cap.

7, J. K a r l o w i c z . Kijowska wyprawa..., стр. 19; И. Л и н и и - ч е н к о . Взаимные отношения Руси и Польши..., стр. 109.

¹⁰⁰ УЛС, стр. 39,

Во-вторых, в цитируемых отрывках выступление Святополка и киевлян против Болеслава непонятным образом увязывается с превращением в наложницу Болеслава Предславы — сестры Ярослава и Святополка, судя по летописи, очень близкой к Ярославу.

В-третьих, трудно предполагать, что сам Святополк, пробыв в Киеве около месяца, мог почувствовать себя достаточно сильным, чтобы выступить открыто против Болеслава, имея за спиной Ярослава, лихорадочно готовившегося к борьбе в Новгороде.

Вопрос о столкновении Болеслава со Святополком в Киеве и изгнании оттуда польского инзя решается значительно проще. Он решается на основании совершенно прямых, исключаящих какие-либо косвенные толкования, показаний современника событий Титмара Мерзебургского, который говорит о “веселом” возвращении Болеслава¹⁰¹.

Итак, Болеслав I не был изгнан, а покинул Киев по собственному почину.

Что же касается летописного сообщения об избиении его отрядов в 1018 г., то, по мнению Я. Карловича и И. Линниченко¹⁰², оно навеяно событиями 1069 г., походом Болеслава II на Киев и действительно имевшим место восстанием против него киевского населения¹⁰³. Такой же точки зрения придерживался и А. А. Шахматов.

Предпринимая реконструкцию древнейшего Киевского свода¹⁰⁴, он тоже считает этот эпизод позднейшей вставкой, связанной с воспоминаниями о 1069 г.¹⁰⁵

Но если не было изгнания Болеслава из Киева и не было его конфликта со Святополком, то естественно возникает и следующий вопрос. Вправе ли исследователь толковать слова летописи: “И седе (Болеслав.— В. К.) на столе Володимире” как указание на намерение Болеслава присвоить себе киевский великокняжеский стол,

¹⁰¹ Hums regnum prefatus dux postea cum exercitu invadens generum suimet et fratrem eius dm expulsus inthronizavit et hilaris rednt Thietmar, L. VII, cap. 65

¹⁰² J. Karłowicz. Kijowska wyprawa..., стр. 19; И. Линниченко Взаимные отношения Руси и Польши, стр. 94.

¹⁰³ ПСРЛ, т. I, стлб. 173—174.

¹⁰⁴ Подробнее о древнейшем своде 1037—1039 гг см выше.

¹⁰⁵ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 440.

перенести в Киев столицу или иначе как-либо объединить Русь с Польшей в одно государство?

Думается, что ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. В этом убеждает тщательный анализ показаний современного событиям источника, показаний, которые прямо исключают такое решение вопроса. Тит-мар сообщает не просто о счастливом возвращении домой Болеслава, но и о том, что Болеслав “возвел на стгол его (Ярослава. — *В. К.*) брата и своего зятя” Святополка^{106*}. Вместе с тем мерзбургский епископ определенно считает, что именно Святополк, прибывший в Киев, и есть! *senior russicus*¹⁰⁷. Показательно также, что о передаче! Святополку Болеславом власти в Киеве говорит и Галл Аноним, пугая, правда, при этом события 1018 и 1069 гг. в своем рассказе о десятилетнем пребывании Болеслава I в Киеве и на Руси¹⁰⁸. Он же упоминает о дани; которую обязана была, якобы, уплачивать Русь Польше¹⁰⁹.

Все это не значит, конечно, что слова летописцев: “И седе (Болеслав. — *В. К.*) на столе Володимере” являются просто вымыслом. Честолюбивый и высокомерный, судя по источникам “старый блудник” (*anticuus fornicator*), как его называет Титмар, Болеслав, сделав своей наложницей Предславу, мог себе, конечно, позволить и такую вольность, чтобы усесться на столе Владимира, оскорбляя и своего союзника и своего противника (может быть отсюда и слова Галла Анонима о том, что Болеслав поставил Святополка “на свое место”)¹¹⁰. Факт этот мог сохраниться в памяти потомства как на Руси, так и в Польше, но не он определял планы и задачи Болеслава в 1018 г.

Итак, заканчивая анализ всех рассмотренных источников следует подчеркнуть важнейшие его итоги. Конечно, правы те исследователи, которые полагали, что, двинувшись на Киев, Болеслав не только мстил за отказ

^{106*} См. текст Титмара в сноске 101.

¹⁰⁷ Thietmar, L. VIII, cap. 32.

¹⁰⁸ Undecimo vero mense, quia regna quam plurima tenebat et **puerum** ad regnandum Meschonem adhuc ydoneum non videbat loco sin quodam ibi Rutheno sui generis in domum constitute, cum the-zauro residue Poloniam remeabat. Callus Anonymus, L. I, cap. 7.

¹⁰⁹ Ex eo autem tempore Rusia Polonie vestigalis diu fuit.

¹¹⁰ См. текст Галла в сноске 108.

выдать за пего замуж Предславу и за арест своей дочери и зятя. Конечно, польского князя прельщала перспектива пограбить богатую Русь и его столицу, добраться до сокровищницы русских великих князей, тем более, что военная добыча была важным средством для содержания его многочисленной дружины¹¹¹. По-видимому, со-

вершенно правы те исследователи одну из задач похода 1018 г. в захвате Червенских городов, являвшихся важным узлом международных транзитных¹¹² которые видят путей с Востока в Центральную и Западную Европу и к побережью Балтийского моря. Не исключено при этом, что Червенские города были захвачены Болеславом еще по пути на Киев¹¹³. Странно, однако, что Титмар совсем не упоминает о Червенских городах. Пе-ремышль, конечно, оставался в русских руках.

Вполне убедительны и предположения, что Болеслав стремился использовать поход 1018 г. для установления контактов с византийским двором¹¹⁴.

Зато, очевидно, должно быть отвергнуто мнение тех исследователей, в том числе и автора этих строк, которые видели в Киевском походе 1018 г. попытку создания обширного славянского государства, может быть, даже с Киевом в качестве центра¹¹⁵.

Это не значит, конечно, что, возводя Святополка на киевский стол, Болеслав не “мел широких и честолюбивых замыслов в отношении Руси. Они, безусловно, были. Болеслав стремился поставить Русь под свое политическое влияние, но не путем захвата Киева, а путем раздела Руси между двумя или тремя сыновьями Владимира, что должно было, по его мнению, сделать ее ареной внутренних усобиц и превратить киевского князя в его зависимого союзника. Эту очевидную зависимость Святополка от Болеслава и хотел, может быть, подчеркнуть Титмар, демонстративно давая Святополку титул “senior”, а Ярославу, как и Владимиру — “rex”¹¹⁶. Иными словами, речь шла о расчетливой игре Болеслава Храб-

¹¹¹ S. Zakrzewski. Boleslaw Chrobry Wielki, стр. 305.

¹¹² См. сноски 74, 75.

¹¹³ См. R. Jakimowicz. Szlak wyprawy kijowskiej..., стр. 93.

¹¹⁴ А. Ф. Грабский. По поводу польско-византийских отношений..., стр. 182.

¹¹⁵ В. Д. Корольков. Древнепольское государство, стр. 161—162; см. также сноску 76.

¹¹⁶ Thietmar, L. VII, cap. 65; L. VIII, cap. 31, 32.

рого на тенденциях феодальной раздробленности, уже *ярко* окрашивавших в то время политическую жизнь Руси.

Захват Червенских городов был последним крупным военным успехом Польши в правление Болеслава Храброго. Есть основания предполагать, что быстрое возвращение польского князя на родину объясняется развитием внутренних событий в Польше, где княжеской власти пришлось вступить в тяжелый конфликт с церковной иерархией, за спиной которой стояла, конечно и, часть землевладельческой польской знати¹¹⁷. Не вполне ясные сведения об этом содержатся в хронике Галла Анонима. Болеслав, по его словам, был вынужден возвратиться в Польшу потому, что “ребенка своего Мешко еще не считал годным для управления страной”¹¹⁸. Ссылка на инфантильность Мешко, разумеется, не имеет никакого значения. Сын и наследник Болеслава Храброго получил прекрасное образование и до 1018 г. неоднократно выполнял чрезвычайно сложные военные и дипломатические поручения отца¹¹⁹. Зато существенное значение могут иметь содержащиеся в словах Галла намеки на озабоченность Болеслава положением, складывавшимся в Польше.

Источники: чешский — хроника Козьмы Пражского и русский — рассказ о Моисее Угрине, сохранившийся в “Патерике Киево-Печерского монастыря”, сообщают о каком-то конфликте княжеской власти с церковной иерархией в Польше в начале 20 годов XI в. Под 1022 г. Козьма пишет: “В Польше происходило преследование христиан”¹²⁰. Не менее показательное сообщение рассказа о Моисее Угрине “...княгыни же его, ляховица суци”¹²¹, взбрани ему, глаголющи: “ни мысли, ни сътвори

¹¹⁷ В. Д. Корлюк. О последнем периоде правления Болеслава Храброго. Изз, т. 19, 1946.

¹¹⁸ — ¹¹⁸ puerum ad regnandum Meschonem adhuc ydoneum non videbat... Gallus Anonymus, L. I, cap. 7.

¹¹⁹ S. Z a k r z e w s k i. Bóleslaw Chrobry Wielki, стр. 252—297. In Polonia facta est persecutio christianorum. Cosmas, L. I cap. 40.

¹²¹ Речь идет о Гертруде, дочери Казимира I и жене Изяслава Ярославича.

сего. Сие бо некогда сътворися в земли нашей. И не-кия ради вины изгнани быша черноризци от предел земля наша, и велико зло содеяся в ясах”¹²². В рассказе о Моисее Угрине с этим гонением на “черноризцев” связываются даже события антифеодального движения 1037—1038 гг. в Польше. “Болеслав же... въздвиже гонение велие на черноризци и изыгна вся от области своа. Бог же сътвори отмщение рабов своим вскоре. В едину убо ночь Болеслав напрасно умре, и бысть мятеж велик в всей лятской земли. И вставше, людие изыша епископы своа и боляры своа, яко же и в лето-писци поведает”¹²³.

Как сами по себе сведения рассказа о Моисее Угрине о преследовании “черноризцев” в Польше, так и явно тенденциозная попытка увязать эти преследования с антифеодальным движением 1037—1038 гг., несомненно основаны на польской церковной традиции¹²⁴. На это указывает не только ссылка в “Патерике” на юлова “ля-ховицы”. На это указывает и хроника Галла Анонима. Изложив события антифеодального движения 1037—1038 гг. и чешского похода на Гнезно, польский хронист, как известно, опирающийся в своем труде и на церковную традицию¹²⁵, замечает далее: “И такое бедствие, как полагают, постигло всю землю польскую оттого, что Гаудентый, брат и преемник св. Адальберта, неизвестно по какому [поводу, подверг, как говорят, всю страну отлучению”¹²⁶.

Такой большой знаток польской церковной истории как Вл. Абрагам, полагая, что причиной интердикта могло быть ограбление княжескими дружинниками костелов, не исключает, однако, и другого предположения. А именно, что причины конфликта князя с архиепископом лежали в самовластном обращении Болеслава Храброго с церковью¹²⁷. Последнее предположение представляется более правильным, потому что в лице Войте-

¹²² ПКПМ, стр 106

¹²³ Там же, стр 105

¹²⁴ В. Д. Корлюк *Летописное известие*, стр 72—73

¹²⁵ К. Кротоски. *Gall scholastyk Poznanski*. КН, 1899, N 4, стр 681

¹²⁶ *Que plaga creditur eo toti terre communiter evenisse, quia Gau-dentius, sancti Adalbert! frater et successor, occasione qua nescio, di-citur earn anathemate percussisse. Callus Anonymus, L. I, cap. 19*

¹²⁷ Вл. Абрагам. *Organizacja kosciola w Polsce*, стр. 84—85.

ха и Гаудентого в Польшу явились идеологи неоспоримого превосходства духовной власти над светской, провозвестники той борьбы между светской властью и Римом, которая вспыхнет во второй половине XI в. при папе Григории VII. Само собой разумеется, что такая идеология не могла ужиться со сложившимся, возможно, даже под влиянием Киевской Руси ¹²⁸ представлением Болеслава Храброго о неограниченной автократии

монарха.

Как бы то ни было, конфликт Болеслава с церковной иерархией осложнял положение польского князя в последние годы его правления. В этом конфликте на стороне церковных иерархов выступила, очевидно, и известная часть светской знати. Можно предполагать, однако, что к 1025 г. конфликт Болеслава с церковью и поддерживавшей ее знатью завершился компромиссом ¹²⁹, вслед за чем последовала коронация Болеслава королевской короной ¹³⁰.

Эта коронация была логическим завершением тех переговоров, которые происходили в 1000 г. на Гнезненском съезде. Фактически уже с того времени Болеслав мог считать себя королем ¹³¹. Однако формальные переговоры с Римом о коронации были грубо прерваны Генрихом II, арестовавшим польских послов и бросивших их в тюрьму в Магдебурге. После 1005 г. источники не содержат ясных сведений о попытках Болеслава связаться с Римом по вопросу о коронации, хотя мысли о ней польский князь, конечно, не оставлял ¹³².

В 1025 г. коронация Болеслава была произведена без согласия папы и императора. Болеслав воспользовался смертью Генриха II (1024 г.) и последовавшим перио-

¹²⁸ Н. Кареев *Polonica* СПб, 1905, стр. 189

В. Д. Королюк О последнем периоде правления Болеслава Храброго, стр. 147—148

¹³⁰ Bolizlawo, dux Poloniae, obitu Heinrici imperatoris augusti comperto, elatus animo yiscere terms superbiae venenno perfunditur, adeo ut uncto etiam sibi imponi coronam temere sit usurpatus *Annales Quedlinburgenses* под 1025 г. MQHSS, t. III Eodem anno Bohzlaus bclavus in regem unctus est- ac non multo post mortuus est. *Annales Corbeienses* под 1025 г. MGHSS, t. III.

¹³¹ V. Chaloupěcky. *Pocátky státu českého a polského Dejmy hdstva*, d. III. Praha, 1937, стр. 626 E S c h w a r z . Deutsche, Tschene-nen und Polen. *Bohemia JCS*, Bd. I. München, 1960

¹³² S. Z a k r z e w s k i. *Boleslaw Chrobry Wielki*, стр. 336.

дом выборов нового императора в Империи, а также перемены на римском престоле, который в 1024 г. после кончины Бенедикта VIII занял Иоанн XIX^{III}. Коронация вызвала раздражение в Империи и рассматривалась как узурпация¹³⁴.

Тот факт, что Болеславу Храброму удалось завершить объединение польских земель в рамках единого государства, а затем отстоять его независимость в ходе трех тяжелых войн с Империей, конечно, является крупнейшим успехом его правления. Создание отдельной польской архиепископии в 1000 г. и коронация Болеслава королевской короной в 1025 г. должны были укрепить и оформить фактическую независимость Древнепольско-го государства.

Значение Польши как одной из сильнейших стран в Центральной и Восточной Европе особенно возросло именно при Болеславе Храбром.

Активность польской дипломатии стала при нем еще более заметным фактором в политической игре европейских государств того времени. Еще более расширились и сами рамки ее деятельности. От Швеции и до Византии, от Киева и до Рима протянулись нити переговоров и интриг, с помощью которых дипломаты Болеслава Храброго пытались то опутать своего противника, то парировать его удары, всюду энергично подготавливая почву для предстоящих военных или политических предприятий.

Нельзя не учитывать, однако, что за блестящей картиной величия и силы Польши при Болеславе Храбром, за яркой картиной его многочисленных военных успехов скрывалась другая картина, картина все более нараставших внутренних, социальных конфликтов в стране, картина ее необычайно сложного и противоречивого международного положения. В Польше, как и на Руси, усиливались тенденции феодальной раздробленности, сильная центральная княжеская власть начинала тяготить церковных иерархов и часть светских феодалов, о чем свидетельствуют события конца правления Болеслава Храброго. Страна была явно утомлена и крайне истощена в результате почти непрерывных войн, сопровож-

¹³³ S. Z a k r z e w s k i Bolesław Chrobry Wielki, стр 338—342.

¹³⁴ См. текст в сноске 130.

давшихся неприятельскими вторжениями, разорявшими прежде всего крестьян и городское население.

В области внешней политики основным по-прежнему оставался вопрос польско-германских отношений.

Кровавый опыт трех польско-германских войн не мог оставлять сомнений в том, что Империя всегда будет добиваться ослабления раннефеодальшго Польского государства, любыми средствами стремясь ущемить, нарушить его независимость. Правда, до самого конца правления Болеслава Храброго (1025 г.) польско-германские отношения, по-видимому, оставались мирными¹³⁵. Но это объяснялось главным образом внутренним и внешним положением самой Империи. Поэтому и после 1018 г. Болеслав Храбрый должен был все время считаться с угрозой возобновления борьбы на Западе, как только немецкие феодалы сочтут момент подходящим для нового выступления против очень усилившегося Древнепольского государства, стоявшего на пути их захватнических стремлений на Востоке.

Но при постоянном напряженном положении на западной границе особенно важное значение приобретали отношения Польши с ее другими соседями. В этом смысле положение Польши в конце правления Болеслава Храброго было исключительно сложным. В сущности говоря, помимо Дании, с которой в период 1014—1025 лг. установились дружественные отношения, все остальные соседи Польши были ее противниками. Особенно опасен был наиболее сильный сосед — Киевская Русь. С захватом Болеславом I Червенских городов был создан постоянный источник вооруженных конфликтов на Востоке. Моравия являлась яблоком раздора между Польшей и Чехией.

Польша оказывалась таким образом в самом центре международных противоречий в Центральной и Восточной Европе, что было естественным результатом многочисленных завоеваний Болеслава Храброго, выведших Польское государство далеко за пределы этнографически польских земель.

Было совершенно очевидно, что малейшее обострение внутри страны может явиться сигналом для вторжения в ее пределы извне. И если возникший где-то около

1018 г. длительный конфликт княжеской власти с польской церковной иерархией и стоявшей за ней частью светской знати не был достаточно энергично использован соседями Польши для возвращения захваченных ею пограничных областей, то это было отнюдь не результатом силы и могущества Древнепольского государства, а результатом тех событий, которые происходили в соседних странах, прежде всего на Руси, ибо без энергичного выступления Руси и без Империи Чехия одна не была в то время в состоянии вести успешную борьбу с Болеславом Храбрым.

Уже самое ближайшее время после ухода Болеслава из Киева показало, что одна из главных задач его гаохо-да 1018 г. фактически не была выполнена. Польскому ставленнику Святополку не удалось удержаться на киевском столе. При помощи новгородцев Ярослав изгнал его из Киева и разгромил его союзников печенегов¹³⁶.

Вслед за разгромом Святополка, который, по словам летописи, “испроверже зле живот свой”, “в пустыне межю Ляхы и Чехы”¹³⁷, т. е. неизвестно, где погиб¹³⁸, естественно должна была последовать русско-польская война. “Повесть временных лет” действительно сообщает под 1022 г. о походе Ярослава к Берестью в направлении западной русской границы¹³⁹. Возможно, что польско-русский конфликт продолжался и после этого года¹⁴⁰, однако Болеславу Храброму удалось удержать в своих руках Червенские города.

Вялость военных действий Ярослава имела своей причиной его очень непрочное положение на Руси. Под 1021 г. летопись отмечает борьбу между Ярославом и полоцким князем Брячиславом за Новгород, закончившуюся поражением Брячислава и его бегством в Полоцк¹⁴¹. Под 1024 г. летопись сообщает: “Поиде Мьсти-слав на Ярослава с Козары и с Касогы”¹⁴². В 1024 г., судя по летописи, Ярослав находился в Новгороде, в то время как Мстислав сидел в Чернигове.

¹³⁶ ПСРЛ, т. I, стлб. 144—145

¹³⁷ Там же, стлб. 145; НПЛ, стр. 175.

¹³⁸ Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года., стр. 157.

¹³⁹ Приде Ярослав к Берестю. ПСРЛ, т. I, стлб. 146. ¹⁴⁰ S. Zakrzewski. Boleslaw Chrobry Wielki, стр. 310. В. Д.

Королю к. Древнепольское государство, стр. 165.

¹⁴¹ ПСРЛ, т. I, стлб. 146. ПСРЛ, т. V, стр. 134.

¹⁴² ПСРЛ, т. I, стлб. 147.

Попытка Ярослава силой изгнать Мстислава при помощи наемных варяжских дружин потерпела полную неудачу¹⁴³. “И не смяше Ярослав ити в Киев, дондеже смирнастая, и седяше Мьстислав Чернигове, а Ярослав Новгороде, и беяху Киеве мужи Ярославлю”¹⁴⁴.

Только под 1026 г. в летописи сообщается о примирении и разделе между братьями Руси: “Ярослав совокупи воя многы и приде "Киеву и створи мир с братом своим Мьстиславом у Городья и разделиста по Днепр Русь-скую землю. Ярослав прия сю сторону, а Мьстислав ону. И нечаста жити мирло и в братолюбстве, и уста усобица, и мятежь, и бысть тишина велика в земле”¹⁴⁵. Учитывая эту “усобицу” на Руси, легко понять, что Болеславу нетрудно было удерживать под своей властью Червенские города, захвату которых он придавал столь большое значение, что была выбита даже специальная монета с кирилловской надписью “Болеславъ” для обращения на вновь присоединенной территории

Подводя итоги предшествующему исследованию, следует, очевидно, отметить, что киевский поход 1018г., несмотря на военный¹⁴⁶ успех Болеслава, не принес ему реальных результатов. Попытка поставить на киевский стол свою креатуру окончилась для него полной неудачей. Захват Червенских городов только прибавил к числу врагов истощенной длительными войнами Польши еще одного грозного противника. Если в конце правления Болеслава Храброго соседи Польши и не сумели решительно выступить против нее, то это было результатом их собственных внутренних и внешних затруднений.

Киевская Русь после смерти Владимира оказалась в очень сложном политическом положении. Раздоры, вспыхнувшие между его наследниками, их борьба за киевский стол, междоусобные войны между Ярославом и Святополком, Ярославом и Мстиславом, выступление

¹⁴³ Там же, стлб. 147—148.

¹⁴⁴ Там же, стлб. 148.

¹⁴⁵ Там же.

- ¹⁴⁶ R- K i e r s n o w s k i. Pieni[^]dz kruszcowy., стр. 288—290; Z. Z a k r z e W s k i. Pierwsza moneta polska, стр. 226—231,

Брячислава Полоцкого, гибель Бориса и Глеба — все эти явления отражали развивавшийся в рамках древнерусского общества процесс перехода к феодальной раздробленности. Именно усиление тенденций феодальной раздробленности на Руси являлось главной причиной временных успехов Болеслава Храброго. Используя княжеские усобицы, в русские дела активно вмешивались соседи Руси — не только Польша, но и печенеги.

Особо следует подчеркнуть активную роль, которую сыграло в описанных событиях городское население на Руси, постепенно становившееся важной, а иногда и решающей политической силой. Ярким примером этого является активная поддержка, оказанная новгородцами Ярославу Мудрому. Иными словами, в 10—20-х годах XI в русский город начинал постепенно выступать в той роли, которая будет особенно характерна для него впоследствии, в период торжества феодальной раздробленности.

И наконец, последнее, но далеко не маловажное заключение. Всесторонний и непредвзятый анализ сохранившихся источников не оставляет камня на камне от созданной буржуазно-националистической историографией легенды об извечном польско-русском антагонизме. В рассматриваемое время на это не было даже никакого намека. В этом лучше всего убеждает отношение к Болеславу Храброму русских летописцев, нашедших в себе достаточно объективности и благородства, чтобы подчеркнуть его ум и храбрость.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
КРИЗИС ДРЕВНЕПОЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВА. ПОЛЬША И ЧЕХИЯ в 30-е годы XI в.

Причины социально-политического кризиса Древне-^А польского государства в конце 20-х — 30-х годов XI в., могучее антифеодальное движение конца 30-х годов и временный распад раннефеодальной монархии Пястов были не раз предметом специальной разработки не только в польской, но и в советской историографии¹. Поэтому для целей настоящего исследования будет, очевидно, вполне достаточным остановиться лишь на основных фактах кризиса с тем, чтобы сконцентрировать внимание на важнейших проблемах польско-чешских и польско-русских отношений описываемого времени.

Наметившееся, возможно, еще в последние годы правления Болеслава Храброго военное и политическое ослабление Древнепольского государства, выразившееся в заметном спаде его активности на международной арене, особенно резко сказалось при его непосредственных преемниках. Обусловленный в значительной мере чрезвычайно сложным и неблагоприятным международным положением страны, ее истощением в результате непрерывных войн, временный политический упадок Польши был прямо связан с тем конфликтом, который развивался внутри господствующего класса.

Уже при Болеславе Храбром, как отмечалось выше, попыталась поднять голову оппозиция, объединявшая церковную и частично светскую знать. Эта оппозиция выступала против сильной центральной княжеской власти. Окрепшие на местах крупные землевладельцы все больше тяготились теми обязательствами, которые центральная власть накладывала на них.

После смерти Болеслава Храброго (1025 г.) оппозиция против княжеской власти стала, по-видимому, зна-

¹ История Польши, т. I. М., 1956 (гл. 2, § 5 и гл. 3, § 1); Л. В. Разумовская. Очерки... (гл. 2); В. Д. Корольков. Древнепольское государство (гл. 7); о н же. летописное известие...

чительно активней. Стремясь еще более увеличить свое политическое влияние на дела государства и ослабить позиции князя, крупные землевладельцы, “можные”, использовали борьбу за власть, происходившую между членами княжеской семьи².

Правда, феодальной знати не сразу удалось добиться успеха. Воля покойного короля, бывшая, очевидно, законом для его преданной и многочисленной дружины и рыцарства, в течение некоторого времени связывала действия оппозиционной части знати.

Вступление Мешко II (1025—1034 гг.) на престол, совершившееся согласно воле отца, произошло, очевидно, без каких-либо особых затруднений, хотя Мешко и не был старшим сыном Болеслава I. Два брата Мешко, старший Бесприм и младший Оттон, видимо, владели отдельными уделами. Таковая была воля скончавшегося короля³.

Новый польский правитель в течение длительного времени был активным сотрудником своего отца, выполняя различные, в том числе и дипломатические, поручения и, конечно, полностью проникся его политическими взглядами и принципами, сохранил высокое представление о значении верховной королевской власти. В области внешней политики Мешко держался активной, наступательной тактики. Внутри государства он, по-видимому, рассчитывал вести политику твердой руки в отношении проявлявшей недовольство и роптавшей знати.

Идя по следам Болеслава I, Мешко II короновался королевской короной, что вызвало, разумеется, крайнее раздражение среди значительной части германских феодалов, о чем свидетельствуют некоторые немецкие анналы⁴.

Впрочем, оппозиционная новому императору Конраду II часть германской знати, во главе с герцогом лота-рингским Фридрихом, судя по письму его жены Матильды к польскому королю, иначе отнеслась к акту коронации⁵. Об этом говорит и тот факт, что впоследствии, в 1051 г., император Генрих III признавал королевский

² Historia Polski, t. I, c?. I, PWN, стр 156—157.

³ S. Z a k r z e w s k i. Boleslaw Chrobry Wielki, стр 353—354 См., например, Annales Quedhnburgenses под 1025 г MGHSS,

⁵ МРН, т. I, стр 423—424.

титул за вдовой Мешко II Рихезой⁶, дочьрью рейнского палатина Эдона и племянницей Оттона III.

Какие бы, однако, настроения ни царили в Империи в тот момент, важно, что первое время Польше не угрожала еще опасность с Запада. Император Конрад II был поглощен событиями в Империи и не мог еще планировать открытого выступления против Древнепольского государства. Зато на восточной и юго-западной границе положение казалось довольно серьезным. Здесь Мешко II приходилось считаться с угрожающей позицией Киевской Руси, не имевшей никаких намерений отказываться от Червенских городов, особенно после того, как в 1024 г. Ярославу удалось расправиться с движением волхвов в Суздальской земле⁷, и после соглашения в 1026 г. между Ярославом и Мстиславом⁸. Отношения с Чехией продолжали оставаться крайне напряженными, поскольку Чехия после довольно длительного периода упадка вновь вступила в эпоху политической консолидации, военного и политического подъема. Резко ухудшились и датско-польские отношения. При таком положении дел Мешко II не оставалось ничего иного, как попытаться разорвать окружавшее страну враждебное кольцо. Выбор пал на Венгрию, которая, овладев Словакией, некогда принадлежавшей Болеславу Храброму, была согласна сотрудничать с Польшей против Империи.

Одновременно польский король принимал энергичные меры к дальнейшей консолидации Древнепольского государства. Особенно сложным представлялось положение дел на Поморье. Отказ Западного Поморья признать верховную власть Мешко II и платить дань повел к вооруженному конфликту, в результате которого поморский князь Дитрих, происходивший возможно, из пясцовского рода⁹, был изгнан из страны. Он нашел убежище себе в Империи, где усиленно интриговал против польского короля¹⁰.

Стремясь укрепить свои позиции на Поморье, Меш-

⁶ МРНТ I, стр. 350

⁷ Въсташа вольсви в Суждали, избиваху старую чадь по дьяво-лю наущеню .. бе мятежь велик. . Слышав же Ярослав волхвы, при-де Суздалю, изымав волхвы, расточи .. ПСРЛ, т. I, стлб. 147 — 148

⁸ Там же, стлб. 149.

⁹ См. W. D w o r z a c z e k. Genealogia, tabl. I.

¹⁰ J. M i t k o w s k i. Pomorze Zachodnie., стр. 33 — 34.

ко II придавал большое значение распространению там христианства. В целях христианизации Поморья, а также для усиления христианской пропаганды на территории Куяв и части Великой Польши было учреждено взамен пришедшего в упадок еще при Болеславе I Ко-лобжегского епископства епископство в Крушвице¹¹.

Разумеется, ведя курс на дальнейшую консолидацию польских земель и заключив союз с Венгрией, Мешко II внимательно следил за ходом борьбы Конрада II с оппозицией в Империи. Более того, используя затруднения Конрада II, он решился даже первым выступить против него. Поводом к войне послужило вмешательство Мешко II в спор о наследовании Мисьненской марки.

В известном смысле действия Мешко можно рассматривать как превентивные, поскольку политическая программа Конрада II была выражением весьма широких агрессивных планов германских феодалов как на востоке, так и на западе. Речь шла о прямом подчинении Империи Италии, Франции, Венгрии и Польши¹². Выступление польского короля оказалось, однако, запоздалым. Когда в 1028 г. Мешко II вторгся в пределы Империи и опустошил саксонские земли, уводя большое число пленных, и одновременно атаковал лютичей, положение Конрада II оказалось отнюдь не таким отчаянным, как рассчитывал, очевидно, польский король. Императору удалось уже к этому моменту ликвидировать феодальную усобицу в Империи, укрепить союз с Чехией, привлечь на свою сторону Данию.

Правда, ответный поход императора (в 1029 г.) под Будишин окончился неудачей так же, как неудачей окончился и поход имперских войск на Венгрию в 1030 г., чем воспользовался Мешко II и вторично опустошил соседние области Империи. Но это были только мимолетные успехи польского оружия. В походе 1030 г. на Венгрию императора поддерживали чешские войска под предводительством юного Бржетислава, сына Олдржи-ха¹³. В то же время, по свидетельству русской летописи, в этом же году начала военные действия против Польши

W k'wóic'ichowski. Studia historyczne, стр. 88. . К. Т y м i e н и е с к и. Dzieje Niemiec do początku ery nowożytnej Poznań, 1948, стр. 292—300; ср. J. D a b r o w s k i. Polityka polska wobec naporu niemieckiego... стр. 63—64

G. L a b u d a. Utrata Moraw przez państwo Polskie w XI wieku. (далее: Utrata Moraw...) SDPC, t. I, стр. 115.

и Киевская Русь: “Ярослав Белзы взял...”¹⁴. В 1031 г. положение Польши еще более резко ухудшилось. Конраду II удалось полностью изолировать своего противника, заключив осенью 1031 г. мир с венграми¹⁵.

В международном положении Древнепольского государства самым трагическим было то обстоятельство, что к моменту решающего столкновения с Империей, руки Мешко II оказались связанными на Востоке и Юго-Западе. Когда в 1031 г. император двинулся походом на Польшу, с Востока вступили в ее пределы русские князья — Ярослав и Мстислав. Захваченные в 1018 г. Червенские города были возвращены Древней Руси: “Ярослав и Мстислав собрата вой мног, идоста на Ляхы и заяста грады Червеньския опять, и повоеаста Лядьокою землю, и многы ляхы приведоста и разделивша я, Ярослав посади своя по Ръси”¹⁶. При русских князьях находились и братья Мешко II, Бесприм и Оттон. Судя по словам биографа Конрада II Випона, одновременное выступление Руси и Империи не было результатом случайного стечения обстоятельств. Наметившийся еще в 1017 г. союз Руси и Империи против Древнепольского государства, благодаря активной деятельности братьев Меижо II (Випон упоминает, правда, только Оттона), в 1031 г. стал фактом¹⁷.

Русские князья, овладев Червенскими городами, которые имели для Руси еще и то значение, что именно оттуда шел постоянный подвоз необходимой населению соли,¹⁸ не думали, однако, ограничиться только одним

¹⁴ ПСРЛ, т. I, стлб 149.

¹⁵ J. Dębrowski Polityka polska wobec naporu niemieckiego..., стр. 64.

¹⁶ ПСРЛ, т. I, стлб 150

¹⁷ Supra dictus Bohzlaus dux Bolanorum mortuus, reliquit duos filios, Misiconem et Ottonem. Misico dum fratrem suum Ottonem per-sequeretur, expulerat eum in Ruzziam. Dum ibi aliquantum tempus miserabiliter viveret, coepit rogare gratiam imperatoris Chuonradi, ut ipso impetrante et iuvante restitueretur patriae suae. Quod dum imperator facere vellet, decrevit, ut ipse cum copiis ex una parte, ex altera frater Otto Misiconem aggredierentur. Hunc impetum Misico ferre non valens, fugit in Bohemiam ad Uodalricum ducem. Wiponis Qesta Chuonradi II, cap. 29, MGHSS, t. XI.

¹⁸ А С п и ц ы н Торговые пути Киевской Руси. Сб. “С. Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели”. СПб., 1911, стр. 235—242

этим успехом. Они продолжали продвигаться в глубь Польши. Дело клонилось к свержению Мешко II и переходу власти “Бесприму”,¹⁹ что должно было упрочить русское политическое влияние в стране.

При таких обстоятельствах Мешко оставалось только заключить невыгодный для Польши мир с Империей, уступив ей часть Лужиц²⁰. Затем, однако, по словам Ви-пона,²¹ Мешко оказался вынужденным бежать из Польши и укрылся в Чехии.

Думается, что как в 1017, так и в 1031 г. в установлении русско-немецких политических контактов, в налаживании русско-немецкого военного сотрудничества существенную роль должна была сыграть чешская Прага. Вместе с тем именно момент удара по Древнепольскому государству с двух сторон, с Запада и Востока, был наиболее благоприятным для раннефеодальной Чехии временем, когда она могла успешно для себя решить моравский вопрос. Поэтому предположение Лябуды, что присоединение Моравии к Чехии произошло не в 1021 г., как указывается в хронике Козьмы Пражского²², а десять лет спустя, в 1031 г.,²³ представляется вполне обоснованным. Зато описание судьбы пленных поляков у Козьмы не вызывает сомнений. Олдржих, по-видимому, поступил именно так: “схватив многих из них (поляков. — В. К.) и сковав их, как всегда, по сотням, он приказал продать их в Венгрию и дальше...”²⁴ Так действовали “русские и польские князья. Захваченное в плен население либо поселялось на землях князя и знати²⁵, либо шло на продажу на невольничьи рынки. Одним из самых крупных невольничьих рынков была Прага²⁶.

В результате одновременного военного нападения Империи, Руси и Чехии Древнепольскому государству

¹⁹ S. M. K i s z y n s k i. Stosunki polsko-ruskie ., стр. 245. Интересно, что печать Мстислава Тмутараканского была найдена в Ступнице под Самбором.— Н. П. Л и х а ч е в. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, Л., 1928, стр. 156—158.

²⁰ Historia polityczna Polski, cz. I, стр. 63—64.

²¹ См. сноску 17.

²² Cosmas, L. I, cap. 40.

²³ G. L a b u d a. Utrata Moraw..., стр. 115—118.

²⁴ Cosmas, L. I, cap. 40.

²⁵ ПСРЛ, т. I, стлб. 144, 150; 155, ПКПМ, стр. 102—106.

²⁶ MPHNS, t. I, стр. 49; Zrodla arabskie..., t. I, стр. 147. Zrodla nebrajskie do dziejow slowian i niektorych innych ludow Srodkowej i Wschodniej Europy. Wroclaw-Warszawa, 1956, стр. 37, 45, 47 и др.

было нанесено сокрушительное поражение. Старшему сыну Болеслава Храброго, Бесприму, которого отец отстранил от наследства, удалось временно овладеть властью. Поставленный на княжеский стол с помощью вооруженного вмешательства соседей, он держался на нем в значительной мере только благодаря внешней поддержке. В конце концов при польском дворе возобладало не русское, а германское политическое влияние. Бесприм открыто вел себя как ставленник германских феодалов. Показателем временной потери Польшей самостоятельности и признания зависимости от Империи был факт передачи Беспримом Конраду II польских королевских инсигний²⁷. Возможно, впрочем, что не был выдан императору посох св. Маврикия²⁸.

Как бы то ни было, откровенно агрессивные планы Конрада II в отношении Польши казались совсем близкими к своему осуществлению. Речь шла не просто об укреплении германского политического влияния в Польше, речь шла о прямом подчинении ее Империи, что составляло смертельную угрозу для усилившейся Чехии. Немецкие феодалы, подчинив Польшу, заходили в тыл ей. При таких обстоятельствах чешско-германские отношения неминуемо должны были обостриться, о чем недвусмысленно свидетельствует Випон²⁹. Г. Лябуда, по-видимому, совершенно прав, полагая, что причиной обострения чешско-немецких отношений было присоединение Олдржихом Моравии³⁰.

Стремясь ослабить и подчинить Польшу, Империя отнюдь не стремилась видеть сильной и влиятельной Чехию. Может быть, руководствуясь именно этими соображениями о политике германских феодалов "предчувствуя ухудшение чешско-германских отношений, Мешко II решил искать спасения в бегстве в Чехию.

²⁷ Qui Mysecho post mensis tantum spatium a fratre suo Bezbrie-mo subita invasione proturbatus et ad Oudalricum in Beheim fuge-re est compulsus. Sed idem Bezbrie-mo imperatori coronam cum aliis regalibus, quae sibi frater eius iniuste usurpaverat, transmisit, ac se-met humili mandamine per legates suos imperatori subditurum promi-sit. Annales Hildesheimenses под 1031 г. MGHSS, t. III.

²⁸ S. Z a k r z e w s k i . Boleslaw Chrobry Wielki, стр. 131—133

²⁹ . Misico... fugit. ad Uodalricum ducem, cui tune tempons im-perator iratus fuerat. Wiponis Qesta Chuonradi II, cap. 29. MGHSS, t. XI.

³⁰ G. L a b u d a . Utrata Moraw..., стр. 118.

После убийства Бесприма, в котором, как кажется, тайно участвовал Мешко II и его брат Оттон³¹, в 1032 г. Мешко вернулся не без помощи чешского князя Олдржиха в Польшу³². Правда, осенью того же года Конрад II попытался было вновь изгнать Мешко II, но усобицы в Бургундии отвлекли его внимание на Запад. Между тем, умер союзник императора Канут Великий Датский. Датско-германский союз распался. С ослаблением Польши в начале 30-х гг. изменились и взаимоотношения Империи с полабскими славянами. Империя больше не нуждалась в лютичах, как союзнике против Польши. Немецкие походы на лютичей возобновились. В то же время Мешко II попытался организовать восстание полабо-прибалтийских славян против немецких феодалов³³.

Но если Империя, особенно учитывая ее конфликт с Чехией³⁴, была не в состоянии избавиться от Мешко II, то и он, в свою очередь, чувствовал себя недостаточно прочно в Польше, чтобы продолжать борьбу с германскими феодалами. Поэтому на съезде в Мерзебурге в 1033 г. в присутствии императора Конрада II Мешко оказался вынужденным отказаться от королевского титула и уступить Империи земли лужичан и мильчан³⁵.

Используя ослабление своего противника, германские феодалы сумели добиться возвращения Западного Поморья изгнанному Мешко князю Дитриху³⁶. Младший брат Мешко Оттон получил, по-видимому, в удел Силезию³⁷.

Идя на столь серьезные уступки императору, Мешко II рассматривал их, однако, лишь как временную меру. Вскоре он предпринял попытку вновь объединить под своей властью все польские земли. Попытка эта оказалась удачной, а центробежные стремления феодальной знати были на некоторое время преодолены. Смерть Оттона облегчила ему подчинение Силезии. Западнопоморский князь Дитрих был еще раз изгнан из

³¹ *Historia polityczna Polski, cz. I, str. 64*

³² *Q. Labuda. Utrata Moraw..., str. 120.*

³³ *Historia polityczna Polski, cz. I, str. 64—65*

³⁴ *G. Labuda. Utrata Moraw..., str. 120—123*

³⁵ *Historia polityczna Polski, cz. I, str. 64—65*

³⁶ *J. Mitkowski. Pomorze Zachodnie, str. 34.*

³⁷ *Z. Wojciechowski. Polska-Niemcy..., str. 31,*

страны³⁸ Польские земли вновь оказались в составе единого государства.

Таким образом, если совместное выступление соседей повело к жестокому военному разгрому Древнепольского государства, то вспыхнувший вслед за тем конфликт между резко усилившейся Чехией и Империей так же, как и прекращение войны с Киевской Русью, помогли польским феодалам, поддерживавшим Мешко II, восстановить государственное единство страны, укрепить ее позиции перед лицом германской феодальной агрессии.

Оценивая личность Мешко II, Галл Аноним пишет: “Этот Мешко был достойным воином и совершил много рыцарских подвигов, о которых долго здесь рассказывать. Всем соседям он был, однако, ненавистен из-за той ненависти, которую они питали к его отцу. Но не отличался он так ни богатством, ни обычаями, ни блеском жизни, как его отец”³⁹.

Нет никаких оснований не доверять этой характеристике хрониста, верно подчеркнувшего, что Мешко II приходилось пожинать горькие плоды не своего посева По-видимому, Галл Аноним совершенно прав, когда подчеркивает меньшую, сравнительно с отцом, одаренность сына. Можно думать, что, несмотря на свою большую по тому времени образованность, знание древних языков, дипломатический и военный опыт, Мешко все же в качестве политического деятеля не мог равняться с такими выдающимися государственными мужами как Ярослав Владимирович в Киеве или Бржетислав I Чешский, занявший в 1034 г пражский княжеский стол. Нужно считаться однако, и с тем, что никакой ум и никакие таланты не могли уже спасти положение, изменить ход событий. Древнепольское государство переживало глубокий социально-политический кризис, который привел его в самое ближайшее время на грань катастрофы.

³⁸ Z Wojciechowski Указ соч, J Mitkowski Pomorze Zachodnie, стр 34

³⁹ Hie vero Mescho miles probus fuit, multaque gesta militana, quae longum est dicere, perpetravit Hie etiam propter patris invidiam vicinis omnibus extitit odiosus, nee sicut pater eius vita, vel rebus, vel divitiis copiosus Gallus Anonymus, L I, cap 17

Кризис этот обуславливался как внутренними, так и внешними обстоятельствами. О внешнеполитической стороне дела достаточно подробно говорилось выше. Внутри страны главным был резко усилившийся феодальный гнет, все ускоряющийся процесс закабаления феодалами прежде свободных общинников. Феодалы стремились увеличить нормы эксплуатации феодально-зависимого населения. Весь трудящийся люд, как зависимые, так и свободные, несли на себе огромную тяжесть повинностей и даней в пользу князя⁴⁰, конечно, колоссально возросших в условиях постоянных войн, которые вело при Болеславе Храбром и Мешко II Древнепольское государство.

Войны эти, как это легко можно себе представить, до крайности изнурили и истощили страну. Чуть ли не каждый год-два раздавалось над Польшей зловещее пение крылатых стрел, с громом сталкивались щиты и звенели стальные мечи. Поля обагрялись кровью. Вторгавшийся неприятель вытапывал посевы, сжигал города и деревни, избивал или угонял в плен сотни и тысячи людей.

Между тем, в среде самого господствующего класса все более обострялся конфликт. Борьба значительной части крупной землевладельческой знати против сильной центральной власти ослабляла военные силы государства, была одной из причин его серьезных внешнеполитических неудач. Выступления знати против государя и его ответные репрессии опять-таки тяжелым бременем ложились на крестьянские плечи. Феодальные усобицы сопровождались зверствами и жестокостями, от которых больше всего страдал трудовой народ.

Но обострение конфликта в рамках господствующего класса так же, как и бесконечная борьба с соседними государствами, в свою очередь ускоряли взрыв народного возмущения, содействовали перерастанию классовой борьбы свободного и зависимого крестьянства и рабов в массовое вооруженное восстание. Народному терпению наступал предел⁴¹.

Могучее народное движение вспыхнуло в Польше после насильственной смерти Мешко II (1034 г.) при

⁴⁰ Л В Разумопекая Очерки , стр 135—138

⁴¹ В Д Королук Летописное известие , стр 75

его предполагаемом преемнике и старшем сыне — Болеславе Забытом⁴². О Болеславе Забытом сохранились очень краткие сведения в Великопольской хронике⁴³. Правда, источник этот сравнительно поздний, однако нет, думается, оснований не принимать его показаний, косвенным образом подтверждаемых Галлом Анонимом, сообщающим, что другой сын Мешко II, Казимир, был первоначально отдан в монастырь⁴⁴.

Если бы Казимир был единственным сыном Мешко, о его монашестве, разумеется, не могло бы быть и речи. Отдавая Казимира в монастырь, отец его, по-видимому, старался заранее предупредить возможную борьбу за власть между сыновьями.

Именно на период краткого правления Болеслава Забытого (1034—1037)⁴⁵ падает кульминационный пункт того социального и Политического кризиса, который переживало Древнепольское государство с последних лет правления Болеслава Храброго. Болеславу Забытому пришлось, по-видимому, вступить в ожесточенный конфликт с той частью крупной польской знати, которая тяготилась сильной княжеской властью и являлась представительницей тенденций феодальной раздробленности. Великопольская хроника характеризует правление Болеслава Забытого как исключительно жестокое⁴⁶. Очевидно, в борьбе со своими политическими противниками княжеская власть не разбиралась в средствах, любым путем стремясь подавить оппозицию. Но никакие “жесто-

⁴² Гипотезу о Болеславе Забытом поддерживал и поддерживает ряд видных польских историков: Z. Wojciechowski. O Kazi-nierzu Mnichu. Pamiętnik Akademii Umiejetnosci w Krakowie. Wydz filolog. i hist-filoz., t. V. Krakow, 1885, стр 1—29; O. B a l z e r. Genealogia Piastow, стр. 76—81; ср. Z. W o j c i e c h o w s k i. Studia historyczne, стр. 141; Z. Z a k r z e w s k i. Pierwsza moneta Polska, стр. 249—250, и коллективный труд — Polska, jej dzieje i kultura (s. a.), t. I, стр. 263—266; ср. В. Д К о р о л ю к. Древнепольское государство, стр. 173—174.

⁴³ МРН, т. II, стр. 484.

⁴⁴ ...monasterio parvulus a parentibus est oblatu, ibique sacris lit-ten's liberaliter eruditus. Gallus Anonymus, L. I, cap. 21.

⁴⁵ O. B a l z e r. Genealogia Piastow, стр. 76—81.

⁴⁶ Boleslaus autem propter saevitiam et immanitatem scelerum quam exercebat, diademate regio insignitus vitam male terminavit, nee in numero regum et principum Poloniae, propter suam nequitiam, repe-ritur Boguphali II Episcopi Posnaniensis Chronicon Poloniae, cum continuatione Basconis custodis posnaniensis, cap. 12 МРН, т. II.

кости” и никакие “зверства” уже не помогали. Древне-польское государство распалось.

В Великой и Малой Польше выступающая против центральной власти знать опиралась, по-видимому, на поддержку польской церковной иерархии. Зато на Поморье местная знать прибегла к лозунгу реставрации язычества. Лозунг этот должен был создать ей ту широкую социальную базу, опираясь на которую она могла думать об успешном сопротивлении центральной власти. Он должен был привлечь на ее сторону массу свободных общинников, придерживавшихся языческих верований и готовых в любую минуту выступить против насаждаемой польскими правителями христианской церкви, как представительницы феодального гнета. Это была попытка поморской знати использовать в своих интересах в конфликте с центральной властью классовую борьбу непосредственных производителей против феодальной эксплуатации.

Опираясь на народное ополчение, поморская и мазо-вещкая знать сумела добиться полного отделения Поморья и Мазовии от остальной Польши. В Поморье возвратился, возможно, князь Дитрих или его сын Зе-момысл⁴⁷. Отделилась от государства и превратилась в самостоятельное княжество и Мазовия, где правил Мои-слав или Маслав. Происхождение Моислава в точности не известно. Существуют догадки, что он, может быть принадлежал к роду Пястов или происходил из мазо-вещкого княжеского рода⁴⁸. Предположению о пястов-ском происхождении Маслава-Моислава противоречит само его имя, необычное для других представителей этой династии. Второму предположению противоречит тот факт, что письменное предание фиксирует его служебно-рыцарское положение при дворе Мешко II⁴⁹.

Как бы, однако, не решался вопрос о происхождении Моислава, он олицетворял собой именно ту группу феодалов, которая попыталась сбросить с себя власть польского великого князя, устраивала интриги и покушения на его жизнь, и, наконец, подняла открытое восстание. Судьба Болеслава Забытого была, по всей

⁴⁷ J. M i t k o w s k i. Pomorze Zachodnie ..., стр. 34.

⁴⁸ S. Z a k r z e w s k i. Bolesław Chrobry Wielki, стр. 329

⁴⁹ Erat namque quidam Meczslaus nomine, pincerna patris sui Meschonis et minister... Gallus Anonymus, L. I, cap. 20.

вероятности, столь же трагична, как и судьба его отца. Глухие намеки, содержащиеся в Великопольской хронике и рассказе о Моисее Угрине, позволяют думать, что он был убит⁵⁰. Русская летопись и рассказ о Моисее Угрине, связывая со смертью Болеслава Великого взрыв антифеодального движения в Польше⁵¹, очевидно, путают Болеслава Храброго с Болеславом Забытым⁵². Зато Великопольская хроника прямо связывает внутренний кризис Древнепольского государства с именем Болеслава Забытого, старшего сына Мешко II⁵³.

Борьба внутри различных групп господствующего класса, общее истощение страны в результате продолжительных войн и упадок центральной власти явились благоприятными условиями для взрыва антифеодального восстания в Польше. Сигналом к народному восстанию могла послужить насильственная смерть князя и открытые бунты знати, растаскивавшей по частям государство. Восстание приняло массовый характер. В борьбе против церковных и светских землевладельцев объединилось свободное и феодально-зависимое крестьянство. В движении, само собой разумеется, должны были принять участие и рабы. Антифеодальное движение развивалось под лозунгами реставрации язычества и уничтожения христианской церкви, может быть, напоминая по своим формам движение, возглавленное волхвами в Суздальской земле, о котором рассказывает русская летопись под 1024 г.⁵⁴ К сожалению, данные о польском язычестве настолько ограничены, что здесь трудно высказать сколько-нибудь определенное предположение.

Вот как описывает восстание первый польский хронист Аноним Галл: "...Рабы восстали против господ, вольноотпущенники — против знатных, самовольно захватывая власть. Одних из знатных убив, других обратив в слуг, восставшие тфелюбодейским образом овла-

⁵⁰ O. B a l z e r. Genealogia Piastow, стр. 80; В. Д. К о р о л ю к. Летописное известие., стр. 75

⁵¹ ПСРЛ, т. I, стлб 149—150; ПКПМ, стр. 105

⁵² В. Д. К о р о л ю к. Летописное известие..., стр. 74; S. M. K и с з y n s k i. Nieznany traktat polsko-ruski..., стр. 258, прим. 19.

⁵³ Post cujus obitum multae commotiones et bella, plus intestina quam extranea, in regno Poloniae sunt exorta. Voguphali II episcopi-posnaniensis Chronicon, cap. 12 MPH, t. II.

⁵⁴ ПСРЛ, т. I, стлб 147—148.

дели их женами и предательски расхитили должности. Более того, оставляя католическую веру, о чем мы не можем говорить без плача и стога, подняли они бунт против епископов и священников, часть которых, признавая достойными лучшей смерти, казнили мечом, других, якобы достойных смерти позорной, побили камнями”⁵⁵.

Главное, что смущает в процитированном показании хрониста, — это отчетливо звучащее определение восстания как движения рабов, что дало даже основание некоторым исследователям рассматривать его именно таким образом⁵⁶. Однако все, что известно относительно социальной структуры Древнепольского государства, решительно исключает возможность предполагать в Польше этого времени массовое восстание, движущей силой которого были бы главным образом рабы. Для раннефеодальной Польши первой половины XI в. наиболее характерной фигурой был не раб, а феодально-зависимый или свободный крестьянин. Крестьянство было основным производителем материальных благ. Поэтому только крестьянство могло быть движущей силой действительно массового движения⁵⁷. Иное дело, что в движении этом могли принять и, конечно, приняли участие рабы и часть городского населения.

В связи со столь очевидной неточностью показаний Галла Анонима можно было бы, конечно, признать, что употребляемый им термин “servus” применяется им для обозначения феодально-зависимых крестьян (“сервов”), участников восстания⁵⁸. Однако текст хроники решительно противоречит такому толкованию термина “servus”. У Галла Анонима прямо противопоставляются ра-

⁵⁵ Nam in dominos servi, contra nobiles liberati se ipsos in domini-um extulerunt, aliis in servicio versa vice detentis aliis peremptis, uxores eorum incestuose honoresque sceleratissime rapuerunt. Insuper etiam a fide catholica deviantes, quod sine voce lacrimabili dicere non valemus, adversus episcopos et sacerdotes Dei seditionem inceperunt, eorumque quosdam gladio quasi dignos peremerunt, quosdam vero quasi morte dignos viliori lapidibus obruerunt, Gallus Anonymus, L. I, cap. 19.

⁵⁶ S. A r n o l d. Uwagi o początkach ustroju feudalnego w Polsce. PH, 1950, стр. 28—29.

⁵⁷ Л. В. Р а з у м о в с к а я. Очерки..., стр. 161—163; см. также В. Д. К о р о л ю к. Летописное известие., стр. 75.

⁵⁸ H. L o w m i a n s k i. Podstawy gospodarcze..., стр. 112—113.

бы (“servi”) вольноотпущенникам (“liberati”), следовательно, под термином “servus” хронист определенно понимал раба.

Нет нужды, однако, искать каких-либо способов доказательства, что в понимании Галла Анонима сер-вы — это феодально-зависимое население, тем более, что и одни зависимые тоже, разумеется, не могли в это время быть движущей силой восстания. В восстании огромную роль неизбежно должно было играть свободное население, так как свободные общинники все еще составляли главную массу крестьян в стране.

Наиболее точные показания о движущих силах восстания дает русская летопись, в которой говорится: “В се же время умре Болеслав Великий в Лясах. И бысть мятежь в земли Лядьске. Вставше, людие изби-ша епископы и попы и бояры своя, и бысть в них мятежь”⁵⁹.

Разумеется, совершенно несущественно, что летопись перепутала год восстания, отнеся его к 1030 г., и неверно связала его начало со смертью Болеслава Храброго, которую тоже неверно датировала 1030 г. Существенно иное: летописец движущую силу восстания определил термином “люди”, а на Руси в то время под словом “люди” понимался вообще простой “арод в своей совокупности, т. е. крестьяне и городское население”⁶⁰.

Аналогичное летописи известие о восстании в Польше имеется в рассказе о Моисее Угрине, где тоже восставшие названы “людьми”⁶¹. Известия летописи и рассказа о Моисее Угрине имеют тем большее значение, что оба они, по всей вероятности, основываются на источнике польского происхождения, причем близком к описываемым событиям⁶². А это, бесспорно, позволяет трактовать в данном случае летопись и рассказ о Моисее Угрине как основные источники. Что касается “рабов”

⁵⁹ ПСРЛ, т. I, стлб. 149—150.

⁶⁰ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1895, стлб. 91—92; М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания..., стр. 80.

⁶¹ В едину убо ночь Болеслав напрасно умре, и бысть мятежь велик в всей Лятыской земли. И вставше, людие избиша епископы своя и бояры своя.. ПКПМ, стр. 105.

⁶² В. Д. К о р о л ю к. Летописное известие ., стр. 73.

и “вольноотпущенников” как главных сил восстания у Галла Анонима, то скорее всего объяснять этот оборот хрониста следует как литературный прием, навеянный знакомством с античной литературной традицией⁶³.

Итак восстание 1037-^1038 гг. было действительно массовым, широким народным движением. Источники дают основание полагать, что в нем приняло участие свободное и несвободное феодально-зависимое крестьянство, обездоленное население подградий и рабы.

Что касается характеристики действий восставших, то все три источника ярко характеризуют их антифеодальную направленность. Восставшие громили усадьбы феодалов (“бояр”), убивали их самих. Между прочим, в рассказе о Моисее Угрине говорится и о гибели во время восстания его госпожи, у которой он находился в период своего плена в Польше: “Тогда и сию жену уби-ша”⁶⁴.

С особой ненавистью восставшие громили, очевидно, монастыри и церкви, убивая епископов и священников. О жестокой расправе с христианским клиром совершенно определенно говорит Галл Аноним.

Понятно, что антифеодальное восстание не с одинаковой интенсивностью проходило на всей территории Древне-польского государства. Главными очагами движения являлась Великая Польша и частично Силезия, в гораздо меньшей степени оно коснулось Малой Польши, где христианство имело прочные и давние традиции, и, по-видимому, совершенно не затронуло Мазовии, куда христианство по существу еще не успело проникнуть и где поэтому не было христианской церкви — этого олицетворения феодального гнета- и эксплуатации.

Мазовецкая знать сумела, очевидно, использовать в своих целях недовольство народных масс увеличившимися княжескими поборами, не прибегая к выступлению против христианской церкви. Вместе с тем она сумела и предотвратить перерастание здесь классовой борьбы крестьянства в прямое вооруженное восстание, что, может быть связано с тем, что в силу своего географического положения Мазовия была наименее разоренной частью страны. О том, что в Мазовии антифеодаль-

⁶³ Там же, стр. 70

⁶⁴ ПКПМ, стр. 105.

ного восстания не произошло, свидетельствуют слова хроники Галла Анонима, сообщающего о бегстве сюда тех, кому угрожало в других местах антифеодальное движение, очевидно, тех самых епископов, “попов” и “бояр”, о которых упоминает летопись. Бежали в Ма-зовию также и крестьяне, спасаясь от иноземных вторжений⁶⁵.

Антифеодальное восстание нанесло решительный удар польскому раннефеодальному государству, которое пришло в полный упадок. Только в Кракове, Познани, Гнезно и некоторых других городах кое-как держались еще остатки государственного аппарата⁶⁶. Наследник Болеслава Забытого, его младший брат Казимир, вынужден был бежать из страны.

Общий характер антифеодального восстания в Польше по своим основным тенденциям очень близко напоминает аналогичные движения в Киевской Руси XI в., свидетельствуя вместе с тем о близости русского и польского исторического процесса в описываемое время. Особенно бросается в глаза крупная роль, которую играли >в этих движениях пережитки язычества. Помимо отмеченного выше восстания 1024 г. в Суздальской земле, во главе которого стояли волхвы, здесь следует указать на восстания русских крестьян и горожан 60—70 годов XI в., в которых волхвы также играли крупную роль. Русская летопись говорит о “бесовском наущении” волхвов в Ростовской земле, в Новгороде и даже в Киеве⁶⁷. Отмечаются в русских летописях и случаи прямого выступления против духовных иерархов. Так, в 1068 г. был удушен холопами в Киеве новгородский владыка Стефан⁶⁸. Почти в то же самое время в Новгороде восставшие горожане во главе с волхвом “хотяху побити” епископа Федора⁶⁹.
Подробный анализ этих столь характерных для рус-

⁶⁵ Illi vero, qui de manibus hostium evadabant, vel qui suorum se sedicionem devitabant, ultra flumen Wysla in Mazouiam fugiebant. Gallus Anonymus, L. I, cap. 19, ср. там же, L. I, cap. 20: Erat enim eo tempore Mazouia Polonis illis antea fugientibus, ut dicitur in tan-turn populosa, quod agricolis, rura animalibus pascua, habitatoribus loca non satis erant spaciosa.

⁶⁶ Historia polityczna Polski, cz. I, стр. 67.

⁶⁷ НПЛ, стр. 191—196; ПСРЛ, т. I, стлб. 174—181, ⁶⁸ Новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 185. ⁶⁹ НПЛ, стр. 196.

ской жизни XI в. антифеодальных выступлений был дан академиком М. Н. Тихомировым⁷⁰. Сопоставив эти движения на Руси с аналогичными движениями в Польше исследователь пришел к следующему выводу: “Эти движения знаменовали собой важный исторический этап: окончательное утверждение феодальных порядков на Руси и в соседних славянских странах”⁷¹. Этот вывод можно распространить и на Венгрию XI в.

Временным распадом раннефеодальной монархии Пяс-тов поспешил воспользоваться чешский князь Бржетислав, совершивший опустошительный поход на Польшу. Нужно сказать, что по вопросу о характере внешней политики Чехии того времени, а в связи с этим, и по вопросу об оценке гнезненского похода Бржетислава в литературе все еще продолжается дискуссия.

Уже в старой чешской литературе было высказано мнение, что в планы Бржетислава I входило создание обширного западнославянского государства и что Бржетислав в определенном смысле был продолжателем Болеслава Храброго. В соответствии с такой точкой зрения гнезненский поход Бржетислава толковался не как акт мести и грабежа соперника, а как хорошо продуманный и важный шаг на пути создания возглавляемой Чехией западнославянской монархии с одновременным учреждением в Праге архиепископства⁷².

Используя нумизматические данные и подчеркивая значение для Чехии первой половины XI в. торговли с балтийским бассейном через Польшу, развивал, этот взгляд на политику Бржетислава Г. Скальский, полагавший, что в своей внешней политике чешский князь Бржетислав I опирался на устойчивую великоморавскую традицию и что поэтому в конце 30-х годов XI в. в планы чешских феодалов входило создание большого западнославянского государства, включающего и польские зем-

АП^ЯП* Т и х о м и р о в . Крестьянские и городские восстания ,

⁷¹ Там же, стр. 80.

⁷² Fr. Křiváček. Český knize Břetislav I. XXII Program ces.-kral. realneho a vyssiho gymnasia v Píbrami za r. 1901—1902, V Píbrami, 1902, стр. 7—9.

ли. В соответствии с этим в работе Г. Скальского дается оценка похода Бржетислава на Гнезно⁷³.

Но особенно детально тезис о великоморавских традициях в политических планах Бржетислава I был развит в вышедшей в 1958 г. работе П. Радомерского “Корона моравских королей”, основанной главным образом на изучении нумизматического материала. Автор связывает тип монетной чеканки Бржетислава с византийским чеканом⁷⁴.

Одновременно в ряде работ чехословацких историков подчеркивается расцвет при Бржетиславе I Сазавского монастыря (основан в 1032 г.) как центра распространения литературы и литургии на церковнославянском языке, отмечается его важная роль в развитии культурного общения Чехии с Русью⁷⁵.

Трактовка, особенно в работе П. Радомерского, политической концепции Бржетислава I как концепции, основанной на усвоении и возрождении великоморавских политических и церковных традиций, встретила резкие возражения со стороны ряда чехословацких историков (З. Фиала, Д. Тржештик, Б. Кшеменьская)⁷⁶. По мнению этих исследователей, взгляды сторонников “велико-моравской” концепции не имеют под собой никакой реальной почвы и основаны на произвольной комбинации фактов. До 1034 г., с точки зрения З. Фиалы и Д. Тржеш-тика, можно говорить о политике Бржетислава лишь как о типичной политике удельного князя.

Но и после вступления Бржетислава на пражский великокняжеский стол, по их мнению, нет оснований видеть в его деятельности попытки образования большого славянского государства с самостоятельной церковной организацией и богослужением на церковнославянском языке. Что касается целей похода Бржетислава I на Польшу,

⁷³ G. Ska l s k y . Vyprava Bratislava I do Polska a její význam (далее: Vyprava Bratislava I do Polska...). CNM, 1939, стр. 14—22.

⁷⁴ P. R a d o m e r s k y . Koruna kralu moravskych. Sbornik Narod-niho Musea v Praze. Ser. A, Sv. XII, 1958, N 4—5.

⁷⁵ J. V a s i c a . Slovanska bohosluzba.. стр. 21—22; Dejiny ceske literatury, t. I. Praha, 1959, стр. 54—55.

⁷⁶ Z. F i a l a , D. T r ž e š t i k . O “korune kralu moravskych”. CCHist, 1959, N 3; B. K r z e m i e n s k a . W sprawie chronologii wup-rawy Brzetislawa I na Polskg (далее: W sprawie chronologii...). Zes-zyty Naukowe Uniwersytetu Lodzkiego, ser. I, zesz. 12, 1959.

то он мог преследовать лишь обычные грабительские цели и захват Силезии⁷⁷.

По-видимому, все же нужно признать справедливость точки зрения противников “великоморавской концепции”. Во всяком случае, имеющиеся в распоряжении исследователей археологические материалы ее определенно не подтверждают. Нет оснований утверждать, что в своей строительной деятельности в Моравии Бржетислав I пытался каким-либо образом воскресить старые велико-моравские центры⁷⁸.

Сложнее обстоит дело с оценкой политики Бржети-слава I в отношении Польши, судить о которой приходится главным образом на основании действий чешского князя в годы социально-политического кризиса Древне-польского государства.

Воспользовавшись обстоятельствами мощного подъема в Польше антифеодального народного движения и временного политического распада Древнепольского государства, Бржетислав I поспешил вмешаться в польские дела. Чрезвычайно показательным при этом, что в отличие от германских или русских феодалов чешские феодалы не поспешили с помощью Пястам против восставшего крестьянства, хотя, казалось, именно этого требовали их классовые интересы. Позиция Бржетислава I и поддерживавших его кругов чешских крупных землевладельцев оказалась совершенно иной, как показывает развитие событий в период гнезненского похода чешского князя.

Точная датировка похода до сих пор вызывает споры среди историков. Дело в том, что польские анналы (роч-ники) датируют его 1038 или иногда даже 1037 г.⁷⁹, в то время как чешские называют 1039 г.⁸⁰ Примирая эти противоречивые показания источников, чешские историки, как правило, считают, что поход начался в 1038 г., а закончился лишь в 1039 г.⁸¹ Опорой для

“korune kralu moravskych”,

⁷⁷Z. Fiala, D. Tfestik. Остр.484—486.

Пользуясь случаем, автор приносит свою благодарность чехословацким исследователям П. Раткошу и Я. Декану за разъяснение по этому вопросу.

!! МРН, т. II, стр. 794; т. III, стр. 144, 830, 873; т. V, стр. 880 "о FRB, т. II, стр. 377, 381, 389.

* V. Novotny. Ceske dejiny, t. I, c. 2, Praha, 1913, стр. 15. cp. Q. Skalsky. Vyprava Bfetislava I do Polska..., стр. 15.

такого решения вопроса могут служить показания Козьмы Пражского, согласно которым вторжение в Польшу произошло на четвертом году княжения Бржетислава I⁸², т. е. в 1038 г., а закончилось 1 сентября 1039 г., когда состоялось торжественное вступление Бржетислава в Прагу⁸³.

Но если поход продолжался столь длительное время, то естественно возникает следующий вопрос: можно ли считать гнезненский поход эпизодической военной акцией грабительского характера или речь должна идти о военных действиях более широкого масштаба? Один из последних исследователей похода Бржетислава I, Б. Кшемьская, явно склоняется к первому решению, полагая, что поход состоялся летом 1039 г. и длился всего два месяца. Чешский князь двигался на Гнезно через Силезию (Вроцлав), не встречая на пути сопротивления⁸⁴. Аналогичную оценку походу Бржетислава как походу, преследовавшему только грабительские цели, дают, как уже говорилось, З. Фиала и Д. Тржештик⁸⁵.

Такое решение можно принять, если опираться лишь на показания одного Галла Анонима. Польский хронист действительно сообщает только о разорении чешским князем Гнезно и Познани и похищении мощей св. Вой-

теха

⁸⁰ Совершенно иной окажется картина событий, если обратиться к тексту хроники Козьмы Пражского, который, по его собственным словам, начиная со второй книги своего сочинения, попытался “рассказать о том, что мы (Козьма.— В. К.) или сами видели, или достоверно установили со слов тех, кто сам видел (описываемое)”⁸⁷. Упомянув о том трудном положении, в котором находилась в описываемое время Польша, и о стремлении Бржетислава не упустить случая отомстить своим польским противникам, Козьма рассказывает далее о совещании князя со знатью, на котором было принято

⁸² Cosmas, L. II, cap. 2.

⁸³ Там же, L. II, cap. 5.

⁸⁴ В. К r z e m i e n s k a. W. sprawie chronologii, стр. 33—36.

⁸⁵ Z. Fiala, D. Třestík. O “korune kralu moravskycfi”, стр. 486.

⁸⁶ Eo tempore Bohemi Gneznen et Poznan destruxerunt, sanctiqiie corpus Adalbert! abstulerunt. Gallus Anonymus, L. I, cap. 19. ¹⁷

решение о нападении на Польшу и о созыве народного ополчения. "...Бржетислав... немедленно оповестил всех о своем страшном решении, разослав по всей чешской стране, в знак своего приказа, петлю, сплетенную из лыка. Это означало, что, кто прибудет в лагерь позднее назначенного срока, то пусть знает, что будет без промедления повешен в такой петле на виселице"⁸⁸.

Весьма тщательную подготовку вторжения подчеркивает и Б. Кшеменьская⁸⁹.

Далее Козьма рассказывает о вступлении Бржети-слава в "главный гброд поляков" Краков и разорении его⁹⁰, о захвате и разорении чешским войском других польских городов, в том числе о выводе в Чехию из г. Ге-ча его населения и укрывшегося за его стенами окрестного крестьянского люда⁹¹. Вслед за тем целые три главы второй книги хроники Козьма посвящает повествованию о захвате Гнезно и перенесению в Прагу останков св. Войтеха, первого гнезненского архиепископа Гаудентого и пяти братьев-мучеников⁹².

Показание чешского хрониста о захвате и ограблении Кракова существенно расширяет круг молниеносного военного набега, преследующего цель захватить добычу и овладеть пограничной Силезией. Именно поэтому Б. Кшеменьская делает попытку отвести это сообщение Козьмы Пражского, утверждая, что оно было всего лишь плодом домыслов и произвольных комбинаций самого хрониста. По ее мнению, Козьма приплел к своему рассказу Краков лишь потому, что хотел подчеркнуть⁹³ удачу места Бржетислава I за унижение Чехии при Болеславе III.

Такой трактовке слов Козьмы противоречат данные немецких источников, сообщающих под 1041 г. о том, что германский король Генрих III заставил силой Бржетислава I отказаться от попыток подчинить себе какие-ли-

⁸⁸ Cosmas, L. II, cap. 2.

⁸⁹ В. К r z e m i e n s k a . W sprawie chronologii..., стр. 28.

Krakov autem eorum metropolim ingressus a culmine subvertit et spoha eius obtinuit; insuper et veteres thesauros ab antiquis ducibus in aerario absconditos evoluit scilicet aurum et argentum infinitum ni-mis. Cosmas, L. II, cap. 2.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же, L. II, cap. 3, 4, 5

⁹³ В. К r z e m i e n s k a . W sprawie chronologii..., стр. 34.

бо другие польские провинции, кроме двух, уже находившихся под его властью⁹⁴. Одной из этих провинций была Силезия, другой — скорее всего Моравия⁹⁵. Обе они прежде входили в состав Древнепольского государства: первая — до 1038—1039 гг., вторая — до 1031 г. Чешский князь, однако, был неудовлетворен этими завоеваниями и претендовал еще на какие-то другие польские территории. Простого взгляда на географическую карту достаточно для того, чтобы решить, что Бржети-слав в первую голову должен был думать о Кракове и Малой Польше. А это означает, что вторжение чешского князя в Польшу преследовало значительно более широкие цели, чем полагают Б. Кшемьская, Д. Тржештик и З. Фиала. Об этом весьма красноречиво свидетельствует и рассказ Козьмы о захвате Гнезно.

Чешское войско, по-видимому, без боя овладело церковной столицей Польши, которую некому было защищать⁹⁶. Далее, в отличие от Галла Анонима, Козьма сообщает о захвате и перенесении в Прагу не только останков св. Войтеха, но и мощей пяти братьев-мучеников и архиепископа Гаудентога⁹⁷. Важно подчеркнуть при этом, что в глазах хрониста самовольное нарушение, покоя останков святого захватившими Гнезно чехами, без всякого сомнения, являлось святотатством. Потребовались три дня поста и молитвы и “чудесное” явление во сне пражскому епископу Северу св. Войтеха, потребовалось наконец, утверждение (именно в Гнезно перед гробницей св. Войтеха) так называемого Статута Бржети-слава, гарантировавшего права и привилегии церкви⁹⁸, чтобы попытаться снять с гнезненской акции Бржети-слава I черное пятно святотатства. Именно так изображает дело Козьма Пражский⁹⁸. По его словам, святотатственный перенос мощей чешским князем стал пред-

⁹⁴ ... et nihil plus Boloniae... provinciae sibimet submittere, nisi duas regiones quas ibi meruit suscipere. *Annales Altahenses Majores* под 1041 г MGHSS, t. XX.

⁹⁵ F. K l i m a. K vykladu letopisu Altasskych (1041) CMM, t. XVI, 1884, стр. 68—70; L a b u d a. Utrata Moraw., стр. 123—124

⁹⁶ nec longe a predicta urbe (Гер.— В. К) ventum erat ad metro-polim Gnezdem, natura loci et antemurali firmam, sed facilem capi ab hostibus, raris earn inhabitantibus civibus. Cosmas, L. II, cap 3

⁹⁷ Cosmas, L. II, cap. 4

⁹⁸ Pfehled ceskoslovenskych dejin. d. I. Praha. 1958, стр. 74. ⁹⁹ Cosmas, L. II, cap. 4.

метом специального разбирательства в Риме, где чешские послы, “не рассчитывая на красноречие, дары щедро давали”¹⁰⁰. Если чешский князь и пражский епископ пошли на такое рискованное предприятие¹⁰¹, то, очевидно, потому, что они придавали этому акту особое государственное значение.

Покаяние, пост, молитвы и другие церемонии в Гнез-но, торжественность вступления в Прагу чешского князя и пражского епископа, который тоже участвовал в походе с войском, “причем “сам князь и епископ несли на плечах дорогую ношу — мощи мученика Христова Адальберта, за ними *аббаты* несли останки пяти братьев, дальше шли архипресвитеры, неся (мощи.— *В. /(.)* архиепископа Гаудентого”¹⁰², — все это, без всякого сомнения, свидетельствовало о том исключительно большом значении, которое придавали походу не только чешский князь, но и чешское духовенство.

Значение перенесения мощей св. Войтеха и его брата и пяти братьев-мучеников из Гнез'но в Прагу на самом деле было исключительным по понятиям того времени. С мощами Войтеха Чехия получала еще одного, помимо Вацлава, христианского патрона, причем на этот раз такого патрона, которого равно чтили как в Чехии и Польше, так и в Германии и Италии. С перенесением мощей св. Войтеха связывались, очевидно, планы чешского князя и пражского епископа учредить в Праге архиепископство и добиться для Чехии церковной независимости от Империи¹⁰³. Участие в походе на Гнезно пражского епископа полностью убеждает в таком решении вопроса.

Замыслы Бржетислава не могли, однако, сводиться только к плану создания пражского архиепископства. Гнезненский поход, лишая Польшу ее “небесного” патрона, подрывал основы ее церковной и государственной самостоятельности. В том, что чешский князь стремился не только усилить Чехию, но и нанести сокрушительный

¹⁰⁰ Там же, Л. II, сар. 7.

¹⁰¹ По словам Козьмы, в Риме первоначально хотели лишить Бржетислава княжеского достоинства и изгнать на 3 года, а епископа заточить в монастырь. Cosmas, L. II, сар. 6.

¹⁰² Там же, Л. II, сар. 5.

¹⁰³ Historia polityczna Polski, cz. I, стр 67—68; Pfehled ceskoslovenskych dejin, d, I, стр. 74.

удар Древнепольскому государству, подорвать его типичную для феодализма государственную идеологию, лишить пястовскую династию покровительства святых и церкви, убеждает тот факт, что вместе с останками Адальберта были вывезены останки Гаудентого и пяти братьев-мучеников.

Это не значит, конечно, что в лице Бржетислава восставший трудовой люд Польши встретил союзника против своих феодалов. Не может быть никакого сомнения в том, что, предавая огню и мечу польские города и села, чешский князь расправлялся заодно и с восставшим польским крестьянством. Это значит только, что, используя социально-политический кризис Древнепольского государства, резко проявившиеся в Польше тенденции феодальной раздробленности, чешский князь попытался сокрушить старых противников Пшемьслидов — Пястов и поддерживавшие Пястов группировки польской знати, подорвать и уничтожить их политическую программу.

Таковы факты, которые заставляют отвергнуть тезис об ограниченном, исключительно грабительском характере польской акции Бржетислава I в 1038—1039 гг. Для того чтобы нагнать добычу и захватить Силезию, не было необходимости рубить под корень идеологические основы польской раннефеодальной государственности. Поэтому более правильными представляются взгляды тех исследователей, которые усматривают в польской политике Бржетислава концепцию создания крупного западнославянского государства. Само собой разумеется, конечно, что даже в самых смелых планах чешского князя такое государство не могло охватывать все западное славянство. Едва ли мог мечтать чешский князь и о подчинении себе всех польских земель. Скорее всего речь могла идти о восстановлении границ монархии Болеслава II Чешского и о воскрешении его смелых церковных планов, с чем, возможно, связано и покровительство Сазавскому монастырю, игравшему важную роль в культурном и церковном общении с Русью¹⁰⁴. Чешскому князю, конечно, важно было заинтересовать в своих политических замыслах Римский престол.

На пути честолюбивых замыслов чешского князя оказалась, однако, Империя. В результате двухлетней

¹⁰⁴ J. V a s i c a Slovanska bohosluzba ., стр. 21—24.

борьбы с германскими феодалами Бржестислав I, принявший в 1035 г. Чехию в качестве имперского лена¹⁰⁵, вынужден был отказаться от своих широких замыслов в отношении Польши и признать себя “новым вассалом императора¹⁰⁶. За Чехией сохранилась только Моравия и Ойдезия с Вроцлавом.

В отличие от событий 1031 г., нет никаких оснований полагать, что польский поход чешского князя в 1038—1039 гг. мог быть в какой-либо степени поддержан Киевской Русью. Союз вернувшегося около этого времени в Польшу Казимира с Ярославом Мудрым и русская помощь в восстановлении государственного единства Польши в 40-е годы XI в. исключают даже возможность такой постановки вопроса.

Более вероятно, что Бржестислав мог координировать свои действия с Венгрией¹⁰⁷ и Маславом Мазовецким, которого поддерживали поморяне и пруссы¹⁰⁸, может быть, ятвяги. К сожалению, в этом случае пойти дальше простого предположения нет никакой возможности.

Итак, далеко перешагнувшая за рамки этнографически польских земель раннефеодальная монархия Болеслава Храброго оказалась довольно эфемерным и недолговечным образованием. Пользуясь внутренним ослаблением Древнепольского государства, Чехия и Русь легко вернули себе захваченные польскими феодалами земли — Моравию и Червенские города. В этом случае (1031 г.) они выступали против Польши как союзники, координируя свои действия с Империей.

Социально-политический кризис Древнепольского государства, приведший в конце 30-х годов к его распаду и ознаменовавшийся взрывом широкого антифеодального движения в стране, привел к такому изменению расстановки политических сил в Центральной и Восточной

ГМ^{РЧ}.^{led} ceskoslovenskych dejin, d. I, стр. 74

...iusiurandum regi fecit, ut tam fidelis, illi maneret, quam miles seniori seniori esse deberet, omnibus amicis eius fore se amicum, inimicis inimicum, et nihil plus Bolaniae vel ullius regalis provinciae sibi submittere, nisi duas regiones quas ibi meruit suscipere. Annales Altahenses Majores под 1041 г. MGHSS t. XX.

¹⁰⁷ Cp. Gallus Anonymus, L. I, cap. 18

¹⁰⁸ Historia polityczna Polski, cz. I, стр. 68

Европе, при котором чешский князь Бржетислав I попытался даже восстановить в прежних, конца X в., границах монархию Пшемьслидов и воскресить планы Болеслава II учредить архиепископию в Праге. Возможно, что Бржетислав рассчитывал при этом на заинтересованность Империи в подавлении крестьянского восстания в Польше, проходившего под языческими лозунгами, ставил ставку "на интерес папства и Империи к организации восточной миссии и даже действовал в контакте с некоторыми группами польской знати, представлявшими собой центробежные силы в раннефеодальной Польше".

Однако усиление Чехии, как это показали уже события 1031 г., отнюдь не устраивало германских феодалов. Тем более не могли устроить их планы создания большого западнославянского государства. Вмешавшись в восточные дела, Империя не допустила осуществления государственных и церковных замыслов Бржетислава I. Восточная политика германских феодалов, преследовавшая цель подчинения Империи всего западного славянства, сводилась поэтому к тому, чтобы сохранять известное равновесие сил между Польшей и Чехией, поддерживая таким образом истощающее обе страны соперничество Пястов и Пшемьслидов.

Польская политика Бржетислава I не встретила, однако, сочувствия и при дворе великого князя киевского. Этому были, впрочем, особые причины, о чем пойдет речь в следующей главе настоящего исследования.

РУССКО-ПОЛЬСКИЙ СОЮЗ

40-х годов XI в.

И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ
В ВОСТОЧНОЙ
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

Антифеодальное крестьянское восстание 1037—1038 гг., как уже отмечалось в предыдущей главе, до основания потрясло раннефеодальную польскую государственность. Древнепольское государство как единый политический организм перестало существовать. Вторжение Бржетислава I, казалось, должно было нанести последний удар монархии Пястов, способствуя укреплению в ней центробежных тенденций, приведших уже к отрыву Поморья и Мазовии. Последняя, если судить по словам Галла Анонима¹, представляла собой большую силу. Важное значение имело и то обстоятельство, что Маслав Мазовецкий мог опираться на союз с поморянами, пруссами, ятвягами² и, может быть, даже Чехией Бржетислава I. При таких условиях положение Казимира, бежавшего сначала в Венгрию, а затем укrywшегося в Германии³, могло действительно считаться отчаянным. Но тут вступили в силу новые факторы как внутреннего, так и внешнего порядка, которые совершенно изменили дальнейшее развитие событий.

Дело в том, что перед лицом мощного антифеодального движения, охватившего огромную территорию, должны были временно умолкнуть те противоречия, которые разъедали господствующий класс, особенно в Малой “ Великой Польше. Потрясенные выступлением крестьянства светские и духовные землевладельцы, естественно, торопились объединить свои силы, чтобы подавить восстание. Политическое подавление свободного и зависимого непосредственного производителя-общинника было в тех условиях необходимой предпосылкой для окончательного торжества и дальнейшего развития феодальных отношений. Консолидации сил польских феодалов способствовала, по-видимому, и военная

¹Gallus Anonymus, L I, cap 19, 20²H
L o w m i a n s k i Stosunki polsko-ruskie³ стр 160
Gallus Anonymus, L. I, cap. 18, 19.

акция Бржетислава I, пытавшегося подчинить себе значительную часть польских земель.

Исключение в этом смысле составляла, пожалуй, только поморская и мазовецкая знать, явно стремившаяся к феодальной обособленности. На Поморье землевладельческая знать, по-видимому, даже сама обратилась к лозунгу реставрации язычества, чтобы использовать в своих интересах антифеодальное народное движение против христианской церкви⁴. Однако в сложных условиях конца 30-х годов собственных сил господствующего класса Великой и Малой Польши для достижения победы над восставшим народом и восстановлении государственного единства Польши оказалось явно не достаточно. И тут на помощь польским феодалам пришли сначала германские, а затем русские феодалы.

В Империи, по-видимому, прекрасно понимали, что торжество язычества на польских землях — явленно чрезвычайно для нее опасное⁵ и прежде всего, разумеется, потому, что языческое по форме движение в Польше носило ярко выраженный антифеодальный характер по своему классовому существу. Торжество непосредственного производителя-крестьянина в Польше не могло не вызвать соответствующей реакции в славянских областях Империи, не могло не способствовать обострению классовой борьбы против германских феодалов со стороны покоренного шлабочприбалтийского славянства. Наконец, торжество язычества в Польше неизбежно должно было усилить позиции язычников-лютичей, ослабить влияние германских феодалов в стране бодричей. Иными словами, антифеодальное движение в Древнепольском государстве угрожало как классовым интересам германских феодалов, так и их политическим позициям на обширной территории между Одрой и Лабой. Это обстоятельство и явилось главной причиной активной помощи германских феодалов польским феодалам и Казимиру I.

В предыдущей главе указывалось еще на одно обстоятельство, обеспечившее польским феодалам помощь Империи. События конца 30-х годов ясно показали им-

⁴ В. Д. Корлюк Древнепольское государство, стр 177—180; о н ж е Летописные статьи о русско-польском союзе 40-х годов XI в., стр 5.

⁵ Ср. Z. Wojciechowski. Państwo polskie., стр. 45.

перским политикам, что естественным следствием развала Древнепольского государства будет быстрое усиление Чехии, стремящейся выйти за свои этнические границы. Помогая Казимиру I и польским феодалам подавить антифеодалное движение и восстановить в стране государственный аппарат как орган классового насилия крупных землевладельцев, Империя исходила также из расчета, что восстановленная монархия Пяс-тов явится политическим противовесом усилившейся Чехии Пшемислидов, выступит против Чехии в роли имперского союзника⁶. Тем самым будут сорваны опасные для Германии планы Бржетислава I основать крупное западнославянское государство. Игра на противоречиях между Польшей и Чехией, столкновение династических интересов Пястов и Пшемислидов была такой же генеральной линией политики германских феодалов за Одрой, Рудными горами и Чешским лесом, как поддержка центробежных сил в Бодрицком княжестве, стремление не допустить его политическую консолидацию в политике феодальной Саксонии за Лабой⁷.

Пясты имели, однако, и своих противников в Империи, которые объединялись вокруг Магдебургского архиепископа, прилагавшего все усилия к тому, чтобы ликвидировать отдельную польскую церковную провинцию и подчинить своей власти в церковном отношении польские земли. При этом Магдебург опирался на фальсификат папской буллы, определяющий границы Магдебургской архиепископии. Фальсификат этот был изготовлен еще в эпоху польско-немецких войн при Болеславе Храбром. Магдебургу удалось дважды добиться подтверждения его Римом и использовать его в качестве правовой основы для своих претензий на Востоке⁸.

Протесты Магдебурга, задержавшие восстановление отдельной польской церковной провинции, не изменили, однако, основной линии внешней политики Империи. Поход Бржетислава Чешского в Польшу побудил ее поторопиться с помощью Казимиру, который возвратился в страну не позже 1039 г.⁹ Подавив с помощью

⁶ Ср. Z. Wojciechowski. Państwo polskie..., стр. 45.

⁷ Ср. В. Д. Королью к. Государство бодричей, стр. 178—184, 194

⁸ Z. Wojciechowski. Polska-Niemcy..., стр. 34.

⁹ Ср. Historia polityczna Polski, cz. I, стр. 68; S. M. Kuczyński. Nieznany traktat polsko-ruski..., стр. 258.

германских феодалов антифеодальное движение, он Довольно легко объединил под своей властью Великую и Малую Польшу. В данном случае как бы повторялась ситуация начала XI в. с той разницей, что Пясты и Пше-мыслиды поменялись местами. Если в начале XI в. германские феодалы помогли Лшемыслидам устоять перед натиском Пястов, то в 1039—1041 гг. они приняли меры “ тому, чтобы спасти Пястов от мести Бржетислава I. Аналогия с чешскими событиями начала века настолько велика, что можно отметить даже сходство отдельных деталей. Подобно тому, как изгнание Болеслава Храброго из Чехии началось со вступления чехов в град Држевице¹⁰, так и восстановление Древнепольского государства ознаменовало переход на сторону Казимира одного из укрепленных польских городов¹¹. Вооруженная помощь Казимиру со стороны Империи численно была, по-видимому, невелика. Галл Аноним упоминает всего-навсего о вспомогательном рыцарском отряде в пятьсот копий¹².

Быстрота, с которой удалось Казимиру подавить антифеодальное восстание, свидетельствует о том, что восставшие крестьяне не имели прочной организации, что восстание носило стихийный характер и состояло из ряда локальных выступлений более или менее крупного масштаба. Вместе с тем успехи Казимира определялись позицией быстро объединившихся вокруг своего князя, феодалов Великой и Малой Польши, видевших в центральной власти гарантию своего классового господства и выразителя их политических интересов перед лицом иноземной угрозы. Трудно сказать, какую роль сыграли в событиях возвращения Казимира города и городское население. Судя по примеру Руси и Чехии, можно предполагать, что они тоже не оставались пассивными зрителями.

Восстановленное таким образом Древнепольское государство в государственно-правовом отношении не бы-

¹⁰ Coşmas, L. I, cap. 36.

¹¹ Казимир .. Polonie fines introivit, ulteriusque progrediens, cast-rum quoddam a suis sibi redditum acquisivit, de quo paulatim virtute cum ingenio totam Poloniam a Pomoranis et Bohemicis ahisque fmiti-mis gentibus occupatam liberavit . Gallus Anonymus, L. I, cap 19.

¹² Et assumptis secum mihtibus quingentis Polonie fines introivit..., (там же).

ло самостоятельным. Казимир был ленником германского императора, Польша временно оказалась леном Империи¹³.

После возвращения Казимира I и подавления антифеодалного движения в Малой и Великой Польше международное положение Древнепольского государства все еще оставалось крайне сложным. За пределами восстановленной монархии Пястов находились Поморье и Мазовия, где правили самостоятельные княжеские династии, и большая часть Силезии, захваченной Чехией и оставшейся за ней по соглашению Бржетислава I с императором в 1041 г. Уже *в ходе борьбы в Малой и Великой Польше Казимиру I пришлось, судя по словам Галла Анонима, столкнуться с сопротивлением чешского князя и поморян¹⁴.

Поэтому основной внешнеполитической задачей Древнепольского государства в 40—50-е годы XI в. стала борьба за воссоединение Силезии, Поморья и Мазовии. Казимиру I приходилось иметь дело с могущественной чешско-поморянско-мазовецкой коалицией, опиравшейся на помощь пруссов и ятвягов. В борьбе с нею Древне-польское государство могло, правда, рассчитывать на помощь Империи. Однако поддержка Империи, боявшейся быстрого усиления Чехии и заинтересованной в установлении между Польшей и Чехией такого неустойчивого равновесия сил, которое позволяло бы императору постоянно вмешиваться в дела обеих западнославянских стран и держать их в зависимости от себя, могла быть только временной и ограниченной. Кроме того, внимание Империи отвлекала борьба с Венгрией, которую Германская империя, несмотря на существование в Венгрии не зависимой от императора королевской власти, пыталась превратить в свой лен¹⁵.

При таких условиях для Польши особенно остро стоял вопрос о союзниках. Очень важно было установить

¹³ Z. Wojciechowski *Panstwo polskie*, стр. 45

¹⁴ См. Текст Галла Анонима, приведенный в сноске 11

¹⁵ J. Dąbrowski. *Polityka polska wobec naporu niemieckiego* стр. 65

союзные отношения с Русью. Только с помощью русского князя Казимир мог, кстати говоря, нанести поражение Маславу и подчинить своей власти необычайно усилившуюся и поддерживаемую извне Мазовию, как это и произошло на самом деле впоследствии в результате походов Ярослава Владимировича на мазовшан.

Нужно сказать, что о походах Ярослава в Мазовию упоминают только русские источники. Галл Аноним, описывая поражение Маслава и подчинение Казимиром I Мазовии, подчеркивает, правда, трудности борьбы и многочисленность мазовецких войск¹⁶, однако ничего не говорит об участии в войне русского князя, хотя ему и было известно, что польский князь, возвратясь на родину, взял себе жену на Руси¹⁷, что означало установление русско-польских союзнических отношений. Здесь можно предполагать даже сознательное умолчание польского хрониста, только что иронизировавшего в своей хронике над Ярославом Мудрым¹⁸. Русские летописи упоминают о ряде походов Ярослава на мазовшан. Только последний поход завершился полным разгромом Маслава¹⁹.

Но если цели Казимира, вступившего в союз с Русью, вполне очевидны, то мотивы, побудившие Ярослава поддержать план реставрации Древнепольского государства, с которым ему неоднократно приходилось вступать в борьбу, требуют более подробного объяснения. Русский князь был, очевидно, заинтересован в подавлении антифеодального движения в Польше. Поэтому первым, что объединяло Русь и Польшу в описываемое время, были классовые интересы правивших в обеих странах феодалов. Русских феодалов развитие антифеодального восстания в соседней стране тем более должно было беспокоить, что первая половина XI в. являлась временем нарастания активности народных масс Киевской Руси в их борьбе с феодальным угнетением. В 1024 г. произошло

¹⁶ In illo enim certamine XXX acies ordinatas Masovienses habuerunt, Kazimirus vero vix tres acies bellatorum plenas habebat quoniam, ut dictum est tota Polonia pene deserta iacebat. Gallus Anonymus, L. I, cap. 20

¹⁷ Postea vero de Rusia nobilem cum magnis divitiis uxorem accepit. Gallus Anonymus, L. I, cap. 19

¹⁸ Gallus Anonymus, L. I, cap. 7
¹⁹ ПСРЛ, т. I, стлб 155; т IV, ч. I, вып 1, стлб 116, НПЛ, стр. 181.

крупное крестьянское восстание в Суздальской земле²⁰. память о котором как, возможно, и о других, не отмеченных летописью движениях, очевидно, еще была свежа.

В литературе, кроме того, указывается, что, заключая союз с Казимиром I, Ярослав Аремился полностью гарантировать себя от возобновления борьбы с Польшей за Червенские города²¹. Вопрос этот не мог быть, однако, в тот момент решающим для Ярослава, он не мог определить курс на союз с пястовской Польшей²². Дело не только в том, что Польша была еще тогда слишком слаба, чтобы угрожать могущественному Киевскому государству. В том, что в русско-польском союзе 40-х годов XI в. именно Русь Ярослава, которому, по данным летописи, в 1036 г. удалось объединить под своей властью все русские земли (“Мьстислав... умре... Посемь же пе-рея власть его всю Ярослав, и бысть самовластец Русь-теи земли”)²³, была сильнейшей стороной, не может быть никакого сомнения.

Но если не Червенские города были предметом первоочередных забот русского князя, остается предположить, что его беспокоила в первую голову активность языческих прусско-литовских племен или племенных княжеств, действовавших в контакте с языческими поморянами и Маславом-Моиславом в Мазовии. Именно такой точки зрения придерживается и польский исследователь Г. Ловмяньский²⁴. Находившаяся на границах Руси сильная и вступившая в союз с ятвягами и пруссами Мазовия Маслава, очевидно, действительно представляла опасность для Руси в Прибалтике²⁵. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что заключению русско-польского союза предшествовал поход на ятвягов в 1038 г., о котором упоминают русские летописи и который окончился неудачно для Ярослава²⁶. Вслед за тем

²⁰ ПСРЛ, т. I, стлб. 147—148.

²¹ S. M. K i s z y n s k i. Nieznany traktat polsko-ruski..., стр. 258—259.

²² В. Д. Королюк. Древнепольское государство, стр. 181.

²³ ПСРЛ, т. I, стлб. 150.

²⁴ H. L o w m i a n s k i. Stosunki polsko-ruskie..., стр. 160.

²⁵ Б. Влодарский. Ятвяжская проблема..., стр. 122.

²⁶ Ярослав иде на ятвягы — сообщает “Повесть временных лет”. — ПСРЛ, т. I, стб. 153; “Ярослав., на зиму ходи на ятвягы и не може их взяти — сообщает Новгородская 4 летопись ПСРЛ, г. IV, ч. I, вып. 1, стлб. 114; ср. ПСРЛ, т. V, стр. 137.

под Ю40 г. в летописи читается сообщение о походе Ярослава на Литву²⁷. А уже под 1041 г. “Повесть временных лет” и Новгородская 4 летопись рассказывают о начале борьбы Ярослава с мазовшанами²⁸. Таким образом, положение, что одной из важнейших причин русско-польского военного сотрудничества в 40-е годы было развитие событий в Прибалтике, представляется вполне обоснованным. Можно пойти еще далее и, опираясь на показания Галла о соотношении военных сил Казимира I и Маслава²⁹, предположить, что в междоусобной борьбе в Польше Ярослав Мудрый поддерживал, может быть, даже слабейшую сторону против сильнейшей. Об этом говорит и длительность борьбы с Маславом Мазо-вещким.

Очень сложным из-за неполноты источников представляется вопрос о времени заключения русско-польского союза. Исследователи до сих пор расходятся во мнениях по поводу даты возвращения Казимира в Польшу. В то время, как С. Закшевский называет конец 1038 или в крайнем случае начало 1039 г.³⁰, а С. М. Кучинский — конец 1038 г.³¹, Б. Влодарский относит появление Казимира в Польше к началу 1041 г.³² В соответствии с этим идут споры о времени брака Казимира и сестры Ярослава Марии Добронеги. О. Бальцер³³, а вслед за ним С. Кетцинский³⁴ принимают за дату брака конец

1038 или начало 1039 г., С. М. Кучинский — начало

1039 г.³⁵, в то время как Б. Влодарский³⁶ — 1041 г., а Я. Беияк³⁷ — даже 1042 г.

Вопрос о дате брака Казимира и Марии Добронеги представляется очень существенным потому, что брак этот оформлял собой русско-польский союз, обусловлен-

²⁷ Ярослав иде на Литву. ПСРЛ, т. I, стлб. 153

²⁸ ПСРЛ, т. I, стлб. 153; т. IV, ч. I, вып. 1, стлб. 116.

²⁹ См. текст Галла Анонима в сноске 16.

³⁰ Historia polityczna Polski, cz. I, стр. 68.

³¹ S. M. Kuczyński. Nieznany traktat polsko-ruski..., стр. 257.

³² Б. Влодарский. Ятвяжская проблема..., стр. 122.

³³ O. Balzer. Genealogia Piastow, стр. 89.

³⁴ S. Ketrzynski. Kazimierz Odnowiciel. РАН, т. XXXVIII, 1899, стр. 325—326.

³⁵ S. M. Kuczyński. Nieznany traktat polsko-ruski..., стр. 257.

³⁶ Б. Влодарский. Ятвяжская проблема..., стр. 123.

³⁷ J. Bieniak. Zrodlo ruskie do sprawy Mieslawa. SZ, t. VIII. Warszawa — Poznan, 1963, стр. 109.

ный указанным выше изменением ситуации в Восточной Европе в конце 30-х годов. В русских источниках сообщение о браке Казимира и Марии Добронеги помещено под 1043 г., в “Повести временных лет” и Софийской 1 летописи³⁸ и под 1041 г. в Новгородской 4 летописи³⁹. 1043 г. как дату брака польского князя и дочери Владимира Святославича отверг уже А. А. Шахматов⁴⁰. Не принимают ее, как видно из предыдущего, и польские историки.

Нужно сказать, однако, что нет оснований принимать в качестве даты и 1041 г. В сущности говоря, Новгородская 4 летопись и не называет этой даты. В ней под 1041 г. объединено несколько разновременных сообщений:

1) известие о походе Владимира Ярославича на Византию; поход этот состоялся в 1043 г.;

2) далее, указание о возвращении из Византии Вышаты “по трех же летех, миру бывшую”, т. е. в 1046 г.;

3) и, наконец, о состоявшихся “той же осени” браках Казимира и сестры Ярослава Марии Добронеги, Изяслава Ярославича и сестры Казимира, Гертруды-Оли-Савы.

Иначе датирует брак Казимира и Марии Добронеги немецкий летописец, связывающий, подобно Галлу Анониму⁴¹, возвращение Казимира в Польшу и его брак с русской княжной. Анналист Саксон помещает эти события под 1039 г.⁴²

Поскольку неопределенные заявления русских летописей: “той же осени”⁴³ или “в си же времена”⁴⁴ отнюдь не противоречат показанию немецкого источника, думается, что нет никаких оснований отвергать его данные.

Но если брак Казимира и Марии Добронеги действительно состоялся в 1039 г., то вполне вероятными следует признать предположения тех польских исследователей, которые полагают, что переговоры о династическом

³⁸ ПСРЛ, т. I, стлб. 154—155, т. V, стр. 138.

³⁹ ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. I, стлб. 116.

⁴⁰ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 285

⁴¹ (Казимир — В. /С) Polonie fines introivit... postea vtro du Rusia . uxorem accepit. Gallus Anonymus, L I, cap. 19.

⁴² Kazimer.. reversus in patriam... duxitque uxorem regis Ruscie filiam. Annalista Saxo под 1039 г. MGHSS, t. VI.

⁴³ ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 1, стлб. 116.

⁴⁴ ПСРЛ, т. I, стлб. 154.

союзе между Казимиром и Ярославом начались еще ранее, по-видимому, в 1038 г., во время пребывания Казимира I в Германии⁴⁵. Вполне (вероятной окажется в таком случае и гипотеза автора настоящего исследования, предположившего в своих опубликованных ранее работах, что первое выступление Ярослава против Ма-слава следует тоже датировать 1039 г., когда Казимир I, только что вернувшийся в Польшу, был в наиболее сложном положении, теснимый Бржетиславом I, Маславом Мазоѐцким и поморянами. Нужно учитывать к тому же, что одновременно он занят был подавлением антифеодального движения в стране⁴⁶.

Разумеется, военная помощь Польше со стороны Руси была соответствующим образом обусловлена. Ясно, что Казимир I должен был отказаться от всяких претензий на Червенские города. Русская летопись особенно подчеркивает обязательство Казимира вернуть захваченных еще Болеславом Храбрым во время киевского похода 1018 г. пленных: "... и выдать Казимир за вено людий 8 сот, еже бе полонил Болеслав, победив Ярослава"⁴⁷. Основываясь на Новгородской 4 летописи, следует полагать, что в число этих 800 человек не вошли женщины и дети⁴⁸. Поэтому, опираясь на чтение, зафиксированное в фототипическом воспроизведении "Повести временных лет" по Лаврентьевскому списку⁴⁹, С. М. Кучинский предлагает считать число возвращенных пленных в 5000 человек⁵⁰. Число "50 сот" действительно имеется в Лаврентьевской⁵¹ летописи, однако в Ипатьевской и Рад-зивилловской⁵² летописях, восходящих в этой части "общему с Лаврентьевской протографу, читается та же цифра, что и в Новгородской 4, т. е. "осмь сот". Поэтому

⁴⁵ S. M. Kuczyński. Nieznany traktat polsko-ruski..., стр 257; Ср. Historia polityczna Polski, cz. I, стр. 68.

⁴⁶ В. Д. Корлюк. Летописные статьи о русско-польском союзе 40-х годов XI в., стр. 16—17; о н же. Древнепольское государство, стр. 181.

⁴⁷ ПСРЛ, т. II, стлб. 142—143.

⁴⁸ И събра Казимир людий его Руси полоненых 800, кроме жен й~детей, и вда за вено Ярославу, ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 1, стлб 116

⁴⁹ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Спб. 1872, стр. 104

⁵⁰ S. M. Kuczynski Nieznany traktat polsko-ruski, стр 256.

⁵¹ ПСРЛ, т. I, стлб. 155.

⁵² Там же, прим. 2.

последняя цифра была принята А. А. Шахматовым⁵³ и последними издателями “Повести Временных лет”⁵⁴. Чтение “Я сот” легко могло получиться в результате смешения писцом букв “и” (8) и “н” (50). Учитывая все эти обстоятельства, поправку С. М. Кучинского никак нельзя принять, хотя число возвращенных пленников действительно превышало 800 человек. Что касается русской стороны, то она, по-видимому, не *брала* на себя обязательства вернуть пленников поляков, захваченных в >1031 г.⁵⁵

Русские летописные источники сохранили известия о трех походах Ярослава на Мазовшан. В советской⁵⁶ и польской⁵⁷ историографии высказывалось, однако, мнение, что фактически речь должна идти о двух походах — 1041 и 1047гг.— и что похода 1043г. Ярослав не совершал.

Опорой для такого рода суждений в работах ряда историков явился источниковедческий анализ летописных известий о русских походах в Мазовию, который был сделан А. А. Шахматовым. Разбору этих известий он посвятил несколько очень интересных страниц в своем замечательном исследовании “Разыскания о древнейших русских летописных сводах”⁵⁸.

В немногих словах его выводы сводятся к следующему: в основе летописных известий о смерти Болеслава Храброго, антифеодальном движении в Польше под 1030 г. и летописной статье 1043 г. о браке Казимира I и сестры русского князя Ярослава I и о двух походах последнего на мазовшан лежит житие Св. Антония, утраченное уже в XVI в. Составитель жития воспользовал-

⁵³ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, Пг, 1916, стр. 196

⁵⁴ Повесть временных лет, ч. I. М.—Л., 1950, стр. 104.

⁵⁵ S. M. K i c z y n s k i. Nieznany traktat polsko-ruski..., стр. 259; сообщив под 1031 г. о поселении Ярославом пленников по Роси, летопись добавляет: “...и суть до сего дне”, ПСРЛ, т. I, стлб. 150.

⁵⁶ См. комментарии Д. С. Лихачева в кн.: “Повесть временных лет”, ч. 2. М.—Л., 1950, стр. 381.

⁵⁷ S. K g t r z y r i s k i. Kasimierz Odnowiciel, стр. 334—335; S. M. K i c z y n s k i. Nieznany traktat polsko-ruski, стр. 256; J. V i e n i a k. Zrodlo ruskie, стр. 107—108.

⁵⁸ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 284—289.

ся рассказом о Моисее Угрине. Житие было составлено несколько позже 1072—1073 гг.⁵⁹ и частично вошло в состав Киево-Печерского Патерика. Отсюда А. А. Шахматов делал вывод, что в летописной статье 1043 г. (т. е. в “Житии Антония”) в обобщенном виде рассказывается о двух разновременных походах на мазовшан⁶⁰, которые закончились победой Ярослава. Развивая эту мысль А. А. Шахматова, Д. С. Лихачев отнес эти походы к 1041 и 1047 гг.⁶¹

Рассказ о Моисее Угрине сохранился в составе Киево-Печерского Патерика. Однако сравнение его с летописью свидетельствует скорее против, чем в пользу построения А. А. Шахматова.

Об источниках летописных известий о смерти Болеслава Храброго и о крестьянском восстании в Польше автору этих строк приходилось уже говорить в другом месте. Сопоставление этих известий с аналогичными показаниями рассказа о Моисее Угрине привело его тогда к выводу, что рассказ о Моисее Угрине не может рассматриваться как источник статьи 1030 г. в “Повести временных лет”. Анализируя параллельные тексты летописи и рассказа о Моисее Угрине, можно высказать предположение, что в основе их лежал какой-то общий источник, повествующий о судьбе плененной Болеславом I сестры Ярослава Предславы. В свою очередь этот рассказ использовал при характеристике событий 20—30-х годов XI в. в Польше источник польского происхождения, в частности, показания польки — жены князя Изяслава⁶².

Разрабатывая свою гипотезу, А. А. Шахматов ссылается, между прочим, и на так называемый “Тверской сборник”, тоже упоминающий о Моисее Угрине. На показаниях “Тверского сборника” поэтому стоит остановиться подробнее. В сборнике имеется два относящихся к рассматриваемым сюжетам текста, которые сопровождаются ссылкой на Патерик. Первый помещен под 1015 г.: “Бяшежесей отрок родом Угринь, именован Георгий, брат Моисею, его же потом плени Болеслав, пленуа Киевь с Святополкомь, бияся с Ярославом; много пострада в Ля-сех в плену от жены некия, ея же мужа убиша на бою

⁵⁹ Там же, стр. 260.

⁶⁰ Там же, стр. 282.

⁶¹ Повесть временных лет, ч. 2, стр. 380—381.

⁶² В. Д. Корольков. Летописное известие ..., стр. 72—83.

вой Ярославля; она же хоте сего Моисея в дом свой взя-ти в мужа себе, красоты ради его, бяше бо красен вел-ми; о нем же повесть в Патерице в Печерскомь”⁶³.

Последние слова прямо свидетельствуют, что “Тверской сборник”, составленный в 1534 г., пользовался рассказом о Моисее Угрине. Однако этого еще недостаточно для того, чтобы утверждать то же самое относительно “Повести временных лет”. Вместе с тем привлекает к себе внимание то обстоятельство, что между приведенным выше отрывком из “Тверского сборника и сообщениями Патерика наблюдается некоторая разница. “Тверской сборник” знает некоторые подробности, неизвестные Патерику. В нем сообщается, что Моисей попал в плен в Киеве в то время, когда Болеслав брал город, “бияся с Ярославом”. Этого момента борьбы Болеслава с Ярославом из-за Киева нет ни в рассказе о Моисее Угрине Патерика, ни в “Повести временных лет”. Показательно, однако, что о бегстве Ярослава из Киева перед наступающими войсками Болеслава Храброго говорится и в хронике Галла Анонима, постаравшегося изобразить русского князя в самом карикатурном виде⁶⁴.

Таким образом, в основе приведенного выше текста “Тверского сборника” под 1015 г. лежит иное известие, чем соответствующее место Киево-Печерского Патерика. Этим как будто снимается вопрос о рассказе о Моисее Угрине как источнике указанного текста “Тверского сборника”.

Вместе с тем сопоставление известий о событиях 1018 г. в “Повести временных лет”, в рассказе Патерика о Моисее Угрине, в котором нет не только эпизода борьбы из-за Киева, но и даже сведений о битве на Буге, и “Тверском сборнике” подтверждает, по-видимому, ту мысль, что рассказ о Моисее Угрине не мог явиться источником летописных сообщений о русско-польских отношениях первой половины XI в., что таким источником, источником общим и для летописи и для рассказа о Моисее Угрине, был недошедший до нас рассказ о Предславе. Цитированный выше отрывок из “Тверского сборника”, использовавшего в этой части как данные Патерика, так и летописные источники, без сомнения, ближе стоит к гипо-

⁶³ ПСРЛ, т XV, стр 126

⁶⁴ Gallus Anonymus, L I, cap 7

тетическому рассказу о Предславе, чем соответствующие тексты Патерика и “Повести временных лет” в том виде, как они сохранились.

Вероятность бытования на Руси рассказа о Предславе, повествующего о киевском походе 1018 г. Болеслава Храброго и о последующих событиях в Польше, представляется тем более убедительной, что, судя по словам Галла Анонима, отказ русского князя выдать замуж за Болеслава I Предславу, послужил одной из причин киевского похода⁶⁵. Предслава пала жертвой мстительности польского князя, обесчестившего ее и уведшего в плен в Польшу⁶⁶. Не менее важно, что летопись подчеркивает далеко не последнюю роль, которую сыграла Предслава в борьбе за киевский стол между Святополком и Ярославом. Ведь именно от нее, по словам “Повести временных лет” под 1015 г., узнал Ярослав о гибели Бориса и о готовящемся покушении на Глеба: **tV* ту же ночь приде ему весть из Кыева от сестры его Передьславы: си отец ти умерл, а Святополк седит ти Кыеве, убив Бориса, а на Глеба посла, а блюдиися его повелику⁶⁷. В данном случае несущественно, что летописная статья 1015 г. неточно освещает обстоятельства гибели Бориса и Глеба, о чем подробнее говорилось в гл. 7 настоящей работы. Следы использования летописцами рассказа о Предславе можно обнаружить не только в “Повести временных лет” или “Тверском сборнике”, но и в Новгородской 4 летописи. К нему, по-видимому, восходит следующий текст, помещенный под 1018 г.: “... И седе (Болеслав. -В. /С.) на столе Володимере. И тогда Болеслав положи себе на ложи Предславу дщерь Володимерю, сестру Ярославлю”⁶⁸.

Что касается сообщения летописи о изгнании Болеслава I из Киева в результате восстания населения, поднятого против польских войск князем Святополком, то этого известия, очевидно, не было в рассказе о Предславе. Нет такого известия и в использовавшем его тексте рассказа Патерика о Моисее Угрине. Здесь даже как будто прямо говорится о добровольном уходе Болеслава:

⁶⁵ Там же

⁶⁶ Там же; Thietmar, L VIII, cap 32

⁶⁷ ПСРЛ, т I, стлб 140—141

⁶⁸ ПСРЛ, т IV, ч I, вып 1, стр 108

“възвращася Болеслав в Ляхы, и поат с собою обе сестре Ярославля, и изыма же и бояр его”⁶⁹. Зато из рассказа о Предславе заимствовано, надо полагать, летописное сообщение о возвращении в Польшу Болеслава I с большой добычей и множеством пленников. Это сообщение полностью подтверждается не только словами Галла Анонима⁷⁰, но и показанием Титмара Мерзебургского, бывшего современником событий и знавшего о радостном возвращении в Польшу Болеслава⁷¹. Остается разобрать вторую ссылку “Тверского сборника” на Киево-Печерский Патерик.

Ссылка эта помещена под 1018 г. в том месте, где идет рассказ о битве на Буге и звучит следующим образом: “На том же бою изымаша Моисеа Угрина, брата Георгиева, иже бе убит с князем Борисом; бе бо и той слуга Борисовъ, и много пострада в Лятской земле от вдовы некия, млада суца, ея же муж, боляринь сый Бо-леславль, убиень на сем бою; Моисей же по страдании своимъ прииде в Киевъ, в Печерский монастырь, и бысть чуден старецъ, красен телом и душею, о нем же лежат повести в Оте^нице Печерском”⁷².

Недоумение в данном случае возникает единственно в связи с тем, что в отличие, как от рассказа о Моисее Угрине Патерика, так и от предыдущего отрывка сборника пленение Моисея оказывается здесь не результатом киевских событий, а последствием битвы на Буге. Эта деталь не была, очевидно, основана на предполагаемом рассказе о Предславе. Не может она рассматриваться и как заимствование из рассказа о Моисее Угрине, поскольку прямо противоречит ему. В таком случае было бы совершенно естественно считать, что эта деталь второго отрывка “Тверского сборника” явилась результатом позднейшей комбинации сводчиком данных летописи и Патерика.

На мысль о таком именно происхождении этого известия наводит следующее место Патерика. После неудачных попыток обольстить Моисея Угрина вдова, к которой он попал в Польше как пленник, обращаясь к Болеславу I, говорит: “сам веси, яко мужь мой убиен

⁶⁹ ПКПМ, стр. 102

⁷⁰ Gallus Anonymus, L. I, cap. 7.

⁷¹ Thietmar, L. VIII, cap. 32.

⁷² ПСРЛ, т. XV, стр. 137

бысть на брани с тобою; ты же ми дал еси волю, да его же възхощу, пойму себе мужа Аз же възлюбих единого юношу от твоих пленник, красна суца..”⁷³. Для сводчика пользовавшегося сохранившимися или близкими к ним редакциями летописи, казалось несомненным, что в рассказе о гибели мужа женщины могли подразумеваться только битва на Буге, так как ни в одном из имеющихся летописных сводов эпизод с осадой Ярослава в Киеве в 1018 г. не упоминается. Наименование Моисея “пленником” наталкивало на мысль, что и он был захвачен в плен в результате сражения на Буге. Такого, по-видимому, происхождение этого известия “Тверского сборника”.

Иными словами и разбор показаний “Тверского сборника” убеждает в том, что ни рассказ о Моисее Угрине, ни использовавшее его житие св. Антония не являлись источниками летописных статей о польско-русских отношениях и событиях в Польше 1018—1038 гг. Источником этих сведений мог зато быть недошедший гипотетический рассказ о Предславе, содержащий и сведения о пребывании в Польше Моисея Угрины, бывшего слугой Пред-славы.

Но если нет никаких оснований возводить летописные известия 1018—1038 гг. о Польше к сообщениям рассказа о Моисее, то тем более это невозможно относительно летописных известий 1041—1047 гг. Как следует из текста Патерика, Моисей провел в плену 6 лет⁷⁴ и вернулся из Польши после смерти Болеслава в 1025 г, прожив после того еще десять лет⁷⁵. Отсюда совершенно очевидно, что рассказ о нем не мог иметь ни малейшего причастия к сообщениям летописей о походах на мазовшан. Тем самым отпадает и возможность опираться на выводы А. А. Шахматова при оценке летописных статей об этих походах Ярослава. Вместе с тем нет, разумеется, никаких оснований возводить эти летописные сообщения и к предполагаемому рассказу о Предславе.

* * *

Остается рассмотреть сами по себе летописные данные о походах на мазовшан, приводя их попутно в связь

⁷³ ПКПМ, стр 104

⁷⁴ “в пленении страда в уз<1\ пять лет, шестое же лето за чистоту” ПКПМ, стр. 106.

⁷⁵ Там же, стр 105—106.

с современным им политическим положением Руси и Польши.

Сведения о русских походах в Мазовию находятся в составе 1 и 4 Новгородских и Софийской I летописей, а также в “Повести временных лет”. Прочие источники, в том числе и Галл Аноним, как уже говорилось, совершенно умалчивают об участии русских сил в подавлении восстания Маслава в Мазовии.

Для целей дальнейшего исследования важно отметить расхождения, наблюдаемые в сообщениях летописных сводов.

Новгородская 4 летопись знает о трех походах Ярослава на мазовшан, помещая их под 1041 и 1047 гг.⁷⁶ Так называемая Новгородская Первая летопись упоминает лишь об одном походе 1047 г.⁷⁷ В “Повести временных лет” отмечены походы 1041 и 1047 гг.⁷⁸ Сравнение текстов известий 1047 г. в этих трех летописях убеждает в большей первоначальности текста “Повести временных лет” и Новгородской 4 летописи, так как сообщение Новгородской Первой летописи о передаче Казимиром Ярославу — шурина — русских пленных предполагает наличие в тексте ее более раннего сообщения о браке Казимира и сестры Ярослава, когда русские пленные были возвращены Ярославу в качестве “вена” (платы за невесту).

<i>Новгородская Первая летопись</i>	<i>Новгородская 4 летопись</i>	<i>“Повесть временных лет”</i>
“Ярослав иде на Мазовшаны и победи я, и князя их уби Моислава, и покори я Казимиру; тогда даст Казимир 800 людии Руси половенных Ярославу шорину”.	“Иде Ярослав третье на Мазовшаны, и победи я, и князя их уби Моислава, и покори землю ту Казимиру”.	“Ярослав иде на Мазовшаны и победи я, и князя их уби Моислава и покори я Казимиру”.

⁷⁶ ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 1, стлб. 116

⁷⁷ НПЛ, стр. 181.

⁷⁸ ПСРЛ, т. I, стлб. 153—155.

Такое сообщение в самом деле имеется в “Повести временных лет”, где оно помещено под 1043 г.: “В си же времена вдасть Ярослав сестру свою за Казимира, и вдасть Казимир за вено людей 8 сот, яже бо полонил Болеслав, победив Ярослава”. Аналогичное сообщение под 1041 г. помещено и в Новгородской 4 летописи: “Той же осени дасть Ярослав сестру свою за Казимира. В тыи лета абидяше Моислав Казимира, и ходи Ярослав двожды на мазовшан в лодиях, и рече к Казимиру: “елико отець твой Болеслав, победив мене, и полонил людей моих за ся, то вдаи ми за вено”. И събра Казимир людин его Руси толоненых 800, кроме жен и детей, и вда за вено Ярославу, шюрину своему. Сей же Казимир вда сестру за Изяслава, сына Ярослава”⁷⁹.

Большая четкость этих известий, говорящих прямо о состоявшемся браке и точнее объясняющих судьбу пленников, в свое время захваченных Болеславом Храбрым, является достаточным основанием к тому, чтобы признать тексты “Повести временных лет” и Новгородской 4 летописи более первоначальными.

В таком случае текст Новгородской Первой летописи окажется сравнительно поздней редакцией, соединившей воедино известие 1041 или 1043 г. о браке Казимира и сестры Ярослава с известием 1047 г., сообщающем о походе Ярослава на мазовшан. Что касается слова “третье” в тексте Новгородской 4 летописи под 1047 г., то появление его объясняется, по-видимому, влиянием сообщения 1041 г. в ней, где говорится о том, что Ярослав “двожды” совершал походы на Мазовию.

Теперь необходимо перейти к разбору соответствующих текстов “Повести временных лет” под 1043 и Новгородской 4 летописи под 1041 г. (в Софийской I летописи под 1043 г.).

⁷⁹ ПСРЛ, т. IV, ч I, вып 1. стлб 116. В Софийской I летописи тот же текст помещен под 1043 г. • Тое же осени князь велики Ярослав даст сестру свою за Казимира. И в та лета обидяше Моислав Казимира, и ходи Ярослав двожды на Мазавшане, и рече Казимиру “ели отець твой Болеслав, победив мене, и полони людей моих за ся, то дай ми за вено”. И събра Казимир людин его Руси полоненых семьсот, кроме жен и детей, и вда за вено Ярославу шюрину своему. Сей же Казимир даст сестру свою за Изяслава, сына Ярославля. ПСРЛ, т. V, стр. 138.

Сравнение их выявляет существенные расхождения

<i>“Повесть временных лет”</i>	<i>Новгородская 4 летопись</i>
“В си же времена вдасть Ярослав сестру свою за Казимира, и вдасть Ярослав сестру свою за Казимира, и вдасть Казимир за вено людей 8 сот, яже бе полонил победив Ярослава”	“Тое же осени Ярослав даст сестру свою за Казимира И та лета обидяше Моислав Казимир ели отець твой Болеслав победив Русь полоненных семьсот, кроме жен и детей, и вда за вено Ярославу — шурина своему Сей же Казимир вда сестру за Изяслава, сына Ярослава”

Анализ расхождений, существующих между известиями 1043 г в “Повести временных лет” и 1041 г в Новгородской 4 летописи, наводит не только на мысль о том, что редакции этих сообщений разновременны, но и убеждает, что редакция Новгородской 4 летописи является более древней

Правда, и в этой редакции можно обнаружить несколько редакционных слоев, раскрывающих иногда характер постепенной обработки текста летописцами Речь идет о таком точном определении времени брака Казимира, как “тое же осени”, возникшем, как указывал еще А А Шахматов⁸⁰, под влиянием других известий летописи, помещенных под тем же годом

В пользу такого решения вопроса говорит тот факт, что эта внешне точная дата брака Казимира в действительности является ошибочной Как удалось доказать еще О Бальцеру, брак Казимира и Марии Добронеге следует датировать не позже, чем 1039 г⁸¹

По-видимому, и речь Ярослава к Казимиру является продуктом вольного творчества позднейшего редактора, на основании знакомства с предыдущими летописными

⁸⁰ А А Шахматов Разыскания, стр 286

⁸¹ О В а I z e r Genealogia Piastow, стр 89

'сообщениями о Польше ошибочно назвавшего Казимира сыном Болеслава Храброго. Такая комбинация имен не могла представляться ему неправдоподобной, так как летописи не было известно имя Мешко II

Отбросив эти поздние напластования, получаем следующий текст:

“В си же времена Ярослав даст сестру свою за Казимира И в та лета обидяше Моислав Казимира и ходи Ярослав двжды в лодиях на Мазовшаны И собра Казимир людей его Руси полоненных семьсот, кроме жен и детей, и вда за вено Ярославу, шурина своему Сей же Казимир даст сестру свою за Изяслава, сына Ярослава”.

Сравнение восстановленного таким образом текста с соответствующим местом “Повести временных лет” свидетельствует в пользу того, что сообщение последней представляет собой по существу лишь краткий пересказ текста, реконструируемого на основе рассказа Новгородской 4 летописи “Повесть временных лет” под 1043 г. не сообщает ничего ни о походах на Мазовию, ни о браке Изяслава и сестры Казимира. Не поясняет она и того обстоятельства, что в число 800 возвращаемых пленных не входили женщины и дети.

Только в одном месте текст “Повести временных лет” при пересказе первоначального текста сохраняет, по-видимому, его более древнюю редакцию. Речь идет об имеющемся в “Повести временных лет” упоминании о том, что возвращаемые на Русь пленники были захвачены еще Болеславом I Слова восстановленного выше текста. “И собра Казимир людей его Руси полоненных семьсот”, без сомнения, были связаны с вставкой разобранный выше речи Ярослава к Казимиру. Опираясь на известие “Повести временных лет” под 1043 г, можно восстановить это место в первоначальном тексте в следующем виде: “И вда Казимир за вено Ярославу, шурина своему, людей 8 сот, кроме жен и детей, яже бе полонил Болеслав, победив Ярослава” Но даже восстановленный таким образом текст Новгородской 4 летописи не может, по всей вероятности, считаться первоначальным. Как уже указывалось выше, летописный текст помещает заключение брака между сестрой Ярослава и Казимиром то под 1041 г. (Новгородская 4), то под 1043 г. (Софийская I), связывая с ним два похода Ярослава на мазов-

шан, в то время как в действительности брак этот был заключен в 1039 г.

Ни у кого из исследователей не появлялось сомнения в том, что династический союз между русской и польской княжескими фамилиями и походы русского князя в Ма-зовию — явления, теснейшим образом связанные между собой. В таком случае было бы естественным предположить, что первый поход Ярослава против Маслаоза был предпринят непосредственно после заключения *брака* между Казимиром и Марией Добронегой, т. е. еще в 1039 г., когда Казимир I больше всего нуждался в вооруженной помощи русского князя.

В таком случае заключение русско-польского союза и предполагаемый поход 1039 г. следовал бы непосредственно за походом на ятвягов 1038 г., о котором упоминают наши летописи и который окончился неудачно для Ярослава. Затем, в следующем 1040 г., Ярослав совершил поход на Литву. А под 1041 г. “Повесть временных лет” и Новгородская 4 летопись рассказывали бы уже о втором походе Ярослава на мазовшан “в лодях”. Причем между предполагаемым первым (1039 г.) и вторым (1041 г.) походами Ярослава на мазовшан оказалось бы отмеченное в немецких анналах русское посольство в Империю 1040 г. Источник не сообщает, правда, целей посольства⁸², не трудно, однако, предположить, что оно было в какой-то мере связано с ситуацией в Польше, поддержать которую в этот момент считали в своих интересах германские феодалы.

Такая последовательность и напряженность дипломатических и военных действий Ярослава и Казимира вполне отвечала бы тому отчаянному положению, в котором находился Казимир в Польше (Чехия еще не вышла из борьбы) и тем трудностям, с которыми встретился Ярослав в борьбе с мазовецко-пруско-ятвяжской коалицией. Нельзя забывать также, что торопиться союзников заставляло и массовое антифеодальное движение в Польше.

Если согласиться с предположением, что впервые русская помощь была оказана Казимиру I еще в 1039 г., то будет вполне логичным признать восстановленный выше на основе рассказа Новгородской 4 летописи под 1041 г.

⁸² *Rex. legates Rusorum cum muneribus suscepit. Annalista Saxo под 1040 г. MGHSS, t. VI.*

текст не первоначальным, а являющимся результатом объединения и обработки сводчиком двух текстов—1039 и 1041 гг. В первом из них говорилось о браке Казимира и Добронеги, о возвращении пленных русских людей и о первом походе на мазовшан: “В се же лето Ярослав даст сестру свою за Казимира. И вда Казимир за вено Ярославу, шурина своему, людий 8 сот, кроме жен и детей, яже бе полонил Болеслав, победив Ярослава. И в тыи лета обидяше Моислав Казимира, и ходи Ярослав в ло-днях на Мазовшаны”. В другом тексте читалось о новом походе русского князя в Мазовию: “В се же лето иде Ярослав в лодях на Мазовшаны”. Слово “двожды” в тексте Новгородской 4 и Софийской I летописей появилось, по-видимому, в результате объединения летописных сообщений 1039 и 1041 гг. Что касается сообщения о браке Изяслава и сестры Казимира, ТОО нем речь пойдет ниже.

Помимо походов 1039, 1041 и 1047 гг., в промежутке между ними, в 1043 г., Ярослав, по-видимому, совершил еще один поход на Мазовию. В этом убеждают не столь ко показания Софийской I летописи, которая сообщает о походах на мазовшан под 1041 г.⁸³, 1043 г.⁸⁴ и под 1047 г.⁸⁵, поскольку ее текст под 1043 г. повторяет соответствующий текст Новгородской 4 летописи под 1041 г., сколько соображения о времени вступления Изяслава в брак с сестрой Казимира. Изяслав родился в 1024 г.⁸⁶, следовательно, в 1039 г. он еще не мог вступить в брак с польской княжной. Зато в 1043 г. брак этот был вполне возможен, так как в это время Изяславу было уже 19 лет. Вероятность такой датировки этого брака признает и О. Бальцер⁸⁷.

Вступление в брак Изяслава, очевидно, означало укрепление польско-русского союза и, естественно, новый поход против Маслава. Тезис, что занятая борьбой с Византией Русь была не в состоянии вести борьбу с мазовшанами⁸⁸, едва ли выдерживает критику и противоречит

⁸³ Иде Ярослав на мазовшаны в лодях ПСРЛ, т V, стр. 137.

⁸⁴ Там же, стр. 138.

ее ще Ярослав третие на Мазовшаны, и победи я, и князя их уби Моислава, и покори землю ту Казимиру Там же

⁸⁷ O. B a l z e g. Genealogia Piastow, стр 92

⁸⁸ J. B i e n i a k . Zrodto ruskie..., стр. 106—107.

существующему представлению о военных ресурсах киевского князя⁸⁹. Нет оснований и говорить о пассивности Руси на международной арене между 1043 и 1047 гг. В 1043 г. в Империи вновь появилось русское посольство⁹⁰, предлагавшее императору Генриху III жениться на дочери Ярослава. Посольство, возможно, вело переговоры не только по польским, но и византийским сюжетам⁹¹. А под 1044 г. Новгородская 4 летопись вновь сообщает о тоходе на Литву⁹².

В таком случае первоначальный летописный текст под 1043 г. мог звучать приблизительно так: “Иде Ярослав на мазавшаны, и вда Казимир сестру свою 31 Изяслава, сына Ярослава”.

По-видимому, следует также признать, что в первоначальном тексте, объединявшем известия 1039 и 1041 гг., сообщение о браке Изяслава с сестрой Казимира отсутствовало. Оно появилось здесь в результате объединения сведений 1041 и 1043 гг. Иными словами, текст Новгородской 4 летописи под 1041 г., как и аналогичный ему текст Софийской I летописи под 1043 г. являются результатом соединения и обработки целых трех летописных статей, читавшихся первоначально под 1039, 1041 и 1043 гг. В ходе такой редакционной работы упоминание об одном из походов могло легко выпасть, так как число походов сводчик должен был стремиться подогнать под число браков: два брака — два похода.

Объединяя эти показания своего источника, сводчик-летописец руководствовался, очевидно, стремлением дать в рамках погодного изложения более яркую и связную картину русско-польских отношений конца 30-х — начала 40-х годов XI в., несколько драматизировать сухой рассказ. Работа эта не была им завершена, так как окончание борьбы с мазовшанами оказалось вне этого текста, о нем говорится в особой записи под 1047 г.

Что касается текста “Повести временных лет” под 1043 г., то он представляет собой извлечение из разобранного выше летописного рассказа. Из всего пространного текста оставлено только упоминание о браке Кази-

⁸⁹ Очерки истории СССР. IX—XV вв., ч. I, стр. 160; История культуры Древней Руси, т. I, стр. 400.

⁹⁰ Lambertii Hersfeldensis Annales под 1043 г. MGHSS, t. VI.

⁹¹ S. M. K u c z y n s k i . Nieznany traktat polsko-ruski..., стр. 257.

⁹² Ходи Ярослав на Литву. ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 1, стлб. 116.

мира и Марии Добронеги. Полностью выпало известие о браке Изяслава и Гертруды. Таким образом, исчезло как раз то сообщение, которое давало сведчикам основание группировать известия о русско-польском союзе и походах на мазовшан вокруг 1043 г.

Как показал уже А. А. Шахматов, известия о походах Ярослава на Литву и ятвягов восходят к новгородскому летописанию XI в. Интерес к борьбе с ятвягами и Литвой у новгородских летописцев, вероятно, объясняется тем, что в этих событиях принимали непосредственное участие вооруженные силы Новгорода⁹³. К новгородскому летописанию XI в. следует, возможно, возводить и разобранное выше летописное сообщение о русско-польском союзе.

Итак, если весь предшествующий ход рассуждений автора справедлив, то следует подчеркнуть, что борьба с восставшей Мазовией, опиравшейся на помощь поморян, пруссов, ятвягов и литовцев, была очень тяжелой, длительной и упорной. Только после четырех походов русских войск (из них один, 1039 г., следует считать гипотетическим) задача воссоединения Мазовии с Польшей была решена. Двигавшимся по Припяти и Бугу на ладьях русским войскам только после нескольких попыток удалось, наконец, в 1047 г. разгромить Маслава⁹⁴. При тех исключительно сложных международных условиях, в которых в рассматриваемое время находилось Древнепольское государство, помощь Киевской Руси приобретала для него особенно важное значение. Русско-польский союз был крупнейшим успехом Казимира I. Союз с Русью не только обеспечил разгром Маслава, но и существенно облегчил борьбу за возвращение Силезии и воссоединение Поморья.

Еще в 1046 г. поморяне не признавали власти польского князя⁹⁵. И только после 1047 г. Казимиру I удалось подчинить себе Поморье⁹⁶, причем Восточное По-• морье непосредственно вошло в состав Древнепольского

⁹³ А. А. Шахматов Разыскания, стр. 521.

⁹⁴ J. Bieniak Zroblo ruskie., стр. 110—111.

⁹⁵ Annales Altahenses Majores под 1046 г. MGHSS, t. XX.

⁹⁶ J. Bieniak. Zrodlo ruskie... стр. 106

⁹⁷ государства, а Западное — признало свою вассальную зависимость

Вслед за тем, несмотря на сопротивление Империи, вновь начавшей опасаться усиления Польши, около 1050 г. воссоединена была и Силезия⁹⁸, а в 1054 г., в год смерти Ярослава Мудрого, Казимиру удалось договориться о сохранении ее в составе своих владений под условием уплаты чешскому князю ежегодной дани. Козьма определяет эту дань в 500 гривен серебра и 300 гривен золота ежегодно". Вместе с тем было разорвано существовавшее, по-видимому, в период 1042—1054 гг.¹⁰⁰ чешско-поморянское политическое сотрудничество.

Одновременно польским князем и польскими феодалами предпринимались самые энергичные меры по восстановлению церковной иерархии. Этого требовали как классовые интересы польских феодалов, так и государственные интересы страны.

В 1049 г. в Польше было восстановлено архиепископство, но с центром в Кракове¹⁰¹. Вслед за восстановлением церковной самостоятельности должна была прийти самостоятельность государственная. Ее добился преемник Казимира I Болеслав II Смелый, коронованный в 1076 г. королевской короной.

Анализ политики Болеслава II, как и преемников Ярослава Мудрого на Руси и Бржетислава I в Чехии, не входит в задачи настоящего исследования. Они действовали в существенно отличных как внутриславянских стран, так и на широкой европейской арене, условиях, чем их отцы. Внутри славянских стран резко усиливались, становясь доминантой развития, тенденции феодальной раздробленности. В европейскую политическую жизнь вихрем ворвался великий спор из-за инвеституры. Здесь нужно только подчеркнуть, что если в 40—50-е годы польским феодалам и их государю удалось сохранить целостность Древнепольского государства,

⁹⁷ J. Mitkowski. Pomorze Zachodnie..., стр. 35.

⁹⁸ Annales Alahenses Majores под 1050 г. MGSS, t. XX, Sp. R. Grodecki. Dzieje p. Kyczne Sla^ka do r. 1290.—Historia Slqska, t I. Krakow, 1933, стр. 159.

⁹⁹ Cosmas. L. II, cap. 13.

¹⁰⁰ Historia polityczna Polski, cz. I, стр. 69.

¹⁰¹ Там же, стр. 70.

а в дальнейшем монархии Пястов удалось добиться государственной самостоятельности, то объясняется это прежде всего тем, что они сумели опереться на союз со славянской Русью. Этот бесспорный вывод полностью опровергает лишённые оснований домыслы буржуазно-националистических историографов, о, якобы, извечном польско-русском национальном антагонизме.

Та исключительная роль, которая была сыграна Русью в 40—50-х годах XI в. в политическом развитии Центральной и Восточной Европы, объяснялась ее огромным политическим подъемом во второй половине правления Ярослава Мудрого. После смерти Мстислава Черниговского и Тмутараканского Русь вновь, как и при Владимире Святославиче, оказалась объединенной в руках одного правителя. Центробежные силы, подготавливавшие торжество феодальной раздробленности, временно отступили перед силами раннефеодальной концентрации. В 1036 г. последний из оставшихся в живых сыновей Владимира Судислав был заточен¹⁰², и вся власть сосредоточилась в руках Ярослава Владимировича.

Обособленность Полоцка, где продолжал сидеть Брячислав Изяславич, не могла сильно ограничивать власть киевского князя, тем более, что есть основания думать, что в походах начала 40-х годов на Литву¹⁰³. Ярослав и Брячислав выступали совместно¹⁰⁴. В сущности говоря, в этом смысле никаких изменений, по сравнению с эпохой Владимира, признавшего обособленность Полоцкого княжества, не произошло.

Поэтому автор замечательного памятника древнерусской литературы “Слова о законе и благодати”, созданного в 1049 г.¹⁰⁵, митрополит Иларион с полным

¹⁰² “В се же лето всади Ярослав Судислава в поруп, брата своего Плескове: оклеветан к нему”. ПСРЛ, т. I, стлб 151

¹⁰³ ПСРЛ, т. I, стлб. 153; НПЛ, стр. 181.

¹⁰⁴ А. Н. Н а с о н о в . Русская земля..., стр. 154.

¹⁰⁵ Н. Н. Р о з о в . Синодальный список сочинений Илариона-русского писателя XI в. (далее: Синодальный список сочинений Илариона). SI, 1963, № 2, стр. 148. Это последняя и лучшая публикация памятника.

основанием сравнивал Владимира и Ярослава, видя в правящем великом киевском князе прямого наследника и продолжателя дела его отца¹¹⁶.

Могучий подъем Руси после довольно ушгельного периода феодальных усобиц (1013—1036 гг.) нашел свое чрезвычайно яркое и показательное воплощение в огромной строительной деятельности Ярослава. В 1037 г. был заложен главный храм города и государства — Софийский собор — огромное пирамидальное тринадцати-1 лавное здание, не имевшее себе равных по монументальности не только в Древней Руси, но и в странах Западной и Центральной Европы.

На запад от него возводятся три монастырские церкви- Св Георгия (патрона Ярослава), Св. Ирины (патрона его жены) и еще одна церковь, имя которой неизвестно.

Киев расширяется и украшается не только как церковный, но и как светский центр государства, столица могущественной Руси. Значительно выросший город укрепляется огромными валами и рублеными деревянными стенами. Приезжий и путник могли вступить в город через трое ворот—Крещатицкие, Жидовские и Золотые. Последние одним уже своим названием подчеркивали стремление Ярослава уподобить и противопоставить Киев великолепному и царственному Константинополю¹⁰⁷ Может быть, поэтому же имя Св. Софии получил и кафедральный собор

Расстраивался, укреплялся и украшался не один Киев. По словам киевского летописца, Ярослав не только Св. Софию “созда сам, украси ю златом и серебром”, но “и ины церкви ставляше по градом и местом”¹⁰⁸. Большое внимание уделялось великим князем и русскому окну на Балтику-Новгороду. Под 1044 г в Новгородской Первой летописи сообщается: “... на весну же Володимир¹⁰⁹ заложи Новъгород и сдела его”¹¹⁰, а уже под 1045 г. идет новая запись: “Заложи Володимир

¹⁰⁶ Там же, стр 168 “Добр же зело и верен послух сын твой Георгии, его же сътвори господь наместника по тебе, твоему владычеству”

¹⁰⁷ История русского искусства, т I, стр 124—134

¹⁰⁸ ПСРЛ, т I, стлб 153

¹⁰⁹ Сын Ярослава

¹¹⁰ НПЛ, стр 181

святую Софею в Новгороде”¹¹¹. Судя по летописной статье 1049 г., отмечающей пожар в Новгородской Софии, она “беаше... честно устроена и украшена, 13 верхи имущи...”¹¹². Уже в следующем, 1050 г. Новгородская Первая летопись отмечает восстановление Софии: “Свершена бысть святая Софеа в Новгороде, повелением князя Ярослава и сына его Володимира и архиепископа Луки”¹¹³. И по имени и по архитектуре главный новгородский храм имел своим прототипом столичную Св. Софию¹¹⁴.

Не менее ярко, чем монументальное строительство времен Ярослава, подъем Руси характеризует и ее необычайно широкая и многоплановая внешняя политика. Ярослав, проведший большую часть жизни в ме/кдукня-жеских усобицах и интригах, связанных со сложными внешнеполитическими акциями, вступил на великокняжеский троп не только искусственным, многоопытным и ловким дипломатом, но и политиком, имевшим трезвый взгляд, на вещи, полностью сознающим величие стоящих перед Русью за та ч и преисполненным высокого представления о своем сане главы Русского государства. Поэтому не чувствуется абсолютно никакой натяжки в той характеристике, которую дает ему древнерусский писатель Иларион, как наследнику и продолжателю объединительных традиций Владимира Святославича. Поэтому же, конечно, не случайно появление в “Повести временных лет” под 1036 г. титула Ярослава — “самовластец Рустей земли”¹¹⁵. Титул этот несомненно отражал представления правившего в Киеве князя о себе как о совершенно самостоятельном, независимом государе. Показательна в этом смысле и титулатура, употребляемая Иларионом в его “Слове о законе и благодати”. Иларион называет Владимира, продолжателем дела которого в его глазах был Ярослав, “великим каганом”¹¹⁶ и “едино-держцем”¹¹⁷. Оба титула обозначали самостоятельных

¹¹¹ Там же

¹¹² Там же

¹¹³ Там же

¹¹⁴ История русского искусства, т II М, 1954, стр 18—20

¹¹⁵ ПСРЛ, т I, стлб 150

¹¹⁶ П Н Р о з о в Синодальный список сочинений Илариона стр 163

¹¹⁷ Там же, стр 1R4

И независимых государей. То же значение имел и применяемый к Ярославу Титмаром Мерзебургским титул “король” (rex)¹¹⁸. Не меняет дела и тот факт, что на одной из печатей, связываемых с Ярославом, фигурирует титул “архонт”. Как указывает В. Н. Лазарев, титул этот тоже “обозначает самостоятельного властителя”¹¹⁹.

Особый интерес представляет опубликованная С. А. Высоцким в 1959 г. надпись на стене Киевской Софии, в которой Ярослав назван “царем”: “В лето 6562¹²⁰ месяца феврари 20 усьпне царя нашго въ вьскрьсе-ни... Феодора”¹²¹. По мнению акад. Б. А. Рыбакова, надпись эта подтверждает гипотезу М. Д. Приселкова¹²², что в юз/ г_ после смерти Мстислава, Ярослав принял императорский титул¹²³.

Борьба Ярослава за укрепление внутреннего единства “Русской земли”, естественно, должна была найти свое отражение и в церковной политике киевского князя. Однако в церковных вопросах Ярослав должен был считаться с мнением константинопольского двора и константинопольского патриарха, фактическим представителем которых на Руси был глава русской церкви митрополит грек Феопемпт, впервые упомянутый в источниках под 1039 г.¹²⁴

Несмотря на большую заинтересованность Ярослава в союзе с Византией против печенегов, яростное нападение которых на Киев ему с большим трудом удалось отбить в 1036 г.¹²⁵, засилье греческого духовенства, являвшегося проводником на Руси универсалистских

¹¹⁸ Thietmar, L. VII, cap. 65.

¹¹⁹ В. Н. Лазарев. Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской. Групповой портрет семейства Ярослава. (Далее. Новые данные...) ВВ, т. XV. М., 1959, стр. 152.

¹²⁰ Г. е. 1054 г.

¹²¹ СА, 1959, № 4, стр. 243—244. Вторично надпись опубликована в работе: Б. А. Рыбаков. Русская эпитафия X—XI вв. (История, фольклор, искусство славянских народов, доклады советской делегации. V международный съезд славистов). М., 1963. стр. 59.

¹²² М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 81.

¹²³ Б. А. Рыбаков. Русская эпитафия X—XIV вв., стр. 60.

¹²⁴ ПСРЛ, т. I, стлб. 153.

¹²⁵ ПСРЛ, т. I, стлб. 151: “и бысть сеча зла и одва одоле к ру Ярослав и побегоша печенези”.

тенденций Византийской империи, встречало резкое сопротивление со стороны русских феодалов и великого князя. Универсалистское учение императорского двора, согласно духу времени, пыталось подменить реальные отношения между государствами сложной паутиной юридических формул. Так, фактически независимые “варварские” государи трактовались то как сычовья, то как младшие братья и друзья императора¹²⁶.

Претензии Византии на верховную власть над Русью¹²⁷, а также притеснения, чинимые русским купцам в Константинополе¹²⁸, привели в 1043 г. к русско-византийской войне. О причинах войны 1043 г. так рассказывает ее современник, придворный византийского императора Михаил Пселл: “Это варварское племя всегда питало яростную и бешеную ненависть против греческой гегемонии, при каждом удобном случае, изобретая то или другое обвинение, они создавали предлог для войны с нами”¹²⁹.

Русский поход на Константинополь во главе которого стоял сын Ярослава — Владимир, окончился, правда, неудачно¹³⁰, однако за этой неудачей не последовало сколько-нибудь заметное ослабление внешнеполитических позиций Руси. По-видимому, около 1046 г. был заключен мир¹³¹, скрепленный, очевидно, между 1046 и 1052 гг. женитьбой третьего сына Ярослава Всеволода на представительнице императорского дома Мономахов, Марии¹³².

Поскольку известно, как высокомерно обычно отвергались константинопольским двором брачные предло-

¹²⁶ В. Н. Лазарев. Новые данные..., стр. 154.

¹²⁷ В. В. Мавродин. Образование..., стр. 367.

¹²⁸ М. В. Левченко. Очерки..., стр. 396.

¹²⁹ Цит. по В. Г. Васильевскому. Труды т. I. СПб., 1908, стр. 306. Следует оговориться, впрочем, что в то время, как М. Д. Приселков (Русско-византийские отношения в IX—XII вв. ВДИ, № 3, 1939, стр. 104) и В. В. Мавродин (Образование..., стр. 367) толкуют термин “гегемония” в его современном смысле — “господство”, И. У. Будовниц (Общественно-политическая мысль древней Руси. М., 1960, стр. 64) и М. В. Левченко (Очерки..., стр. 394) склонны приписывать ему значение — “Ромейская держава”.

¹³⁰ ПСРЛ, т. I, стлб. 1Е4.

¹³¹ “По трех летех (после 1043 г — В. К.) — миру бывш\” — ПСРЛ, т. I, стлб. 154.

¹³² В. Л. Янин, Г. Г. Лентаврин. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха. НАС, стр. 216—217.

жения “варварских” государей ¹³³, ясно, что в данном случае Византия была очень заинтересована в установлении дружественных отношений с великой восточноевропейской державой.

Итак, русско-византийский конфликт 1043 г. не принес Византии выгод. Зато прямым результатом его было провозглашение Ярославом церковной независимости Руси. В 1051 г. без согласия константинопольского патриарха Ярослав с собором епископов поставил в митрополиты Илариона, русского по происхождению ¹³⁴, бывшего прежде священником придворной церкви в Берестове ¹³⁵. Добиваясь церковной независимости, Ярослав преследовал, разумеется, те же политические цели, что и Болеслав Храбрый, когда он добивался основания гнезненского архиепископства, или чешские князья Болеслав II и Бржетислав I, когда они лелеяли планы превращения пражской епископской кафедры в архиепископскую. Легко заметить, однако, что Ярослав действовал гораздо более решительно, что было результатом иного соотношения сил между Русью и Византией, с одной стороны, Древнепольским государством, Империей и Римом, с другой.

Вместе с тем как в Чехии при Болеславе II и в Польше при Болеславе I, на Руси при Ярославе Владимировиче завершался процесс оформления государственной идеологии, которая по условиям своего времени должна была иметь религиозный характер, гарантировать Руси покровительство небесных патронов. При Ярославе была подготовлена канонизация русских святых Бориса и Глеба и беатизирован Владимир, которого Иларион называет вторым Константином ¹³⁶ и, что особенно важно, “блаженным” ¹³⁷.

С обострением русско-византийских отношений была в определенной мере связана резко усилившаяся при Ярославе активность русской политики на Западе. Усиление связей Киевской Руси со странами Центральной

133 jvi В. Левченко. Очерки..., стр. 211.

¹³⁴ Постави Ярослав Лариона митрополитом Русина во святей Софии собравши, епископы. НПЛ, стр. 181. ПСРЛ, т. I, стлб 155.

¹³⁵ ПСРЛ, т. I, стлб. 155—156.

¹³⁶ “подобниче великааго Коньстантина”. Н. Н. Розов Синодальный список сочинений Илариона..., стр. 167. ¹³⁷ “зовемь ти, о блажениче”. Там же, стр. 166.

и Западнoй Европы, начиная с 30—50-х годов XI в., уже отмечалось в литературе вопроса¹³⁸.

Могучему Древнерусскому государству действительно принадлежало в то время очень видное место в сложной системе центрально- и западноевропейских политических взаимоотношений. Выше уже отмечалось значение союза с Русью для Древнепольского государства, союза, значительно укрепившего положение Польши в Центральной Европе. Свидетельством политической активности Руси на Западе являются многочисленные династические браки между киевской великокняжеской семьей и европейскими государями. О двойных брачных связях Рюриковичей и Пястов и попытке заключить династический союз между киевским и германским дворами говорилось уже выше. Сын Ярослава Святослав был женат на сестре трирокого архиепископа Бурхарда, одного из крупнейших феодалов Империи¹³⁹. Трех своих дочерей Ярослав выдал: Анастасию за венгерского короля Андрея I (около 1039 г.), Елизавету за Гаральда норвежского (около 1044 г.), Анну за Генриха I французского (около 1049—1050 гг.)¹⁴⁰.

При киевском дворе получали убежище преследуемые у себя на родине представители правящих европейских династий. Несколько лет провели в России братья Мешко II польского Бесприм и Оттон. С 1034 по 1046 г находились в России венгерские герцоги Андрей и Левенте, племянники короля Стефана I, прибывшие туда из Польши¹⁴¹. На Руси нашли убежище и сыновья английского короля Эдмунда Железный Бок Эдвин и Эдуард, бежавшие сначала в Швецию¹⁴². Один из сыновей Ярослава носил чешское имя Вячеслав¹⁴³. Не является ли это свидетельством политических и культурных связей Руси и Чехии в 30-е годы XI в.?

Рост политических контактов происходил на фоне развивающихся экономических связей Руси со странами Западной и Центральной Европы, о чем свидетельствует

¹³⁸ В. Мошин. О периодизации ..., стр. 43.

¹³⁹ В. Л. Янин. Русская княгиня Олислава-Гертруда..., стр. 154.

¹⁴⁰ W. Dwozdzek. Genealogia, tabl. 21. В. П. Шушарин. Русско-венгерские отношения в IX в. Сб. "Международные связи России до XVII в." М., 1961, стр. 154.

¹⁴² В. В. Мавродин. Образование..., стр. 375.

¹⁴³ Родился в 1036 г. ПСРЛ, т. I, стлб. 150.

многочисленный нумизматический материал¹⁴⁵. Крупную роль в этих связях играла балтийская торговля

Поэтому древнерусский книжник, обращаясь с проповедью к Ярославу 26 марта 1049 г в церкви Святого Благовещения на Золотых воротах Киева, имел полное право сказать, что его страна “ведома и слышима ест всеми четырьми конци земли”¹⁴⁶

¹⁴⁴ В Л Я н и н Денежно-весовые системы, сир. 152—156, Kiersnowski Pietnqdz kruszcowj стр. 149—152, В М По

т и н Дегтянский клад

¹⁴⁵ А В Ф л о р о Д с к и и Чешско-русские торговые отношения стр. 72—73

¹⁴⁶ Н Н Р о з о в Синаодальный список сочинения Илэриона, стр. 164

ИЛОХ
И

кvI кэяv У я у v

Обрисованная выше картина политического общения восточного и западного славянства за столетний (с середины X до середины XI века) период времени характеризует одну из наиболее существенных сторон заключительного этапа становления, феодального строя в Центральной и Восточной Европе, когда образуются относительно единые раннефеодальные славянские государства и формируются в рамках этих государств в результате явлений племенной интеграции феодальные народности. Картина эта, однако, в силу ряда причин, связанных с состоянием источниковедческой базы исследования, имеет свои изъяны и свои особенности.

Завершая исследование, автор не может не подчеркнуть того обстоятельства, что в восстанавливаемой им цепи событий отсутствуют многие безвозвратно утерянные звенья, что в воссозданной им картине политической жизни раннефеодальной Центральной и Восточной Европы остается много белых пятен и что те общественные процессы, в которые автору так или иначе удалось проникнуть, представлены им в гораздо более схематическом и обобщенном виде, чем они происходили в действительности. Реальная жизнь того времени была гораздо более яркой и пестрой, более сложной и противоречивой, чем она представляется исследователю спустя почти тысячелетие.

Дело здесь не только в том, что большое расстояние вообще скрадывает детали и частности, выявляя лишь главные линии и контуры. Невозможность проникнуть во многие детали событий, трудности их осмысления являются естественным следствием чрезвычайно ограниченного и специфического круга имеющихся источников, преимущественно нарративного (летописи, хроники, памятники агиографии) и лишь в очень небольшой части документального характера.

При таком положении, когда источники освещают прошлое не ровным, хотя бы и слабым, светом, а врываются в темень истории в виде отдельных, проникающих, словно сквозь щели в ставнях, лучей, часто трудно уловить именно общие контуры явлений и судить о соразмерности их масштабов. Исследователю постоянно приходится считаться с тем, что отдельные, лучше различимые детали могут заслонить собой в его построениях основные, решающие линии развития.

В исследованной теме неравномерность освещения источниками разных сторон ее требует особой оговорки. Определенно больше и лучше освещены источниками отношения Руси и Польши. Гораздо меньшими данными, если говорить о политических связях, располагает исследователь при изучении отношений и связей Руси с Чехией и полабо-прибалтийским славянством.

Особенно досаден недостаток сведений о русско-чешских отношениях. Судя по той роли, которую играло раннефеодальное Древнечешское государство в Центральной Европе, судя по тому, с каким вниманием следили за политическим развитием Чехии в Империи и Риме, судя по той ключевой позиции, которую занимала Чехия на великих путях, связывавших Восток и Запад, Европы, опираясь, наконец, на известные факты культурного общения Руси с чешскими землями в исследуемое время, можно уверенно считать, что использованные источники явно не в состоянии дать сколько-нибудь полное представление о развитии русско-чешских политических отношений X—XI вв.

Но даже и применительно к Польше нельзя не считаться с неравномерным распределением источников во времени. Если о развитии русско-польских отношений в 10—40 годы XI в. можно судить сравнительно уверенно, то ход событий предшествующего периода времени часто становится невозможно реконструировать.

Само собой разумеется, что при таком состоянии источников предпринятое исследование характеризует определенная неполнота охвата попадающих в его обзор процессов и фактов. Автор полностью отдает себе отчет в том, что отдельные элементы исследования нуждаются в дальнейшей углубленной разработке. Ряд проблем решен лишь в гипотетическом, предположительном плане. В иных случаях автору приходилось вообще

ограничиваться постановкой вопроса, оставляя решение его открытым.

Существенно иначе обстоит дело, когда предметом исследования являются взаимоотношения стран внутри западнославянского мира или отношения западнославянских стран с Германской империей. И здесь, разумеется, исследователю приходится считаться с недостатком и аналогичной спецификой имеющихся в его распоряжении источников. Но их все же значительно больше, и сами они содержат гораздо более богатые сведения, чем источники, рисующие отношения восточного славянства с западным. Поэтому и выводы исследователя в этом случае, щсть они и сохраняют в ряде моментов свой гипотетический, предположительный характер, звучат много определеннее и обнимают большую совокупность явлений жизни. Развитие взаимоотношений между Польшей и Чехией, а также взаимоотношений этих стран с Германской империей оказывало самое значительное влияние на развитие политических отношений между западнославянскими странами и Русью, с одной стороны, между Германской империей и Русью — с другой. Этот факт и определил то обстоятельство, что в работе столь значительное место заняли вопросы внешне- и внутривполитического развития Польши и Чехии, оказавшихся, таким образом, в центре настоящего исследования.

Но вместе с тем возникает следующий вопрос: можно ли вообще считать отмеченное выше неравномерное распределение материала источников по отдельным сторонам исследования совершенно случайным явлением или оно имеет свое основание в реальных условиях политического бытия славянских стран того времени?

Проведенное исследование дает, как кажется, основание ответить на поставленный таким образом вопрос. При всей своей значимости ни для Руси, ни для Польши и Чехии вопросы их взаимоотношений долго не были главными. Зато для политического бытия западнославянских государств всегда решающее значение имели их отношения с Германской империей, в центре внимания западнославянских полководцев и дипломатов находилась восточная политика германских феодалов и проблемы взаимоотношений между западнославянскими странами. Соответственно для Руси до 10—40-х го-

дов XI в. более важными были процессы, происходившие на ее северных, южных и восточных границах, чем на западных. Борьба с печенежской кочевой степью, отношения с Византией и странами Скандинавии, как пра-вило, заслоняли собой до этого времени проблемы отношений с западнославянскими странами.

Поэтому, подчеркивая неполноту и специфику имеющихся источников, считаясь со случайными потерями или обеднением их в результате их последующего бытования (здесь имеются в виду прежде всего летописи), следует все же сказать, считаясь с возможными исключениями, что объем и полнота имеющихся источников, если и не прямо пропорционально, то все же находится в определенной зависимости от реального значения тех или иных исторических явлений.

Мысль эту можно хорошо проиллюстрировать на примере польско-русских отношений. Как только отношения эти приобрели чрезвычайно существенный, жизненно важный для обеих стран характер, а произошло это в 10—40-е годы XI в., так сразу же существенно возросла степень освещенности их в источниках. Поэтому даже само по себе состояние источников в известной мере помогает судить об относительной важности тех или иных процессов и явлений в политическом развитии изучаемых стран. Речь, разумеется, идет только об их внешнеполитическом развитии.

Рассматривая под этим углом зрения сохранившийся материал, нельзя не прийти к выводу, что с течением времени политические связи между восточным и западным славянством становились все более широкими и разнообразными. Особенно заметно это на примере русско-польских отношений. Сравнительно бедный источниками, и, по-видимому и событиями X век, здесь резко отличается от богатого разнообразными и сложными событиями XI в.

Отношения между восточным и западным славянством, не будучи, “как правило, центральными и решающими в политическом развитии изученных славянских стран, были все же в достаточной мере сложными и противоречивыми. Если при характеристике отношений Руси и Чехии нет оснований говорить о возможности конфликтов между ними, а в правление Олдржиха Чешского и в последние годы княжения Владимира и з

начале правления Ярослава можно предположить даже русско-чешские союзнические отношения, то картина русско-польских отношений представляется гораздо более сложной. Анализ летописных статей 981 и 992 гг. убеждает, правда, в том, что распространенное в литературе представление об остро враждебном характере русско-польских отношений в конце X в. не имеет под собой оснований. Отношения Руси и Польши развивались в это время мирно, хотя чешский великокняжеский двор делал, вероятно, попытки втянуть Русь в польско-чешский конфликт из-за Силезии и Малой Польши. Однако период мирного русско-польского соседства сменился в 10—30-е годы XI в. периодом длительного вооруженного конфликта, вслед за которым, правда, наступил в конце 30-х и в 40-х годах период тесного русско-польского военного и политического сотрудничества.

Не менее сложной была и картина отношений западнославянских стран друг с другом. Вслед за относительно недолгой эпохой польско-чешского союза 60—начала 80-х годов X в. отношения между польскими и чешскими феодалами вошли в период острых противоречий и столкновений, для развития которых чрезвычайно серьезное значение имела восточная политика Германской империи. Важно подчеркнуть также наличие почти постоянного в исследованное время польско-лютического конфликта, особенно опасного для позиций польских феодалов на Поморье. Зато довольно тесные связи, военное и политическое сотрудничество далеко не всегда, конечно, оформленные формально, объединяли Чехию и Лютический союз.

В ходе развития польско-чешских отношений в конце X и начале XI в. при Болеславе II Чешском и Болеславе I Польском и в конце 30-х годов XI в. при Бржети-славе I Чешском неоднократно возникали планы создания под руководством чешских или польских феодалов обширной западнославянской раннефеодальной монархии. Речь при этом, разумеется, не шла об объединении всех западнославянских стран, включая земли, населенные полабо-прибалтийскими славянами. Речь шла лишь об объединении Польши, Чехии и части полабо-прибалтийских славянских земель, когда военная и политическая инициатива находилась в руках польских феодалов, либо об объединении Чехии и части польских зе-

ме^ь, когда объединительные планы формировались в среде чешских феодалов. Сходные тенденции сказывались и в политическом развитии Руси второй половины X в., когда киевский князь Святослав стремился включить в состав своих владений Болгарию, перенеся при этом столицу на Дунай.

Планы эти оказывались, однако, крайне нереальными, а возникавшие политические объединения крайне непрочными и кратковременными. Большую роль в провале такого рода планов играла восточная политика германских феодалов, не заинтересованных в создании на своих границах большой западнославянской державы и поэтому державших курс на раздувание противоречий между феодалами западнославянских стран. Усилившейся Чехии Германская империя торопилась противопоставить подымающуюся Польшу. Так было в 80—90-е годы X в. и в конце 30-х годов XI в. В то же время резкое усиление Польши приводило к поддержке Чехии германскими феодалами, не отказывавшимися при этом и от случая натравить на христианскую Польшу языческих лютичей. Так обстояло дело в годы тяжелых польско-немецких войн начала XI в. (1003—1018 гг.), а затем в первой половине 30-х годов XI в.

Но были, однако, и внутренние причины, определявшие нереальность планов создания большой западнославянской державы в X—XI вв. Несмотря на родство и ярко выраженную тогда общность культуры всех славянских народов, что без всяких оснований пытаются отрицать некоторые современные западногерманские историки¹, анализ политического развития восточного и западного славянства приводит к выводу, что главным, направляющим процессом в это время был процесс образования в основном этнически однородных раннефеодальных государств². Это обстоятельство является косвенным подтверждением тезиса о быстро развивавшемся тогда процессе образования славянских народностей. Хорошо засвидетельствованное источниками чувство славянской общности не затормозило, таким образом, процесса фор-

¹ М Н е 11 м а п. Указ, соч., стр. 403; J B a r n i k Deutsche-russische Nachbarschaft. Stuttgart, 1959, стр. 154.

² Б. Ф. Поршнев считает этот процесс тенденцией вообще характерной для феодализма. См. Б. Ф. Поршнев Феодализм и народные массы. М., 1964, стр. 516.

мирования раннефеодальных славянских народностей Впрочем, следует оговориться, что процесс этот далеко не с одинаковой степенью интенсивности проходил на территориях славянских стран. Применительно к Польше можно отметить относительное отставание процесса формирования народности в Мазовии и Поморье, особенно в Западном, где можно говорить даже о явлениях формирования отдельной народности, применительно к монархии Пшемьслидов в аналогичном положении находилась Моравия, а в державе Рюриковичей — земли вятичей

Подчеркивая значение процесса образования этнически однородных раннефеодальных славянских государств в качестве основного, важно отметить, что процесс этот характерен не только для Руси, Польши и Чехии, но, что особенно показательно, и для полабо-прибалтийского славянства Даже в условиях постоянного и жестокого натиска германских феодалов в рамках полабо-прибалтийского славянства происходило не формирование единого государственного организма, а образовались две народности — бодричи и лютичи и два государственных объединения — лютичское и бодричское³ Даже у ран на острове Руяне шел процесс формирования самостоятельной политической организации В более сложном положении оказались сербы-лужичане, политическое развитие которых было резко прервано немецким завоеванием Поэтому, как правило, все попытки политического объединения полабо-прибалтийских славян оказывались неудачными как вообще попытки западнославянских государств выйти за свои этнические пределы Этим попыткам определенно мешал процесс формирования отдельных славянских народностей

При таком положении получает объяснение и тот факт, что агрессивная политика германских феодалов на Востоке не привела к консолидации сил польских и чешских господствующих классов, к объединению столь родственных стран, как Польша и Чехия.

Особенностью образовавшихся в Центральной и Восточной Европе раннефеодальных государств было то обстоятельство, что в них чуть ли не с самого начала,

³В Д К о р о л ю к К вопросу о раннефеодальной государственности, стр 7—10

наряду с господствовавшей тенденцией к феодальной консолидации, стали проявляться и тенденции феодальной раздробленности. Период времени, когда эти тенденции возобладали в обществе, лежит уже за рамками настоящего исследования. В данной связи важно подчеркнуть, однако, тот факт, что временное ослабление центральной власти и усиление тенденций феодальной раздробленности имело своим прямым следствием резкое ухудшение международного положения того или иного государства, активное и опасное вмешательство в его дела соседних феодальных правителей. В таком положении оказалась Чехия в конце X — начале XI в., когда она была даже временно захвачена польскими феодалами и вынуждена была признать опасную для ее будущего развития ленную зависимость от императора, Киевская Русь в 10—20-е годы, когда Болеслав Храбрый совершил свой поход на Киев, а Польша в конце 30-х годов XI в., когда она стала жертвой агрессии германских и чешских феодалов.

Другой важной чертой социального и политического развития исследуемых славянских раннефеодальных государств является активное участие в политической, а также и во внешнеполитической жизни, не только князя и знати, но и торгового и ремесленного люда городов. Политическая активность городского населения, его непосредственное участие в политической жизни страны пожалуй, лучше всего свидетельствуют против построений тех зарубежных буржуазных ученых, которые, вопреки данным письменных источников и археологии, все еще пытаются противопоставить пути исторического развития славянского и западноевропейского города, фактически отрицая в X—XI вв. существование городов у славян⁴. Политическая роль города хорошо засвидетельствована для Киевской Руси, в меньшей степени для Чехии. Показательна при этом политическая активность не только таких крупных городских центров, как Киев, Прага или Новгород, но и значительно более мелких городов на Руси и в Чехии. Источники не отмечают фактов активного участия городов во внешнеполитическом развитии Польши. Учитывая, однако, что и в Польше в это

⁴ M. Preidel Die slawische Stadt und ihre Problematik Die Welt der Slawen Jg 4, H 3 Wiesbaden 1934

время бил уже ключом родник городской жизни, можно предполагать активное участие городского населения и в политическом развитии Древнепольского государств?. Это были ростки новых отношений и новой расстановки сил в феодальном славянском обществе.

Сам факт существования в Центральной и Восточной Европе относительно единых крупных государств, формировавших свою самостоятельную, в связи с конкретными условиями исторического развития, феодально-христианскую государственную идеологию, определял активное участие славянских стран в европейской политической жизни того времени. Сложные и многосторонние связи существовали тогда между славянскими государствами Центральной и Восточной Европы и Германской империей, Византией, Венгрией, Данией, Севером Европы и даже Италией и папским Римом. Исследуемое время было временем большого политического подъема славянских государств, а крупные исторические задачи, которые время это ставило >перед ними, неизбежно требовали выдвижения на авансцену политической жизни талантливых полководцев, искусных и решительных политиков и дипломатов, государственных деятелей большого размаха и широкого кругозора. Именно такими политическими деятелями были на Руси Владимир и Ярослав, в Чехии — Болеслав II и Бржетислав I, в Польше — Мешко I и Болеслав I, в Бодрицком княжестве — Готшалк.

X—XI века, как уже отмечалось выше,— время, когда бурно протекали процессы становления самостоятельной феодально-христианской государственной идеологии у восточных и западных славян. Процессы эти обнаруживают не только ярко выраженный параллелизм, но и известную взаимосвязь, несмотря на свою разновременность. Канонизация на Руси Бориса и Глеба и беатификация Владимира была таким же выражением этих процессов, как канонизация Вацлава — в Чехии и Войтеха-Адальберта в Польше. Вместе с тем, когда Ярослав поставил в Киеве митрополитом Илариона, он вел такую же борьбу с универсалистской внешнеполитической программой Византии, как и польские князья Мешко I и Болеслав I, добивавшиеся создания независимой польской церкви, или чешские правители Болеслав II и Бржетислав I, стремившиеся основать пражское архи-

епископство, боровшиеся против универсалистской идеологии Германской империи.

Следует особо подчеркнуть роль Чехии в формировании древнепольской и отчасти древнерусской государственной идеологии. Чехом по происхождению был первый святой — патрон Польши Войтех, а его брат Гау-дентый стал первым польским архиепископом. “Житие” Вацлава было использовано на Руси при составлении “Жития” Бориса и Глеба.

В современной западногерманской историографии любят подчеркивать “заслуги” Германской империи в распространении несомненно более прогрессивного, чем язычество, христианства на Востоке Европы. Так, один из руководителей остфоршунга Эрих Кейзер писал, прозрачно намекая на политические претензии правящих боннских кругов: “Германия не кончается на Одере, Эльбе или Висле. Точно так же и Европа простирается за эти реки вглубь восточного пространства. Германия является пионером этого общеевропейского процесса. Ее заслуги, наряду с тем, что сделано в области международного сотрудничества с другими европейскими народами, состоят в распространении христианства, в подъеме культуры, в обеспечении порядка; они позволяют ей претендовать на равное представительство в политическом и экономическом объединении”⁵.

Разумеется, христианство широко использовалось германскими феодалами в качестве идеологического обоснования их восточной агрессии. Однако факты не свидетельствуют о больших успехах германской христианской миссии к востоку от Лабы в X—XI вв. В Киевской Руси деятельность немецко-христианских миссионеров не имела существенного значения. В христианизации Польши основную роль сыграла соседняя славянская Чехия, где как раз во второй половине X—первой половине XI в. переживала свой подъем церковно-славянская письменность. Что касается полабо-при-балтийского славянства, то немецкая феодальная агрессия здесь не только не способствовала, а, наоборот, прямо тормозила христианизацию бодричей и лютичей. Могучее восстание полабо-прибалтийских славян в 983 г.

⁵ К П о п о л е к Европейская угроза западногерманского империализма М, 1962, стр 3Е1— 352.

надолго подорвало основы немецкой церковной организации на восток от Лабы.

Связь между политическим и социальным гнетом немецких феодалов и провалом христианизации полабо-прибалтийских славян была очевидной даже для такого враждебного славянам хрониста, как мерзебургский епископ Титмар, писавшего о восстании 983 г.: “Народы, которые после принятия христианства подчинялись нашим королям и императорам, платя им дань, из-за своеволия герцога Дитриха⁶ испытывали огромное угнетение и ка“ один человек взялись за оружие”⁷. Во второй половине XI в. жадность и жестокость немецких захватчиков осудит в своей хронике Адам Бременский: “Не обращали внимания несчастные на то, что большой опасностью заплатят за свои страсти, так как христианство в Славонии сначала взволновали жадностью, потом жестокостью принудили подчиненных к восстанию”⁸. В XII в. слова Адама полностью повторит немецкий хронист Гельмольд, говоря о “ненасытной жадности саксов”⁹.

Далее следует подчеркнуть, что в X — первой половине XI в. нет никаких признаков того, что на взаимоотношения восточного славянства с западным оказывали какое-либо заметное влияние национальные или религиозные противоречия, сыгравшие столь отрицательную роль в развитии межславянских связей в последующие эпохи. Анализ имеющихся источников исключает даже самую постановку вопроса о неких двух замкнутых сферах, сложившихся под политическим и идейным воздействием Византийской и Германской империй в Центральной и Восточной Европе этой эпохи. Внешнеполитическое развитие Руси и западнославянских государств определялось реальными политическими и классовыми интересами их господствующих классов, а не какими-либо идеологическими или юридическими формулами и концепциями, имеющими своим источником римскую курию или германский императорский двор.

В отношении Руси самостоятельность ее государственного развития достаточно хорошо была уже изучена

⁶ Маркграф Северной марки

⁷ Thietmar, L. III, cap. 17.

⁸ Adam, L. III, cap. 22.

⁹ Helmold, L. I, cap. 21.

в советской историографии. Здесь следует только подчеркнуть тот факт, что при Ярославе Владимировиче, последнем “самовластие” Киевской Руси, конфликт с Византией сопровождался бросаемым в глаза ростом политической активности Руси на Западе, укреплением политических связей Древнерусского государства со странами Центральной, Северной и Западной Европы, в том числе и с западнославянскими странами, особенно с Польшей. Завершая настоящее исследование, очень важно подчеркнуть тезис о самостоятельности государственного развития применительно к Польше и Чехии. Аксиомой их внешней политики, особенно в периоды подъема этих стран, всегда оставалась борьба за самостоятельное государственное бытие, которому угрожали германские феодалы. Поэтому совершенно недоказуемыми являются развиваемые современными западногерманскими историками¹⁰ тезисы об особой исторической ценности универсалистских традиций Германской империи для современности, нашедшие яркое выражение в одном из газетных выступлений К. Гохова, заявившего, что От-тоны оставили империю, “которая может быть моделью объединения государств в Европе”¹¹. Эта трактовка империи в сущности не далека от идеализации ее таким пангерманистом, как Генрих Сербик, который приветствовал аншлюс Австрии, видя в нем этап на пути к “умиротворенной Срединной Европе, осуществление извечной немецкой мечты”¹².

В действительности Германская империя проводила на Востоке откровенно захватническую политику, а германские феодалы всегда легко отказывались от христиански-универсалистской имперской концепции, как только она оказывалась в -противоречии с их агрессивными планами. Когда это было выгодно, они отнюдь не гнушались союзом с язычниками против христиан, примером чего может служить союз Генриха II с лютичами

¹⁰ Т. М а у е г Grosse und Untergang des Heiligen Reiches HZ, 1954, стр 471, Н. А u b i n . Die Ostgrenze des alten beutschen Reiches. Darmstadt, 1959, стр. 76.

¹¹ Bonner Rundschau om 2 II—62 Критику этих концепций см в работе J. К o c h . Die mittelalterliche Kaiserpolitik im Spiegel der Bur-gerlichen deutschen Historiographie des XIX und XX Jahrhunderts. ZfG, 1962, Н. 8, стр 18—39.

¹² Н v o n S r b i k . Mitteleuropa. Das Problem und die Versuche seiner Losung in der deutschen Geschichte. Weimar, 1938, стр. 33.

против Болеслава Храброго. Восточные планы германских феодалов встречались с постоянным противодействием западнославянских государств. Даже в том случае, когда в силу конкретных исторических условий германским феодалам удавалось временно навязать Польше или Чехии те или иные формы зависимости, их важнейшей политической задачей оставалось достижение государственной самостоятельности.

Не иначе обстояло дело с христианско-имперским универсализмом. Если можно отметить такие факты, как временная поддержка его Болеславом II в Чехии или Болеславом I в Польше, то и тогда речь шла об использовании этой концепции в целях укрепления международного положения Чехии или Польши или даже создания большой западнославянской державы.

Следует отбросить широко распространенное в старой польской и русской историографии представление о Польше второй половины X— первой половины XI в., как форпосте Римской курии, очаге латинской пропаганды на Востоке. Не говоря уже о слабости и шаткости в то время международных позиций Рима, его зависимости от Империи, надо учитывать, что тогдашняя Польша не располагала ни людскими, ни материальными ресурсами для организации латинохристианских миссий в соседних странах, а путь из Империи и Рима на Русь не лежал через Гнезно и Познань. Даже в тех случаях, когда, преследуя свои политические цели, Болеслав Храбрый попытался выступить в роли покровителя латинохристианской проповеди у пруссов и в Скандинавии, ему приходилось пользоваться услугами иноземцев— чеха Войтех-Адальберта и немца Бруно Квер-фуртского.

Говоря о реальных интересах, которыми руководились в своей внешней политике феодалы Руси, Польши или Чехии, нельзя не отметить существенной роли, которую играли в ней интересы укрепления в важнейших, узловых пунктах международной транзитной торговли, связывавшей страны Восточной Европы с Западом. При столь характерной для славянского мира X—XI вв. близости, единстве материальной культуры славянских народов вопросы широкой международной транзитной торговли естественно занимали большое место в их экономических взаимоотношениях. Широкая международ-

ная торговля являлась важным фактором, укреплявшим привилегированное положение славянской знати¹³. О том, как стремления овладеть международными торговыми путями сказывались на политическом развитии славянских стран, ярко свидетельствуют знаменитые слова Святослава Киевского: “Не любо ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переславци на Дунай, яко то есть середя в земли моей, яко ту вся блага сходятся: от Грек злато, паволоки, вина и овощи розноличныя, из Чех же и из Угор — серебро и ком они, из Руси же — скоро и воск, мед и челядь”¹⁴. В определенной мере вопросы транзитной торговли влияли и на конкретное содержание объединительных планов польских и чешских феодалов. Именно поэтому такую большую роль в межславянских политических отношениях того времени играли такие районы, как Западное Поморье, Силезия, Краков, Чер-венские города, мазовецко-русско-являжское погра-ничье, прусские земли. Изменения в балтийской транзитной торговле в известной мере способствовали переносу центра польской политической жизни из Великой в Малую Польшу, из Познани в Краков. Это перемещение стало заметным в годы правления Болеслава Храброго и завершилось при Казимире I после антифеодального восстания 1037—1038 гг.¹⁵

Классовая обусловленность внешней политики славянских феодалов особенно ярко проявилась на примере Польши во второй половине X в., когда страх польских феодалов за свои классовые позиции, в первую очередь на Поморье, побудил их стремиться к польско-германскому союзу против языческих лютичей, и в конце 30—40-х годов XI в., когда только с помощью германских и русских феодалов феодалам Польши удалось расправиться с мощным антифеодальным движением.

Выше уже отмечалось, что самостоятельность государственного и политического развития славянских стран Центральной и Восточной Европы исключает тезис об историческом “опыте” европейской интеграции

¹³ Б. А Р ы б а к о в. Первые века русской истории. М, 1964, стр 43

¹⁴ ПСРЛ, т. I, стлб. 67

¹⁵ O B d l z e r. Stolicy Polski Lwów, 1916, стр 8—9, Fr. B u j a k. Stolicy Polski Studia historyczno-geograficzne. Lwów, 1925, стр. 253; Z. W o j c i e c h o w s k i. Studia historyczne. Warszawa, 1955, стр 192.

Германской империи. Завершая анализ международных отношений в Центральной и Восточной Европе во второй половине X—первой половине XI в., можно было бы, пожалуй, подчеркнуть иной тезис: главной линией развития в это время было здесь образование и дальнейшее развитие самостоятельных славянских государств. Вместе с Венгрией они являлись важнейшим фактором, определявшим тогда расстановку сил в бассейне Лабы, Одры, Дуная, Вислы и Днепра. Вместе с тем, сам факт существования крупных раннефеодальных относительно единых государств на восточных границах Империи являлся величайшим тормозом на пути восточной экспансии германских феодалов, мешал им сосредоточивать свои силы на тех или иных участках борьбы. Коренные изменения в этом смысле принесла с собой только эпоха феодальной раздробленности.

Правильность этого тезиса особенно выразительно иллюстрирует пример полабо-прибалтийского славянства, добившегося в описываемое время крупных успехов в борьбе с германскими феодалами. Показательны в этом смысле и примеры Польши и Чехии. Славянская Чехия помогла в 60—80-е годы Польше занять прочные политические позиции в Европе. Сами немецкие феодалы вынуждены были поддерживать Чехию против усилившейся Польши и, стремясь к союзу с лютичами, ослаблять свой нажим на полабо-прибалтийское славянство. Активное вмешательство славянской Руси вывело Древнепольское государство из политического кризиса и помогло ему вернуть свои позиции в Европе.

Этническая и политическая карта раннефеодальной Центральной и Восточной Европы, как это вытекает из проведенного исследования, была результатом активного и самостоятельного прогрессивного экономического, культурного и политического развития населявших ее славянских и неславянских народов, энергично участвовавших в широком международном общении того времени. Они были действительными творцами прогресса цивилизации на этом обширном европейском пространстве, в античную эпоху представлявшем собой лишь глухую периферию средиземноморского мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

УКАЗАТЕЛЬ СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БИБЛИОГРАФИЯ

Классики марксизма-ленинизма

- Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940.
Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, т. III, гл. 47. М., 1949.
Маркс К. наброски ответа на письмо В. И. Засулич. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 400—421.
Маркс К. Хронологические выписки. I. Архив Маркса и Энгельса, т. V.
Энгельс Ф. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 5—343.
Энгельс Ф. К истории древних германцев. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 442—494.
Энгельс Ф. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 327—345.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 23—178.
Энгельс Ф. Франкский период. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 495—546.
Ленин В. И. О государстве. Поли. собр. соч., т. 39, стр. 64—84.
Ленин В. И. Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов. Поли. собр. соч., т. 1, стр. 125—346.

Источники

- Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. Зимин А. А. Память и похвала Иакова Мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку. КСИС, № 37, 1963. Кокорцев П. Н. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.
Лавров П. О. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. Мишулин А. В. Материалы к истории древних славян. ВДИ, 1941, № 1. Никольский Н. К. Легенда мантуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе чешском. ПДРП, 1909. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950.

- Новгородские летописи (так названные Новгородская Вторая и Новгородская Третья летописи). СПб., 1879.
- Памятники русского права, вып. 1. Памятники права Киевского государства X—XII вв., сост. А. А. Зимин. М., 1952.
- Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911.
- П н г л е в с к а я Н В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941.
- Повесть временных лет, ч. I—II. М.—Л., 1950.
- ПСРЛ, т. I. Лаврентьевская летопись, вып. 1, Л., 1926; вып. 2, Л., 1927.
- ПСРЛ, т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908.
- ПСРЛ, т. IV. Новгородская четвертая летопись, ч. 1, вып. 1. Пг., 1915.
- ПСРЛ, т. V. Софийская Первая летопись. СПб., 1851.
- ПСРЛ, т. IX. Никоновская летопись. СПб., 1862.
- ПСРЛ, т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб., 1863.
- Правда Русская, т. 1. М.—Л., 1940, т. 2. М.—Л., 1947; т. 3. М., 1963.
- Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1941; вып. 2. М.—Л., 1955.
- Р о з о в Н Н. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. S1, 1963, № 2.
- Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950.
- Adami Bremenensis Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum. SRG us. sch. Hannoverae, 1846.
- Annales Pragenses. FRB, t. II.
- Codex diplomaticus Majons Poloniae, t. I. Poznan, 1877.
- Cosm'ae Pragensis Chronica Voemorum. FRB, t. II.
- Чешский перевод К. Грдины: Kosmova Kronika ceska Praha, 1947.
- Русский перевод Г. Э. Санчука: Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962.
- Constantine Prophyrogenitus de administrando imperio. Ed. G. Mor-avcsik. Budapest, 1949. Русский перевод: Константин Багрянородный. Об управлении империей. Известия ГАИМК, вып. 81. М.—Л., 1934.
- E r b e n К. I. Regesta diplomatica necnq epistolaria Bohemiae et Moraviae. Pars I. Praeae, 1855.
- Galli Anonymi Cronica et Gesta Ducum sive Principum Polonorum. Ed. K. Maleczynski. MPH NS, t. II. Krakow, 1953. Польский перевод Р. Гродецкого: Anonim t. zw. Gall. Krakow, 1923. Русский перевод Л. М. Поповой: Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961.
- Helmoldi Presbyteri Chronica Slavorum. SRG us sch. Hannoverae, 1868. Русский перевод Л. В. Разумовской: Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963.
- Kronika Thietmara. Poznan, 1953.
- Magistri Vincentii episcopi Cracoviensis Chronica Polonorum. Ed. A. Przedziecki. Cracoviae, 1862.
- Kurbisowna B. Dagome iudex-studium krytyczne. PPP, t. I.
- Monachi Sazaviensis Continuatio Cosmae. FRB, t. II.
- Monumenta Germaniae Historica Scriptores, t. II. Einhardi Vita Ca-roli Magni.
- MGHSS, t. III. Annales Hildesheimenses; Annales Quedlinburgenses; Annales Corbeienses.
- MGHSS, t. IV. Vita Heinrici imperatoris auctore Adalboldo.

MGHSS, t. VI. Lamberti Hersfeldensis Annales; Annalista Saxo;
 MGHSS, t. XI. Wiponis Gesta Chuonradi II;
 MGHSS, t. XIII. Genealogia Welforum;
 MGHSS, t. XIV. Gesta archiepiscoporum Magdeburgensium;
 MGHSS, t. XVI. Annales Magdeburgenses;
 MGHSS, t. XX. Annales Althahenses Maiores;
 MGHSS, t. XXI. Historia Welforum Weingartensis.
 Monumenta Poloniae Historica, t. I. Epistola Btmonis ad Henricum regem; Epitaphium Chabri Boleslai; List Matyldy do Mieczysława II. \\PH, t. II. Boguphali II episcopi posnaniensis Chronicon Poloniae cum continuatione Basconis custodis posnaniensis; Rocznik kapitulny krakowski; MPH, t. III. Spominki gnieznienskie; Rocznik Swigotkryzski; Rocznik Malopolski; Katalogi biskupow krakowskich. MPH, t. V. Annales Posnanienses I. MPH, t. VI. Brunonis vita quinque fratrum. Relacja Ibrahima ibn Jakuba z podrozy do krajow slowianskich w przekazie Al-Bekriego. MPHNS, t. I. Krakow, 1946. Sbornik staroslovanskych literarnich pamatek o sv. Vclavu a sv. Lid-mile. Praha, 1929.
 Семко\вич З. W. Rocznik tak zwany Swigotkryzski dawny. РАН, t. 53, 1910. Stumpf K. F. Acta imperii, t. III.
 Widukindi monachi corbeiensis Rerum Gestarum Saxoniarum libri tres. Ed P. Hirsch. SRG us sch. Hannoverae, 1935.
 Zrodla arabskie do dziejow slowianiszczyzny, t. I. Wyd. i oprac. T. Leicki. Wroclaw — Krakow, 1956.
 Zrodla hebrajskie do dziejow slowian i niektorych innych ludow Srod-kowej i Wschodniej Europj. Oprac. F. Kupfer. T. Lewicki. Wroclaw — Warszawa, 1956.

Литература а) на русском языке

Арци\овски и А. В. Культурное единство славян в средние века. СЭ, 1946, № 1.
 Барсов Н. П. География начальной летописи. Варшава, 1873.
 Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1873.
 Бестужев - Рюмин К. О составе русских летописей до конца XIV века СПб., 1868.
 Бестужев - Рюмин К. Русская история, т. I, ч. 2. СПб., 1872.
 Браичевски Ю. М. Об “антах” Псевдомаврикия. СЭ, 1953, № 2.
 Бродовиц П. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси. М., 1960.
 Васильевски В. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе. Труды, т. I. СПб., 1908.
 Васильевски В. Древняя торговля Киева с Регенсбургом. ЖМНП, 1888, июль.
 Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии. М., 1947.

Вилин\бахов В. Б. Балтийские славяне и Русь. SO, t. 22.
 Влодарский Б. Ятвяжская проблема в польско-русских связях X—XIII вв. Сб. “Международные связи России до XVII в.”. М., 1961.
 Вопросы формирования русской народности и нации. Сборник статей. М., 1958.
 Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города. КСИИМК, 1953, вып. 41.
 Гильфердинг А. Ф. История балтийских славян. Собр. соч., т. IV. СПб., 1874.
 Голубинский Е. История русской церкви, т. I, изд. 2. М., 1901.
 Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930.
 Грабский А. Ф. По поводу польско-византийских отношений в начале XI в. ВВ, т. XIV, 1958.
 Грацианский Н. П. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. М., 1943.
 Грегоровиус Ф. История города Рима в средние века, т. IV. СПб., 1907.
 Греков Б. Д. Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л., 1945.
 Греков Б. Д. Волжские болгары в IX—X вв. ИЗ, 1945, № 14.
 Греков Б. Д. Древнейшие судьбы Западной Украины. Избр. тр., т. II. М., 1959.
 Греков Б. Д. Киевская Русь. Избр. тр., т. II. М., 1959.
 Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., кн. I, изд. 2. М., 1952.
 Греков Б. Д. Польская Правда. Избр. тр., т. I. М., 1957.
 Григорьев С. Г. Ободритское государство и восстание славян против немецко-католического ига в 1066 г. Уч. зап. гос. ун-та, вып. 2. Серия обществ.-полит. наук. Владивосток, 1958.
 Грушевский М. История Украши—Руси, т. I. Льв1в, 1909.
 Грушевский М. История Украши — Руси, т. I. Киев, 1913.
 Державин Н. С. Славяне в древности. М., 1945.
 Добрянский А. О западных границах подкарпатской Руси со времен св. Владимира. ЖМНП, 1880, март.
 Довженок В. И. К истории земледелия у Восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси. МИЗС, т. I. М., 1952.
 Довженок В. И. Об уровне развития земледелия в Киевской Руси. ИС, 1960, № 5.
 Дьяконов А. П. Известия псевдо — Захария о древних славянах. ВДИ, 1939, № 4.
 Егоров Д. Колонизация Мекленбурга в XIII в., т. I. М., 1915.
 Иванов П. А. Исторические судьбы Волынской Земли до конца XIV в. Одесса, 1895.
 Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 г. и ее источник. М., 1957.
 История государства и права, т. I. М., 1949.
 История культуры древней Руси. Домонгольский период, т. I. М., 1948.
 История Польши, т. I, изд. 2. М., 1956.
 История русского искусства, т. I. М., 1953.
 История Чехословакии, т. I. М., 1956.
 Каждан А. П. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960.
 Каждан А. П. Современная буржуазная историография о славянских переселениях в Византию. КСИС, 1953, № 11.

- Каждая А. П., Литаврин Г. Г. Очерки истории Византии и южных славян М., 1958.
- Каждая А. П., Литаврин Г. Г., Удалцова З. В. Византия и Запад в современной буржуазной историографии. Сб. ст. "Против фальсификации истории". М., 1959.
- Карамзин Н. М. История государства Российского, т. I. СПб., 1892.
- Каргер М. К. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958.
- Кареев Н. Polonica. СПб., 1905.
- Кенне Б. Описание европейских монет X, XI и XII века, найденных в России. СПб., 1852.
- Ключевский В. О. Соч., т. I. М., 1956.
- Колесницкий Н. Ф. Исследования по истории феодального государства в Германии (IX — первая половина XII в.). М., 1959.
- Кордуба М. Захшне пограниче Галицько! Держави м!ж Карпатами та долишним Сяном. ЗНТШ, т. СXXXVIII—CXL, 1925.
- Королюк В. Д. Авары (обры) и дулебы русской летописи. АЕ за 1962 г. М., 1963.
- Королюк В. Д. Выступление на сессии советско-польских историков. КСИС, № 4—5. М., 1951.
- Королюк В. Д. Государство бодричей в правление князя Готшалка. SO, t. 22.
- Королюк В. Д. Государство Готшалка. Славянский сборник. М., 1947.
- Королюк В. Д. Древнепольское государство. М., 1957.
- Королюк В. Д. К вопросу о раннефеодальной государственности у полабо-прибалтийских славян. Сб. "Славяно-германские отношения". М., 1964.
- Королюк В. Д. Летописное сообщение о крестьянском восстании в Польше в 1037—1039 гг. Сб. ст. "Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия". М., 1952.
- Королюк В. Д. Летописные статьи о русско-польском союзе 40-х годов XI в. Славянский архив. М., 1958.
- Королюк В. Д. Некоторые общие закономерности раннефеодальной истории восточных и западных славян. КСИС, 1963, № 39.
- Королюк В. Д. Некоторые спорные и нерешенные вопросы истории славянских народов в раннефеодальный период (VII—XI вв.). КСИС, 1961, № 33—34.
- Королюк В. Д. О грамоте 1086 г. в хронике Козьмы Пражского. КСИС, 1960, № 29.
- Королюк В. Д. О последнем периоде правления Болеслава Храброго. ИЗ, № 19, 1946.
- Королюк В. Д. Русь и Польша в первые пятнадцать лет XI в. УЗИС, 1963, т. XXII.
- Королюк В. Д. Тысячелетие польского государства. ВИ, 1959, № 7.
- Королюк В. и Миллер И. О периодизации истории Польши. ВИ, 1951, № 11.
- Корсунский А. Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.
- Корсунский А. Р. О развитии феодальных отношений в готской Испании V—VII вв. СВ, 1957, т. X.
- Крालик О. Крещение Борживоя и вопрос о непрерывности старославянской литературы в Чехии. ТОДЛ, т. XIX. М.—Л., 1963.

- Крыжановский С. М. Славянский Краков. Др., т. VI, вып. 2. М., 1875.
- Лазарев В. Н. Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской (групповой портрет семейства Ярослава). ВВ, т. XV. М., 1959.
- Левченко М. В. История Византии. М.—Л., 1941.
- Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.
- Лер-Сплавинский Т. Польский язык. М., 1959.
- Линниченко И. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Киев, 1884.
- Липшиц Е. Э. Византийское крестьянство и славянская колонизация. Византийский сборник. М.—Л., 1945.
- Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры (VIII — первая половина IX в.). М.—Л., 1961.
- Липшиц Е. Э. Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии. ВДИ, 1956, № 4.
- Липшиц Е. Э. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма. ВВ, 1947, т. 1.
- Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947.
- Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1. Л., 1928; вып. 2. Л., 1930.
- Логвин Г. Украинское искусство (X—XVIII вв.). М., 1963.
- Лонгинов А. В. Червенские города. Варшава, 1885.
- Любавский М. К. История западных славян. М., 1918.
- Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955.
- Ляпушкин И. И. К вопросу о культурном единстве славян. Исследования по археологии СССР. Сб. статей в честь профессора М. И. Артамонова. Л., 1961.
- Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945.
- Мавродин В. В. Основные этапы этнического развития русского народа. ВИ, 1950, № 4.
- Мишулин А. В. Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи. ВДИ, 1939, № 1.
- Минорский В. Ф. Куда ездили древние русы? Восточные источники по истории Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964.
- Монгайт А. Л. Абу Хамид Ал-Гарнати и его путешествие в русские земли 1150—1153 гг. ИС, 1959, № 1.
- Монгайт А. Л. Археология в СССР. М., 1955.
- Мошин В. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. ТОДЛ, т. XIX. М.—Л., 1963.
- Нариси стародавней истории Украшсько! РСР. Кшв, 1957.
- Насонов А. Н. “Русская земля” и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
- Недлыз Р. Возникновение чешского государства. Славянский сборник. М., 1947.
- Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956.
- Никольский Н. К. “Повесть временных лет” как источник 23 В. Д. для Королюк

- истории начального периода русской письменности и культуры К вопросу о древнейшем русском летописании, вып. 1. Л., 1930. Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958. Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. 1. М., 1953.
- Павинский А. И. Прибалтийские славяне (исторические исследования). СПб., 1871. Пархоменко В. А. У истоков русской государственности (VIII—XI вв.). Л., 1924.
- Пашут В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость. XIII век. М., 1956. Пашут В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
- Пигулевская Н. В. Имя “рус” в сирийском источнике VI в. н. э. Сб. “Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия”. М., 1952. Пигулевская Н. В. Проблема кризиса рабовладельческого строя и генезиса феодализма. ВИ, 1956, № 9. Пичета В. И. Образование Польского государства. Славянский сборник. М., 1947.
- Пичета В. И. Славяно-византийские отношения VI—VII вв. в освещении советских историков (1917—1947). ВДИ, 1947, № 3. Потин В. М. Десятский клад денариев середины XI в. Труды Государственного Эрмитажа, т. IV. Л., 1961. Потин В. М. Находки западноевропейских монет на территории Руси и древнерусские поселения. НЭ, т. III. М., 1962. Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940.
- Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913. Пушкаревич К. А. Чехи. Историко-этнографический очерк. М.—Л., 1942.
- Равдоникас В. И.-Старая Ладога. СА, т. XII, 1950. Разумовская Л. В. Очерки по истории польских крестьян от древнейших времен до XV века. М.—Л., 1958. Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV вв. М.—Л., 1959. Регель В. О хронике Козьмы Пражского. СПб., 1890. Регель В. Учредительные грамоты Пражской епархии. Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. СПб., 1883.
- Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883. Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. I. М.—Л., 1930.
- Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1. Рыбаков Б. А. Древние русы. СА, т. XVII, 1953. Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963.
- Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948. Рыбаков Б. А. Русская эпиграфика X—XIV вв. История, фольклор, искусство славянских народов. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963. Рыбаков Б. А. Спорные вопросы образования Киевской Руси. ВИ, 1960, № 9. Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964.

- Рыськин Б. Смерды в областях немецкой колонизации XI—XIII вв. ВИ, 1948, № 3
- Седов В.В. О юго-западной группе восточнославянских племен. НАС, 1962.
- Сиротенко В. Т. Освещение славяно-византийских отношений VI—VII вв. в советской исторической науке. Уч. зап. Пермск. гос. ун-та им. А. М. Горького, 19Е9, т. 12, вып. 4.
- Слацкий К. Экономические отношения западных славян со Скандинавией и другими прибалтийскими землями в VI—XI вв. “Скандинавский сборник”, VI. Таллин, 1963.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. I. СПб., Изд. “Общественная польза”.
- Спаский И. Г. Русская монетная система. Л., 1962.
- Спицын А. А. Торговые пути Киевской Руси. Сб. “С. Ф. Плаю-нову ученики, друзья, почитатели”. СПб., 1911.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, СПб., 1895.
- Сухоминов М. И. Исследование по древней русской литературе. ОРЯС, 1908.
- Тимофеев Е. И. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X—XIII вв. СА, 1901, № 3.
- Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.
- Тихомиров М. Н. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. Славянский сборник. М., 1947.
- Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII в. М., 1955.
- Тихомиров М. Н. Начало русской историографии. ВИ, 1960, № 5.
- Тихомиров М. Н. Начало Русской земли. ВИ, 1962, № 9.
- Тихомиров М. Н. Происхождение названий “Русь” и “Русская земля”. СЭ, т. VI—VII, 1947.
- Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в., т. I. М., 1940.
- Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР, вып. 1. М., 1962.
- Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.—Л., 1941.
- Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953.
- Третьяков П. Н. Древлянские “грады”. Сб. ст. “Академику”Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия”. М., 1952.
- Третьяков П. Н. О происхождении славян. ВИ, 1953, № 11.
- Трофимова Т. А. Кривичи, вятичи и славянские племена Подне-провья. СЭ, 1946, № 1.
- Удальцов А. Д. Проблемы происхождения славян в свете современной археологии. ВИ, 1949, № 2.
- Успенский Ф. И. Первые славянские монархии на северо-западе СПб., 1872.
- Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.), т. I. Прага, 1935.
- Флоровский А. В. Чешско-русские торговые отношения X—XII вв. Сб. “Международные связи России до XVII в.”. М., 1961.
- Фортинский Ф. Я. Титмар Мерзебургский и его хроника. СПб., 1872.
- Хенниг Р. Неведомые земли, т. II. М., 1961.

- Черепнин Л. В. Исторические условия формирования русской народности и нации. Сб. "Вопросы формирования русской народности и нации". М., 1958.
- Черепнин Л. В. "Повесть временных лет", ее редакции и предшествующие ей летописные своды. ИЗ, 1948, № 25.
- Черниловский З. М. Возникновение раннефеодального государства у прибалтийских славян. М., 1959.
- Шайтан М. Э. Германия и Киев в XI в. ЛПИИАК за 1926 г., вып. 1/34. Л., 1927.
- Шаскольский И. П. Норманнская теория в современной буржуазной историографии. ИС, 1960, № 1.
- Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.
- Шахматов А. А. Повесть временных лет, т. I. Пг., 1916.
- Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
- Шекера У. М. Міжнародні зв'язки Кшвської Русі. Київ, 1963.
- Шушарин В. П. О сущности и формах современного норманизма ВИ, 1960, № 8.
- Шушарин В. П. Русско-венгерские отношения в IX в. Сб. "Международные связи России до XVII в." М., 1961.
- Шушарин В. П. Современные буржуазные историки о характере Древнерусского государства. В сб. "Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма". М., 1962.
- Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1955.
- Якобсон А. Л. Средневековый Крым. М.—Л., 1964.
- Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. До-монгольский период М., 1956.
- Янин В. Л. Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк. НЭ, т. IV. М., 1963.
- Янин В. Л., Литвин Г. Г. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха. НАС, М., 1963.

б) на иностранном языке

- Abram W. Gniezno i Magdeburg. PZ, 1949.
- Abram W. Organizacja kościoła w Polsce do połowy wieku XIII. Lwow, 1893.
- Adamus J. Polska teoria rodowa. Lodz, 1958.
- Arne T. La Suede et l'Orient. Uppsala, 1914.
- Arnold St. Geografja historyczna Polski. Warszawa, 1951.
- Arnold St. Polska za czasow Mieszka I i Bolesława Chrobrego. Warszawa, 1927.
- Arnold St. Uwagi o początkach ustroju feudalnego w Polsce. PH, 1950.
- Arnold St. Geografja historyczna Polski. Warszawa, 1951. 1959.
- Bachmann A. Studien zu Cosmas. MJOG, Bd. XXI, 1900.
- Baethgen F. Zur Geschichte der ältesten deutsch-polnischen Beziehungen. AF, t. 13, 1963.
- Balzer O. Genealogia Piastow. Krakow, 1895.
- Balzer O. O krztałtach panstw pierwotnej Słowianszczyzny Zachodniej. Pisma posmiertne, t. III, Lwow, 1937.

- B a r d a c h . J . Historja państwa i prawa Polski do połowy XV wieku. Warszawa, 1957.
- B a r n i k J . Deutsch-russische Nachbarschaft. Stuttgart, 1959. B a r t h o l d F . W . Geschichte von Rugen und Pommern. Bd. I. Hamburg, 1839. B a r t m u s s H . J . Ursachen und Triebkräfte in Entstehungsprozess des "frühfeudalen deutschen Staats". ZfG, 1962, N 7. B a u m g a r t e n N . de Le dernier mariage de Saint Vladimir. Ochr., v. XVIII. Roma, 1930. B a u m g a r t e n N . de. Saint Vladimir et la conversion de la Russie. Ochr., v. XXVII. Roma, 1932. B e u m a n n H ., S c h l e s i n g e r W . Urkundenstudien zur deutschen Ostpolitik unter Otto III. Exk I. A. f. D., 1955, N 1. B i e n i a k J . Zródło ruskie do sprawy Miesfawa. SZ, t. VIII. Warszawa — Poznań, 1963. B o b r z y n s k i H . Dzieje Polski w zarysie. Wyd 4, t. 1. Warszawa — Kraków — Lublin — Łódź — Paryż — Poznań — Wilno — Zakopane, 1927. B o g d a n o w i c z P . Geneza aktu dyplomatycznego zwanego Dago-me judex, RH, t. XXV, z. I. za 1959 r. Poniań, 1959. B o g u s l a w s k i W . Dzieje Słowian z zachodniej do połowy XIII w., t. II. Poznań, 1889; t. III, Poznań, 1892. B r a c k m a n n A . Der "Römische Erneuerungsgedanke" und seine Bedeutung für die Reichspolitik der Deutschen Kaiserzeit. SPAW, Phil.-hist. Klasse, t. XVII, 1932. B r a c k m a n n A . Kaiser Otto III und die staatliche Umgestaltung Polens und Ungarns. APAW, Jahrg. 1939, Phil.-hist. Klasse, N 1. B r a c k m a n n A . Reichspolitik und Ostpolitik im frühen Mittelalter. SPAW, Phil.-hist. Klasse, 1935, t. XXXII. Berlin, 1957. B r e t h o l z B . Geschichte Mahrens. Bd. I. Briinn, 1895. B r u s k e W . Untersuchungen zur Geschichte des Liutizenbundes. Munster — Köln, 1955. B u c z e k K . O dokumencie biskupstwa praskiego z roku 1086. RH, t. XV, z. I, 1939.
- B u c z e k K . Pierwsze biskupstwa polskie. RH, 1938. B u j a k F r . Studia nad osadnictwem Malppolski. RAH, 1905, t. 47. B u n d i l E . Poplatnost Cech f isi Nemecke. Program c. k. realneho a vyssiho gymnasia v Kladne za rok 1901. Kladne, 1901. B u l i n H . Cesko-veletske a polsko-veletske vzťahy ve druhe polovine 10 stolecia. SDPC, t. I. B u l i n H . K . otazce periodisace dejin Zapadnich Slovanu v nejstarSim období feudalismu. VPS, d. I. Praha, 1956.
- in H. 1960. Pocatky cesko-veletskeho pfatelstvi. VPS, t. IV. Praha,
- B u l i n H . Pocatky statu obodrickeho. VPS, d. IV. Praha, 1958.
- I i n H . Pocatky statu veletskeho. Pravnehistoricke studie, t. V. Praha, 1959.
- C h a l o u p e c k y V . Knize svaty Vaclav. CCH, t. XLVII, 1946—1947.
- a l o u p e c k y V . Pocatky statu ceskeho a polskeho. Dejiny lidstva, d. III. Praha, 1937.
- a l o u p e c k y V . Nemecko, Italie a obnoveni cisafstvi. Dejiny lidstva, d. III. Praha, 1937.
- a l o u p e c k y V . Prameny X stolecia. Svatovaclavsky Sbornik, t. II, c. 2. Praha, 1939.

- Chaloupecký V. Radla-Anastasius, druh Vojtechuv, organisator uherske cirkve. Bratislava, 1927. Chaloupecký V. Svaty Vojtech a slovanska liturgie. Bratislava, 1934, N1—2. Chaloupecký V. Slovanska bohosluzba v Sechach. VCAVU, 1950, N4.
- Czapkiewicz A., Lewicki T., Nosek S. Opozda-Czapkiewicz M. Skarb dirchemow arabskich z Czechowa. Warszawa — Wrocław, 1957. Cizevskij D. Anklänge an die Gumpoldslegende des hi. Vaclav in der altrussischen Legende des hi. Feodosij und das Problem der "Originalität" der slavischen mittelalterlichen Werke. Wiener Slavistisches Jahrbuch, 1950, Bd. I. Dabrowski J. Polityka Polska wobec naporu niemieckiego swiatu feudalnego na Czechy i Wegry w sredniowieczu. Wschodnia Ekspansja Niemiec w Europie Srodkowej. Zbior studiow nad tzw. niemieckim "Drang nach Osten", pod red. G. Labudy. Poznan, 1963. Dabrowski J. Studia nad poczatkami panstwa polskiego. RK, t. 34, Krakow, 1958.
- Dahlmann F. Geschichte von Dannemark. Bd. I. Hamburg, 1840. Dejiny ceske literatury, t. I. Starsi ceska literature. Praha, 1959. Dittlich Z. R. Christianity in Great-Moravia. Groningen, 1962. Donnert E. Studien zur Slawenkunde des deutschen Fruhmittelalters. WZJ Jahrgang 12, 1963. Gesellschafts-und Sprachwissenschaftliche Reihe, Hf 2/3. Dowiat J. Chrzest Polski. Warszawa, 1961. Dragán M. Koronacja Boleslawa Chrobrego. Lublin, 1925. Dvofak M. O listine papeze Jana XIII v kronice Kosmove. VKCSN. Tfida filoz.-hist.-jazykozp., r. 1899, Praha, 1900. Dvornik F. Die Benediktiner und die christianisierung Russlands. Benediktinische Monatschrift. Neue Folge, 1959, N4. Dvornik F. Les slaves, Byzance et Rome au IX siecle. Paris, 1926. Dvornik F. The slavs, their early history and civilisation. Boston, 1956. Dvornik Fr. The making of Central and Eastern Europe. London, 1949.
- Dworzaczek Wl. Genealogia. Tablice. Warszawa, 1959. Erdmann C. Forschungen zur politischen Ideenwelt des Fruhmittelalters. Berlin, 1957. Fiala Z. Dva kriticke prispevky ke starym dejinam ceskym. Sb. h. IX. Praha, 1962. Fiala Z. Vztah ceskeho statu k Nemecke Risi do pocatku 13 stoleti (podle kritiky pramenu). Sb. h., VI. Praha, 1959. Fiala Z., Tfestik D. Knazoru O. Kralika o Vaclavskych a Ludmilskych legendach. CCHist., 1964, № 4.
- Fiala Z., Tfestik D. O "korune kralu moravskych". CCHist., 1959, № 3.
- Filip J. Praveke Ceskoslovensko. Praha, 1948.
- Filipowiak W. Aus den Forschungen uber Vineta-Wollin. "Beitrage des Naturkundemuzeums Stralzund", Bd. I, 1962. Filipowiak W. Cedynia w czasach Mieszka I. Szczecin, 1959.
- Florowski A. W. Cesko-ruske obchodni styky v minulosti (X—XVIII stoleti). Praha, 1954.

- F r a h n Chr. M. Jbn Possians und anderer araben Berichte fiber- die
 Russen altere Zeit. St.-Petersburg, 1823.
- F r i e d b e r g M. Kultura polska a niemiecka, t. II. Poznan, 1946. F r i e d b e r g M. Polska terminologia chrzescianska. Poznan,
 1927. F r i t z e W. H. Probleme der abodritischen Stammes- und Reichsver-
 fassung und ihrer Entwicklung vom Stammesstaat zum Herr-
 schaftsstaat. Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe,
 Saale und Oder. ed. H. Ludat. Giessen, 1960. G e b h a r t H. Munzfunde als Quellen der Wirtschafts- und Kulturge-
 schichte im X und XI Jahrhundert. DJN, 1938, № 1. G i e y s z t o r A. Geneza panstwa polskiego w swietle nowszych badan.
 KH, 1954, № 1.
- G i e y s z t o r A. La ville slave du Haut Moyen Age centre de production artisanale de rayonnement commercial. "L'artisanat et la vie
 urbaine en Pologne medievale". KHKM, 1962, № 1—2. G i e y c z t o r A. Pocz^tki misji ruskiej biskupstwa lubuskiego. "Nasza
 Przesztosc", t. IV, 1948. G i e y s z t o r A. Przemiany ideologiczne w panstwie pierwszych Pias-
 tow a wprowadzenie chrzefcianstwa. PPP, t. II. G i e y s z t o r A. Uwagi o ksztaltowaniu sie narodowosci polskiej. Po-
 chodzenie polskiego jezyka literackiego. Wroclaw, 1956. G i e s e b r e c h t L. Wendische Geschichten aus dem Jahre 780 bis
 1182.
 Bd. II. Berlin, 1843.
- G i t e r m a n V. Geschichte Russlands. Bd. I. Zurich, 1944. G l o g e r Z. Geografja historyczna ziem dawnej Polski. Krakow, 1900.
- G o r s k i K. Polska w zlewisku Baltyku. Gdansk — Bydgoszcz, 1947. G r a b s k i A. Studia nad stosunkami polsko-ruskimi w
 poczatkach XI
 wieku. SO, 1957. G r a b s k i A. F. Uwagi w sprawie tytułu ksizgaj: Rusi Kijowskiej.
 Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego, 1956, № 2. G r o d e c k i R. Dzieje polityczne Slaska do r. 1290. "Historia Slaska",
 t. I. Krakow, 1933. G r o d e c k i R., Z a c h o r o w s k i S., D g b r o w s k i J. Dzieje Polski
 sredniowiecznej Krakow, 1926.
- G r a u s F. Dejiny venkovskeho lidu v Cechach, t. I. Praha, 1953. G r a u s Fr. Pocatky ceskeho statu a vyvoj "Statni" ideologie.
 SO,
- G r u d z i n s k i T. Boleslaw Szczodry. Zarys dziejow panowania, cz 1
 Torun, 1953. G r u d z i n s k i T. Uwagi o genezie rewolucji w Polsce za Kazimierza
 Odnowiciela. Zapiski Towarzystwa Naukowego w Toruniu, t. XVIII,
 1900.
- G u m p l o w i c z N. Pocz^tki biskupstwa krakowskiego. PH, 1907. H a v l i k L. Tri kapitoly z nejstargich cesko-polskych vztahu.
 Sl.HS,
 1• IV, 1901,
- H a v r a n e k B. Otazka existence cirkevni slovanstiny v Polsku. Sl.,
 1956, № 2. H e l l m a n n M. Grundfragen slavischer Verfassungsgeschichte des
 friihen Mittelalters. JGO, Bd. 2, H. 4, 1954. H e l l m a n n M. Herrschaftliche und genossenschaftliche Elemente in
 der mittelalterlichen Verfassungsgeschichte der Slawen. ZfG,
 1958, № 3.
- H e n s e l W. Archeologia o poczatkach miast sjowjanskich. Wroclaw — Warszawa — Krakow, 1963,

- H e n s e l W. O niektórych najdawniejszych organizacjach państwowych na ziemiach Polski. Spr. Wydz. I. PAN. 1958, № 1. H e n s e l W. Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna. Zarys kultury materialnej. Warszawa, 1956.
- H e n s e l W. The beginnings of the Polish State. Warszawa, 1960. H e n s e l W. Stara Lubeka w świetle wykopalisk PZ, 1946, № 3. H i l c z e r o w n a L. Przyczynki do handlu Polski z Rusią PA, t. I, 1951.
- Historja Polski, t. I, cz. I, pod red. H. Lowmianskiego, PWN. Historia polityczna Polski, cz. I. Encyklopedia Polska, t. V, Krakow, 1920. H o l i n k a R. K cesko-ruskim vztahum v 10 cz. I, století. Sb. BU. 1953, № 2—4. Brno, H o l t z m a n n R. Die Urkunde Heinrichs IV für Prag von Jahre 1086. A. f. D., t. VI, 1918. H r a b o v a L. K otazce vzniku a vyvoje statu u Polabskych slovanu. CCHist., 1955, № 4. H r u b y V. Puvodni hranice biskupstvi prazskeho a hranice fise ceske v 10 století. CMM, t. 50, 1926. H r u s o v s k y Fr. Boleslaw Chrabry a Slovensko. Sbornik na pocest J. Skultetyho. V Turcianskem sv. Martine, 1933. J a b l o n o w s k i A. Historia Rusi Poludniowej do upadku Rzeczypospolitej Polskiej. Krakow, 1912. J a k o b s o n R. Polska literature sredniowieczna a Czesi. Obrz^dek slowianski w Polsce. Kultura, 1953, № 6. J a z d z e w s k i K. Cmentarzysko wczesnośredniowieczne w Lutomiersku pod Lodzi\$ w świetle badan z. r. 1949. MW, t. I. Warszawa, 1951. J a z d z e w s k i K. Sprawozdanie z badan archeologicznych na cmentarzysku wczesnośredniowiecznym w Lutomierski w pow. Laskim w r. 1950. MW, t. II. Warszawa, 1952. K a l e t k a A. H. Dokument Dagome iudex w nowem oswietleniu. Poznan, 1939.
- J u n g h a n n s K. Die deutsche Stadt im Fruhfeudalismus. Berlin, 1959. K a d l e c K. Introduction a l'etude comparative de l'histoire du droit public des peuples slaves. Paris, 1933. K a l e t k a A. H. Dokument Dagome iudex w nowem oswietleniu. Poznan, 1939.
- K o c z y L. Dagome iudex, Schinesge i Awbaba. RH, t. 12, 1936. K o r z o n T. Dzieje wojen i wojskowosci w Polsce, t. I. Krakow, 1917. K o w a l e n k o W L. Staroslowianskie grody portowe na Baltyku. P7. 1950, № 5—6.
- K a l o u s e k J. O lastine cisafe Jindricha z 1086 r. CCH, 1900. K a l o u s e k J. O rozsahu fise ceske za Boleslava II. Sb. h., d. I, Praha, 1883. K a v k a K. Pfehled ceskoslovenskych dejin do pfedhusitske doby, vyd. 2. Praha, 1955. K a r l o w i c z J. Kijowska wyprawa Boleslava Chrobrego. Poznan, 1879. K e h r P. Das Erzbistum Magdeburg und die erste Organisation der christlichen Kirche in Polen. APAW, phil-hist. Klasse 1920. K e t r z y n s k i S. Kazimierz Odnowiciel. RAH, t. XXXVIII, 1892. K e t r z y n s k i S. Polska X— XI wieku. Warszawa, 1961. K g t r z y n s k i W. Przyczynki do historii Piastowczow i Polski Pias-towskiej. RAU, Wydz. hist.-filoz., t. 37, 1898. **360**

K i e r s n o w s k i R. Głowne momenty rozwoju srodkow wymiany na Pomorzu wczesnofeudalnym. WA, 1956, № 3. K i e r s n o w s k i R. Pienia.dz kmszcowy w Polsce wczesnosredniowiecznej. Warszawa, 1960.

K i e r s n o w s k i R. Pocratki pieni^dza polskiego Warszawa, 1962. K l e b e l R. Siedlungsgeschichte des deutschen Sudostens. Miinchen, 1940.

K l i c h E. Polska terminologia chrzescianska. Poznan, 1927. K l i m a Fr. Cesky knize Bfetislav I. XXII Program ces-kral. realneho a vyssiho gymnasia v Pfibrami za r. 1901—1902. Pfibram, 1902. K l i m a F. K vykladu letopisu Altasskych (1041 r.). CMM, t. XVI, 1884. K o c h J. Die mittelalterliche Kaiserpolitik im Spiegel der Burgerlichen deutschen Historiographie des XIX und XX Jahrhunderts. ZfG, H. 7, 1962. K o r d u b a M. Stosunki polsko-ukrainskie w wiekach X—XIII. Sprawy Narodowosciowe, 1933, № 6. K 6 s t e r A. Die staatlichen Beziehungen der bohmischen Herzoge und Konige zu den deutschen K^{onigen} von Otto dem Grossen bis Otto-kar II. Breslau, 1912.

K o s t r z e w s k i J. Kultura prapolska. Poznan, 1949. K o s t r z e w s k i J. Pradzieje Polski. Poznan, 1949. K r a H k O. Dobrovsky a badani o pocatcich ceskych dejin. Pocta Zdenku Nejedlemu. Olomouc, 1959.

K r a l i k O. Privilegium Moraviensis ecclesiae. Bsl, t. XXI, 1960. K r c h H. Kriticke uvahy o starsich dejinach nasich. Olomouc, 1882. K r o t o s k i K. Gall scholastyk poznanski. KH, 1899, № 4. K r z e m i e n s k a B. Polska i polacy w opinii czeskiego kronikarza Kosmasa. Zeszyty Naukowe Uniweisytetu Lodzkiego. Ser. I, z. 15, 1960. K r z e m i e n s k a B. W sprawie chronologii wyprawy Brzetislawa I na Polske. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Lodzkiego. Ser. I, z. 12, 1959. K r z e m i e n s k a B., T f e s t i k D. O dokumencie praskim z roku 1086. SZ, 1960, t. V. K u c z y n s k i S. M. Nieznany traktat polsko-ruski roku 1039. SA, t. V. Poznan, 1954—1956. K u c z y n s k i S. M. O wyprawie Wlodzimierza I ku Lachom. Spr. Wr. Tow. Nauk., t. IV, 1955. K u c z y n s k i S. M. Stosunki polsko-ruskie do schylku wieku XII, SO, 1958, № 2. K u c z y n s k i S. M. Wschodnia granica Panstwa Polskiego w X wieku (przed rokiem 980). PPP, t. I. K u t r z e b a A. Handel Polski ze Wschodem w wiekach srednich. PP, 1903. L a b u d a G. Die Anfänge des polnischen Stadtwesens im Hochmittelalter. "L'artisanat et la vie urbaine en Pologne medievale". KHKM, 1962, № 1, 2. L a b u d a G. Fragmenty dziejow Słowianszczyzny Zachodniei, t. I. Poznan, 1960. L a b u d a G. Historiograficzna analiza tzw. niemieckiego "Naporu na Wschod". Wschodnia ekspansja Niemiec w Europie Srodkowej. Poznan, 1963. L a b u d a G. Ibrahim ibn Jakub, Naistarsza relacja o Polsce w nowym wydaniu. RH, t. 16, 194/,

- L a b u d a G. Magdeburg 'i Poznan. RH, t. 14, 1938.
- L a b u d a G. Saga o Styrbjornie, jarlu v Jomsborgu. SA, t. IV. Poznan, 1954.
- L a b u d a G. Studie nad poczatkami panstwa polskiego. Poznan, 1946. L a b u d a G. Utrata Moraw przez panstwo polskie w XI wieku. SDPC, t. I. L a b u d a G. Walka o zjednoczenie Pomorza z Polska^ w X— XIV w. Pomorze sredniowieczne. Wroclaw, 1958. L a b u d a G. Z badan nad osadnictwem i ustrojem slowian polabskich. SO, t. 22. Poznan, 1962. L a b u d a G. Znaczenie prawno-polityczne dokumentu Dagome iudex. Nasza Przeszlosc, 1948, № 4.
- L a l i k T. Z zagadnien genezy miast w Polsce. PH, 1958, № 3. L e h r - S p l a w i n s k i T. Lgdzice-Ledzianie-Lachowie. Opusculo Casimiro Tymieniecki. Poznan, 1959.
- L e h r - S p l a w i n s k i T., P i w a r s k i K., W o j c i e c h o w s k i Z. Polska-Czechy. Dziesisc wiekow s^siedztwa. Katowice — Wroclaw, 1947.
- L i p p e r t J. Sozial-Geschichte Bohmens. t. I. Prag, 1896. L o d v n s k i H. Wggry lennem stolicy Apostolskiej. KH, 1910.
- L o w m i a n s k i H. Imig chrestne Mieszka I. SO, t. XIX. L o w m i a n s k i H. Ledzianie. SA, t. IV. Poznan, 1953.
- L o w m i a n s k i H. Poczatki Polski. Z dziejow Slowian w I tysigleciu n. e., t. I— II. Warszawa, 1963. L o w m i a n s k i H. Podstawy gospodarze formowania sig panstw slowianskich. Warszawa, 1953.
- L o w m i a n s k i H. Problematyka historyczna grodow czerwienskich w zwigzku z planem zespolowych badan polsko-radzieckich. KH, 1953, № i. L o w m i a n s k i H. Rola historyczna Wolynia w starozytnosci i we wczesnym sredniowieczu (отд. отд.). L' o w m i a n s k i H. Stosunki polsko-ruskie za pierwszych Piastow. PH, 1950. L o w m i a n s k i H. Zagadnienie roli Normanow w genezie panstw slowianskich. Warszawa, 1957.
- L u d a t H. Mieschkos Tributpflicht bis zur Warthe. DALV, Bd. 2, 1938. M a c i e i o w s k i W . A. Pierwotne dzieie Polski i Litwy. Warszawa, 1846. M a j e w s k i K. Importy rzymskie na ziemiach slowianskich. Wroclaw, 1949. M a l e c z y n s k i K. Dzieje Wroclawia, cz. I. Katowice — Wroclaw, 1948. M a l e c z y n s k i K. Najstarsza zachodnia granica Polski na podstawie zrodel X wieku. PPP, t. I. M a l e c z y n s k i K. Polska a Czechy w sredniowieczu. Proba rewizji pojec. Sobotka, 1947, № 2. M a l e c z y n s k i K. Polska a Czechy w latach 966—986. SDPC, t. I. Wroclaw, 1960. M a n t e u f f e l T. Panstwo polskie a papiestwo oraz ruch monastyczny na Zachodzie w X wieku. PPP, t. I.
- M a n t e u f f e l T. Rola cystersow w Polsce wieku XII. PH, t. 51, 1950. M a r q u a r t J. Ostasiatische und osteuropaische Streifzuge. Leipzig,
- M a y e r T. Grosse und Untergang des Heiligen Reiches. "Historische Zeitschrift", 1954

Meitzen A. Siedlung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slawen. Berlin, 1895, t. II. Meysztowicz W. Szkice o świętym Brunie Bonifacym. SPM, t. V, Rzym, 1958. Miskiewicz B. Studia nad obroną polskiej granicy zachodniej w okresie wczesnofeudalnym. Poznań, 1961. Mitkowski J. Pomorze Zachodnie w stosunku do Polski. Poznań, 1946. Müller L. Studien zur altrussischen Legende der Heiligen Boris und Gleb. ZfSPh., 1954, Bd. XXIII, H. 1; 1956, Bd. XXV, H. 2; 1959, Bd. XXXVII, H. 2; 1962, Bd. XXX, H. 1.

Müller-Mertens E. Das Zeitalter der Ottonen. Berlin, 1955. Natanson-Leski J. Państwo Mieszka Pierwszego. Zagadnienia terytorialne. SW, t. IV. Wrocław — Warszawa, 1958. Natanson-Leski J. Zarys granic i podziałów Polski najstarszej. Wrocław, 1953.

Niederle L. Slovanske starozitnosti. d. III, sv. I. Praha, 1921. Nejedlý Z. Stare povesti ceske. Praha, 1953.

Nohejlova-Pratova E. Kilka uwag na temat najstarszych znalezisk denarów czeskich i współczesnych znalezisk polskich. WN, 1962, № 3—4. Novák J. B. Idea císařství Římského a její vliv na počátky českého politického myšlení. CCH, 1924. Novotný V. Ceske dejiny, t. I. Praha, 1912. Ondrouch V. Nalezky keltských, antických a byzantských mincí na Slovensku. Bratislava, 1964. Palacky Fr. Dejiny narodu českého v Čechách a v Moravě. Praha, 1921.

Paszkievicz H. The origin of Russia. London, 1954. Peisker J. The expansion of the Slavs. CMH, v. II, 1913. Pekaf J. K sporu o zakladaci listiny biskupství pražského z 1086. CCH, 1904.

Pekár J. Die Wencels und Ludmila Legenden und die Echtheit Christians. Prag, 1906. Pěradzka K. Zagadnienie grodów i wczesnosredniowiecznej organizacji grodowej u Słowian północno-zachodnich. Pamiątnik słowiański, 1955, № 4.

Plézia M. Kronika Galla na tie historiografii XII w. Krakow, 1947. Polska, jej dzieje i kultura, t. I. Warszawa, 1928. Poppe A. Qrod Wotyn. SW, t. IV. Warszawa, 1958. Pospieszynska A. Mieszko II a Niemcy. RH, 1938, t. 14. Posvar J. Ceska grosova reforma a Polsko. SDPC, t. I. Wrocław, 1960.

Potkowski K. Krakow przed Piastami. RAH, t. 35, 1898. Potkowski K. Napis grobowy Bolesława Chrobrego. Pisma posmiertne, t. II. Krakow, 1929.

Potkowski K. Przywilej z 1086. KH, 1903, № 1. Poulik J. Jizni Morava-zeme davnych slovanu. Brno, 1948—1950. Poulik J. Staff Moravane buduji svoj stat. Gottvaldov, 1962. Poulik J. Staroslovanska Morava. Praha, 1948. Preidel H. Die slawische Stadt und ihre Problematik. Die Welt der Slawen. Jg. 4, H. 3. Wiesbaden, 1939.

- Preidel H. Die vor- und fruhgeschichtlichen Siedlungsraume in Bdhmen und Mahren. Mflnchen, 1953. Pfehled ceskoslovenskych dejin, d. I. Do roku 1848 (maketa). Praha, 1958. Prochaska V. Organizace kultury a kmenove zřízení polabsko-pobaltskych Slovanu. VPS, d. II. Praha, 1958. Prochaska V. Politicke zřízení polabsko-pobaltskych slovanu v zaverenem udobi rodove spolecnosti. SO, t. 22. Radomersky P. Koruna kralu moravskych. Sbornik Narodniho Muzea v Praze. Ser. A. Sv. XII, 1958, № 4—5. Rawer K. Polityczne znaczenie zjazdu gnieznienkiego z roku 1000. Sprawozd. gimn. im Franciszka Jozefa I. Lwow, 1882. Rhode G. Die Ostgrenze Polens, Bd. 1. Koln—Graz, 1955. Rhode G. Die Ostgrenze Polens im Mittelalter. ZfG, 1953, № 2. Roepell R. Geschichte Polens, Bd. I. Hamburg, 1840. Rudnicki M. Lech i Piast. SA, t. V. Poznan, 1954—1956. Sasinék Fr. Zalození biskupstvi latinskeho v Praze. Praha, 1886. Schlesinger W. Die Verfassung der Sorben. Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder, ed. H. Ludat, Giessen, 1960. Schramm P. E. Kaiser, Rom und Renovatio, Bd. I. Leipzig, — Berlin, 1929. Schwartz E. Deutsche, Tschechen und Polen — Bohemia JCC, Bd. I. Miinchen, 1960. Sczaniecki M. Głowne linie rozwoju feudalnego państwa zachodnio-pomorskiego. Czasopismo Prawno-historyczne, t. VII, z. I. Warszawa, 1955. Semkowicz W. Geograficzne podstawy Polski Chrobrego. KH, 1925. Semkowicz W. Krytyczny rozbiór dziejów polskich Jana Długosza. Krakow, 1887. Silnicki T. Początki organizacji kościoła w Polsce za Mieszka I i Bolesława Chrobrego, PPP, t. I. Skalsky G. Cesky obchod 10 a 11 století ve svetle nalezu minci. NS, t. I, Praha, 1953. Skalsky G. K dejinam mincovnictvi ceskeho a moravskeho do počátku XIII století, CMM, 1929. Skalsky G. Vyprava Bfetislava I do Polska a její význam. CNM, 1939. Krzypek J. Studia nad pierwotnym pograniczem polsko-ruskim w rejonie Wotynia a Grodow Czerwienskich. Warszawa, 1962. Srbik H. Mitteleuropa. Das Problem und die Versuche seiner Lösung in der deutschen Geschichte. Weimar, 1938. Stasinski J. De rationibus, quae inter Poloniam et imperium Romano-Germanicum Ottonum imperatorum aetate intercedebant. Berlini, 1862. Sulowski Z. Geografia dokumentu "Dagome iudex". SA, t. IV, 1953. Sulowski Z. Najstarsza granica zachodnia Polski. PZ, 1952, № 3—4. Sulowski Z. O synteze dziejów. Wielietow-Lucicow. RH, 1958, t. 24. Sv atovaclavsky sbornik vydany na pamatku 1000 vyroa smrti knizeze Vaclava Svateho, t. II. Praha, 1934—1939. Szajnócha K. Boleslaw Chrobry. Lwow, 1859. Szelagowski A. Chłopi dziedziwe we wsiach na prawie polskim do konca w. XIII. Lwow, 1913. Szelagowski A. Kwestia ruska w swietle historii. Warszawa 1911. Szelagowski A. Najstarsze drogi z Polski na Wschod w okresie bizarrzynsko — arabskim. Krakow, 1909. Szczesniak K. W. Obrzadek slowianski w Polsce pierwotnej. Warszawa, 1904. Szulski J. Dzieje Polski, t. I. Lwow, 1862. Safarik P. Slovanske starozitnosti. Praha, 1837. Tadra F. Kulturni styky Cech s cizinou az do vales husitskych. Praha, 1897. Tabaczynski S. Z badan nad wczesnosredniowiecznymi skarbami srebrnymi Wielkopolski. Warszawa—Wroclaw, 1958. Tikhomirov M. N. The origins of Christianity in Russia. History, v. XLIV, 1959. Tomek W. Dejejis mesta Prahy, d. I. Praha, 1855. Tfestik D. Kosmas a Regino. CCHist, 1960, № 4. Tymieniecki K. Dzieje Niemiec do początku ery nowozytnej. Poznan, 1948. Tymieniecki K. Państwo polskie w stosunku do Niemiec i cesarstwa sredniowiecznego w X wieku. PPP, t. I. Poznan, 1962. Tymieniecki K. Remarques sur le commencement de la vie urbaine en Pologne. L'artisanat et la vie urbaine en Pologne medievale. KHKM, 1962, № 1—2. Tymieniecki K. Widukind i Thietmar o wypadkach z r. 963 RH, t. 12, 1963. Tymieniecki K. Ziemia polskie w starozytnosci. Poznan, 1951. Vanecek V. Prvni tisilet. Praha, 1949. Vasica J. Slovanska bohosluzba v ceskych zemich. Praha, 194U. Vernadsky G. Kievan Russia. New-Haven, 1948. Voigt H. G. Adalbert von Prag. Berlin, 1898. Wlodarski B. Problem jacwinski w stosunkach polsko-ruskich. ZN, Torun, t. 24, 1959. Welter G. Histoire de Russie depuis les origines jusqu'a 1945. Paris, 1946. Widajewicz J. Niemcy wobec slowian polabskich. Poznan, 1946. Wachowski K. Slowianszczyzna Zachodnia. Poznan, 1950. Wattenbach W. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Bd. I. Berlin, 1893. Wgsowicz T. Czerwien, SSS, t. 1, cz. 2. Wegener W. Bohmen-Mahren und das Reich im Hochmittelalter. Koln—Graz, 1959. Widajewicz J. Krakow i Powaze w dokumencie biskupstwa pra-skiego r. 1086. Prace Kom. Hist. Pozn. TPN, t. XI, 1938. Widajewicz J. Państwo Wislan. Krakow, 1947. Widajewicz J. Polski obszar trybutarny w X wieku. Sobotka, 1947, № 2. Widajewicz J. Poludniowo-wschodnie kresy Polski w X—XI wieku. Poznan, 1937. Widajewicz J. Studia nad relacj o slowianach Ibrahima ibn Ja-kuba. Krakow, 1946. Widajewicz J. Weleci. Katowice, 1946. Wiedera B. Die wirtschaftliche Beziehungen zwischen Deutschland und der Kiever Rus in der ersten Halfte des XI Jahrhunderts.— Beitrage zur Geschichte der Beziehungen zwischen dem deutschen Volk und den Volkern der Sowjetunion. Berlin, 1954.

W i n t e r E. Russland und das Papsttum, t. 1 Berlin. 1960.